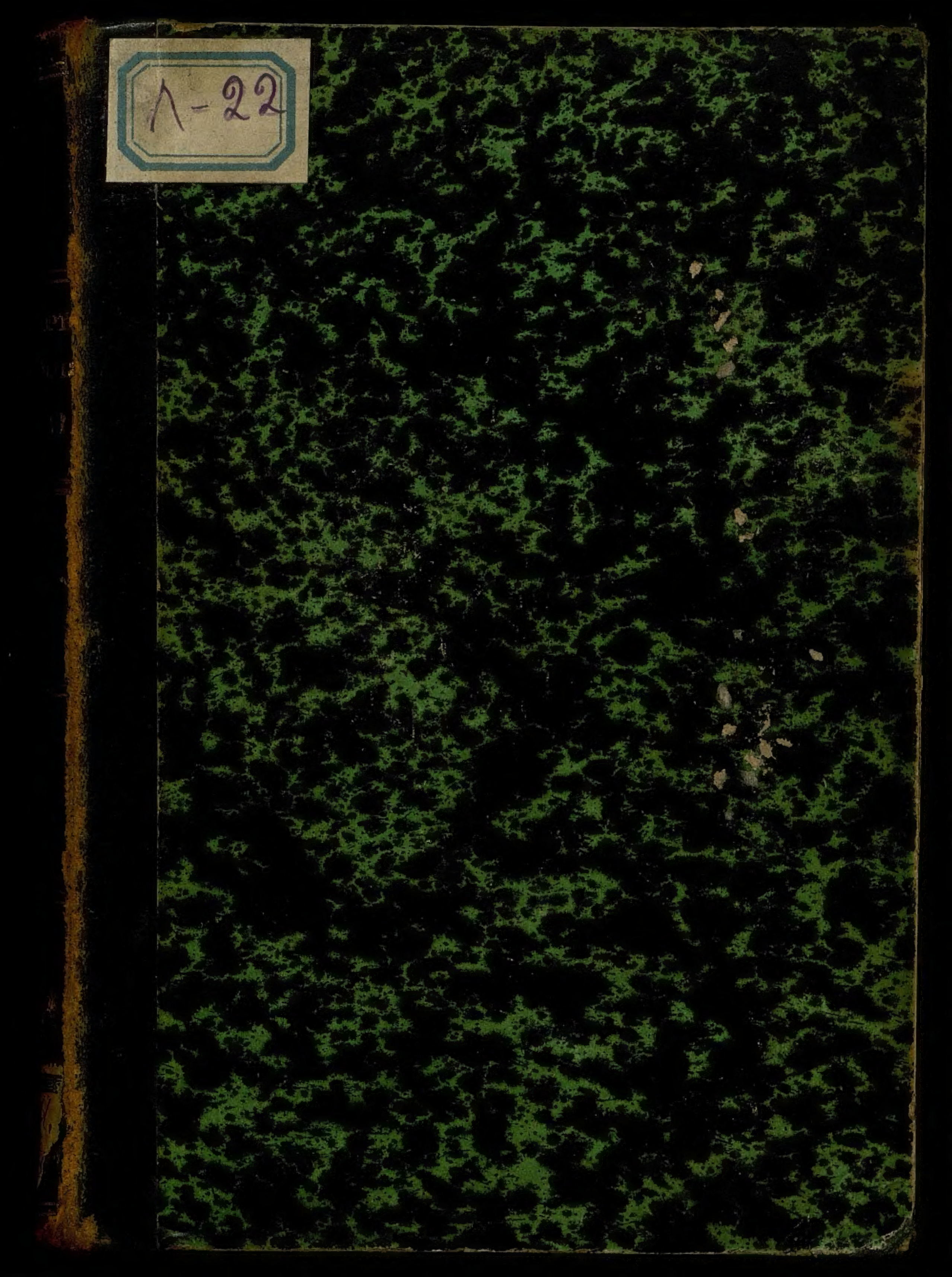


Λ-22

+

ИСТОРІЯ
НАПОЛЕОНА I.
ТОМЪ II.

ИСТОРІЯ
НАПОЛЕОНА I.

СОЧИНЕНІЕ

П. ЛАНФРЕ́.

ПЕРЕВОДЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. Афанасьева-Чужбинскаго.

ТОМЪ II.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, *Гостиный Дворъ, №№ 18, 19 и 20.*

МОСКВА, *Кузнецкій Мостъ, д. Рудакова.*

1870.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ М. О. ВОЛЬФА (СПБ., ПО ФОНТАНКѢ, № 59).

ГЛАВА I.

Конституція VIII года.

Наполеонъ разсказывалъ, что при выходѣ временныхъ консуловъ изъ перваго засѣданія, бывшаго чрезъ нѣсколько часовъ въ Люксамбурѣ послѣ возвращенія ихъ въ Парижъ, и подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ страшныхъ сцѣнъ Сенъ-Клу, — Сье воскликнулъ въ присутствіи главныхъ виновниковъ государственнаго переворота: „Господа, у васъ есть властелинъ! Бонапарте хочетъ все дѣлать, онъ умѣетъ и можетъ все дѣлать.“ Было немного поздно убѣдиться въ этомъ. Что Бонапарте дѣйствительно желалъ все дѣлать, это не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію, чему служатъ вѣрнымъ доказательствомъ событія, подготовлявшія покушеніе на народное представительство, или за нимъ послѣдовавшія; что онъ умѣлъ все дѣлать — это еще не совсѣмъ вѣрно, да и не слишкомъ правдоподобно, чтобъ Сье отдалъ когда бы то ни было ему должное уваженіе, на что не позволяли ему согласиться ни его умъ, ни его личныя претензіи. Но ни Сье и никто не имѣлъ права оспаривать, что Бонапарте могъ все дѣлать. Никогда новая власть не установлялась съ большею легкостью и не встрѣчала менѣе препятствій, потому ли, что рухнувшее правительство не оставило послѣ себя сожалѣній, или скорѣе потому, что нація, которой на-

доѣли партіи, такъ часто ее обманывавшія, и сдѣлавшись почти равнодушна къ принципамъ, къ осуществленію которыхъ постоянно стремилась, но не достигала цѣли,—что стоило ей такъ дорого, — предпочитала ввѣрить свою судьбу въ смѣлыя руки этого повелительнаго спасителя, нежели диктовать ему условія цѣною новой борьбы.

Такъ какъ общество не имѣло никакого почина въ устройствѣ новой власти, то и не имѣло никакого контроля надъ ея рѣшеніями, ибо въ этомъ и заключается естественная кара подобнаго трусливаго воздержанія. Кто не былъ въ сраженіи, тотъ лишается и добычи; тѣ, кто побѣдилъ безъ участья народа, не позаботились призвать его для раздѣла плодовъ побѣды. Хотя онъ былъ и униженъ немного этимъ заслуженнымъ ничтожествомъ, однако рѣшился принять всѣ его послѣдствія. Это бездѣйственное пассивное положеніе — плодъ скептицизма и робости у образованныхъ классовъ,—у другихъ произошло отъ безграничнаго довѣрія, которое внушено имъ было именемъ Бонапарте. Но сколько первые, привыкшіе участвовать въ дѣлахъ, располагать вліяніемъ, видѣть вещи вблизи, имѣли мало обольщеній и не скрывали отъ себя жертвъ, которыми нужно было купить обѣщанную имъ прочность порядка; на столько вторые, не имѣвшіе даже понятія о политическихъ гарантіяхъ, хотя страстно привязанные къ своимъ соціальнымъ завоеваніямъ, мало разумѣли смыслъ и значеніе утвержденія, которое они дали актамъ, совершеннымъ безъ ихъ участія. Въ глазахъ огромнаго большинства народа, генералъ Бонапарте былъ представителемъ революціи; дѣйствительно, нельзя было тогда сомнѣваться, чтобъ онъ твердо не рѣшился поддерживать ея великихъ уравнивающихъ интересовъ, которые единственно вмѣстѣ съ интересами славы нашихъ армій были еще дороги этой военной демократіи. Классъ этотъ, будучи расположенъ слиться съ нимъ, видѣть въ немъ солдата-трибуна, видѣть въ его власти освященіе собственнаго вліянія и бо-

лѣе жадный къ власти, нежели къ свободѣ, дешево цѣнилъ самые возвышенные принципы революціи, не замѣчая, по своей неопытности, что, оставляя одни, онъ насильно вредитъ другимъ.

Это двойное расположеніе скептическаго смиренія сверху и восторженнаго довѣрія снизу создавало для Бонапарте неодолимо-крѣпкое положеніе. Франція, такъ сказать, отдалась ему въ руки. Съ распущеніемъ Совѣта Пяти-Сотъ, вся оппозиція уничтожилась немедленно; самыя партіи молчали, оставаясь въ выжидательномъ положеніи въ присутствіи миротворца, назначеннаго съ общаго согласія. Между ними какъ бы существовалъ родъ безмолвнаго уговора принять безпрекословно беззаконное начало новой власти и судить о ней лишь по ея будущимъ дѣйствіямъ. Этотъ родъ мгновеннаго обезоруженія былъ до такой степени всеобщимъ, что единственный сохранившійся протестъ противъ 18 брюмэра былъ сдѣланъ не отъ имени партіи, но во имя закона. Человѣкъ, вышедшій въ тотъ день изъ мрака и погрузившійся въ него тотчасъ же, чтобъ болѣе изъ него неявляться, словно разсудивъ, что этимъ актомъ достаточно наполнить и почтить жизнь, нѣкто Барнабѐ, президентъ уголовнаго трибунала въ Йонѣ, одинъ возвысилъ свой голосъ среди всеобщаго молчанія и во имя нарушеній Конституціи воспротивился принять законъ 19 брюмэра. Разумѣется, консульскимъ указомъ, этотъ отважный гражданинъ былъ отрѣшенъ отъ должности и сосланъ въ Орлеанъ, какъ ослушникъ, и избѣгнулъ болѣе суровой кары по оригинальности своего поступка, который долженъ былъ остаться безъ подражателя.

Къ преимуществамъ, предоставленнымъ Бонапарте этимъ неоспоримымъ всевластіемъ, онъ присоединялъ еще и то, что не внушалъ никому непримиримой неприязни, какая неизбѣжно выпадаетъ на долю большинства людей, возвышающихся вслѣдствіе гражданскихъ раздоровъ. Хотя въ различ-

ныя времена онъ дѣятельно вмѣшивался въ борьбу партій, но вмѣшательство его было такъ искусно скрыто, что не компрометировало его ни предъ одною изъ нихъ, а продолжительное отсутствіе его во время Египетской экспедиціи отлично послужило ему въ этомъ отношеніи, дѣлая его чуждымъ этихъ раздѣленій, бывшихъ отчасти его собственнымъ дѣломъ. Онъ предоставилъ партіямъ уничтожаться самимъ собою, потомъ впервые появился среди ихъ, когда онѣ начали разлагаться, и повидимому собиралъ плоды ихъ неудачъ, не сдѣлавъ почти ничего для ихъ разстройства. Вотъ причина почему послѣ первыхъ моментовъ оцѣпенѣнія и раздраженія, онѣ сохраняли относительно его нейтралитетъ. Итакъ ему не предстояло ни побѣждать партій, ни удовлетворять мщенія, ни обуздывать ненависти, однимъ словомъ не предстояло этихъ неизбѣжныхъ обстоятельствъ, которыя, въ видѣ неумолимыхъ Немезидъ, привязываются къ человѣку, захватывающему власть при подобныхъ условіяхъ, и принуждаютъ его захватывать безпрерывно для того, чтобъ не утратить похищеннаго прежде, и уничтожать, чтобъ самому не быть уничтожену.

Не опасаясь ничего подобнаго, въ виду единодушнаго согласія, встрѣтившаго первыя его дѣйствія, генералъ Бонапарте находилъ въ самыхъ элементахъ этого единственнаго положенія яснѣйшее указаніе на великую роль, ему предстоявшую. Будучи въ состояніи не страшиться никакого соперничества, вооруженный властью, которой ничто не могло противустоять, онъ зналъ, что отъ него зависѣло принять на себя роль самовластнаго повелителя, вытекавшую, повидимому, изъ согласія самихъ противниковъ. Исправить вредъ, причиненный столькими раздорами, подчинить общему закону партіи, привыкшія бороться съ помощью диктатуры, удовлетворить великіе принципы и великіе интересы французской революціи и обезпечить ихъ прочными и продолжительными учрежденіями—вотъ обязанность, къ которой все

его призывало, и никогда не было ничего достойнѣе для честолюбія геніальнаго человѣка. Высокое мѣсто, ему предоставленное, необходимость для всѣхъ въ его военныхъ способностяхъ, удивленіе къ нему, всеобщее почти согласіе, такъ сказать, предупреждавшее всѣ его дѣйствія, — достаточны были ему для обезпеченія порядка и вмѣстѣ для поддержанія собственной власти:—и не естественно ли послѣ этого, чтобъ къ славѣ великаго полководца онъ хотѣлъ присоединить и славу основателя свободы? Дѣло это было относительно легко, ибо всѣ желанія взывали къ его осуществленію. Какъ бы ни было, но Франція жаждала тогда прочнаго и правильнаго порядка вещей; она не хотѣла произвола. Даже самые дѣятельные сиоспѣшники 18 брюмэра не желали, чтобъ диктатура продолжалась долѣе того времени, какое нужно было для осуществленія условныхъ измѣненій въ Конституціи.

Но изъ всѣхъ обольщеній самое тщетное—это вѣра, что власть, захваченная обманомъ и насиліемъ, можетъ добровольно вступить на путь справедливости. Еслибы Наполеонъ дѣйствительно былъ преданъ общественному благу, онъ никогда не прибѣгнулъ бы къ подобнымъ средствамъ. Легковѣріе народовъ, вторящее въ этомъ случаѣ ихъ слабости, легко принимаетъ эти внезапные перевороты, вслѣдствіе которыхъ льстятъ себя надеждою, что добро можетъ проистечь изъ зла и захватъ власти измѣниться въ благодѣтельное правительство, но исторія опровергаетъ здѣсь обыкновенное мнѣніе, и конечно дѣлаетъ хорошо, что не соглашается на это происхожденіе добра чрезъ зло, на это смѣшеніе преступленія съ добродѣтелью. Нація, простирающая любовь къ спокойствію до такой степени, что, не задумавшись, сваливаетъ на одного человѣка бремя своихъ обязанностей и своей отвѣтственности, всегда несетъ за это кару. Что касается генерала Бонапарте, то невозможно отрицать, что неисчерпаемое благоволеніе, встрѣченное имъ и у людей,

которые его окружали, и у самого народа, не играло важной роли въ непомѣрной власти, которую онъ себѣ присвоилъ, ни въ ошибкахъ, въ которыхъ справедливо упрекаетъ его исторія. Это отреченіе всего народа было тѣмъ менѣе извинительно, что отвлеченныя понятія о мнѣніяхъ и характерѣ Бонапарте, карьера его, совершавшаяся до тѣхъ поръ въ лагеряхъ, среди всевозможныхъ злоупотребленій силы, говорила ясно, какихъ идей и пріемовъ можно было ожидать отъ него относительно управленія. Онъ могъ внести въ отправленіе власти только вкусы, пріемы, способъ смотрѣть на вещи и дѣйствовать, развитые въ немъ предшествовавшею жизнью, только привычки военнаго командованія, формы дисциплины и лагернаго устройства. И хотя въ особенности сперва Бонапарте часто изъ разсчета искалъ случая отдать должную дань принципамъ гражданскаго правительства, въ отвѣтъ на возраженіе, которое, какъ онъ полагалъ, само собою должно было представляться разсудительнымъ людямъ, однакоже концепція власти была въ немъ неискоренима и истекала изъ самой его натуры. Даже уроки несчастья не могли его ничему научить въ этомъ отношеніи; чрезъ много лѣтъ въ бесѣдахъ своихъ на островѣ св. Елены вопреки комедіи раскаявшагося деспота, которую онъ разыгрывалъ тогда для потомства, намекая на слабое ему сопротивленіе Сье въ ту эпоху, онъ еще говорилъ съ бо́льшимъ, нежели когда нибудь, убѣжденіемъ: „Если хорошенько разсудить, то для того чтобъ управлять необходимо быть военнымъ. Управляютъ только шпорами и сапогами [1]).

Однако же, не смотря на какое-то предопредѣленіе, къ которому его привязывало, повидимому, его прошедшее, и на его наклонности *не принять мѣръ*, отъ которыхъ не легко было остеречься, многія изъ первоначальныхъ дѣйствій Бонапарте какъ бы обнаруживаютъ въ немъ болѣе

---

[1]) Ласказъ. *Меморіалъ*. *Прим. автора.*

возвышенное мнѣніе объ обязанностяхъ, налагаемыхъ на него столь важными обстоятельствами. Нѣтъ сомнѣнія, что эта роль миротворца республики и посредника между партіями приходила ему въ голову, что онъ чувствовалъ ея величіе, и прежде нежели отдаться водовороту честолюбія, его соблазняла картина болѣе возвышенной судьбы и менѣе гибельной славы какъ для него лично, такъ и для его родины. Имя Уашингтона было слишкомъ извѣстно въ мірѣ, чтобъ быть увѣрену, что не покинутъ и не позабудутъ того, кто пошелъ бы по его слѣдамъ хоть издали. Начальныя дѣйствія консульства, очевидно, доказываютъ, что если Бонапарте не былъ на столько безкорыстенъ и великодушенъ, чтобъ рѣшительно вступить на эту дорогу, то по крайней мѣрѣ нельзя сказать, чтобъ онъ не понималъ, что тамъ было его настоящее историческое призваніе и чтобъ онъ не пытался нѣсколько разъ присвоивать себѣ наружныя формы роли, исполнять которой ему не хотѣлось. Послѣдняя заботливость сквозитъ во всѣхъ его словахъ той эпохи. Только и слышно было: „Нѣтъ больше раздѣленій, нѣтъ больше партій, нѣтъ больше ненависти! Мы образуемъ новую эпоху. Нѣтъ больше ни якобинцевъ, ни умѣренныхъ, ни террористовъ, а есть одни только французы. 18-е брюмэра не было днемъ партій, но совершилось для республики и республиканцевъ.“ Увѣренія эти не только безпрерывно исходили изъ устъ Бонапарте, но ежедневно повторялись его главными представителями—Фуше въ Парижѣ, Ланномъ въ Тулузѣ, гдѣ боялись возстанія.

Въ то же время многія его мѣры были внушены этими чувствами; онѣ носили на себѣ неоспоримый характеръ заглады и безпристрастья. Онъ отмѣнилъ *законъ заложничества*,—мѣра жестокая и вмѣстѣ грабительская, принятая умиравшею Директоріею, наполнившая государственныя тюрьмы тысячами невинныхъ, отвѣчавшими состояніемъ и свободою за мятежъ, въ которомъ ихъ подозрѣвали. Бонапарте самъ

отправился въ Тампль, объявилъ заключеннымъ свободу и велѣлъ отворить дверь тюрьмы. Онъ велѣлъ отмѣнить декретъ о принудительномъ прогрессивномъ займѣ, распоряженіи не только несправедливомъ, но противномъ всѣмъ принципамъ политической экономіи, служившемъ дополненіемъ *закону о заложничествѣ*, вышедшемъ изъ одного источника съ послѣднимъ и помогавшемъ правительству поражать налогомъ классы или индивидуумы, казавшіеся ему подозрительными.

Годенъ, значительно способствовавшій отмѣнѣ послѣдней мѣры, тотчасъ же занялся новымъ устройствомъ финансовъ. Другимъ указомъ [2]) дозволялось возвратиться въ отечество бóльшей части сосланныхъ послѣ роковаго дня 18 фруктидора, котораго Бонапарте былъ главнымъ двигателемъ: — заглада во всякомъ случаѣ недостаточная и запоздалая, ибо она не могла вызвать изъ гроба столько честныхъ гражданъ, которыхъ убилъ климатъ Гвіаны. Къ этому акту справедливости примѣшались, впрочемъ, исключенія, отравившія чистоту его: если продолженіе кары могло быть оправдано относительно Пишегрю, то относительно Обри [3]) оно могло объясниться только чувствами личной ненависти, существованіе которой послѣ столькихъ лѣтъ незаслуженнаго мученія съ одной стороны и послѣ чудесныхъ успѣховъ съ другой,—уже само на себѣ обнаруживало мелочную и жестокую душу. Наконецъ, не касаясь драконовскаго закона объ эмигрантахъ во время первыхъ попытокъ еще не окрѣпшей власти временнаго консульства, онъ выказалъ относительно ихъ самое кроткое расположеніе; онъ предписалъ своимъ агентамъ смотрѣть сквозь пальцы на возвращеніе во Францію тѣхъ, которые будутъ держаться покойно; онъ фор-

---

[2]) Отъ 23-го декабря 1799 г. *Прим. автора.*

[3]) Обри удалось убѣжать изъ Кайены, и онъ умеръ въ Англіи въ 1802 г. *Прим. перев.*

мально исключилъ изъ списка лицъ, состоявшихъ въ конституціонномъ собраніи; онъ объявилъ непричастными къ дѣлу тѣхъ, которые вступали во Францію, спасаясь отъ смерти, гонимые непреодолимою силою, какъ лица, потерпѣвшія крушеніе въ Кале, и жизнь которыхъ такъ долго оспаривало общественное участье у неумолимаго закона. Относительно духовенства Бонапарте питалъ намѣренія, твердо рѣшенныя еще во время пребыванія въ Италіи, и которыя незадолго приняли неожиданное развитіе. Онъ началъ съ того, что освободилъ большое количество неприсягавшихъ поповъ, содержавшихся еще на островахъ Ре и Олеронѣ.

Дѣйствія эти, въ которыхъ нельзя не признать ни справедливости, ни благоразумія, обѣщали, повидимому, правительство выше страстей и духа партій, и тѣмъ болѣе прочное, что, подчиняя личные интересы интересамъ общественнымъ, оно сливалось нѣкоторымъ образомъ съ обществомъ; но вскорѣ это обольщеніе допускалось только для тѣхъ, кто хотѣлъ вѣрить ему во что бы то ни стало. Когда онъ говорилъ при всякомъ случаѣ о примиреніи, успокоеніи, забвеніи, когда проповѣдовалъ о пожертвованіи взаимныхъ ненавистей между партіями, онъ разсчитывалъ, чтобъ ему самому ихъ пожертвовали, и мысль эта, совершенно эгоистическая, обнаруживается съ тѣхъ поръ не только въ мѣрахъ, характеръ которыхъ не оставляетъ ни малѣйшаго мѣста сомнѣнію, но и въ только что представленныхъ дѣйствіяхъ, повидимому столь безкорыстныхъ. Нетрудно было въ нихъ открыть неизмѣнный разсчетъ власти, полагавшейся лишь на себя. Они были облечены въ неограниченныя формы, несовмѣстныя съ условіями ширины и общности, которыя однѣ придаютъ закону величественный его характеръ. Издавая указъ о возвращеніи фруктидорскихъ изгнанниковъ, Бонапарте предоставилъ себѣ произволъ означать ихъ, что уже перемѣняло право на милость, и дозволяло ему распространить эту милость на тѣхъ, кто представлялъ достаточное

обезпеченіе въ покорности; ободряя прибытіе эмигрантовъ, онъ принялъ относительно ихъ тѣ же мѣры предосторожности; освобождая заключенныхъ поповъ, онъ требовалъ отъ нихъ, не какъ дѣлалось до тѣхъ поръ, отреченія отъ нѣкоторыхъ абстрактныхъ принциповъ, освященныхъ присягою гражданской конституціи духовенства, но просто клятвы въ вѣрности. Ему мало было нужды, какіе принципы кто сохранялъ въ глубинѣ души, лишь бы склонялись безпрекословно предъ его особою и предъ его властью.

Классы, къ которымъ собственно относились эти мѣры, болѣе всѣхъ пострадали въ волненіяхъ революціи, и которыхъ именно вслѣдствіе ихъ страданій Бонапарте считалъ наиболѣе расположенными согласоваться съ его правленіемъ. Но ударъ, которымъ онъ поразилъ республиканскую партію въ ту самую минуту, когда оказывалъ благосклонность побѣжденной революціи, показалъ, какъ онъ былъ далекъ отъ духа умѣренности и безпристрастія, которымъ, по его словамъ, онъ воодушевлялся, и какъ онъ мало заботился быть справедливымъ относительно тѣхъ, кого болѣе не надѣялся привлечь на свою сторону. Черезъ три дня послѣ отмѣны закона о заложничествѣ 25-го брюмэра (16-го ноября 1799 г.), появился декретъ объ изгнаніи. Что такое произошло? Ничего. Въ Парижѣ не было тѣни движенія; въ немъ не слышалось даже шепота мнѣнія. Подъ предлогомъ поддержанія общественнаго спокойствія, которое, со времени государственнаго переворота, не было возмущено ни на одну минуту, временные консулы осудили тридцать семь человѣкъ на ссылку въ Гвіяну, а двадцать два другихъ были присуждены къ заключенію на островѣ Ре. Нѣкоторыя изъ этихъ личностей отличались въ революцію восторженностью мнѣній, другія извѣстны были своими страшными подвигами, но большая часть изъ нихъ не совершила другаго преступленія, кромѣ того что выказывала сопротивленіе намѣреніямъ Бонапарте въ знаменитые два дня брюмэра. Противъ

нѣкоторыхъ невозможно даже представить предлога, ибо они были въ отсутствіи или занимали различныя должности, какъ генералъ-адъютантъ Жорри или чиновникъ Одуенъ, которыхъ выставить на общественное мщеніе могла одна лишь личная ненависть. Чтобъ вѣрнѣе погубить отважныхъ депутатовъ, которые въ Совѣтѣ Пяти-Сотъ вооружились противъ него, Бонапарте къ ихъ безупречнымъ именамъ примѣшалъ имена, выбранныя въ самомъ низшемъ классѣ демагогіи, возбуждавшія вмѣстѣ ужасъ и отвращеніе. Люди, покрытые заслуженнымъ позоромъ, какъ Фурнье–Американецъ, Журдёль, Мэнье, коварно были поставлены рядомъ съ такими личностями, какъ Гранмэзонъ, Дестремъ, Пулленъ-Грандирѐ, Дельбрель, Тало — честными гражданами, которыхъ боялись любви къ свободѣ и твердаго характера. Но каково бы ни было ихъ прошедшее, виновно или невинное, если они не всѣ были оправданы передъ исторіею, то всѣ равно включены въ амнистію. Продолжительная ссылка поставила ихъ подъ покровительство общества. Нѣтъ ни одного факта, въ которомъ можно бы было упрекнуть ихъ со времени учрежденія новаго правительства. Имъ вмѣнили въ вину мнимыя ихъ намѣренія, а кто же имѣетъ право наказывать за намѣренія?

Въ этомъ спискѣ встрѣчается имя, блескъ котораго затмѣваетъ прочія, и котораго репутація гражданскихъ и военныхъ доблестей служитъ мѣриломъ совѣстливости тѣхъ, кто хотѣлъ обезчестить его. Это генералъ Журданъ, побѣдитель при Гайнау [4]), товарищъ Моро, знаменитый ветеранъ, несшій съ начала революціи на себѣ тягость войны на Мёзѣ и

---

[4]) Городъ въ Бельгіи, который французы называютъ *Fleurus*. Онъ замѣчателенъ нѣсколькими сраженіями. Здѣсь 26-го іюня 1794 г. (8-го мессидора 11 г.) Журданъ разбилъ имперцевъ подъ начальствоуъ принца Кобургскаго. Вслѣдствіе этого Бельгія была присоединена къ Франціи. Въ этомъ сраженіи въ первый разъ получило примѣненіе употребленіе аэростатовъ. *Прим. перев.*

на Рейнѣ. Вся вина Журдана заключалась въ томъ, что онъ отказался принять предложенія Бонапарте по возвращеніи послѣдняго изъ Египта; и вина эта показалась Наполеону достаточною, чтобъ сослать одного изъ знаменитѣйшихъ своихъ собратовъ по оружію. Но эта несправедливость вызвала такое негодованіе даже у тѣхъ, кто утверждалъ декретъ, что на другой же день имя Журдана было вычеркнуто. Бонапарте написалъ къ нему, прося „не сомнѣваться въ его дружбѣ, и выразилъ желаніе видѣть постоянно побѣдителя при Гайнау на пути, ведущемъ къ благоустройству, къ истинной свободѣ и къ счастью"; но это лицемѣрное увѣреніе не изгладило умышленнаго коварства, смѣшавшаго имена генерала Журдана и Фурнье-Американца. Самая мѣра была принята публикою съ знаменательною холодностью, хотя публика не осмѣливалась порицать ее открыто, ибо не имѣла уже достаточно энергіи, чтобъ громко заявлять свое неудовольствіе. Хотя, впрочемъ, это негодованіе было и нѣмое, однако оно придавало вѣсу заявленіямъ индивидуальнымъ; генералъ Бонапарте еще достаточно нуждался въ популярности, чтобъ не стараться щадить общественное мнѣніе и внимательно изучать его впечатлѣнія. Онъ былъ пораженъ урокомъ, заключавшимся въ изумленіи или робкой цензурѣ однихъ и въ неблагопріятномъ молчаньи другихъ, и наказаніе замѣнилъ отдачею подъ надзоръ высшей полиціи. О смягченіи этой мѣры, какъ и о другихъ обстоятельствахъ своей жизни, онъ оставилъ впослѣдствіи два совершенно разнорѣчивыя свидѣтельства: въ одномъ [5]) онъ увѣряетъ, что эта замѣна наказанія была съ его стороны долею уваженія могуществу общественнаго мнѣнія, утверждая въ другомъ [6]),

---

[5]) *Меморіалъ* Ласказа. *Прим. автора.*

[6]) *Записка*, диктованная Гурго *) *Прим. автора.*

*) Бывшій ординарецъ Наполеона I, сопровождавшій потомъ его на островъ св. Елены. *Прим. перев.*

что самый указъ о ссылкѣ былъ не болѣе какъ заготовленный нарочно, чтобъ испугать его враговъ, и который не долженствовалъ быть приведенъ въ исполненіе. Но обѣ эти цитаты, столь разнорѣчивыя относительно одного и того же события, доказываютъ только, какъ мало онъ заботился объ истинѣ, а старался поражать воображеніе современниковъ, и драпировался въ виду исторіи.

По захватѣ власти, первая мысль Бонапарте была объ арміи, что и весьма естественно у человѣка, который всѣмъ былъ обязанъ своей шпагѣ, и политическая система котораго была въ сущности не болѣе какъ военнымъ управленіемъ. При томъ же армія перемѣнила уже роль орудія на роль главной пружины государства, и значеніе ея усиливалось. Сперва надо было привлечь на свою сторону начальниковъ. Большая ихъ часть, находившаяся въ Парижѣ, принадлежала къ числу его содѣятелей по 18 брюмэра. Изъ троихъ генераловъ, отказавшихъ ему въ содѣйствіи, Журданъ получилъ предостереженіе, уничтожавшее его, Ожеро старался войдти въ милость цѣною полной покорности. Бернадоттъ держалъ себя осторожно, находя покровительство въ родствѣ своемъ съ Іосифомъ противъ злобы Наполеона Изъ командовавшихъ внѣ Парижа, Шампіонне тотчасъ прислалъ свое согласіе; Брюно, первымъ движеніемъ котораго было вести голландскую армію [7]) и бросить свою шпагу на вѣсы, немедленно почти раскаялся и поспѣшилъ поздравить *знаменитаго героя.* Расположеніе Массены казалось болѣе сомнительнымъ. Превосходный этотъ генералъ спасъ Францію удивительною своею цюрихскою кампаніею, когда Бонапарте возвратился изъ Египта. Въ минуту все было забыто. Можно сказать, что относительно заслугъ, народы болѣе цѣнятъ излишество, нежели необходимость. Героическіе труды Цюриха были уничтожены въ одинъ день блестящею фан-

---

[7]) *Записки* Міо Мелито. *Прим. автора.*

тасмагоріею Абукира; о Массенѣ болѣе не говорили, спасителемъ былъ Бонапарте. При томъ послѣдній не переставалъ повторять въ различныхъ манифестахъ, что диктатура его была необходима для удаленія непріятеля, угрожавшаго нашимъ границамъ, для возвращенія униженнымъ арміямъ нашимъ прежняго обаянія, и какъ ни ложны были эти увѣренія, но они до такой степени приняты были всѣми, что существуютъ еще и понынѣ относительно историческаго заблужденія. Естественно предполагать, что Массена тѣмъ менѣе былъ нечувствителенъ къ этой несправедливости, что чувства его къ Бонапарте скорѣе имѣли характеръ уступчивости, нежели симпатіи. Въ предупрежденіе съ его стороны всякаго дурнаго умысла, его поспѣшили оторвать отъ швейцарской арміи, покрытой имъ славою въ продолженіе одной кампаніи, и ввѣрили начальство надъ арміею итальянскою, преданною Бонапарте, и которая, будучи значительно уменьшена и поставлена въ оборонительное положеніе, съ трудомъ держалась на своихъ позиціяхъ вдоль берега Ниццы и Генуи.

Швейцарская армія, присоединенная къ Рейнской, которой она составляла правый флангъ, отошла подъ начальство Моро. Генералъ этотъ, устыдясь роли, игранной имъ въ брюмэрѣ, и будучи недоволенъ слѣдствіями государственнаго переворота, съ радостью ухватился за случай возвыситься и снова появиться на театрѣ, болѣе ему подобавшемъ. Египетскою арміею командовалъ Клеберъ. Здѣсь многому надо удивляться. Бонапарте было извѣстно расположеніе къ нему Клебера, потому что переписка этого генерала съ Директоріею попала къ нему въ руки. Онъ прочелъ въ ней съ досадою, которая и чрезъ много лѣтъ была такъ же сильна, какъ и въ первый день, горькія и весьма справедливыя жалобы, порожденныя его внезапнымъ отъѣздомъ, живую картину отчаяннаго положенія, въ которое онъ поставилъ своихъ товарищей по оружію, наконецъ всевозможныя свидѣ-

тельства о печальной участи арміи. Непосредственно почти по ознакомленіи съ этимъ правдивымъ, печальнымъ разсказомъ, обвиненный, превратясь въ судью, написалъ прокламацію къ восточной арміи, для заявленія ей, „что мысленно онъ всегда находился съ нею. Солдаты! прибавилъ онъ:—*оказывайте Клеберу то безграничное довѣріе какое оказывали мнѣ,—онъ его заслуживаетъ*“ (2-го декабря 1799 г.). Черезъ двѣ недѣли онъ писалъ самому Клеберу, чтобъ ободрить его и увѣдомить о будущемъ открытіи кампаніи въ Европѣ. „Зачѣмъ такъ суждено, говорилъ онъ:—что люди, подобные вамъ, не могутъ находиться на разныхъ мѣстахъ въ одно и то же время?“

При видѣ такого самопожертвованія этой пылкой и гордой души, вы не можете не чувствовать удивленія. Дѣйствительно, Бонапарте зналъ лучше всѣхъ, на сколько были основательны упреки Клебера, и можно подумать, что сердце его, успокоенное великими результатами, достигнутыми консуломъ, цѣною забытыхъ уже ошибокъ генерала, вознеслось въ этомъ случаѣ на высоту добродѣтели древнихъ, жертвуя личными неудовольствіями справедливости и уваженію, которыхъ заслуживалъ благородный характеръ Клебера. Но болѣе внимательное наблюденіе показываетъ, что въ этомъ случаѣ, какъ и при многихъ обстоятельствахъ своей жизни, Бонапарте дѣйствовалъ не изъ великодушія, а изъ разсчета.

Самый важный фактъ въ депешѣ Клебера Директоріи—это необходимость, по его словамъ, договора объ очищеніи Египта. Бонапарте впослѣдствіи отрицалъ, съ невѣроятною ѣдкостью, эту необходимость, заявленную Клеберомъ, и называя ложными приводимыя для этого основанія, и большая часть историковъ приняла безусловно эти увѣренія. Если дѣйствительно онъ думалъ подобнымъ образомъ, если считалъ возможнымъ сохранить это завоеваніе, отъ него зависѣло спасти его, заявивъ Клеберу свою волю, или смѣнивъ

этого генерала. Теперь какимъ же образомъ объяснить, что Бонапарте, достигнувъ высшей власти, не только удерживалъ Клебера на посту главнокомандующаго, на которомъ тотъ легко могъ быть замѣненъ Дезэ, не только осыпалъ его похвалами, будучи на это весьма скупъ; но во всѣхъ своихъ сношеніяхъ съ нимъ ни однимъ словомъ не старается отвратить его отъ гибельнаго въ глазахъ его намѣренія очистить Египетъ, когда было достаточно одного мановенія, чтобъ помѣшать ему. Напрасно искали бы вы, не говоря уже о приказаніи, но какого нибудь совѣта, намека, которые объяснили бы Клеберу настоящія желанія консула или дали ему почувствовать, что онъ встрѣтитъ несогласіе. Скажемъ болѣе: когда послѣ побѣды при Даміеттѣ и наканунѣ побѣды при Галіополисѣ, Бонапарте считалъ ненавистное ему очищеніе совершившимся, онъ обращается къ нему только съ похвалами, поздравляетъ его съ славными подвигами, радуется его возвращенію и умѣнью его поддержать славу французскаго имени (19-го апрѣля 1800 г.). Разъясненіе этой странной загадки находится въ Меморіалѣ: „Еслибы Клеберъ очистилъ Египетъ, говоритъ тамъ Наполеонъ: — я не преминулъ бы отдать его подъ судъ. Всѣ бумаги были уже представлены на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта.“ Изъ этого любопытнаго заявленія слѣдуетъ, что если Клеберъ не получалъ инструкцій, достаточныхъ для отвращенія мѣры, которую считали гибельною, значитъ объявить ее такою хотѣли только послѣ ея исполненія, чтобъ возложить на него полную отвѣтственность. Изъ этого еще слѣдуетъ, что его осыпали притворными дружескими ласками для того, чтобъ вѣрнѣе усыпить до конца.

Вандейская армія, находившаяся тогда въ бездѣйствіи по случаю нѣкотораго рода перемирія, условленнаго съ той и другой стороны въ продолженіе переговоровъ главнокомандующихъ съ правительствомъ, оставалась временно подъ начальствомъ генерала Гедувиля, хорошаго офицера, но умѣрен-

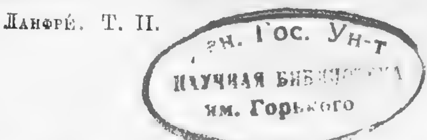
ность котораго была несовмѣстима съ характеромъ, какой Бонапарте вскорѣ придалъ этой войнѣ. Лефебръ продолжалъ командовать Парижскою арміею. Постъ этотъ, полученный имъ по довѣрію Директоріи, и который онъ занималъ при новомъ правительствѣ, повидимому очевидно свидѣтельствовалъ и объ услугахъ, оказанныхъ заговору этимъ генераломъ, и о его согласіи на событія; затѣмъ послѣдовавшія. Но, имѣя въ виду извѣстныя слишкомъ мнѣнія Лефебра и прежнія связи его съ самыми ярыми республиканцами, Бонапарте полагалъ, что онъ недостаточно еще скомпрометировалъ себя съ тѣми, которые заставили его покинуть дѣло старинныхъ друзей, онъ велѣлъ потребовать у него публичнаго заявленія чувствъ въ пользу новаго правительства. Лефебръ разсчитывалъ отдѣлаться статьею, напечатанною въ журналахъ и заключавшею въ себѣ весьма недвусмысленное заявленіе убѣжденій; но болѣе рѣшительное приказаніе напоминало ему, что отъ него ждали болѣе категорическаго и прямаго объясненія [8]). Подъ вліяніемъ-то этого требованія, выйдя изъ обычнаго хладнокровія и воспользовавшись случаемъ новой консульской конституціи, которая отдавалась на голосованіе народа и арміи, генералъ этотъ издалъ слѣдующую прокламацію къ солдатамъ, въ которой ярость старается заставить забыть рабство:

„Солдаты! мы возвратились къ счастливымъ днямъ революціи. Должности не будутъ болѣе добычею разбойниковъ. Конституція полагаетъ конецъ всѣмъ нашимъ рознямъ. Отвергать ее могутъ одни только бунтовщики: поклянемся же нашими штыками истребить ихъ!“

Какая же разница между этимъ жестокимъ требованіемъ отъ стараго воина, во всякомъ случаѣ честнаго человѣка, но неспособнаго защищаться, и голова котораго не отличалась

---

[8]) Приказъ генералу Лефебру (17-го декабря 1799 г.). *Корреспонденція Наполеона.* *Прим. автора.*



никогда крѣпостью, съ тѣми безконечными любезностями какими считали своею обязанностью осыпать Моро и Клебера! Но въ этомъ-то и заключалась истинная мысль новаго правительства, а не въ простыхъ предосторожностяхъ рѣчи въ какія облекались относительно людей, которыхъ ещ удостоивали своею боязнью. Армія должна была сдѣлаться всѣмъ, но съ условіемъ надѣть на себя ярмо, а полководцы ея имѣли возвышаться надъ гражданами только для того, чтобъ быть слугами самаго властолюбивѣйшаго и ревнивѣйшаго изъ повелителей. Зависимость эта, замаскированная искусною лестью въ глазахъ солдатъ, на которыхъ она впрочемъ ложилась не очень тяжело, должна была давать жестоко чувствовать себя генераламъ, привыкшимъ къ республиканскому равенству. Со свойственною ему проницательностью, Бонапарте угадалъ страсти, которыя могли ему служить, угадалъ, что унижать начальниковъ было безошибочнымъ средствомъ нравиться низшимъ, и съ тѣхъ поръ онъ, въ отношеніи послѣднихъ, выказывалъ столько фамильярности, сколько осторожности и холодности относительно первыхъ. Если онъ, не затрудняясь писалъ гренадеру Леону Ону: „Храбрый мой товарищъ, я люблю васъ какъ сына“ (15-го января 1800 г.), то покупая легкую популярность цѣною еще болѣе легкой фразы, онъ зналъ, что слова эти не обязывали его ни къ чему, и что этотъ гренадеръ никогда не воспользуется подобнымъ панибратствомъ. Онъ остерегался говорить подобнымъ образомъ съ тѣми, кто были ему еще равны наканунѣ; напротивъ, онъ пріучался держать ихъ на почтительномъ разстояніи, и охотно закутывался передъ ними въ то преимущество, какое придавала ему солдатская любовь, чтобъ показать имъ, что лишь отъ него зависѣло все ихъ значеніе.

Расположеніе это къ поглощенію всего единственною ненасытною личностью, еще полуприкрытое счастливыми обстоятельствами, нѣкоторымъ образомъ объяснялось въ по

рядкѣ военныхъ учрежденій, которыя легко выносятъ даже злоупотребленіе централизаціи, хотя оканчиваютъ тѣмъ, что получаютъ вредъ отъ этого; но вѣдь Бонапарте хотѣлъ втиснуть въ узкія и неподвижныя рамки военной дисциплины цѣлое государство. Воля его въ этомъ отношеніи слишкомъ ясно выказалась по случаю преній касательно Конституціи VIII года.

Обѣ комиссіи, назначенныя 19-го брюмэра Совѣтами Старшинъ и Пяти-Сотъ, получили одни только порученія приготовить признанныя необходимыми измѣненія въ Конституціи III года; а перемѣны эти, будучи приняты, долженствовали быть утверждены обоими Совѣтами, которые откладывались только на три мѣсяца. Но не было и въ поминѣ даже мысли исполнить обязательство, которое принадлежало къ категоріи многочисленныхъ лжей этого знаменитаго дня. Хотѣли единственно передѣлать Конституцію во всѣхъ частяхъ. Трудное это дѣло, казалось, по единодушному согласію, выпало на долю Сье. Имя его, отличавшееся уже въ первыя времена Революціи и предъ которымъ склонялся самъ Мирабо, съ ироніею, которая придавала еще больше почести; участье его въ важныхъ занятіяхъ конституціоннаго собранія, опытность, развитая государственнымъ управленіемъ, наконецъ его прежнія связи со всѣми вліятельными людьми, дѣятельное и вѣское содѣйствіе перевороту 18-го брюмэра, все это придавало ему, въ роли законодателя, значеніе, котораго никто не могъ оспорить.

Впрочемъ всѣмъ было извѣстно, что Сье приготовлялся къ этому давно уже въ тайныхъ помышленіяхъ. Еще въ концѣ Конвента онъ оспаривалъ у Дону честь, которую ему охотно уступили бы съ тѣхъ поръ—дать Франціи конституцію. Но такъ какъ нѣкоторыя мысли его не были приняты благосклонно, то этотъ упрямый, неограниченный умъ немедленно впалъ въ полнѣйшую нѣмоту. Съ тѣхъ поръ и не взирая на всю превратность судьбы, онъ не переставалъ

исправлять и совершенствовать эту политическую систему, предназначенную заключить окончательно эру революцій; но о ней носились только весьма неопредѣленные слухи, ибо авторъ ея никогда не напечаталъ о ней ни одной статьи и притомъ былъ человѣкъ весьма несообщительнаго нрава. Сколько разъ Сье казалось, что вотъ наступаетъ время предъявить міру этотъ великій проэктъ, но всегда, въ рѣшительную минуту, люди не являлись на призывъ судей.

Наконецъ столь желанный часъ пробилъ для него; по крайней мѣрѣ онъ могъ такъ думать. Члены обѣихъ комиссій преклонились предъ его авторитетомъ, а Бонапарте, весь поглощенный, повидимому, государственными заботами, мало посѣщалъ ихъ засѣданія. Будучи увѣренъ, что это отсутствіе предоставитъ ему свободное поприще передѣлать все по своему, и для того, чтобъ въ области законодательства захватить вновь вліяніе, котораго онъ не могъ оспаривать у своего товарища въ области дѣйствія, Сье сообщилъ свой планъ Булаю де-ла-Мёртъ, который редактировалъ его подъ его диктовку, потомъ онъ представилъ и развилъ этотъ планъ въ средѣ самой комиссіи, гдѣ идеи его имѣли величайшій успѣхъ.

Странный этотъ проэктъ, одинъ изъ самыхъ сложныхъ и наиболѣе химерическихъ, какіе когда либо рождались маніею законодательства, мало заслуживалъ бы вниманія исторіи, еслибы только цѣнить его какъ политическую концепцію. Этотъ механизмъ, болѣе рѣдкій, нежели остроумный, дѣйствительно далеко не заслуживалъ той репутаціи, какою онъ пользовался; еслибы на его долю выпала честь примѣненія, — испытаніе, рѣдко выдерживаемое подобными натянутыми сочиненіями, но которое одно придаетъ имъ лишь коекакую цѣну,—недостатки его рѣзко бросились бы всѣмъ въ глаза. Но есть обстоятельство, которое всегда сохранитъ интересъ любопытства для тѣхъ, кто желаетъ знать основательно духъ этой эпохи, а именно: чувства и намѣренія, ко-

торыхъ этотъ проектъ служитъ выраженіемъ и вмѣстѣ свидѣтельствомъ. Для опытнаго изслѣдователя, это самый знаменательный историческій документъ. При помощи этого любопытнаго обломка, будь онъ даже единственный, историку всегда можно, подъ пылью столькихъ развалинъ, найдти выразительный образъ страстей того времени; онъ прочтетъ въ немъ тайныя заботы многочисленныхъ и значительныхъ сторонниковъ, апплодировавшихъ видамъ Сье; онъ можетъ возсоздать предметъ ихъ боязни и надеждъ, словно они оставили въ этомъ отношеніи самыя искреннія и подробныя признанія.

Главная цѣль Сье и его друзей обнаруживается на первыхъ же порахъ въ расположеніяхъ, служившихъ основаніемъ его проэкта Конституціи, т. е. въ системѣ, предназначенной замѣнить прежнее избирательное законодательство. Вся эта система заключалась въ составленіи и дѣйствіи *избирательныхъ списковъ*. Пять мильоновъ избирателей, имѣвшихся во Франціи, должны были избрать изъ среды себя десятаго, а эти десятые, восходя до 500,000, составляли первый списокъ, называемый *общиннымъ*, потому что отсюда имѣли назначаться всѣ муниципальные чиновники. Эти 500,000 кандидатовъ избирали уже изъ среды себя десятаго, а эти десятые, восходя до 50,000, составляли уже второй списокъ *департаментскій*, изъ котораго назначались чиновники департаментскіе. Наконецъ эти 50,000, избирая снова десятаго изъ среды себя, составляли послѣдній списокъ уже изъ 5,000 человѣкъ, изъ которыхъ уже могли быть избраны всѣ государственные члены, отъ президента и министра до судьи кассаціонной палаты.

Но кому же выпадало на долю выбирать въ этихъ громадныхъ спискахъ кандидатовъ? Иной разъ законодательной, другой разъ исполнительной власти, смотря по тому, какого рода требовались должности. Онѣ также были обязаны сами пополнять своихъ собственныхъ членовъ, вмѣсто того чтобъ

требовать ихъ у народнаго избирательства. Прибавимъ къ этому, что, въ силу чрезвычайно важнаго и знаменательнаго распоряженія, всѣ лица, принадлежавшія къ муниципальнымъ и политическимъ собраніямъ, или занимавшія общественную должность по праву, заносились въ списки кандидатовъ. Списки не должны были подвергаться передѣлкѣ раньше десяти лѣтъ. Кто въ этомъ странномъ призракѣ избирательной системы, въ которой окончательно не было предоставлено ничего народной иниціативѣ, не узнаетъ старинной заботливости, подъ вліяніемъ которой конвенціоналисты продолжали свое полномочіе свыше законнаго срока, кто, повторимъ, не узнаетъ заботливость, какая впослѣдствіи уничтожила департаментскіе выборы 18-го фруктидора и 22-го флореаля? Въ этихъ трехъ обстоятельствахъ видно стремленіе одной партіи уничтожить, во имя революціи, народное господство, которое, какъ она знала, было ей враждебно; но господство это всегда однакоже оканчивало тѣмъ, что одерживало верхъ, благодаря выборамъ, которые мало-по-малу измѣнили большинство голосовъ. Эти-то безпокойные выборы Сье и хотѣлъ окончательно уничтожить. Уступая преувеличенному страху видѣть переходъ власти въ руки поколѣнія, враждебнаго новымъ идеямъ, онъ не подумалъ о томъ, что, желая предохранить ее, не жертвовалъ ли онъ главнымъ завоеваніемъ; замѣнивъ же право всеобщей подачи голосовъ этими кандидатскими списками, при помощи которыхъ эти привилегированные классы, куда онъ вписалъ ихъ права, могли нѣкоторымъ образомъ увѣковѣчить его самого, онъ полагалъ, что работалъ въ пользу людей, которые создали и поддерживали революцію. Но что произошло бы, еслибъ эти привилегіи, столь уже опасныя въ рукахъ цѣлаго класса, очутились во власти одного человѣка?

Вотъ чего не предвидѣлъ Сье и вслѣдствіе этого доставилъ деспотизму самое коварное оружіе, какое когда либо существовало, ибо оно дозволяло уничтожить совершенно на-

родъ, оставляя ему вмѣстѣ всѣ наружные признаки господства. Остальное въ проэктѣ Сье представляло любопытную амальгаму формъ, заимствованныхъ у различныхъ эпохъ и у различныхъ національностей. Справедливо испугавшись неудобствъ, навлеченныхъ сосредоточеніемъ власти въ одномъ собраніи, онъ впалъ въ противоположную крайность раздробленіемъ правъ, не менѣе несвойственныхъ. Онъ позабылъ, что задача заключалась не въ томъ, чтобъ парализовать дѣйствіе законодательной власти, но въ покровительствѣ контролю и зрѣлости ея рѣшеній, и онъ нѣкоторымъ образомъ разстроилъ всѣ условія, необходимыя ей для достиженіи результата, и осуществилъ ихъ въ стольких же различныхъ собраніяхъ: инициативу въ Государственномъ Совѣтѣ, обязанномъ представлять и поддерживать проэкты закона, критику въ Трибунатѣ, которая должна была оспаривать ихъ, въ противоположность съ Государственнымъ Совѣтомъ, осужденномъ на похвалы; рѣшеніе и вотировку въ Законодательномъ Корпусѣ; наконецъ охранительный духъ въ Сенатѣ, который назвалъ онъ *большимъ національнымъ жюри*, этомъ стражѣ Конституціи, облеченномъ властью уничтожать всякій противный ему законъ, и имѣвшемъ право избирать не только собственныхъ членовъ, но и членовъ во всѣ законодательныя собранія.

Исполнительная власть, раздѣленная на два огромные департамента — гражданскій и военный, была ввѣрена двумъ консуламъ, назначавшимъ министровъ, каждый по своему вѣдомству, а послѣдніе не только назначали всѣхъ чиновниковъ отъ правительства, но и членовъ во всѣ административныя собранія. Выше обоихъ консуловъ стоялъ великій избранникъ—затертый образъ конституціоннаго короля, который царствовалъ, не принимая участья въ управленіи и не имѣя другаго наружнаго представительства какъ подписаніе договоровъ и указаніе консуловъ. Наконецъ для устраненія всякой попытки къ похищенію власти его състороны,

Сье вооружилъ Сенатъ властью смѣщать великаго избранника, какъ всякаго другаго государственнаго сановника, поглощая его въ собственное лоно.

Послѣднее преимущество Сената, въ соединеніи съ правомъ уничтожать всякій законъ и всякую неконституціонную мѣру, а также съ неменѣе опаснымъ правомъ выбирать какъ своихъ собственныхъ членовъ, такъ и въ законодательныя собранія, дѣлало изъ него дѣйствительную власть, существовавшую въ такомъ учрежденіи. Всѣ другія власти были пустыми призраками. Сфера ихъ до такой степени была съужена, вліяніе ограничено, дѣйствіе такъ раздѣлено и столь не прямо, что онѣ представляли не болѣе какъ маленькія незначительныя колеса, зависящія отъ большой пружины, которая, не получая никакого толчка отъ націи, употребляла свою силу лишь на то, чтобъ тормозить все остальное; однимъ словомъ, чтобъ избѣжать неудобствъ непостоянства, Сье уничтожилъ движеніе. Сенатъ его, господствовавшій надъ всѣмъ, но лишенный всего, будучи для себя самого собственнымъ концомъ и собственнымъ обновителемъ, обязанный бояться всего и ни на что не надѣяться, при самомъ рожденіи имѣлъ уже всѣ признаки дряхлости. Это было учрежденіе, осужденное на неизбѣжный застой.

Что касается до цѣлаго этой сложной машины, то механизмъ этотъ нѣкоторымъ образомъ наложенъ на націю, будучи въ состояніи дѣйствовать безъ нея и имѣя, очевидно, цѣлью избавить ее отъ этихъ ежедневныхъ и настойчивыхъ трудовъ, которые во всѣ времена и во всѣхъ мѣстахъ были необходимы для поддержанія свободы. Но нація, считающая, что свобода стоитъ ей очень дорого, должна быть постоянно увѣрена утратить ее. Бездѣятельный и пассивный народъ этотъ, втиснутый, какъ стадо въ ограду, въ списки кандидатовъ, спокойно ожидающій выбора своихъ господъ, вмѣсто того, чтобъ избирать ихъ самому, присутствующій при ихъ управленіи, не смѣя ни однимъ словомъ высказать мнѣнія

о собственныхъ дѣлахъ, лишенный, такъ сказать, всѣхъ элементовъ политической дѣятельности, былъ народъ автоматовъ, недостойныхъ имени гражданина. Эти призраки законодателей, надѣленные крошечными долями мысли, воли или дѣятельности, одни предлагали, не располагая, другіе спорили, не рѣшая, третьи рѣшали не оспаривая и не рѣшая, и въ видѣ вящей предосторожности будучи всѣ поставлены подъ обухъ *veto*, предназначеннаго предотвращать злоупотребленія власти, которою они владѣли едва по наружности, были не болѣе какъ возвышенное выраженіе того же нигилизма. Вся конституція обнаруживала въ своемъ авторѣ громадное усиліе достигнуть постояннаго существованія, но такое постоянство было бы спокойствіемъ могилы. Францію третировали какъ больнаго, который отъ слабости утратилъ употребленіе членовъ, и котораго съ чрезвычайною заботливостью оберегаютъ отъ движенія, воздуха, шума, свѣта. Вотъ откуда произошла эта ортопедическая конституція, внушенная Сье собственнымъ его изнеможеніемъ и кажущаяся произведеніемъ византійскаго законодателя.

Предположивъ даже, что́ далеко невѣроятно, что подобная Конституція заключала въ себѣ все, что могъ переносить темпераментъ Франціи послѣ стольких волненій революціонной эпохи (и послѣдствія очень ясно доказали, что она стремилась тогда совершенно къ другой цѣли нежели вѣчное спокойствіе), спрашивается, какимъ образомъ, видя Бонапарте у дѣла, Сье не чувствовалъ необходимости измѣнить ее; ибо чѣмъ болѣе честолюбіе будущаго главы правительства было дѣятельно и угрожающе, тѣмъ болѣе настояло необходимости въ устройствѣ націи, облеченной всѣми правами, и сильно организованныхъ общественныхъ властей. Бонапарте мало принималъ участья въ первыхъ засѣданіяхъ Законодательной комиссіи, что, безъ сомнѣнія, поддерживало обольщенія въ его товарищѣ; сперва онъ узналъ объ идеяхъ Сье по комментаріямъ, ими вызваннымъ, а какъ онѣ поль-

зовались большимъ успѣхомъ у людей избалованныхъ и утомленныхъ не менѣе его, которые предвидѣли соблазнительное убѣжище въ сенатскомъ всемогуществѣ, генералу не понравился этотъ родъ популярности, пріобрѣтенной посредствомъ проэкта, въ которомъ онъ ничего не значилъ, и быстрое счастье котораго обязывало и его до извѣстной степени.

Очевидно, Сье въ глубинѣ души льстилъ себя надеждою захватить генерала врасплохъ въ конституціонномъ вопросѣ и искусно запутать его въ сѣть организаціи, которой тому не понять всего значенія. Разсчитанное воздержаніе родъ равнодушія, выказаннаго Бонапарте относительно законовъ на совѣщаніяхъ, предшествовавшихъ 18 брюмэра, должны были убѣдить Сье, что труды военной жизни мало оставляли молодому генералу свободнаго времени для изученія задачъ политическаго законодательства. Но Сье чрезвычайно въ этомъ ошибался, ибо если его товарищъ мало этимъ занимался съ точки зрѣнія важныхъ народныхъ интересовъ, то много заботился съ точки зрѣнія интересовъ собственнаго честолюбія, чему служитъ любопытное письмо его, писанное по этому поводу къ Талейрану въ эпоху Кампо-Форміо [9]). Даже мысли его въ нѣкоторыхъ пунктахъ были очень близки къ мыслямъ Сье; у него встрѣчается, напримѣръ, учрежденіе Государственнаго Совѣта, поставленнаго въ зависимость отъ правительства и снабженнаго всею законодательною иниціативою; здѣсь вы находите учрежденіе нѣмаго Законодательнаго Корпуса „безъ значенія въ республикѣ, безъ глазъ и безъ ушей на все его окружающее“; но напрасно искали бы вы учрежденія Трибуната. Единственно, что выходитъ чисто въ этомъ дурно обдуманномъ эскизѣ—намѣреніе сдѣлать изъ исполнительной власти единственнаго дѣйствительнаго представителя націи, учредить правленіе, обладающее вмѣстѣ правами монархическими и народными, по примѣру фикціи, по-

---

[9]) См. 1-й томъ стр. 272

хожей на ту, какая облекала цезарей трибунскою властью. Бонапарте сходился до нѣкоторой степени съ Сье, усиливаясь уничтожить власть законодательную, между тѣмъ какъ послѣдній довольствовался ея ослабленіемъ; но сходство не шло далѣе; ибо будучи далекъ отъ мечтаній о правительствѣ, освобожденномъ отъ всякаго контроля, Сье подчинялъ его положительно своему Сенату.

Независимо отъ этихъ предвзятыхъ идей относительно управленія, которыя только окрѣпли со времени его соприкосновенія съ восточными народами и учрежденіями, генералъ Бонапарте обладалъ необыкновенною способностью распознавать и захватывать въ цѣляхъ другаго то, что могло служить собственнымъ его планамъ. Въ этомъ отношеніи онъ имѣлъ такую быстроту и проницательность, которыя могутъ лишь сравниться съ этими же способностями у хищной птицы. Съ перваго же момента онъ увидѣлъ все, что для своего всемогущества могъ извлечь изъ кандидатскихъ списковъ, уничтожившихъ народную волю, и изъ этого въ своемъ родѣ порошка законодательной власти, уничтожившаго контроль и власть представителей. И когда послѣ отказовъ и разсчитанныхъ знаковъ нетерпѣнія по поводу ожидаемаго имъ сопротивленія, генералъ Бонапарте согласился, по настоянію Редерера и Булая де ла Мёртъ, переговорить съ Сье и членами комиссіи, эти первыя представленія не вызвали съ его стороны никакого важнаго замѣчанія. Съ снисходительнымъ вниманіемъ онъ слушалъ изложеніе проекта Сье, но вмѣсто того чтобъ принять или отвергнуть его въ цѣломъ, онъ ухитрился устроить такъ, чтобъ каждая часть плана была разсматриваема и вотируема одна за другою.

Онъ созвалъ двѣ комиссіи, соединивъ ихъ въ одну въ своемъ помѣщеніи въ Люксамбургѣ, чтобъ удобнѣе слѣдить за преніями. Немедленно приступили къ дѣлу. Желая успокоить всѣхъ, онъ поспѣшилъ ввѣрить эту работу испытанной честности Дону: „Гражданинъ Дону, возьмите перо!“ сказалъ

онъ, и либеральный авторъ конституціи III года, не смѣя отклонить чести, которой онъ не искалъ, и о которой долженъ былъ пожалѣть современемъ, тотчасъ же принялся за работу. Кандидатскіе списки были оставлены, но изъ нихъ позаботились исключить гарантію, придуманную Сье въ пользу людей, произведшихъ революцію, или лучше сказать, оно было выговорено въ пользу креатуръ новаго правительства: одни чиновники, назначенные консулами, вписывались по праву въ эти списки. Нѣмой Законодательный Корпусъ, принимающій или отвергающій законы, послѣ обсужденія ихъ совѣтниками и трибунами, но безъ власти исправлять ихъ; Государственный Совѣтъ и Трибунатъ, предназначенные одинъ для одобренія, другой для критическаго просмотра законовъ, но равно лишенные права принимать ихъ, развѣ только выходить съ мнѣніемъ, были послѣдовательно приняты съ нѣкоторыми измѣненіями въ подробностяхъ. Сенатъ подвергся болѣе важнымъ перемѣнамъ. Сперва его лишили права *поглощать*, которое ставило въ зависимость отъ него всѣ власти. Дѣйствительно, ему предоставили право уничтожать законы и неконституціонные акты, но съ условіемъ— если они будутъ признаны достойными того правительствомъ или Трибунатомъ—что превращало это право въ какую-то мечту, осуждая это учрежденіе на пассивную выжидательную роль, представлявшую мало опасности для власти, которую требовалось поддержать. Наконецъ, если Сенату присвоивали назначеніе высшей законодательной и юридической власти, то у него косвеннымъ образомъ отнимали власть собственныхъ его членовъ, которые одни были въ состояніи придать ему дѣйствительную независимость, за отсутствіемъ народнаго избранія: онъ находился въ необходимости избирать между тремя кандидатами, представляемыми одинъ отъ правительства, другой отъ Трибуната, третій отъ Законодательнаго Корпуса. Что касается до его первой организаціи, то большая часть членовъ его была отъ правительствъ, и

потому отъ этого перваго выбора зависѣло все, ибо этотъ правительственный зародышъ не могъ не стремиться воспроизводить себя въ своихъ усыновленіяхъ.

Но Бонапарте рѣшился сосредоточить свою атаку на организаціи исключительной власти. Какъ только Сье окончилъ представленіе своей іерархіи, увѣнчанной великимъ избранникомъ, генералъ воскликнулъ съ горячностью: „Подобное правительство—чудовищное созданіе, составленное изъ разнородныхъ идей, неимѣющихъ ничего разумнаго! Этотъ великій избранникъ—тощая тѣнь тунеядца короля. Въ этомъ проэктѣ никто не обезпеченъ, ибо если избранникъ можетъ господствовать надъ обоими консулами, угрожая имъ отставкою, то онъ самъ поставленъ въ зависимость отъ Сената, который можетъ поглотить его. Что касается раздѣленія министерства на два департамента—гражданскій и военный, то это чистѣйшая анархія, ибо прежде всего имъ необходимы единство и согласіе". Знаете ли вы, продолжалъ онъ, обращаясь къ Сье: — человѣка съ достаточно низкимъ характеромъ, который могъ бы рѣшиться на *подобное обезьянство?* Могли ль вы представить себѣ, чтобъ человѣкъ сколько нибудь честный и даровитый захотѣлъ принять на себя роль свиньи, откармливаемой нѣсколькими мильонами [10]).

Сочиненіе Сье было какъ бы уничтожено силою этихъ противуукоровъ. Одна изъ этихъ критикъ была оправдана, именно относительно консуловъ военнаго и гражданскаго и раздѣленія недѣлимыхъ обязанностей отличіями скорѣе метафизическими, нежели практичными. Великій избранникъ, безотвѣтственный и не имѣвшій прямой дѣятельности, но не безъ вліянія, былъ замѣненъ всемогущимъ Первымъ Консуломъ съ двумя товарищами въ родѣ фигурантовъ, все преимущество которыхъ состояло въ томъ, что Первый Кон-

---

[10]) *Записки*, диктованныя Гурго. *Меморіалъ* Ласказа.

Прим. автора.

сулъ могъ съ ними совѣтоваться — мѣра, придуманная изъ предосторожности противъ республиканскаго духа и наконецъ для того, чтобъ показать раздѣленіе власти, которое не существовало. Очистивъ такимъ образомъ почву, Бонапарте наложилъ руку на все, что у него хотѣли отнять. Первому Консулу предоставлялись, кромѣ верховнаго права мира и войны, иниціатива законовъ, редакція которыхъ поручалась Государственному Совѣту, назначеніе всѣхъ персоналовъ административнаго, военнаго, юридическаго и дипломатическаго, что отдавало ему въ руки не только всѣхъ правительственныхъ чиновниковъ, но и всѣ мѣстныя собранія и трибуналы, за исключеніемъ кассаціонной палаты и мировой юстиціи, предоставленныхъ выборамъ.

Но удивительно, или, лучше сказать, чисто непонятно, какимъ образомъ, создавая эту подавляющую власть, Сье и друзья его немедленно не почувствовали настоятельнѣйшей необходимости возвратиться поэтому самому къ другимъ основаніямъ Конституціи. Проектъ Сье представлялъ дѣйствительно цѣлостность, и нельзя было измѣнить какую нибудь его часть, не повредивъ остальныхъ. Его кандидатскіе списки представляли, такъ сказать, только декорумъ избирательной системы, его собранія были только призракомъ законодательной власти, но и тѣ и другіе созданы въ уваженіе власти исполнительной, равно слабой и безоружной, а съ той минуты, когда послѣдняя укрѣпилась столь страшнымъ и неожиданнымъ образомъ, она стала единственною дѣйствительностью среди этихъ призраковъ и овладѣвала всѣмъ положительно. Двѣ другія части механизма долженствовали быть немедленно подкрѣплены, подъ страхомъ уничтоженія, ибо всякое равновѣсіе было нарушено въ пользу одной власти. Прямая и прочно устроенная избирательная система, законодательная власть, опирающаяся на прочныя и дѣйствительныя, обезпеченія по крайней мѣрѣ дѣлали бы попытки къ воспрепятствованію подобному правительству

пожирать все находящееся вокругъ него. Лафайеттъ разсказываетъ, что Бонапарте, часто видавшійся съ нимъ въ это время и не терявшій нѣкоторой надежды склонить его на свою сторону, говорилъ ему однажды по этому поводу: „Что же вы хотите? Сье поставилъ вездѣ только однѣ тѣни: тѣнь законодательной власти, тѣнь власти юридической, тѣнь правительства; нужна же была гдѣ нибудь дѣйствительность, и, право, я туда помѣстилъ ее!“ [11]) Нельзя было выразиться справедливѣе; но собственно потому, что дѣйствительность эта была помѣщена гдѣ-то среди этихъ тѣней, она и пріобрѣтала неотразимую силу, и одного ея присутствія уже было достаточно для уничтоженія призраковъ.

Невозможно предположить, чтобъ послѣдствія такого разрушенія его идей ускользнули отъ Сьс, ибо результатъ побѣды, одержанной надъ нимъ Бонапарте, не былъ, какъ считалось до тѣхъ поръ, овладѣніемъ одною партіею другой, но положительное и непоправимое разореніе всего, что составляло сущность представительнаго правительства, — это было уничтоженіе въ пользу одного человѣка всѣхъ либеральныхъ завоеваній революціи. Внѣ ея, внѣ ея власти и воли были только фразы и жалкіе призраки. Единственная политическая гарантія, какую заблагоразсудили внести въ Конституцію VIII года, была отвѣтственность министровъ, но они отвѣчали передъ собраніями ими назначаемыми и получавшими отъ нихъ жалованье, что́ изъ этой гарантіи дѣлало чистую насмѣшку. Но это не все: агенты ихъ могли быть обвинены только по рѣшенію Государственнаго Совѣта, а это облекало ихъ страшною неприкосновенностью, такъ какъ исполнительная власть становилась вмѣстѣ и судьею и отвѣтчикомъ въ собственномъ дѣлѣ. Таковъ былъ смыслъ знаменитаго 75 параграфа, который всѣ наши послѣдующія правительства съ тѣхъ поръ передавали одно другому въ

[11]) *Записки* Лафайетта. *Прим. автора.*

пользу собственной неприкосновенности и къ стыду нашему. Прежнее правительство, не разъ подвергавшееся безславію, не пользовалось привилегіею болѣе безчестною. Самая худшая аристократія всегда будетъ чиновничья, потому что она аристократія рабская. Равенство передъ закономъ, безъ котораго демократія не болѣе какъ безсмысленное слово, погибало въ этотъ день во Франціи. Единственное право, признанное за французами, было право подавать петиціи—послѣднее средство и утѣшеніе временъ рабства. Что касается до свободы печати, то о ней даже не упоминалось.

Вѣроятно, что въ эту минуту энергическій протестъ Сье и его друзей противъ дерзкаго превращенія ихъ проэкта въ орудіе деспотизма, могъ добиться по крайней мѣрѣ передѣлки хоть по частямъ Конституціи въ смыслѣ болѣе широкомъ, но друзья Сье, соблазненные перспективою высокихъ милостей, обѣщанныхъ взамѣнъ ихъ согласія, большею частью перешли къ его могущественному противнику, да и самъ Сье, послѣ пораженія, которое потерпѣлъ его великій избранникъ, какъ бы онѣмѣлъ совершенно. Молчаніе это происходило не отъ оскорбленнаго самолюбія, какъ можно было предположить: своимъ подлымъ поведеніемъ во время господства террора Сье показалъ, чего должно было ожидать отъ его силы воли. Стараясь единственно о томъ, чтобъ заставить забыть себя подъ маскою апатіи и ничтожества, которую онъ самъ себѣ создалъ, Сье углубился въ самые густые ряды, тѣхъ кого Робеспьеръ клеймилъ названіемъ „Болотныхъ змѣй“ [12]), спекулируя однакожъ на ихъ рабство. Будучи затерянъ въ этой безъименной толпѣ въ теченіе двухъ послѣдовательныхъ лѣтъ, онъ подавалъ свои мнѣнія за лю-

---

[12]) *Болотомъ* называлась въ Конвентѣ менѣе высокая часть залы, гдѣ помѣщались члены умѣренной партіи; демагогическая партія занимала самую возвышенную часть, извѣстную подъ именемъ *Горы*.

Прим. перев.

дей, которыхъ наиболѣе презиралъ. Отъ долговременной привычки къ подобной низкой роли душа его навсегда утратила силу характера и достоинство; даже его самолюбіе потеряло все, что было въ немъ высокаго и благороднаго. Онъ въ душѣ мало завидовалъ власти, которой отвѣтственность его пугала, и менѣе жаждалъ почестей, чѣмъ наслажденій, предоставляемыхъ ею. Съ первыхъ же дней временнаго консульства, Бонапарте, быстрый взоръ котораго проникалъ въ самые сокровенные изгибы сердца человѣческаго для открытія въ немъ хорошихъ и дурныхъ страстей, которыми хотѣлъ воспользоваться, сразу увидѣлъ тайную слабость своего товарища и, по своему обычаю, немедленно воспользовался этимъ для покоренія его независимости. Онъ даже самъ передавалъ эту странную сцену. У директоровъ имѣлась въ Люксамбургѣ въ особой кассѣ запасная сумма, предназначенная для вознагражденія выходящихъ директоровъ. „Видите ли вы эту красивую мебель, сказалъ однажды Сье Бонапарте, указывая на шкафъ, гдѣ заключалась упомянутая сумма, доходившая до нѣсколькихъ сотъ тысячъ франковъ: — можетъ быть, не подозрѣваете ея цѣнности?“ И онъ объяснилъ происхожденіе и назначеніе этой суммы, испрашивая совѣта, чтó съ нею дѣлать. Будучи пораженъ выраженіемъ корыстолюбивой жадности, отразившейся въ чертахъ лица своего товарища, Бонапарте отвѣчалъ: „Если бы я зналъ, то сумма поступила бы въ государственное казначейство, а если нѣтъ, да я еще и не знаю совсѣмъ, то вы можете раздѣлить ее съ Дюко.“ Что Сье и поспѣшилъ сдѣлать, присудивъ себѣ львиную долю.

Друзья Сье оспаривали форму и подробности этого разсказа, но они не могли оспаривать его основанія, сдѣлавшагося достояніемъ исторіи. Здѣсь узнается тотъ, о комъ Бурръенъ могъ написать, „что взглядъ его, казалось, говорилъ постоянно: дайте мнѣ денегъ!“ Такимъ-то образомъ Сье очутился во власти генерала. Съ тѣхъ поръ Бонапарте

зналъ, что ему нечего было серьезно опасаться оппозиціи человѣка, котораго онъ обогатилъ на счетъ товарищей, и о гадости котораго онъ могъ заявить во всякое время. Изъ посланія, адресованнаго къ законодательной комиссіи, чрезъ нѣсколько дней по окончаніи Конституціи (20-го декабря 1799 г.), узнаемъ, какъ восторжествовали надъ остатками щекотливости Сье, или, по крайней мѣрѣ, какимъ образомъ вознаградили его послѣднюю уступчивость. Въ этомъ какъ бы чисто-юмористическомъ посланіи, Бонапарте, воздавая публично дань уваженія *безкорыстнымъ добродѣтелямъ* своего товарища, въ тотъ самый моментъ, когда онъ передъ всѣми разоблачалъ его слабость, — предложилъ комиссіи, въ знакъ національной признательности, пожаловать ему имѣніе Кронъ. Въ то же время назначили его президентомъ Сената—мѣсто. сообразное съ его наклонностями, представлявшее мало дѣла и большое содержаніе. Сье не только не чувствовалъ унизительности подобнаго подарка, а напротивъ еще тщеславился собственнымъ униженіемъ; упрекамъ друзей онъ противопоставлялъ мѣдный лобъ, сарказмамъ общественнаго мнѣнія — невозмутимое хладнокровіе; но съ тѣхъ поръ онъ погрузился въ бездну политическаго ничтожества, изъ которой ему суждено было никогда не выбраться. Согбенный подъ бременемъ этихъ безславныхъ почестей, погребенный заживо въ могилу молчанія и забвенія, въ продолженіе долгихъ лѣтъ безполезной старости, онъ пережилъ самого себя: изъ глубины своего темнаго убѣжища онъ видѣлъ, какъ возрождались и вновь расцвѣтали запятнанныя имъ репутаціи, видѣлъ вторую молодость Лафайетта, возвращенную ему популярностью, но уже ни душа его, ни доброе имя не избѣгли преждевременной кончины.

Какъ произведеніе нѣкотораго рода сдѣлки между лукавствомъ метафизика безъ убѣжденій и нетерпѣнія необузданнаго честолюбца, Конституція VIII года сохранила этотъ двойственный характеръ. Въ одно время она исполнена

утонченности и грубости, и кажется то дѣломъ хитрости, старающейся обойдти препятствія, то произведеніемъ силы, показывающей всѣмъ обнаженную шпагу; но оба эти основанія стремятся въ ней къ одной цѣли и взаимно помогаютъ другъ другу. Міръ не разъ уже видѣлъ подобные договоры между софистомъ и солдатомъ, и долженъ увидѣть еще не одинъ такой же, ибо самая тонкая хитрость всегда склонялась передъ силою. Утонченности портятъ какъ мысль, такъ и добродѣтель. Но къ чести человѣческаго ума слѣдуетъ сказать, что одна только испорченная мысль поступаетъ въ рабство къ деспотизму. Пока мысль вѣритъ въ истину, она вѣритъ и самой себѣ и сохраняетъ сильную гордость, ее предостерегающую. Когда Сье предался Бонапарте, онъ былъ не болѣе какъ искусный софистъ. Подобные умы никогда не бросаютъ тѣни на деспотизмъ, ибо онъ или пользуется ими, или уничтожаетъ ихъ съ одинаковою легкостью.

Конституція VIII года была заявлена французамъ прокламаціею, въ которой выставлялись ея достоинства и несравненныя преимущества: „она одна была основана на истинныхъ принципахъ представительнаго правленія, на священныхъ правахъ собственности, свободы, равенства; она обезпечивала права гражданъ и интересы государства.“ Манифестъ этотъ оканчивался завѣреніемъ, которое показалось слишкомъ смѣлымъ даже и для тѣхъ, кому было наиболѣе желательно видѣть его осуществленіе: „Граждане! говорилось въ немъ: — Революція утверждена на принципахъ, которые ее начали. Она окончилась.“

Революція окончилась! Это слово принадлежало Барнаву съ 1791 года, и съ тѣхъ поръ всѣ партіи послѣдовательно повторяли его въ продолженіе краткаго времени между своимъ возвышеніемъ и паденіемъ. Но то, что было у нихъ искреннимъ и глубокимъ убѣжденіемъ, что революція, идя далѣе, спустилась къ своей гибели и желала невозможнаго, здѣсь было лишь корыстнымъ притязаніемъ отнять у нея

всѣ завоеванія въ пользу одного человѣка, по удовлетвореніи котораго нація ни о чемъ не должна была мечтать болѣе. Но какимъ образомъ увѣрить народъ, что онъ дѣйствительно владѣлъ принципами, провозглашенными имъ въ 1789 г.? Чѣмъ громче высказывалась ложь, тѣмъ краснорѣчивѣе было молчаніе, которое принимало ее.

Новую Конституцію рѣшились подвергнуть всеобщей подачѣ голосовъ. По этому случаю списки были открыты въ каждомъ муниципалитетѣ, и всѣ граждане имѣли полное право вписывать туда свободно свои голоса и имена, но вмѣстѣ съ полною же увѣренностью, что ни то, ни другое не будетъ забыто—обстоятельство, достаточное само по себѣ, чтобъ изъ этого мнимаго народнаго голосованія сдѣлать чистѣйшую формальность. Если къ этому устрашенію прибавить преобладающую всегда боязнь въ подобныхъ случаяхъ подвергать страну безъ правительства, всѣмъ случайностямъ продолжительной неизвѣстности, и грозныя прокламаціи генераловъ, и наконецъ отсутствіе всякаго контроля при исчисленіи и повѣркѣ голосовъ, то слѣдуетъ удивляться не незначительному количеству противниковъ Конституціи VIII года, а тому, что ихъ оставалось еще нѣсколько.

Впрочемъ народное согласіе было такимъ побочнымъ обстоятельствомъ въ умѣ тѣхъ, кто его требовалъ, что они даже не взяли на себя труда подождать его. Никогда еще не обходились болѣе безцеремонно съ народомъ, который такъ недавно еще называли самодержавнымъ народомъ. Еще 22-го декабря, прежде нежели текстъ Конституціи сдѣлался извѣстенъ удаленнымъ отъ Парижа провинціямъ, Бонапарте, подъ вліяніемъ врожденнаго ему нетерпѣнія, предложилъ комиссіи ввести непосредственно Конституцію, въ томъ вниманіи, говорилъ онъ, что, судя по сдѣланному ей пріему, невозможно было и сомнѣваться, чтобъ граждане не приняли почти единодушно этого новаго договора французовъ: предсказаніе, сдѣланное навѣрняка, напоминающее то, что

философы называютъ божественнымъ предвѣдѣніемъ, не имѣвшее ничего успокоительнаго для свободной воли народа.

Въ день объявленія Конституціи, Горá, краснорѣчивый ораторъ, который, не смотря на шаткость своего политическаго поведенія, сохранилъ нѣкоторое довѣріе у республиканцевъ, произнесъ хвалебную рѣчь среди комиссіи. Онъ въ особенности старался разсѣять страхъ и недовѣріе, порождаемые столь страшнымъ сосредоточеніемъ власти въ рукахъ Бонапарте; онъ напомнилъ залоги, которые далъ генералъ въ прошедшемъ своимъ геніемъ и добродѣтелями, и проискавъ напрасно въ Конституціи предѣловъ, какіе власть его могла встрѣтить въ будущемъ, сказалъ: „слава его и вліяніе, оказываемое на всѣхъ однимъ его именемъ, будутъ не только однимъ могущественнымъ двигателемъ, но и предѣломъ и преградою передъ исполнительною властью. И этотъ предѣлъ будетъ тѣмъ болѣе надежнымъ, что мѣсто его не на бумагѣ, но въ сердцѣ и въ самымъ страстяхъ великаго человѣка.“

Сердце и страсти великаго человѣка—вотъ все, что оставалось отъ гарантій, столь пламенно желанныхъ въ 1789 году! Франція готовилась вскорѣ узнать, чего стоила эта преграда.

ГЛАВА II.

Образованіе консульскаго правленія.—Его внутренняя и внѣшняя политика.

Бонапарте сперва потребовалъ диктатуры только на три мѣсяца — срокъ, чтобъ дать Франціи новую Конституцію; потомъ онъ составилъ эту Конституцію въ тѣхъ видахъ, чтобъ продолжить навсегда свою диктатуру, обставивъ ее нѣкоторыми законными, по наружности, условіями: необходимо было вкоренить ее въ странѣ посредствомъ правительства и цѣлой арміи чиновниковъ, а въ учрежденіяхъ посредствомъ органическихъ законовъ; необходимо было набрать персоналъ въ собранія и главныя государственныя учрежденія, добиться мира или приготовить войну, создать источники для настоятельнѣйшихъ надобностей, наконецъ необходимо было усмирить или умиротворить Вандею. Прежде всего Первому Консулу надобно было подумать о раздачѣ ролей людямъ, въ которыхъ онъ думалъ пріобрѣсти сотрудниковъ или послушныя орудія. Такъ какъ Сье пренебрегъ постомъ, ничтожество котораго не скрывали дѣйствительныя выгоды, Бонапарте избралъ вторымъ консуломъ Камбасереса, опытнаго законовѣда, человѣка способнаго, который составлялъ проэкты кодекса для всѣхъ правительствъ, бывшихъ послѣдовательно со временъ Комитета

общественной безопасности. Прозорливый совѣтникъ, но необыкновенно уступчиваго характера, человѣкъ, которому можно было слѣпо довѣриться, осторожный, ловкій, всегда готовый склониться предъ установившеюся властью, называйся она Робеспьеромъ, Сье или Бонапарте; искусно умѣвшій придавать самымъ развратнымъ дѣламъ строгія и правдоподобныя формы, вертѣвшій закономъ съ невозмутимымъ проворствомъ жреца, невѣрующаго своему идолу,—Камбасересъ былъ драгоцѣннымъ слугою для деспота, и въ особѣ своей представлялъ превосходное изображеніе тѣхъ законниковъ, которые во всѣ времена дѣлались консультантами всѣхъ тираній въ мірѣ.

Третья должность выпала на долю Лебрена, прежняго секретаря при канцлерѣ Мопу, блестящаго и ловкаго редактора, осужденнаго какъ въ политикѣ, такъ и въ литературѣ переводить лишь чужія мысли, живое осуществленіе административныхъ преданій прежняго правительства, которыя должны были быть возстановлены отчасти. Ниже этой политической тройцы, два низшіе члена которой пользовались только номинальнымъ вліяніемъ, учреждено было министерство, составленіе котораго восходило до первыхъ дней консульства и подверглось не весьма чувствительнымъ перемѣнамъ. Въ Конституцію VIII года былъ введенъ принципъ отвѣтственности министровъ, какъ будто многіе могли быть отвѣтственны, когда одинъ все могъ и все дѣлалъ. При подобномъ правленіи, министры, не смотря на ихъ личныя достоинства, не могли не быть и дѣйствительно были только простыми чиновниками. Талейранъ за свои заслуги получилъ департаментъ внѣшнихъ сношеній, но трудно сказать было ли это награда или наказаніе, ибо хотя тогда его совѣты и выслушивались, однако онъ заслуживалъ болѣе, чѣмъ назначеніе на подначальное мѣсто, на которомъ долженъ былъ скоро начать изученіе рабства, испортившаго его таланты. Фуше сохранилъ въ полиціи свое мѣсто, полученное имъ

еще по довѣрію Директоріи, — опасное поощреніе, оказанное измѣнѣ! Въ продолженіе нѣскольких недѣль значеніе его министерства увеличилось непомѣрно, какъ это бываетъ всегда при неограниченномъ правленіи. Въ странѣ свободной полиція — рядъ побочныхъ колесъ механизма; въ правленіи неограниченномъ — это двигатель, подчиняющій себѣ всю систему. Будучи оставленъ на мѣстѣ, не смотря на отвращеніе, внушаемое несравненнымъ его превосходствомъ въ искусствѣ обмановъ, глубокій знатокъ своего ремесла и персонала заговоровъ, пользуясь довѣріемъ многихъ особъ прежней террористской партіи, которой онъ въ одно и то же время измѣнялъ и покровительствовалъ, Фуше стремился сдѣлаться необходимымъ человѣкомъ, и Бонапарте дѣйствительно подчинился этому съ тѣмъ, чтобъ послѣ раскаяваться, что не слѣдовалъ въ этомъ случаѣ правиламъ Макіавели.

Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ Люціанъ смѣнилъ математика Лапласа, назначеннаго сперва по поводу знаменитаго имени, но который въ сферу своей дѣятельности внесъ мелочную личность ученаго, мало пригодную для того времени и для такой должности. Изъ всѣхъ братьевъ перваго консула Люціанъ былъ наиболѣе замѣчательною личностью. Пылкое и трибунское краснорѣчіе, безпокойная дѣятельность напоминали издали лихорадочный темпераментъ брата; но онъ не обладалъ тактомъ, и притомъ живому и быстрому уму его недоставало умѣренности. Честолюбіе превышало въ немъ способности, и мало согласовалось съ честолюбіемъ человѣка, который не могъ терпѣть вокругъ себя честолюбцевъ. Противъ Люціана было еще одно обстоятельство, непростительнѣе даже его недостатковъ — это громадность услугъ, оказанныхъ въ брюмэрѣ. Въ политикѣ, заслуги подобнаго рода всегда служатъ залогомъ неблагодарности, по поводу требованій, которыя вызываютъ онѣ съ одной стороны, и несостоятельности, которую онѣ устанавливаютъ съ другой.

Остальные члены министерства были болѣе специальные, назначенные по опытности въ дѣлахъ, по административнымъ способностямъ, по испытанной честности, какъ Годенъ въ министерствѣ финансовъ, Абріаль въ юстиціи, Форже въ морскомъ, Бертье въ военномъ. Не разъ выставлялось, что Бонапарте особенно любилъ честныхъ администраторовъ. Вкусъ этотъ естественъ у главы правительства, которому всегда интересно, чтобъ дѣла производились правильно, но онъ всегда поразителенъ у деспотовъ, по причинѣ своего контраста съ ихъ личнымъ поведеніемъ. Впрочемъ, что можетъ быть искуснѣе, какъ назначать честныхъ чиновниковъ на службу развратной политики.

Море, честный и неутомимый труженикъ, исполнялъ обязанность государственнаго секретаря и служилъ посредникомъ между консулами и министрами. Кромѣ того, министерство ни въ дѣйствіяхъ, ни въ мысляхъ не имѣло солидарности, какую выражаетъ это слово въ странахъ свободныхъ: каждый отвѣчалъ только за себя и ни мало не заботился о коллективномъ единствѣ. Узкая зависимость, въ которую были поставлены министры отъ Перваго Консула, заставляла ихъ весьма естественно предпочитать имѣть дѣло только съ нимъ однимъ. Чѣмъ болѣе былъ кто обязанъ жертвовать ему собственными мнѣніями, тѣмъ менѣе тотъ чувствовалъ расположенія къ уступчивости относительно другихъ, и чувство это зашло такъ далеко, что Талейранъ съ первыхъ же дней своего министерства заявилъ желаніе работать только съ нимъ, исключая даже двухъ остальныхъ консуловъ. Итакъ министры имѣли только значеніе, вытекавшее изъ ихъ личныхъ достоинствъ, и съ этой точки зрѣнія выборъ былъ сдѣланъ удачно; ибо одни обѣщали трудолюбивыхъ и точныхъ администраторовъ, въ которыхъ ощущалась настоятельная необходимость, другіе удовлетворяли общественное мнѣніе, которое словно стремилось къ тому, чтобъ быть обманутымъ. „Какой революціонеръ не довѣ-

рится порядку вещей, гдѣ Фуше будетъ министромъ, говорилъ первый консулъ своему брату Іосифу.—Какой дворянинъ не понадѣется жить подъ прежнимъ епископомъ Омунскимъ? Одинъ берегетъ меня слѣва, другой справа. Я открываю большую дорогу, у которой всѣ могутъ сходиться" [13]).

Дѣйствительно, всѣ могли сходиться у нее, съ условіемъ довольствоваться этими пустыми видимостями и отказаться отъ всего, что любили и чему служили прежде. Онъ хотѣлъ устроить, подъ тѣнью своего могущества, родъ нейтральной почвы, на которой всѣ партіи могли бы сложить оружіе, подать руку другъ другу и отказаться отъ всѣхъ мнѣній въ его пользу; онъ надѣялся соединить ихъ, не давъ имъ удовлетворенія; ему казалось, что собственное его величіе долженствовало замѣнить для нихъ все, и что его одного достаточно будетъ для всѣхъ условій примиренія. Мечтѣ этой, повидимому, покровительствовало всеобщее изнеможеніе, но осуществить ее могъ одинъ только высшій, безличный, безкорыстный принципъ, какъ свобода, ибо не въ природѣ человѣка жертвовать факту своими мнѣніями, даже своими предразсудками. Мысль, подсказавшая Первому Консулу выборъ въ министерство, вдохновила его также и на образованіе Сената, Законодательнаго Корпуса, Государственнаго Совѣта, Трибуната и впослѣдствіи всей администраціи. Всѣ эти учрежденія онъ наполнилъ людьми всѣхъ происхожденій, общею чертою которыхъ было поклоненіе его могуществу. Онъ не замѣчалъ, что, отдаваясь ему цѣною подобнаго отрицанія, они могли только принести преданность ему по приказу, и въ дѣйствительности отдавались лишь его счастливой судьбѣ. Горе ему въ тотъ день, когда она покинула бы его. Но онъ льстилъ себя надеждою передѣлать ихъ своимъ вліяніемъ, какъ передѣлалъ онъ фанатизированнаго солдата. Можно было сказать, что отъ него за-

---

[13]) *Записки* короля Іосифа. *Прим. автора.*

висѣло уничтожать прошедшее, и что все долженствовало считаться со времени его, такъ сказать, воцаренія: мысль полезная, еслибъ цѣлью ея было торжество дѣла безкорыстнаго, и весьма нечестивая съ той минуты, когда ее внушили личные поводы. Бонапарте могъ все, за исключеніемъ одного — поднять свою особу на высоту принципа.

Назначеніе персонала въ главныя государственныя учрежденія представляло громадный соблазнъ для честолюбцевъ. Они и пользовались этимъ съ постыдною жадностью, которую всегда выказывали въ обстоятельствахъ подобнаго рода, и которая такъ легко обманываетъ новую власть, расположенную часто видѣть національный порывъ тамъ, гдѣ существуетъ одинъ только порывъ жадности. Сенатъ отворился для карьеръ уже готовыхъ и сдѣлался пріютомъ для знаменитостей, которымъ старость закрывала поприще дѣйствительное, или сталъ наградою нѣкоторыхъ преданныхъ лицъ, неудобныхъ для болѣе полезнаго употребленія. Къ числу первыхъ принадлежали: Кабанисъ, Монжъ, Бертолле, Серрюрье, Вольней, Детю-де-Трасси; къ числу послѣднихъ: Корне, Форгъ, Карнюде, Вернье, и всѣ депутаты Совѣта *Старшинъ*, исполнившіе свое порученіе, призвавъ солдатъ въ законодательную залу. Одинъ старый Дюси отвергъ честь, которую приходилось ему раздѣлять съ подобными товарищами—и таково уже было время, что отказъ его показался геройскимъ поступкомъ. Законодательный Корпусъ—собраніе безгласныхъ, призванныхъ вотировать законы, обсужденные другими, состоялъ изъ трехсотъ членовъ—безъименная толпа, изъ среды которой не могла появиться ни одна репутація.

Трибуны, родъ законодательныхъ евнуховъ, которымъ дано было право преній, безъ вотировки, т. е. слово безъ дѣйствія, заранѣе лишенные уваженія этимъ нѣсколько смѣшнымъ увѣчьемъ, низводившимъ ихъ до степени простыхъ политическихъ виртуозовъ, принимали въ свои ряды все, что недавно отличалось между ораторами и публицистами

молодостью въ соединеніи съ талантами, краснорѣчіемъ, благородствомъ чувствъ. Такъ какъ Трибунатъ былъ единственный органъ, которому Конституція VIII года предоставила свободу преній, то не довольствуясь тѣмъ, что его парализовали, отнявъ у него все дѣйствительное вліяніе на дѣла, но хотѣли ослабить его моральный авторитетъ, осудивъ его, при помощи его же роли, на систематическую, повидимому, оппозицію, а это было сдѣлано съ цѣлью отнять въ глазахъ общества всякую цѣну самыхъ справедливыхъ его сужденій. Въ самомъ дѣлѣ, трибуны, которые не имѣли другаго назначенія, какъ оспаривать законы, предлагаемые государственными совѣтниками, были самимъ учрежденіемъ поставлены въ неизбѣжный антагонизмъ съ правительствомъ. При подобныхъ условіяхъ порицаніе ихъ казалось ремесломъ, предвидѣннымъ результатомъ условленной роли; краснорѣчіе ихъ теряло всякое вліяніе на умы, и весь этотъ великолѣпный огонь расходился дымомъ.

Итакъ, къ преимуществу держать подъ рукою на глазахъ правительства все, что было молодаго и пылкаго среди политическихъ партій, учрежденіе это присоединяло еще и ту выгоду, что принуждало оппозицію разсыпатьси въ тщетныхъ словахъ, а еще болѣе старались уронить ихъ и сдѣлать подозрительными въ виду общественнаго мнѣнія. Этимъ способомъ были осуждены на изнеможеніе въ безвѣстной и безвыходной борьбѣ люди, которые прославили бы свободное правительство, какъ Дону, Бенжаменъ-Констанъ, Шенье, Ж. Б. Сай; другіе, которые могли бы оказать важныя заслуги солидностью познаній, прямотою характера, какъ Ганиль, Седиллѐ, Гингенѐ, Тиссѐ, Андрьё. Впрочемъ къ нимъ позаботились присоединить довольно людей, въ преданности которыхъ были увѣрены, какъ Шовленъ, Станиславъ Жирарденъ, Ріуффъ.

На сколько Трибунатъ обиженъ былъ положеніемъ, на столько Первый Консулъ расточалъ милостей и преиму-

ществъ Государственному Совѣту — предмету всѣхъ своихъ симпатій. Изъ этого учрежденія онъ сдѣлалъ не только родъ лабораторіи, обязанной выработывать законы, но настоящій правительственный совѣтъ, сотрудничавшій съ министрами. Онъ раздѣлилъ его на многіе отдѣлы, имѣвшіе свое назначеніе—военное, морское, финансовое, внутреннихъ дѣлъ и юстиціи. Онъ призвалъ туда людей съ наиболѣе блестящею репутаціею, самыхъ честолюбивыхъ; назначилъ содержаніе наравнѣ съ Сенатомъ, облекъ довѣріемъ, осыпалъ необыкновенными наградами, однимъ словомъ придалъ блескъ, затмѣвавшій всѣ прочія собранія съ цѣлью, чтобъ взоры всѣхъ натурально обращались въ эту сторону. Благодаря этому разсчитанному обаянію, публика должна была нечувствительно и постепенно забывать темныхъ депутатовъ и трибуновъ, представлявшихъ націю, и обращаться къ государственнымъ совѣтникамъ, представлявшимъ только власть. Мало-по-малу можно было добиться придать этому собранію, помѣщенному близъ консула, значеніе истинной, національной делегаціи, и такимъ образомъ установился бы призракъ контроля, безъ неудобства послѣдняго. Тогда Трибунатъ сочиненія Сье, принятый Первымъ Консуломъ съ крайнимъ отвращеніемъ, могъ быть отмѣненъ какъ безполезное излишество.

Тамъ собрана была большая часть сотрудниковъ Бонапарте по брюмэрскому государственному перевороту — Рёдереръ, Реньо-де-Сенъ-Жанъ-д'Анжели, Булай-де-ла-Мёртъ, Реаль, Бернье, Ренье; нѣкоторые изъ старинныхъ его товарищей по оружію, полезные для употребленія въ военной администраціи, какъ Брюнъ, Мармонъ; соединенные ройялисты — Девэль, Дюфренъ, Дефермонъ; знаменитѣйшіе спеціалисты: Гантомъ, Шапталь, Фуркроа. Люди эти съ неоспоримыми способностями, издавна посвященные въ дѣла, были драгоцѣнными помощниками въ громадномъ трудѣ преобразованія, предпринятомъ Первымъ Консуломъ; и хотя они

получали отъ него направленіе, но сами были въ сущности истинными дѣятелями. Какъ, впрочемъ, ни было громадно дѣло, котораго должно приписать имъ успѣхъ или неуспѣхъ, оно все-таки было гораздо менѣе трудно, чѣмъ можно предположить съ перваго раза, благодаря быстрой системѣ, введенной въ моду главою правительства: деспотизмъ упрощаетъ все.

Но этому собранію блестящихъ и разнообразныхъ талантовъ недоставало качества, которое Бонапарте желалъ, чтобъ ему придало общественное мнѣніе, именно — независимости. Всѣ члены Государственнаго Совѣта были его сообщники, или его креатуры, или чѣмъ-нибудь ему обязанные; всѣ зависѣли отъ него, всѣ передъ нимъ дрожали. Обидное положеніе это говорило громче, нежели мнимыя вольности, которыя онъ придалъ имъ, чтобъ дешевыми средствами придать имъ популярность, присущую свободнымъ собраніямъ. Онъ могъ имъ дать всѣ роды власти, за исключеніемъ этой. Онъ употребилъ много искусства, чтобъ увѣрить, что, по опредѣленію Рёдерера, государственный совѣтникъ „былъ трибунъ, поставленный у высочайшей власти.“ Съ этою-то цѣлью онъ часто являлся среди ихъ, вызывалъ критику и противорѣчіе, велѣлъ разгласить въ публикѣ, что одинъ членъ рѣшился даже прервать его во время обсужденія, вслѣдствіе чего онъ воскликнулъ съ прелестнымъ добродушіемъ: „Позвольте мнѣ продолжать; вѣдь, мнѣ кажется, здѣсь каждый имѣетъ право выражать свое мнѣніе.“ Но всѣ эти усилія были тщетны, публика никогда не вѣрила въ независимость Государственнаго Совѣта. Даже на островѣ св. Елены, чрезъ много лѣтъ впослѣдствіи, онъ старался утвердить эту легенду; но по оплошности онъ примѣшивалъ такіе разсказы, строго противорѣчившіе мысли, которую онъ хотѣлъ привести. Напримѣръ, онъ передаетъ, что однажды сказалъ члену, который довелъ его до крайности: „Послѣдній разъ вы не заходили такъ далеко; *вы заставили меня по-*

чесать високъ, а это у меня значительный признакъ. Впредь избѣгайте доводить меня до этого“ [14]). Слова *до этого* обозначаютъ предѣлъ, за которымъ смѣльчакъ начиналъ уже становиться мятежникомъ. Подобно Юпитеру, онъ хотѣлъ повелѣвать простымъ мановеніемъ бровей; но терпѣлъ, чтобъ оппозиція простиралась до такой степени. Судя по всѣмъ вѣроятіямъ, исторія, такъ же какъ и современники, не повѣрятъ въ независимость тѣхъ, кто согласовалъ свое поведеніе съ подобными продѣлками.

Наконецъ эти дѣятельные и ловкіе сотрудники, съ тѣхъ поръ сдѣлавшіеся рабами фортуны, которая отчасти была ихъ дѣломъ, были не лишни, чтобъ привести къ счастливому окончанію задачу, которую генералъ Бонапарте взялъ на себя, при овладѣніи властью. Независимо отъ огромности труда по образованію частей административной и юридической, которое предстояло ему осуществить на развалинахъ республиканскихъ учрежденій, для него необходимо было уничтожить грозныя политическія усложненія, увеличившіяся со времени паденія Директоріи. Вандейская война, не смотря на возникшіе переговоры съ нѣкоторыми изъ главныхъ вождей, какъ Андинье и Гидъ-де-Невиль, болѣе и болѣе распространялась въ Бретани и проникла даже въ Нормандію. Необыкновенно важно было потушить ее прежде начатія непріятельскихъ дѣйствій съ иностранными державами, воинственное расположеніе которыхъ не представляло сомнѣнія, не смотря на неудачи, испытанныя ими въ предшествовавшемъ году въ Голландіи и Цюрихѣ. Самъ Первый Консулъ желалъ открытія новой кампаніи, ибо ему лучше всѣхъ было извѣстно, что каждое хищничество, для оправданія себя, нуждается въ важныхъ успѣхахъ, пріобрѣтаемыхъ въ мирное или въ военное время, а онъ естественно болѣе былъ расположенъ искать этихъ успѣховъ на по-

---

[14]) *Ласказъ. Меморіалъ.* *Прим. автора.*

прищѣ, доставившемъ уже ему столько славы. Но такъ какъ ничто еще не было готово къ войнѣ, то ему настояла надобность выиграть время; но въ силу одного изъ противорѣчій, столь частыхъ во Франціи, война въ то время была весьма непопулярна у народа, поставившаго солдатъ во главѣ правительства, а потому Бонапарте рѣшился сдѣлать торжественную попытку въ пользу мира, чтобъ въ глазахъ народа, придать себѣ заслугу—желаніе установить миръ, и свалить на однихъ иностранцевъ всю тягость отвѣтственности за возобновленіе непріятельскихъ дѣйствій.

Итакъ въ то же время, когда онъ относился съ энергическимъ и вмѣстѣ вкрадчивымъ воззваніемъ къ восточнымъ департаментамъ, вѣра которыхъ въ королевское дѣло уже была сильно поколеблена, ему хотѣлось войдти въ личныя и прямыя сношенія съ двумя важнѣйшими государями коалиціи, съ королемъ Англійскимъ и императоромъ Австрійскимъ. Онъ писалъ тому и другому, предлагая миръ и собщая и заявляя о своемъ занятіи консульской обязанности. „Неужели нѣтъ никакого средства къ соглашенію? писалъ онъ къ Англійскому королю.—Неужели должна вѣчно продолжаться война, вотъ уже восемь лѣтъ опустошающая четыре части свѣта? Какимъ образомъ двѣ націи, наиболѣе просвѣщенныя въ Европѣ, могущественныя и крѣпкія болѣе нежели требуютъ ихъ безопасность и независимость, могутъ суетнымъ идеямъ величія жертвовать *благо торговли, внутреннее благоденство, семейное счастье?* Какимъ образомъ онѣ не понимаютъ, что миръ первѣйшая необходимость и первѣйшая слава?“ (25 декабря 1799). Въ письмѣ къ императору заключались тѣ же мысли только въ различныхъ выраженіяхъ, и напоминалось этому монарху объ отношеніяхъ, уже существовавшихъ у него съ генераломъ Бонапарте. Эти два манифеста, адресованные скорѣе къ французскому народу, нежели къ иностраннымъ, не только что были неупотребительны въ дипломатическихъ сношеніяхъ и

легче могли возстановить, чѣмъ убѣдить тѣхъ, къ кому были посланы, но по крайней мѣрѣ относительно Англіи имѣли ошибку претендовать на перемѣну учрежденій для удовольствія генерала Бонапарте. Дѣйствительно, въ Англіи верховное веденіе какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ дѣлъ всегда принадлежало не монарху, но министрамъ,—единственнымъ распорядителямъ національной политики, подъ главнымъ надзоромъ Парламента, и король не могъ бы отвѣчать на вопросы, предложенные ему такъ свободно генераломъ Бонапарте, не нарушивъ британской Конституціи.

Какъ ни былъ Первый Консулъ мало знакомъ съ англійскими учрежденіями, которыя всегда оставались для него загадкою, какъ ни могла показаться ему неправдоподобною конституціонная щекотливость, которую онъ всегда считалъ чистѣйшею комедіею, трудно предположить, чтобъ его не предостерегалъ отъ этой ошибки Талейранъ, такъ долго жившій въ Англіи и занимавшійся важными порученіями. Но Бонапарте въ этомъ случаѣ хотѣлось единственно произвести эффектъ посильнѣе. Онъ не надѣялся и даже не хотѣлъ мира, но желалъ убѣдить французовъ, что употребилъ все для его достиженія, и онъ зналъ, что ихъ поразитъ скорѣе это его личное заклинаніе, адресованное къ монархамъ, нежели предложеніе, сдѣланное по скромной канцелярской формѣ. Пренебреженія этою формою, которой французы не могли понять причины существованія и которая въ глазахъ ихъ была не болѣе какъ утонченностью запоздалаго этикета, одного уже пренебреженія достаточно было, чтобъ они возымѣли высокое мнѣніе о своемъ представителѣ: онъ сразу становился выше другихъ, выше старинныхъ предразсудковъ и суетныхъ приличій; онъ, ихъ избранникъ, велъ себя какъ равный съ равнымъ съ корнованными монархами. Унизительная гордость у республиканцевъ, прежде столь презрительныхъ къ королямъ, и начавшихъ уже гордиться тѣмъ, что одинъ изъ среди ихъ насильно втерся въ трапезу государей.

Эта выходка,—постановка которой на сцену была отлично разсчитана для возбужденія умовъ, что и было главною ея цѣлью, кромѣ того вызвала серьезное замѣшательство въ англійскомъ министерствѣ, доставивъ оружіе оппозиціи. Англійскій народъ дѣйствительно усталъ не менѣе французовъ отъ этой нескончаемой и разорительной войны, но Питтъ, который хотѣлъ продолжать ее, создалъ себѣ отличный предлогъ въ нашемъ отказѣ идти на мировую, отказѣ, такъ удачно подтвержденномъ тогда лилльскими конференціями. Предлогъ этотъ падалъ передъ выходкою Перваго Консула, и, какъ Талейранъ предвидѣлъ и заявилъ, оппозиція извлекла изъ нея огромныя выгоды противъ своего могущественнаго соперника.

Отказываясь отъ мира, который предлагали ему съ такимъ упорствомъ, Питтъ имѣлъ политическія и разумныя причины, весьма не похожія на ту слѣпую ярость, которую ему приписываютъ по преданію. Имѣющіяся въ настоящее время его сообщенія, адресованныя имъ къ его сотрудникамъ и самымъ близкимъ довѣреннымъ, не дозволяютъ упорствовать въ этой удобной системѣ, которая столь долго замѣняла одними ругательствами представленіе фактовъ. Во-первыхъ, Питтъ считалъ Францію болѣе изнеможенною нежели она была на самомъ дѣлѣ,—мнѣніе до нѣкоторой степени оправдываемое слабостью и безпорядками въ послѣднее время директорьяльнаго управленія; не смотря на неудачи предшествовавшаго года, онъ думалъ, что коалиція, дѣйствуя настойчиво еще нѣсколько мѣсяцевъ, могла получить или предложить миръ несравненно выгоднѣйшій. Во-вторыхъ онъ полагалъ, что Бонапарте не удастся утвердиться; военная диктатура не должна была, по его мнѣнію, продлиться у столь непостояннаго народа, и что по всѣмъ вѣроятіямъ, она приведетъ къ возвращенію прежней монархіи. Наконецъ онъ достигалъ уже возможности собрать плоды съ двухъ давно ожиданныхъ событій, выгоду которыхъ могли уничтожить переговоры: одно изъ нихъ очищеніе Египта, а можетъ быть, даже

и плѣненіе нашей арміи, ибо надежды его простирались до этого; другое—высадка въ то время казавшаяся близкою, хотя она и не состоялась, англійской арміи на побережья Бреста для вспомоществованія ройялистскому мятежу, и чтобъ сохранить этотъ портъ для короля, т. е. во имя старшаго королевскаго брата (Monsieur), котораго онъ получилъ уже согласіе [15]).

Письмо Перваго Консула дошло къ нему въ то время, когда онъ былъ занятъ различными проэктами и ожидалъ близкаго ихъ осуществленія. Пылкость и нетерпѣливыя желанія помѣшали его обычной вѣрности сужденій и страшно преувеличили затрудненіе консульскаго правительства; онъ не понялъ, что Первый Консулъ просилъ мира только изъ разсчета на популярность и въ видахъ приготовленія войны, и что невозможно было оказать ему худшей услуги, какъ поймать его на словѣ, принявъ его предложеніе. Зачѣмъ вступать въ переговоры съ властью, будущее которой казалось такъ мало обезпеченнымъ? Почти этими же словами онъ мотивировалъ свое рѣшеніе товарищу и другу своему Дондасу: „я полагаю, писалъ онъ ему:—что въ настоящее время намъ ничего не остается какъ отказаться отъ всякихъ переговоровъ, потому что современное положеніе Франціи не представляетъ еще достаточно твердой почвы, которая могла бы обѣщать какую нибудь обезпеченность для этого, но мы должны постараться ясно выразить, что какъ только обезпеченность эта представится намъ возможною, то мы съ величайшею готовностью примемъ всякое предложеніе объ общемъ мирѣ. Я полагаю, все это можно выразить такимъ образомъ, чтобы дать понять французскому народу, что ближайшій путь къ достиженію мира—возстановленіе королевской власти, а слѣдодовательно, и увеличеніе шансовъ этого исхода, наиболѣе желательнаго“ (31 декабря 1799).

---

[15]) Письмо Питта къ Дондасу (21 декабря 1799) въ *Исторіи I. Питта и его времени*, лорда Стенгопа. *Прим. автора.*

Послѣднія эти слова объясняютъ намъ тайну грубой и замѣчательной ошибки, сдѣланной Питтомъ въ депешѣ, адресованной чрезъ нѣсколько дней въ отвѣтъ на письмо Перваго Консула. Не понятно, что государственный мужъ, доблестый во многихъ отношеніяхъ, первый министръ у народа, у котораго національное чувство столь гордо и щекотливо, не понялъ, какую онъ неисправимую дѣлалъ ошибку, какую драгоцѣнную услугу оказывалъ своему противнику, и какой роковой ударъ наносилъ дѣлу, которое самъ защищалъ, предлагая какъ неизбѣжное почти условіе мира возстановленіе изгнанной династіи. Депеша эта была адресована не Первому Консулу, а Талейрану, и подписана статъ-секретаремъ иностранныхъ дѣлъ лордомъ Гренвилемъ. Сперва министръ заявилъ, что его Британское величество не видитъ никакой причины отказываться отъ прежнихъ формъ, установленныхъ для дипломатическихъ сношеній. Войдя потомъ въ обсужденіе фактовъ и устранивъ филантропическія условія, развитыя въ консульскомъ манифестѣ, онъ старался увѣрить, что Англія всегда желала мира, желала его и въ данную минуту, но заключеніе его не зависѣло отъ нея до тѣхъ поръ, пока существовали причины войны. Причины эти заключались единственно въ системѣ нашествія и пропаганды, приведшихъ наши арміи въ Голландію, Италію, Швейцарію и Египетъ, безъ всякаго побужденія со стороны этихъ народовъ. Пока эта система не будетъ оставлена, миръ невозможенъ, а для доказательства отреченія отъ нея недостаточно пустыхъ увѣреній, которыя такъ часто расточала Директорія, а необходимъ залогъ серьезный, основанный на фактахъ. Лучшимъ залогомъ было бы возстановленіе прежней династіи; но его величество нисколько не думалъ предписывать французамъ форму правленія, а только требовалъ, чтобъ внутреннее ихъ положеніе представляло дотаточныя обезпеченія для договора.

Нѣкоторыя изъ этихъ обвиненій были основательны, въ особенности выражавшія недовѣріе, которое долженъ былъ

внушать человѣкъ, вліяніемъ своимъ введшій систему завоеваній на мѣсто прежнихъ оборонительныхъ войнъ въ первые годы французской революціи; другія были положительно несправедливы и не политичны какъ по стремленію своему къ вмѣшательству въ наши внутреннія дѣла, такъ и потому, что они не принимали въ разсчетъ участья, принятаго Англіею посредствомъ вызововъ и интригъ въ этомъ гибельномъ уклоненіи нашихъ войнъ за свободу и въ раздраженіи революціоннаго духа. Нота лорда Гренвиля явилась какъ разъ кстати, чтобъ услужить планамъ Бонапарте, глубоко оскорбляя національную гордость. Бонапарте не принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые не воспользовались бы подобною ошибкою, и захотѣлъ извлечь изъ нея всю возможную выгоду, снова настаивая на своемъ предложеніи, въ видахъ выставить еще рельефнѣе и свои мирныя наклонности и недобрыя желанія своихъ противниковъ.

Вторая нота, подписанная на этотъ разъ Талейраномъ, пунктуально отвѣчала на всѣ доводы англійской ноты. Въ ней смѣло взваливалась на политику Питта отвѣтственность не только за начало войны, но и за дальнѣйшее развитіе, принятое ею. Что касается до намека относительно возстановленія дома Бурбоновъ, нота отвергала его, напоминая Ганноверской династіи ея собственное происхожденіе: династія эта была также избранною властью въ лицѣ своего основателя. При томъ она не разъ имѣла сношенія съ властью, исшедшею изъ революціи, слѣдовательно, не было никакой серьезной причины отвергать предложенія, внушенныя желаніемъ положить конецъ столькимъ бѣдствіямъ. Оправданіе это, адресованное скорѣе къ публикѣ, нежели къ британскому кабинету, со стороны послѣдняго вызвало только декларацію, подтверждавшую первыя возраженія; и этотъ дипломатическій споръ, которому нарочно была придана огромная публичность, заключился преимущественно въ пользу того, кто его затѣялъ, хотя, будучи искуснѣе веденъ англійскимъ

министромъ, онъ могъ бы очень дурно окончиться для Бонапарте.

Впрочемъ британскій кабинетъ получилъ удовлетвореніе въ преніи, которое онъ же возбудилъ въ Парламентѣ, по поводу адреса по вопросу о мирѣ или о войнѣ, и для Европы было зрѣлище не безъ значенія, что въ Англіи вопросъ этотъ отданъ былъ на обсужденіе двухъ свободныхъ палатъ, а въ странѣ, называвшейся еще Французскою республикою, онъ самовластно былъ рѣшенъ по произволу одного человѣка. Оппозиція, предводимая въ палатѣ лордовъ герцогомъ Бедфордомъ и лордомъ Греемъ, а въ палатѣ общинъ Фоксомъ, Эрскайномъ, Тирнеемъ и Уайтбродомъ, искусно воспользовалась ошибкою министра, который защищалъ дѣло Бурбоновъ; но успѣхъ ея далеко не отвѣчалъ успѣхамъ Талейрана. Еще бо́льшую неудачу потерпѣла она, когда начала упрекать кабинетъ въ недовѣріи, которое выражалось въ его депешахъ къ генералу Бонапарте; ибо вмѣсто того, чтобъ стараться отклонить эти упреки, министерскіе ораторы старались главнымъ образомъ показать—на сколько это недовѣріе было справедливо, и перенесли всѣ пренія единственно на эту точку. Лордъ Гренвиль, защищавшій министерство въ палатѣ лордовъ, припомнилъ сперва главнѣйшіе акты внѣшней политики Директоріи, ея презрѣніе къ народному праву и къ праву частному, ея грабительство, нарушеніе договоровъ, ею же подписанныхъ, ея угнетенія слабыхъ державъ въ мирное время. И когда лордъ Грей воскликнулъ, что это была вина Директоріи, а не Бонапарте: „Какъ, сказалъ лордъ Гренвиль:—Бонапарте не имѣетъ ничего общаго съ предшествовавшимъ правительствомъ? Но кому же какъ не Бонапарте принадлежитъ большая часть актовъ, мною упомянутыхъ? Кто заключилъ миръ съ Сардиніею и немедленно его нарушилъ?—Бонапарте. Кто заключилъ и потомъ нарушилъ мирный договоръ съ великимъ герцогомъ Тосканскимъ?—Бонапарте. Кто заключилъ и нарушилъ перемиріе съ Моденою

и другими мелкими итальянскими государствами? — Бонапарте. Кто взялъ выкупъ съ великаго герцога Пармскаго, не смотря на его нейтралитетъ? — Бонапарте. Если Венецiя была вовлечена въ войну, то кто увлекъ ее какъ не Бонапарте? Кто, заключивъ съ Венецiею миръ и давъ ей конституцiю, предалъ ее связанною по рукамъ и по ногамъ Австрiи?—Бонапарте. Если Генуа была покорена и унижена, если пожертвовали богатствами и независимостью этой республики, то и здѣсь вина падаетъ все-таки на Бонапарте. Если ложными предложенiями мира и союза Швейцарiя была увлечена отказаться отъ своихъ правъ и свободы,—ее ограбилъ тотъ-же Бонапарте.“

Трудно было отвѣчать на эти кровавые упреки, ибо участье Бонапарте во всѣхъ этихъ актахъ не подлежало сомнѣнiю, и въ нихъ то лежали уже въ зародышѣ всѣ жалобы, которыя должны были впослѣдствiи лишить его покровительства законовъ какъ „врага Европы.“ Пламенная филиппика Гренвиля увлекла собранiе къ громадному большинству голосовъ, 92 противъ 6, не смотря на протесты герцога Бетфорда и лорда Голланда, а послѣднiй вызвалъ смѣхъ въ палатѣ, являясь поручителемъ въ искренности Бонапарте. Въ палатѣ общинъ, гдѣ оппозицiя была сильнѣе, побѣда оспаривалась долѣе, но по неизбѣжному почти пути и не смотря на усилiя противниковъ Питта, пренiе приведено было на ту же почву. т. е. къ вопросу: степень довѣрiя, которое можно было питать къ Бонапарте, достаточна ли была для того, чтобъ вступить съ нимъ въ переговоры? Первый заговорилъ Дондасъ отъ имени кабинета и спросилъ, можно ли ввѣриться человѣку, который не только игралъ договорами, но, какъ уже всѣмъ извѣстно, отрекся въ Египтѣ отъ своего Бога, когда нашелъ это полезнымъ для своихъ цѣлей. Онъ припомнилъ, что всѣ, кто ни договаривался съ Бонапарте, были имъ обмануты, какъ Генуа, Венецiя, Цизальпина, Тоскана, Турцiя: сколько договоровъ,

столько и обмановъ! Имѣя сношенія съ предшествовавшимъ правительствомъ, сносились до нѣкоторой степени съ французскимъ народомъ; теперь же имѣли дѣло съ однимъ Бонапарте, ибо онъ былъ все во Франціи. Принять его предложенія значило признать его, подтвердить, сдѣлаться орудіемъ его силы. Не англійскому министерству приличествовало принять и исполнять подобную роль [16]). Напрасно Уайтбридъ старался отклонить преніе къ другимъ предметамъ, предоставляя своимъ противникамъ особу Бонапарте, признавая все, что было преступнаго въ его хищничествѣ. Онъ замѣтилъ, не безъ основанія, что принятіе подобнаго повода къ устраненію переговоровъ—значило обречь себя не договариваться никогда, пока Бонапарте сохранитъ власть—слишкомъ смѣлое обязательство. Онъ напомнилъ весьма справедливо, что если французская революція надѣлала много бѣдъ то она была подвинута къ этому безуміемъ, возбужденіями и преступленіями другихъ державъ, и англійская политика, болѣе чѣмъ всякая другая, должна была въ этомъ случаѣ нести свою долю отвѣтственности.

Молодой Каннингъ, начинавшій тогда еще только свою карьеру, отвѣчалъ ему, стараясь показать невозможность поддержанія подобной власти: французы не могли долго предпочитать грубыя и отвратительныя формы военнаго правленія кроткимъ и мягкимъ формамъ своей прежней монархіи; они не въ состояніи были долго выносить тираніи „этого новаго хищника, который, *будучи похожъ на привидѣніе, носитъ на головѣ что-то подобное коронѣ.*“ Самое возвышеніе его доказывало претензію на возстановленіе прежней монархіи. Ерскинъ чрезвычайно краснорѣчиво возражалъ на предложеніе, развитое Уайтбридомъ: „Именемъ Бога! воскликнулъ онъ, заимствуя знаменитую фразу, которую Бурке употребилъ относительно американскаго правительства: — именемъ Бога

---

[16]) *Annual Register:* ann. 1800. *Прим. автора.*

прошу васъ, не будемъ обращать вниманія на характеръ и обѣщанія французскаго правительства, но займемся тѣмъ, что мы можемъ съ нимъ сдѣлать. Къ чему привели осмилѣтнія распри и ругательства? уменьшили ль они зло, причиненное революціею? Нѣтъ, они увеличили его. „Показавъ неизбѣжное униженіе, къ которому должно было привести это слѣпое упрямство, онъ рѣзко выставилъ услугу, которую оказали Бонапарте, возбудивъ ненависть французскаго народа—неловкою защитою дѣла Бурбоновъ. Торней подкрѣпилъ этотъ аргументъ, воскликнувъ: „Что сказали бы вы, еслибы торжествующій генералъ Бонапарте объявилъ, что хочетъ имѣть дѣло только со Стуартами?“ Замѣчанія эти, справедливыя и по большей части благоразумныя, произвели на собраніе впечатлѣніе, но они были сбиты горячимъ воззваніемъ Питта къ національнымъ страстямъ.

Рѣчь Питта служила какъ бы программою продолжительной распри, имѣвшей возникнуть между Англіею и Наполеономъ. Возвысившись съ помощью удивительнаго ясновидѣнія надъ чисто политическими причинами, и угадавъ съ прозорливостью ненависти по фактамъ прошлаго, роль, которую вскорѣ долженъ былъ занять Бонапарте, онъ выставилъ Англію какъ единственное убѣжище отъ бѣдствій, которыя вскорѣ имѣли наводнить Европу, и какъ скалу, о которую должна была разбиться эта грозная фортуна. Англія одна оставалась неприкосновенною отъ нашествія французской революціи. Надо было сохранить за нею это преимущество, надо было спасти орудіе, долженствовавшее служить къ освобожденію Европы. Предпочтительнѣе было продолжать войну, нежели вступать въ переговоры съ вѣроломнымъ человѣкомъ. *Pacem nolo quia infida*, сказалъ онъ, заимствуя фразу у Цицерона. Правда, онъ согласился на переговоры съ Республикою со времени лилльскихъ конференцій; но кто уничтожилъ эти переговоры? успѣхъ 18 фруктидора; а кто создалъ 18 фруктидора? — генералъ Бонапарте. Благодаря

ему осуществилась эта первая попытка деспотизма, которую онъ уступилъ только деспотизму брюмэра. Тогда возвращаясь къ сдѣланному ему упреку по тому поводу, что онъ ободрялъ претензіи прежней династіи, онъ показалъ, какая была выгода для Англіи и для всей Европы видѣть ея возстановленіе, и какая возникла бы изъ этого безопасность для международныхъ сношеній. При томъ состояніи нищеты и истощенія, въ которомъ находилась Франція, власть ея могла жить и продолжаться только системою воровства, конфискацій и завоеваній. Но какъ измѣнился бы порядокъ вещей, еслибы на престолъ вступилъ наслѣдникъ Бурбоновъ! Вмѣсто того, чтобъ безпокоить своихъ сосѣдей, у него было бы достаточно заботъ объ излѣченіи ранъ отечества и о вознагражденіи потерь, причиненныхъ десятилѣтними, гражданскими потрясеніями, о поднятіи торговли и промышленности, о возобновленіи мануфактуръ. Каковы бы ни были виды возстановленнаго монарха, вѣроятно, прошло бы много времени, пока его власть была бы въ состояніи сдѣлаться опасною для Европы.

Такимъ образомъ общій характеръ борьбы, имѣвшей наступить, и эпохи до него послѣдовавшей, былъ чрезвычайно вѣрно угаданъ, конечно съ неизбѣжными ошибками въ подробностяхъ, человѣкомъ, которому судилось до послѣднихъ дней жизни принимать участье въ этомъ порядкѣ дѣлъ. Онъ не ошибался, приписывая Бонапарте хищническій характеръ внѣшней политики, принятый французскою революціею въ послѣдніе годы, но онъ позабылъ, что у нея были другія страсти и другіе принципы, и, не зная этого различія, онъ ставилъ ее нѣкоторымъ образомъ въ необходимость дѣйствовать съобща съ ея главою; объявляя о солидарности, онъ способствовалъ къ ея созданію, точно также какъ увѣряя съ жаромъ въ соперничествѣ своей страны съ Бонапарте, онъ укрѣплялъ это соперничество и придавалъ ему новыя причины къ существованію. Но самая серьезная ошибка его

заключается въ томъ, что онъ предполагалъ Францію истощенною, бывшею не въ состояніи поддерживать долгую борьбу и мало расположенною къ новому деспотизму. Итакъ это было самое ложное предположеніе и именно потому, что политика его принимала характеръ вызова Франціи отъ имени ненавистной соперницы, онъ удесятерялъ силы непріятеля, уничтоженіе котораго считалъ неизбѣжнымъ. Тѣмъ не менѣе справедливо, что главнымъ препятствіемъ къ успѣху этихъ сношеній было недовѣріе, внушенное и характеромъ и прошедшимъ Бонапарте... Всѣ парламентскія пренія сходились на этой единственной точкѣ — обстоятельство, которое *Монитеръ* постарался скрыть съ помощью цинической передѣлки министерскихъ рѣчей, но за то въ немъ прочли мнимое письмо кардинала Йорка къ Георгу III, требовавшаго возвращенія *своего королевства*, и ироническія поздравленія Людовика XVIII тому же государю [17]).

Лучше наученная собственнымъ опытомъ и болѣе подверженная ударамъ противника, не смотря на свои недавніе успѣхи въ Италіи, Австрія съ большею умѣренностью отвѣчала на предложеніе Перваго Консула, но тѣмъ не менѣе съ непоколебимымъ упорствомъ отвергла миръ, предложенный на основаніяхъ Кампо-формійскаго договора. Она занимала теперь не только Ломбардію, но Пьемонтъ и Папскія владѣнія; она ни мало не обнаруживала готовности возвратить эти государства прежнимъ ихъ владѣтелямъ; она очень скоро привыкла распоряжаться ими какъ своею собственностью, и не могла рѣшиться уступить ихъ безъ боя. Такъ какъ Бонапарте настаивалъ на своемъ предложеніи и предлагалъ ей большія выгоды въ Италіи, то австрійскій кабинетъ отвѣчалъ, что не можетъ вступить въ переговоры безъ своихъ союзниковъ,—обнаруживая этимъ, что получалъ субсидіи отъ Англіи.

---

[17]) *Монитеръ* отъ 12 и 23 февраля 1800. *Пр. автора.*

Надежда на миръ была равно потеряна и съ этой стороны. Не оставалось другаго средства, какъ набрать возможно большее количество союзниковъ между нейтральными державами, или отнять у коалиціи такія государства, которыя колебались отъ досады или скуки. Бонапарте одно время надѣялся достигнуть этой двойной цѣли при помощи Пруссіи. Въ первые же дни временнаго консульства онъ послалъ въ Берлинъ своего адъютанта Дюрока, наилучшаго дипломата изъ всѣхъ офицеровъ. Нейтралитетъ Пруссіи оказалъ намъ чрезвычайно важныя услуги въ то время, когда противъ насъ была вооружена вся Европа; ее усиливались склонить къ союзу, приманивая ее блескомъ завладѣнія ганзейскими городами, на которые, сказать правду, мы не имѣли даже права завоеванія; но не въ этомъ состояло затрудненіе. Дюрокъ произвелъ благопріятное впечатлѣніе своимъ умомъ и тактомъ, но не успѣлъ склонить молодаго короля въ пользу проэктовъ Бонапарте; подобно ему, и Бернонвиль [18]) потерпѣлъ пораженіе. Не смотря на то, Пруссія, польщенная ролью посредницы и руководительницы, предвидѣнною въ будущемъ, и будучи счастлива тѣмъ, что великія державы разорялись людьми и деньгами, въ то время когда сама она укрѣплялась, охотно предложила услуги присоединить къ своей нейтральной системѣ небольшія германскія государства, и отклонить императора Павла I отъ коалиціи. Надежды на послѣднее казались тѣмъ прочнѣе, что императоръ Павелъ былъ недоволенъ на Австрію, которой приписывалъ неудачи Суворова, и которая не хотѣла возстановить престоловъ итальянскихъ государей, а еще болѣе гнѣвался на Англію за отказъ ея отдать Мальту рыцарямъ Страннопріимнаго Ордена, которыхъ онъ былъ гроссмейстеромъ.

Чѣмъ болѣе война становилась неизбѣжною, тѣмъ необ-

---

[18]) Тогдашній Французскій посланникъ въ Берлинѣ. *Пр. перев.*

ходимѣе было покончить съ внутренними затрудненіями. Эта необходимость войны, такъ скоро созданная для Франціи, среди самаго кризиса преобразованія, возвышеніемъ человѣка, который представлялъ олицетвореніе завоеваній, тяжело повліяла на будущность нашей страны. Въ то время вырабатывались планы административной реформы; всѣ они задуманы въ виду крайняго, тогдашняго положенія, или по крайней мѣрѣ черпали изъ него силу убѣжденія, въ которой имѣли надобность, ибо, не смотря на все могущество ихъ автора, они не были бы приняты, еслибы не боязнь, внушенная этимъ положеніемъ. Планы эти, будучи внушены упомянутымъ страхомъ и составлены для времени кризиса, никогда не соединяли въ себѣ условій, требуемыхъ эпохою мира и порядка. Крайность эта была не менѣе гибельна и для населеній, поднятыхъ вандейскимъ возстаніемъ. Вся Франція была преобразована въ обширный лагерь; съ этими населеніями обращались съ безжалостною строгостью военныхъ обычаевъ, и вскорѣ вся нація представляла только армію, ведомую желѣзною рукою.

Временное перемиріе установилось съ общаго согласія въ возставшихъ департаментахъ во время переговоровъ Андинье и Гидо-де-Нёвиллясъ Первымъ Консуломъ. Тогда эти коноводы не замедлили убѣдиться, какъ тщетны были надежды на реставрацію, возложенныя ими на него, и вскорѣ чрезъ нихъ сдѣлалось извѣстнымъ, что необходимо выбирать между безусловною покорностью, или войною до послѣдней капли крови. Искусно составленная прокламація появилась кстати, чтобъ показать жителямъ западныхъ провинцій милосердное расположеніе Перваго Консула. Бонапарте рѣшился уже подавить мятежниковъ однимъ ударомъ, но ему прежде хотѣлось взвалить всю вину на нихъ. Онъ отвергалъ, какъ несправедливую и жестокую, политику, которой до тѣхъ поръ слѣдовали въ отношеніи къ нимъ; онъ напомнилъ имъ, что самъ уничтожилъ законъ заложничества и насильственнаго

займа, обѣщалъ совершенную амнистію для раскаявшихся и полную свободу богослуженія; но обѣщалъ поражать безъ пощады тѣхъ, кто осмѣлится сопротивляться. Самое знаменательное мѣсто въ этомъ манифестѣ — обращеніе къ духовенству, которое Бонапарте во что бы то ни стало рѣшился привлечь на свою сторону: „Служители Бога мира будутъ первыми двигателями примиренія и согласія; да говорятъ они сердцу языкомъ, которому научились въ школѣ своего учителя, да идутъ во храмы, которые открываются для нихъ, и принесутъ вмѣстѣ съ своими согражданами жертву, которая искупитъ преступленія войны и кровь, пролитую во время послѣдней!“ (28 декабря 1799).

Призывъ этотъ былъ услышанъ и понятъ. Аббатъ Бернье, приходской священникъ въ Сенъ-Ло, наиболѣе способствовавшій къ приданію религіознаго фанатизма ройялистскому дѣлу, тотъ самый, на кого нѣсколько лѣтъ назадъ Шорретъ указывалъ какъ на измѣнника, человѣкъ смѣтливый, въ сущности отрѣшенный отъ страстей, которыя умѣлъ возбудить въ другихъ съ такою силою, видя во главѣ власти лицо, готовое сойтись полюбовно съ вліятельными клерикалами и даже возвратить имъ часть прежнихъ преимуществъ, съ условіемъ получить въ обмѣнъ взаимность добрыхъ услугъ,— не поколебался принять предложеніе относительно Вандеи. Съ тѣхъ поръ онъ стремился сдѣлаться главнымъ посредникомъ полнаго примиренія между государствомъ и церковью. Въ этомъ случаѣ аббатъ Бернье вѣрно передавалъ, только упреждая немного, единодушное почти чувство французскаго духовенства. Отличаясь до тѣхъ поръ самымъ пламеннымъ ройялизмомъ, духовенство теперь отреклось отъ него, съ легкостью, свойственною этой корпораціи, для которой политика не составляетъ вопроса принциповъ, а служитъ дѣломъ выгоды, въ которой она ищетъ собственной пользы. Католическая церковь не знаетъ въ этомъ случаѣ ни права, ни обязанности; она проповѣдуетъ одну только док-

трину неопредѣленнаго подчиненія установившимся властямъ, безразлично дозволяющую — подавать руку помощи вандейскому возстанію или склонять колѣно передъ 18 брюмэра. Духовенство также быстро сознало выгоду, какую оно могло извлечь изъ расположенія Бонапарте, какъ послѣдній пользу—захватить это драгоцѣнное орудіе. И въ то время, какъ одно въ своихъ посланіяхъ привѣтствовало 18 брюмэра какъ „вѣчно-памятный день въ лѣтописяхъ исторіи, задуманный геніемъ, исполненный съ помощью мудрости и героизма,—предвѣстіе всеобщаго правосудія" [19]); другой приказывалъ своимъ чиновникамъ распространять и вывѣшивать вездѣ указъ относительно похоронныхъ почестей папѣ Пію VI. Изъ этихъ взаимныхъ услугъ долженствовалъ возникнуть договоръ, именуемый конкордатомъ.

Вліяніе Бернье и истощеніе собственно Вандеи, выносившей въ продолженіе многихъ лѣтъ всѣ тягости войны, быстро повели къ покоренію этого департамента. Два ея коновода Отишанъ и Шатильонъ подписали миръ съ генераломъ Гедувилемъ, одинъ 18, а другой 20 января 1800 г., и за то что сложили оружіе, выхлопотали только то условіе — что правительство вычеркнуло ихъ главнѣйшихъ офицеровъ изъ эмигрантскаго списка. Но въ Бретани и Нормандіи, которыя менѣе пострадали, гдѣ шуаны находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ англійскими кораблями, получая отъ нихъ всевозможную помощь, гдѣ заправляли дѣломъ разумные энергичные люди, какъ графъ Людовикъ де-Фроттѐ и неукротимый Жоржъ Кадудаль, — предложенія Перваго Консула привели только къ безполезнымъ переговорамъ. Предвидя это сопротивленіе, онъ уже велѣлъ сосредоточить вокругъ нихъ громадныя силы. Въ продолженіе самыхъ переговоровъ, онъ отдалъ въ распоряженіе Гедувиля

---

[19]) Адресъ духовенства Дубы, Верхней Саоны и Юры.

Прим. автора.

около 60,000 человѣкъ, выбранныхъ большею частью изъ побѣдоносной Голландской арміи. Догадавшись по своей проницательности, что дѣло затягивалось собственно для выигрыша времени, онъ еще 5 января велѣлъ написать Гедувилю, чтобъ тотъ дѣйствовалъ немедленно и поступалъ какъ въ непріятельской странѣ, т. е. безъ милосердія:

„Мѣра возить судныя комиссіи за колоннами—безполезна. Консулы полагаютъ, что генералы должны велѣть разстрѣливать немедленно главныхъ бунтовщиковъ, взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ.... Правительство васъ поддержитъ, но будетъ по военному судить ваши военныя дѣйствія; ихъ станетъ разбирать человѣкъ, привыкшій къ суровымъ энергическимъ мѣрамъ и имѣющій обыкновеніе торжествовать въ каждомъ случаѣ. Какъ бы ни были хитры шуаны, они не могутъ въ этомъ сравняться съ арабами пустыни. *Первый Консулъ полагаетъ, что было бы спасительнымъ примѣромъ сжечь двѣ или три значительныя общины, выбранныя изъ числа тѣхъ, которыя вели себя хуже прочихъ*" (*5 января 1800 г.*).

И такъ, мѣры, употребляемыя противъ арабовъ пустыни, долженствовали примѣниться и къ французамъ, возставшимъ противъ власти Бонапарте. И въ устахъ его это не были безполезныя угрозы. *Монитеръ* предупредилъ ихъ, объявивъ „отдачу арміи и всѣмъ людямъ вѣрнымъ странѣ—всего состоянія тѣхъ, кто будетъ взятъ съ оружіемъ въ рукахъ, до тѣхъ поръ пока край покорится совершенно и заселится владѣльцами, заинтересованными поддерживать Республику." (*Монитеръ* отъ 24 декабря). Передъ этою мѣрою законъ заложничества, въ которомъ столько упрекали Директорію, могъ казаться внушеніемъ милосердія. Въ такомъ же смыслѣ были разосланы приказанія всѣмъ генераламъ, командовавшимъ въ Бретани и Нормандіи; Бонапарте подстрекалъ, торопилъ ихъ съ нетерпѣніемъ и раздражительностью, словно возраставшими съ часу на часъ. Онъ хотѣлъ окаме-

нить, подавить страхомъ населеніе, осмѣливавшееся не признавать его силы и ей противиться. Инсургенты, съ которыми онъ договаривался какъ равный съ равнымъ, были не болѣе какъ разбойники, долженствовавшіе погибнуть отъ меча. Да не найдутъ они нигдѣ убѣжища отъ солдата, ихъ преслѣдующаго, а если найдутся измѣнники, которые осмѣлятся принять и защищать ихъ, да погибнутъ и они вмѣстѣ съ ними!" (Прокламація 11 января.)

Генералъ Гедувиль, товарищъ по оружію и старинный другъ Гоша, вѣрный преданіямъ этого гражданина генерала, который умѣлъ первый разъ умиротворить Вандею, человѣкъ умный и умѣренный, оставаясь до конца справедливымъ и великодушнымъ, не казался способнымъ къ обязанности истребителя, которую хотѣли наложить на него, и какъ „генералъ, выказывавшій мало энергіи" [20]), былъ замѣненъ Брюномъ, котораго связи съ террористскою партіею служили лучшимъ ручательствомъ непреклонности. Дѣйствія начались разомъ на всѣхъ пунктахъ и были ведены съ единствомъ, которое было неотразимо вслѣдствіе численнаго превосходства. Не смотря на всю свою пылкость и искусство, ройялистскіе вожди были не въ состояніи противиться выставленнымъ противъ нихъ силамъ. Битвы, которыя они выдерживали со своими недисциплинированными шайками противъ опытныхъ солдатъ, скорѣе походили на военныя экзекуціи, нежели на правильныя сраженія. Первымъ покоренъ Бурмонъ, съ трудомъ избѣгшій отъ избіенія своихъ крестьянъ. Черезъ нѣсколько дней, стѣсненный нѣсколькими колоннами Брюна при Грандшонѣ въ Бретани, Жоржъ былъ разбитъ въ два пріема и нашелся вынужденнымъ положить оружіе.

Изъ всѣхъ коноводовъ возстанія самымъ предпріимчивымъ, отважнымъ и блестящимъ былъ графъ Людовикъ де-Фротто,

---

[20]) Бонапарте къ Брюну, письмо отъ 14 января 1800.
Прим. автора.

поддерживавшій войну въ Нижней Нормандіи. Будучи воодушевленъ неутомимою энергіею, человѣкъ способный, дѣятельный, честолюбивый, онъ въ этой борьбѣ выказалъ болѣе качествъ какъ вождь политической партіи, нежели какъ вождь партизановъ. Далеко не раздѣляя безумныхъ мечтаній, усвоенныхъ нѣкоторыми ройялистами относительно Бонапарте, онъ понялъ, что не было опаснѣе человѣка для дѣла Бурбоновъ, болѣе всѣхъ способствовалъ къ отверженію его предложеній, и поймавъ его на словѣ въ одной изъ прокламацій, старался выставить его въ смѣшномъ видѣ и очернить: онъ описалъ, какъ Бонапарте поблѣднѣлъ предъ депутатами, хотѣвшими его выгнать, и какъ онъ упалъ безъ чувствъ на руки своихъ гренадеровъ. За все это Первый Консулъ почувствовалъ къ нему такую страшную ненависть, которую напрасно усиливались отрицать, ибо она сквозитъ во всѣхъ его письмахъ къ различнымъ генераламъ. Только противъ Фротте онъ выказываетъ наибольшую враждебность, только противъ него помощники его должны устремлять всѣ свои разрушительныя средства: „Они не должны знать отдыха, пока не уничтожатъ скопищъ Фротте“ (къ Лефебру, 22 января). „Пошлите немедленно офицера, который не долженъ возвращаться, пока не привезетъ извѣстія о смерти или взятіи Фротте“ (Ему же, 10 февраля). Съ генераломъ Гарданномъ онъ пошелъ еще дальше: „Пошлите отряды преслѣдовать всѣхъ разбойниковъ. *Вы можете обѣщать тысячу луидоровъ тѣмъ, кто убьетъ или возьметъ Фротте,* и сто луидоровъ за другихъ вышепоименованныхъ лицъ. Необходимо, чтобы не позже 10 вентоза ни одинъ изъ этихъ индивидуумовъ не существовалъ на свѣтѣ“ (11 февраля). Изъ этого видно, что онъ не для красоты слога напоминалъ Гедувилю свой образъ дѣйствій съ арабами; онъ оцѣнилъ голову Фротте, точно также какъ поступилъ относительно Мурадъ-бея, и эти варварскія мѣры, давно уже отвергнутыя цивилизованнымъ народомъ, казались ему законными и

естественными, въ то время, когда онѣ употреблялись въ его пользу. Онъ не думалъ, что подобнымъ образомъ внушитъ своимъ противникамъ мысль—обратить противъ него же самого это опасное оружіе.

Неустанно преслѣдуемый генералами Гидалемъ и Шамбарльбакомъ, оставленный истощенными своими солдатами и не имѣя возможности разсчитывать на какую бы то ни было помощь Англіи, отказавшейся отъ своихъ видовъ на Брестъ, Фротте попросилъ переговоровъ. Узнавъ объ этомъ намѣреніи, Первый Консулъ предписалъ Гидалю требовать, чтобы Фротте сдался безусловно: „Въ этомъ случаѣ, писалъ Бонапарте: *„онъ можетъ разсчитывать на великодушіе правительства*, которое желаетъ позабыть прошедшее и соединить всѣхъ французовъ“ (14 февраля). Будучи ободренъ этимъ обѣщаніемъ, Фротте явился въ квартиру генерала съ охраннымъ листомъ за подписью послѣдняго, самъ отдаваясь такимъ образомъ ему въ руки, но былъ немедленно арестованъ. Изъ Парижа пришли новыя приказанія. Фротте былъ судимъ 18 февраля, а на другой день разстрѣлянъ вмѣстѣ съ шестью друзьями, арестованными въ одно съ нимъ время. Комиссія, назначенная для этого, имѣла гнусность вмѣнить ему въ измѣну письмо, въ которомъ онъ совѣтовалъ своимъ солдатамъ сдаться, но сохранить оружіе. Письмо это, опубликованное въ *Монитерѣ*, было отъ 12 февраля и, слѣдовательно, писано раньше его сдачи.

Многіе начали ходатайствовать у Перваго Консула въ пользу Фротте. Онъ притворился, что уважаетъ ходатайство, и разрѣшилъ отсрочку процесса; но милость эта была замаскированная. Въ тотъ самый моментъ, когда онъ, повидимому, уступилъ движенію человѣколюбія, онъ написалъ къ Брюну: „Съ полученія этого, Фротте долженъ быть разстрѣлянъ.“ И дѣйствительно, въ тотъ же день, т. е. 18 февраля, послѣдовала казнь этого неустрашимаго вождя. Фраза эта достаточно опровергаетъ тѣхъ, которые приписывали Фуше

распоряженія относительно казни графа. Бонапарте помиловалъ, но удовлетворяя этимъ актомъ милосердія ходатайства своихъ друзей, онъ зналъ, что уже было поздно. Тотъ, кто отказалъ слезной просьбѣ Жозефины въ помилованіи осьмнадцатилѣтняго юноши графа Тутэна, схваченнаго и разстрѣляннаго въ Парижѣ, конечно, не могъ пощадить жизни, въ которой предвидѣлъ препятствіе для своей политики.

Съ тѣхъ поръ западныя провинціи не въ состояніи были доставлять гражданской войнѣ новой пищи. Бонапарте укрѣпилъ свою побѣду тѣмъ, что велѣлъ забрать насильно въ армію всѣхъ шуановъ, способныхъ носить оружіе, и нѣсколько сотъ изъ нихъ, самыхъ опасныхъ, зачислять въ войска, предназначенныя въ Сен-Доминго, куда было въ обычаѣ посылать людей, отъ которыхъ хотѣли избавиться (письмо къ Гардану отъ 20 февраля). Будучи пораженъ энергіею и фанатизмомъ, выказанными въ послѣднюю войну нѣсколькими вождями возстанія, онъ задумалъ употребить въ пользу своей власти столь драгоцѣнныхъ помощниковъ, и изъ нихъ главнѣйшихъ велѣлъ призвать въ Парижъ въ надеждѣ увлечь ихъ вліяніемъ своего генія и обаяніемъ фортуны: разсчетъ человѣка, неизучавшаго моральныхъ силъ, ибо, соблазняя людей цѣною подобнаго вѣроломства, онъ могъ только уничтожить въ нихъ силу характера и изсушить источникъ, изъ котораго они черпали свою преданность. Такимъ образомъ онъ переманилъ Бурмона, что впослѣдствіи должно было ему дорого стоить на поляхъ Ватерлоо [21]). Но не привели ни къ чему всѣ его попытки задобрить Жоржа, въ глазахъ котораго въ продолженіе всего разговора онъ выставлялъ самыя блистательныя искушенія. Съ невозмутимымъ хладнокровіемъ Жоржъ выслушивалъ всѣ его искушенія и

---

[21]) Бурмонъ измѣнилъ Наполеону, оставивъ свой корпусъ за три дня до Ватерлооской битвы и передавшись Людовику XVIII.

Прим. перев.

когда убѣдился, что ему нечего надѣяться относительно своего дѣла, прекратилъ бесѣду и поспѣшилъ уѣхать въ Англію.

По устраненіи важной опасности гражданскихъ смутъ Первый Консулъ могъ всецѣло заняться приготовленіями къ войнѣ и окончаніемъ внутреннихъ преобразованій. Изъ всѣхъ затрудненій самымъ серьезнымъ было истощеніе казны. На другой же день 18 брюмэра, онъ призвалъ къ управленію министерствомъ финансовъ Годена, администратора, не отличавшагося шириною взгляда, но ревностнаго, опытнаго и честнаго: „Мы очень нуждаемся въ вашей помощи, сказалъ онъ ему:—и я на нее разсчитываю. Присягайте же скорѣе, мы торопимся“ [22]). Дѣйствительно, ничто не было необходимѣе. Въ казнѣ наличными находилось только 137,000 франковъ [23]). Къ заслугѣ Годена слѣдуетъ отнести, что онъ понялъ, что самое полезное нововведеніе, какое онъ могъ ввести въ администрацію, пришедшую въ упадокъ отъ дурныхъ распоряженій, было водвореніе въ ней правильнаго порядка, и чтобъ достигнуть этой цѣли, онъ не побоялся прибѣгнуть къ системѣ, испытанной уже при прежнемъ правительствѣ, которой онъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей. Окружные (cantonal) муниципалитеты, на которыхъ возложена была обязанность составлять списки для взысканія прямыхъ налоговъ и которые очень дурно исполняли эту обязанность, мало сообразную съ ихъ натуральнымъ назначеніемъ, онъ замѣнилъ агентствомъ, которое должно было, подъ наблюденіемъ самого правительства, распредѣлять налогъ на лица и имущества, и утверждать измѣненія по мѣрѣ ихъ совершенія. Здѣсь состояли—директоръ, инспекторъ и извѣстное число контролеровъ по департаментамъ.

Покрайней мѣрѣ относительно финансовъ система единства и централизаціи, которую тогда вводили всюду, не имѣла

---

[22]) Записки Годена, герцога Гаэтскаго. *Пр. авт.*
[23]) Историческія замѣтки о финансахъ. *Пр. авт.*

тѣхъ неудобствъ, какія причиняла она въ другихъ отрасляхъ управленія, а давала довольно удачные результаты; эти результаты были бы удачнѣе, еслибъ рядомъ съ централизаціею, которая сдѣлалась необходимостью, оставили нетронутымъ законодательный контроль,—единственное средство предупреждать ея злоупотребленія. Но это улучшеніе, какъ и многія другія, было предназначено сдѣлаться простымъ орудіемъ правительства и такимъ образомъ утратить все, что было въ немъ сперва спасительнаго. Хорошо устроенные финансы, взимаемые правительствомъ въ видахъ его собственнаго владычества, окончательно служатъ орудіемъ въ рукахъ деспотизма.

Другое зло, болѣе серьезное, повредило вначалѣ финансовую систему Консульства и Имперіи, и съ тѣхъ поръ пагубно повліяло на будущность нашихъ внѣшнихъ сношеній, ибо оно согласовалось лишь съ завоевательною политикою: это привычка, установившаяся еще со временъ Директоріи, благодаря Бонапарте и Итальянской кампаніи — разсчитывать для пополненія собственныхъ средствъ—на деньги, вынужденныя у слабыхъ государствъ. Не напрасно мы искали временныхъ палліативовъ для нашихъ дефицитовъ въ ограбленіи побѣжденныхъ или союзныхъ народовъ; эти преступныя дѣйствія умиравшаго правительства должны были сдѣлаться постоянною и нормальною системою. Такимъ образомъ привыкли считать нашими натуральными данниками всѣ народы, которые не могли противъ насъ защищаться, и эта эксплуатація, служившая сперва только послѣдствіями войны, превратилась потомъ въ одну изъ главныхъ цѣлей. Во всѣ времена и во всѣхъ странахъ матерьяльные интересы, по своей натурѣ, сторонники мира, который одинъ обезпечиваетъ необходимую имъ безопасность; а Бонапарте началъ питать съ тѣхъ поръ невозможную фантазію—удовлетворить ихъ войною, отдавъ имъ на съѣденіе Европу.

Главною мыслью Бонапарте, когда онъ думалъ поднять свои истощенные финансы, было—вычислить суммы, какія онъ подъ разными предлогами вынудитъ у народовъ, поставленныхъ въ зависимость отъ Франціи, чтобъ настолько же облегчить населенія, среди которыхъ ему было выгодно упрочить болѣе свою популярность. Изъ всѣхъ народовъ, слабѣйшимъ оказались генуэзцы. Съ нихъ и начали. Независимые еще по имени, они избрали временное правительство. Бонапарте твердо рѣшилъ подчинить Генуу Франціи, но въ то же время, не желая помѣшать мирнымъ переговорамъ и стараясь сохранить довѣріе новаго правительства, на которое хотѣлъ наложить контрибуцію, онъ предписалъ Талейрану „изъявить наше согласіе" и вмѣстѣ высказалъ намѣреніе присоединить Генуу чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Легкая эта отсрочка цѣнилась въ два милліона. „Генуэзскіе вельможи, говоритъ онъ по этому случаю: — дали уже много, но купцы не были слишкомъ обременены. Дайте понять министру финансовъ, что если это условіе не состоится, то генералу Массенѣ будетъ поручено взять контрибуцію съ главныхъ негоціантовъ, какъ онъ сдѣлалъ въ Швейцаріи" (18 декабря 1799 г.).

Наступила очередь Голландіи. Пока наши войска занимали Голландію подъ предлогомъ защищать ее, а въ сущности для того, чтобъ дѣйствовать противъ Англіи, ибо Голландія ничуть не требовала покровительства, правительство этой страны продовольствовало ихъ, хотя это для нее и было разорительно. Большую часть этой арміи французское правительство вызвало въ Вандею для войны съ инсургентами, и въ Голландіи оставался только небольшой оккупаціонный корпусъ. Тѣмъ не менѣе Бонапарте хотѣлъ, чтобы Батавская республика продолжала платить жалованье и полное содержаніе войскъ, выступившихъ изъ Голландіи, ибо, какъ говоритъ онъ, „сражаясь на Рейнѣ (что было несправедливо: они сражались въ Вандеѣ), войска эти служили батав-

цамъ [24]). Изъ этого не должно даже возникать вопроса" (къ Талейрану 13 января 1800). Но это не все. Во время войнъ между Французскою и Голландскою республиками, войска наши взяли Флессингъ; долговременный союзъ уничтожилъ потомъ это воспоминаніе, и въ силу мира, заключеннаго между двумя народами, голландцы могли считать, что имъ возвращенъ городъ, окруженный со всѣхъ сторонъ ихъ территоріею, и что мы не могли и думать объ его сохранененіи. Бонапарте вознамѣрился уступить имъ его обратно за *сорокъ милліоновъ*, какъ нашу собственность (къ Талейрану, 13 января). Предвидя однакоже со стороны Законодательнаго Корпуса оппозицію подобному поступку, онъ издалъ указъ въ такомъ смыслѣ, „что объ этой сдѣлкѣ не будетъ сообщено Законодательному Корпусу, на томъ основаніи, что передача эта была *послѣдствіемъ права завоеванія* и поэтому принадлежала исключительно военной власти" (указъ 24 января).

Не смотря на истощеніе Голландіи, онъ надѣялся найдти въ ней еще и другіе рессурсы, и потому послалъ письмо къ выборнымъ и муниципалитету города Амстердама, чтобъ склонить ихъ лестью или устрашеніемъ на заемъ 10 или 12 милліоновъ (8 марта 1800). Ему пришла странная мысль послать это письмо съ своимъ адъютантомъ Мармономъ, отличнымъ офицеромъ, но совершенно незнакомымъ съ этого рода порученіями, котораго весьма стѣсняла эта роль, что мало способствовало ему къ пріобрѣтенію голландскихъ капиталовъ. Кромѣ этого Мармонъ имѣлъ не менѣе странное порученіе предложить имъ въ залогъ займа алмазъ *Регентъ* [26]). Но оригинальное это предложеніе встрѣчено было только громкимъ смѣхомъ.

Вольный городъ Гамбургъ находился въ весьма дурныхъ

---

[24]) Батавіею называлась вообще вся Голландія. *Прим. перев.*

[25]) *Записки* Мармона. *Прим. автора.*

отношеніяхъ съ Франціею, съ тѣхъ поръ какъ Сенатъ этого города не счелъ себя въ правѣ отказать одновременнымъ требованіямъ Англіи, Австріи и Россіи о высылкѣ ирландцевъ Блекуэлля и Непер-Тенди. Гамбургскій сенатъ извинялся въ этомъ вынужденномъ поступкѣ и заявлялъ свое сожалѣніе Первому Консулу. Но послѣдній, хотя и наказалъ этихъ чиновниковъ самыми оскорбительными упреками, однако не упустилъ такого случая, чтобъ не взять съ нихъ доли. Исчисляя своихъ данниковъ, Наполеонъ тотчасъ вспомнилъ о Гамбургѣ и рѣшился немедленно воспользоваться страхомъ, который онъ навелъ на этотъ городъ. Талейранъ получилъ приказаніе потребовать у гамбургцевъ отъ 4 до 6 милліоновъ какъ цѣну болѣе полнаго удовлетворенія Французской республики. Это случилось въ то самое время, когда Дюрокъ предлагалъ Прусскому королю Гамбургъ за союзъ съ нами. Алчность послѣдняго была извѣстна гамбургцамъ, и Бонапарте велѣлъ Талейрану написать въ Сенатъ: „что каковы бы ни были желанія Пруссіи и даже пожертвованія, которыя эта держава готова, повидимому, намъ сдѣлать, французское правительство можетъ еще уладить дѣла съ Гамбургомъ“, продавая такимъ образомъ дружбу Франціи на вѣсъ золота, отъ чего она однако же не становилась прочнѣе, ибо въ то время какъ онъ широко разсчитывалъ на эти страхи и надежды, Бернонвиль, преемникъ Дюрока въ Берлинѣ, все-таки предлагалъ Гамбургъ Пруссіи.

Изъ всѣхъ второстепенныхъ державъ, находившихся у насъ подъ рукою, оставались для эксплуатаціи только Швейцарія и Португалія. Изъ Швейцаріи нечего было надѣяться извлечь, потому что она была надолго разорена грабежами, послужившими средствомъ для Египетской экспедиціи, и недавно еще истощилась отъ войны, которой она сдѣлалась театромъ. Что касается Португаліи, которая, защищая себя, слѣдовала за судьбами Англіи, то она считала очень выгоднымъ заключить миръ съ нами и даже прислала къ намъ уполномочен-

ныхъ для переговоровъ. Надобно было оказать снисхожденіе маленькому государству, находившемуся въ сферѣ притяженія державы, которой она не могла сопротивляться, и которое было не въ состояніи сдѣлать намъ ни добра, ни зла. Самое лучшее было дать ей миръ, и онъ былъ бы немедленно заключенъ, еслибъ только согласовался съ выгодами обоихъ народовъ; но Бонапарте хотѣлось заставить купить миръ, что̀ на безконечный срокъ отложило его заключеніе. „Еслибы дѣйствительно, писалъ онъ еще къ Талейрану:—порядокъ вещей позволялъ извлечь отъ Португаліи 8 или 9 милліоновъ, это было бы очень важно, ибо это увеличеніе средствъ, напримѣръ, для Итальянской арміи, дало бы намъ болѣе тридцатью вѣроятностями на сто“ (13 января 1800).

Такимъ образомъ всѣ наши международные интересы были пожертвованы желанію добывать деньги, и вмѣсто того чтобъ пріобрѣтать себѣ союзниковъ между этими маленькими народами, въ силу вѣковой политики привыкшими обращаться къ намъ какъ къ своимъ естественнымъ покровителямъ, мы принуждали ихъ дѣлаться нашими тайными врагами вслѣдствіе системы эксплуатаціи, которая должна была намъ дорого стать въ моментъ опасности. Подобное лихоимство имѣло вскорѣ сдѣлаться гибельнѣе для тѣхъ, кто имъ пользовался, нежели для тѣхъ, кто былъ ограбленъ, ибо если оно разоряло побѣжденныхъ, то въ свою очередь портило побѣдителей. Принятое сегодня, какъ мѣра легкая и удобная, мало-по-малу оно становилось необходимостью, пріучавшею націю разсчитывать на средства, бо́льшія настоящихъ ея доходовъ, и которая вызывала потребности выше нормальныхъ средствъ. Сегодня можно еще было удовлетворить честолюбивую демократію, бросивъ ей вмѣсто благъ, которыхъ она сперва добивалась, добычу отъ слабыхъ государствъ. завтра уже ей надобно отдать для выжатія сока всю Европу,

Впрочемъ исторія скажетъ, что въ этомъ печальномъ торгѣ Французская демократія не играла собственно роли

простака, а была также сообщницею. Она безропотно отказалась и отъ малаго числа вольностей революціи, оставленныхъ ей послѣ 18 брюмэра. Консульскій указъ отъ 17 января 1800, однимъ почеркомъ пера запретилъ всѣ политическіе журналы, исключая тридцати изданій, извѣстныхъ приверженностью къ новому порядку вещей. Въ указѣ говорилось, что мѣра эта принята лишь на все продолженіе военнаго времени; но она должна была продолжаться столько, сколько и власть Бонапарте, и число дозволенныхъ журналовъ было еще сокращено новыми запрещеніями. Эта мѣра не имѣла даже извиненія. Въ оправданіе ея историки приводятъ „нескромность прессы относительно военныхъ дѣйствій". Но журналы эти не только не подали повода къ жалобамъ подобнаго рода, но не могли этого сдѣлать, еслибъ и хотѣли, ибо до начала военныхъ дѣйствій должно было пройдти нѣсколько мѣсяцевъ.

Что же касается до нападеній ихъ на иностранные кабинеты, они пользовались только точнымъ и безвреднымъ правомъ, но *Монитеръ* вскорѣ превзошелъ ихъ и въ этомъ случаѣ. Ни одинъ изъ приводимыхъ поводовъ не выдерживаетъ критики; истинная причина этой мѣры заключалась въ томъ, что Бонапарте хотѣлъ, чтобъ во Франціи раздавался только одинъ его голосъ. Ударъ чувствовали друзья свободы, но публика оставалась равнодушною, и всеобщая робость была такова, что не подымался ни одинъ протестъ.

Гибельное предвѣстье для будущаго! Молчаніе увеличивалось, по мѣрѣ того какъ правительство, повидимому укрѣплялось. Дѣятельность Перваго Консула, кажущаяся новизна его введеній, которыя часто были не что другое какъ болѣе или менѣе замаскированныя заимствованія у прежняго прaправительства, спокойствіе, какъ бы обѣщанное имъ Франціи, энергія администраціи и обаяніе и блескъ его имени,—обманывали всѣхъ относительно истиннаго смысла его дѣйствій, Никогда не простиралось такъ далеко противорѣчіе дѣйствій со словами; никогда съ большею дерзостью не употреблялась

парадная фразеологія, для того чтобъ убивать все представляемое этою фразеологіею. Въ малѣйшихъ мѣрахъ Бонапарте видится человѣкъ, который, разогнавъ депутатовъ Совѣта Пяти-Сотъ, объявилъ, что „открываетъ новую эру представительнаго правленія“; который впослѣдствіи возстановленіе государственныхъ тюремъ основывалъ на уваженіи индивидуальной свободы. Во имя свободы и равенства онъ изгонялъ представителей націи, стѣснялъ прессу, безъ суда ссылалъ якобинцевъ, и публика, которой нуженъ былъ лишь предлогъ къ перемѣнѣ, съ жадностью принимала объясненія, оставлявшія тѣнь достоинства для ея покорности: люди предпочитаютъ скорѣе слыть легковѣрными, нежели подлецами. Былъ здѣсь также молчаливый договоръ, состоявшій съ одной стороны въ томъ, чтобъ прикрыть хищничество воспоминаніями и формулами свободы, а съ другой—удовольствоваться этимъ насмѣшливымъ уваженіемъ, никогда не заглядывая вовнутрь вещей.

Двойное это лицемѣріе, болѣе унизительное для подвластныхъ нежели для властелина, рѣзко обнаружилось со времени переселенія Перваго Консула въ Тюильри. Эта перемѣна жилища была для Бонапарте весьма щекотлива. Въ глазахъ народа, котораго болѣе поражаютъ матерьяльные, нежели нравственные факты, переѣздъ въ старинный дворецъ нашихъ королей былъ знаменательнѣе всѣхъ дѣйствій, служившихъ къ основанію диктатуры Бонапарте. Поэтому, хотя подобное намѣреніе давно уже было объявлено, хотя значеніе его старались смягчить объясненіемъ, что Тюильри должно быть „правительственнымъ дворцомъ“, однако знали, что никто не вѣрилъ этому объясненію, и не безъ тревоги подумывали о послѣдствіяхъ этой мѣры. Правительство заключалось въ Бонапарте, и можетъ быть, была еще неосторожность—такъ скоро послѣ великихъ дней революціи помѣстить генерала въ Тюильри, когда представителей націи помѣстили посреди проститутокъ Пале-Ройяля.

Въ отвѣтъ на безпокойство людей, видѣвшихъ въ этой мѣрѣ начало возстановленія монархіи, Первому Консулу пришла мысль помѣстить въ большой галлереѣ Тюильрійскаго дворца коллекцію статуй, выборъ которыхъ не обозначалъ, какъ говорили, его личнаго вкуса, но очевидно былъ разсчитанъ съ цѣлью дѣйствовать на общественное мнѣніе. Тамъ собраны были въ странномъ безпорядкѣ великіе люди, весьма удивленные встрѣчею, а въ особенности тѣмъ, что видѣли себя предметомъ одного и того же почитанія: Демосѳенъ стоялъ рядомъ съ Александромъ; Цицеронъ, Катонъ и Брутъ съ Цезаремъ, Фридрихъ Великій между Уашингтономъ и Мирабо; немного дальше нѣсколько республиканскихъ героевъ, умершихъ за французскую революцію: Марсо Дюгомье, Жуберъ. Однѣ служили ручательствомъ передъ революціонерами и побѣдоносно опровергали тѣхъ, кто въ намѣреніяхъ его видѣлъ монархизмъ, другія были предназначены для поддержки надежды тѣхъ, которые уже привѣтствовали въ немъ новаго Цезаря. Вся же эта амальгама была символомъ того вліянія, которое онъ нетерпѣливо желалъ осуществить въ мнѣніяхъ и партіяхъ. Можно было сказать, что вещи теряли естественный свой смыслъ и принимали такой, какого ему хотѣлось.

Большая и пышная церемонія представленія въ храмѣ Марса, т. е. въ домѣ Инвалидовъ, турецкихъ знаменъ, взятыхъ въ Абукирской битвѣ, должна была предшествовать нѣсколькими днями переселенію Перваго Консула въ Тюильри, для того, чтобъ популярность его, снова подкрѣпленная блистательною оваціею, могла съ успѣхомъ покрыть слабый ропотъ тѣхъ, которые осмѣливались не одобрять этого перваго шага къ престолу. Къ несчастью, абукирскіе подвиги немного уже запоздали, или уже довольно пользовались по возвращеніи изъ Египетской экспедиціи, и потому тѣ, до кого это относилось, могли бояться, что Абукирская битва не представитъ уже достаточной пищи энтузіазму, который хотѣлось

имъ возбудить. Но въ эту самую минуту прибыло въ Европу извѣстіе о смерти Уашингтона. Въ этомъ событіи Бонапарте увидѣлъ лишь неожиданную тему для манифестаціи, которая имѣла быть полезнѣе всего для его намѣреній; могла ли когда либо придти кому другому мысль сдѣлать лично себѣ почесть изъ этого великаго воспоминанія? И онъ овладѣлъ ею немедленно съ несравненнымъ своимъ искусствомъ постановки на сцену въ самую благопріятную пору, которое, можетъ быть служитъ поразительнѣйшею чертою его генія. Онъ объявилъ Франціи въ приказѣ, подражая знаменитому предложенію, которымъ Мирабо возвѣщалъ о смерти Франклина: „Уашингтонъ умеръ. Великій человѣкъ этотъ бился противъ тираніи. Онъ утвердилъ свободу въ своемъ отечествѣ. Память его будетъ всегда драгоцѣнна французскому народу, какъ и всѣмъ свободнымъ людямъ обоихъ полушарій, а въ особенности французскимъ солдатамъ, которые, подобно ему и солдатамъ американскимъ, бьются за свободу и равенство. Вслѣдствіе этого Первый Консулъ приказываетъ завѣсить чернымъ крепомъ всѣ знамена и значки республики".

Онъ рѣшилъ почтить память Уашингтона въ одно время съ представленіемъ турецкихъ знаменъ. Завладѣніе Тюильри, актъ явно монархическій, должно было стушеваться среди этого рода апоѳеозы республиканскихъ добродѣтелей. 9 февраля Ланнъ представилъ знамена военному министру, сидѣвшему между двумя столѣтними инвалидами и окруженному главнѣйшими властями. Въ храмѣ, украшенномъ всевозможными нашими трофеями, поставлена была статуя бога Марса, и недалеко отъ нея бюстъ Уашингтона—странное соединеніе, столько же ложное какъ и то, которое похвалу этому великому человѣку поставило какъ предвѣстье 18 брюмэра. Когда Бертье отвѣтилъ Ланну, Фонтанъ, дебютировавшій въ этотъ день въ качествѣ царедворца, произнесъ надгробную рѣчь республиканскому герою. Блестящій риторъ и хорошій писатель, онъ выказалъ въ этой рѣчи необыкновенную

тонкость, выполняя намѣренія своего властелина, скрывая то, что было въ нихъ рѣзкаго. Въ сущности панегирикъ его былъ постоянною паралелью между Уашингтономъ и Бонапарте, и хотя вторая часть этого сравненія всегда почти подразумѣвалась, тѣмъ не менѣе была представлена слушателямъ благодаря самому выбору похвалъ и контрастовъ.

Итакъ, оцѣнивая Уашингтона какъ генерала, Фонтанъ замѣтилъ, что въ немъ было болѣе *основательности* нежели *блеска*, что въ способѣ его командовать и побѣждать разсудительность преобладала надъ энтузіазмомъ. Сверхъ того, прибавилъ онъ, „отнынѣ ни одинъ народъ не можетъ дать уроковъ героизма тому, который всѣ образцы этого носитъ въ груди своей. Военныя чудеса, оказанныя французскими войсками, ослабили славу всего, что отличалось на этомъ самомъ поприщѣ.... Его замыслы, продолжалъ онъ: — были болѣе разумны, нежели смѣлы: онъ *не увлекалъ до восторга*, но всегда поддерживалъ уваженіе.... Есть чудесные люди, появляющіеся по временамъ на сцену міра съ характеромъ владычества.... Родъ неестественнаго вдохновенія оживляетъ всѣ ихъ мысли, всѣмъ ихъ предпріятіямъ дается неотразимое движеніе. Большинство еще ищетъ ихъ среди себя и не находитъ болѣе; оно подымаетъ взоры и видитъ въ блестящемъ сіяніи свѣта и славы — того, кто казался лишь смѣльчакомъ въ глазахъ невѣжества и зависти. *Уашингтонъ не обладалъ этими гордыми, внушающими чертами, которыя поражаютъ всѣ умы*, онъ выказывалъ больше порядка и точности, нежели силы и возвышенности въ мысляхъ.“

Изъ этихъ отрывковъ видно, въ чью пользу написана была параллель. Въ глазахъ ритора возвышенность мыслей заключалась въ безсовѣстномъ честолюбіи, которое прежде всего добивалось шума, блеска и могущества. Впрочемъ онъ обрисовалъ Уашингтона, какъ человѣка, „обуздавшяго всѣ партіи и введшаго порядокъ среди смятенія. Это было тогда,

когда онъ убѣдилъ своихъ враговъ, что имѣлъ достаточно силы, чтобъ управлять спокойно.“ Здѣсь ораторъ перешелъ мѣру и выказалъ явно свою запасную мысль. Это уже значило заходить немного далеко, приводя примѣръ и власть Уашингтона для поддержки брюмэрскаго государственнаго переворота. Онъ напомнилъ потомъ, что вслѣдъ за *подписаніемъ мира*, Уашингтонъ не хотѣлъ уже пользоваться всею своею властью, а употреблялъ противъ партій лишь законное оружіе,—что заставляло надѣяться, что по окончаніи войны и Бонапарте сдѣлаетъ то же самое.

„Да, говоритъ онъ въ заключеніе:—твои совѣты будутъ услышаны, о Уашингтонъ! о воинъ! о законодатель! о гражданинъ безъ упрека! Тотъ, кто, будучи еще молодъ, превзошелъ тебя въ битвахъ, побѣдоносными руками, подобно тебѣ, исцѣлитъ раны отечества!“

Такимъ образомъ похвала истинному величію послужила къ восхваленію ложнаго. Честолюбіе, унижающее, раздавливающее и опошляющее людей, было поставлено выше того, которое ихъ освобождаетъ и облагороживаетъ; разрушающій геній былъ предпочтенъ генію созидающему, и тѣнь Уашингтона вызвана изъ могилы для того, чтобъ сопровождать въ жилище королей этого сына революціи, отрекшагося отъ своей матери.

Имя, недавно еще дорогое Франціи, естественно приходило на мысль по случаю похвальнаго слова Уашингтону,—это имя Лафайетта, его друга и товарища по оружію. Фонтанъ получилъ приказаніе обойдти его молчаніемъ — черта низости, которая могла бы служить комментаріемъ къ льстивому восхваленію. Бонапарте переселился въ Тюильри въ тотъ самый день, когда *Монитеръ* напечаталъ рѣчь, произнесенную въ честь американской демократіи, и публика, соединившая оба эти имена, привѣтствовала эту монархическую церемонію, стараясь увѣрить себя, что присутствовала на республиканскомъ празднествѣ.

ГЛАВА III.

Сессія VIII года.—Централизація.

Для общественнаго мнѣнія оставался еще одинъ органъ—трибуна, но это уже была не та громкая трибуна, изъ которой исходило столько геніальныхъ мыслей и верховныхъ указовъ, а измельчавшая, униженная, окруженная мракомъ и молчаніемъ. При этихъ болѣе нежели скромныхъ условіяхъ, законодательная власть почти не могла мѣшать сильному правительству Перваго Консула. Не сочли благоразумнымъ обойдтись безъ помощи этого учрежденія въ дѣлѣ чисто законодательномъ, заключавшемся въ преобразованіи Франціи, но, принимая этого принужденнаго сотрудника, какъ необходимое зло, пожелали отнять у него всѣ прежнія преимущества, исключая права—одобрять планы правительства. Изъ четырехъ собраній, между которыми Бонапарте распредѣлилъ слабую долю правъ, принадлежавшихъ нѣкогда собранію единственному, одно еще пользовалось тѣнью независимости, то, которое Конституція третировала съ наибольшимъ недовѣріемъ, потому что оно обладало въ одно и то же время и словомъ и публичностью, что какъ бы обѣщало ему тѣнь воздѣйствія на публику, именно — *Трибунатъ*. Но это условіе, весьма безвредное въ учрежденіи выбранномъ и поддерживаемомъ правительствомъ, и которое лишено всякаго дѣйствительнаго средства заставить уважать свое мнѣніе

было ослаблено осторожностью, другаго примѣра которой, можетъ быть, нельзя найдти въ исторіи подобныхъ собраній. Лишь съ помощью самой дерзкой мистификаціи можно было внушить невѣжеству легенду мятежнаго Трибуната. Самая робкая и умѣренная оппозиція произошла въ немъ тогда, когда меньшинство двадцати или двадцати пяти членовъ упорствовало, послѣ 18 брюмэра, не отчаяваться во французской свободѣ. Если и можно упрекнуть его въ чемъ нибудь, то развѣ въ томъ, что, при многихъ обстоятельствахъ, уступчивость свою онъ простиралъ до малодушія. Перелистывая многочисленные протоколы засѣданій Трибуната, вы не найдете въ нихъ ни одного рѣзкаго слова, исключая вспышки, вырвавшейся у Дювейрье въ третьемъ засѣданіи, отъ которой онъ впрочемъ вскорѣ отказался. Напрасно вы искали бы тамъ хоть одного враждебнаго проявленія, но въ замѣнъ найдете много угодливости и уступчивости, которыя долженствовали остаться безполезными. Отказать въ чемъ нибудь тому, кто хочетъ всего, значитъ оскорбить его, на столько, на сколько можно оскорбить, не уступая ничего.

Какъ ни мало опасенъ былъ Трибунатъ, получавшій полномочіе отъ правительства, вмѣсто того чтобъ получать его отъ народа, не имѣвшій ни инициативы, ни голосованія законовъ, роль котораго ограничивалась родомъ консультаціи передъ безгласнымъ собраніемъ, тѣмъ не менѣе онъ былъ въ сущности единственнымъ представителемъ свободы трибуны въ новыхъ учрежденіяхъ. Вотъ причина чрезвычайныхъ предосторожностей, принятыхъ Бонапарте противъ возможнаго распространенія его вліянія, и той ненависти, которую возъимѣлъ къ нему Первый Консулъ еще прежде, нежели услыхалъ его голосъ. Двѣ мѣры, съ самаго уже начала, повидимому свидѣтельствовали о его недовѣріи и непріязни: первая—самый выборъ мѣста для засѣданій этого собранія, вторая—въ проектѣ закона, который присвоивалъ самому правитель-

ству назначеніе срока, необходимаго Трибунату для обсужденія предлагаемыхъ ему законовъ.

Трибунатъ помѣстили въ Пале-Ройялѣ, который былъ тогда притономъ проституціи и игорныхъ домовъ. Выборъ подобнаго помѣщенія единственнаго собранія, въ которомъ могло еще раздаваться свободное слово, показался неприличнымъ, и въ этомъ, справедливо или несправедливо, увидѣли намѣреніе лишить трибуновъ уваженія. Какъ бы то ни было, но послѣдніе не заявили объ этомъ ни малѣйшей жалобы; только нѣкоторые граждане, будучи удалены безъ всякаго вознагражденія изъ квартиръ по случаю этого самаго перемѣщенія, пожаловались собранію. Дювейрье, трибунъ, извѣстный своимъ адвокатскимъ талантомъ, оппозиціонный пылъ котораго вскорѣ превратился въ противоположное рвеніе, поддержалъ ихъ право выходкою, которая осталась знаменитою по самой своей смѣлости. Эта рѣчь, которая убѣждала только своего автора, почти единственная, освѣщенная историками на законодательномъ поприщѣ Трибуната, словно она заранѣе хотѣла оправдать удары, которые Бонапарте долженствовалъ нанести этому учрежденію. Защищая интересы выжитыхъ изъ квартиръ гражданъ, Дювейрье намекнулъ о томъ, что говорилось въ публикѣ касательно выбора мѣста для его товарищей; онъ объявилъ, что лично не одобряетъ этихъ критикъ. „Я отдаю должную справедливость, сказалъ онъ:—свободной и популярной совѣсти лицъ, пожелавшихъ, чтобъ трибуны французскаго народа помѣщались среди народа; чтобъ солдаты народа находились на мѣстѣ своего перваго торжества; я благодарю ихъ, что они дали намъ средство видѣть съ этой трибуны мѣсто, гдѣ благородный Камиллъ, подавая сигналъ къ славному движенію, утвердилъ это народное знамя, которое произвело столько чудесъ, которому столько героевъ обязаны славою своего оружія, и которое мы оставимъ лишь вмѣстѣ съ жизнью. Благодарю ихъ за доставленіе случая видѣть это мѣсто, гдѣ если осмѣ-

лятся намъ говорить о двухнедѣльномъ идолѣ, то мы напомнимъ, что видали какъ сваливаютъ и пятнадцативѣковыхъ идоловъ.“

Рѣчь эта—неосторожная, но извинительная отплата за неуваженіе къ Трибунату — была внушена чисто личною враждою. Въ ней не только не заключалось никакой коллективной манифестаціи, но она составляетъ единственное исключеніе въ собраніи трибунскихъ рѣчей, и черезъ нѣсколько дней отъ нея отрекся самъ авторъ—вслѣдствіе чего трудно поддерживать прежнюю тему о вызовахъ Трибуната. Разъ что этому собранію присвоено право слова, было бы беззаконно взваливать на него отвѣтственность за мнѣніе какого нибудь его члена. Въ засѣданіи 5 января, Станиславъ Жирарденъ выступилъ съ рѣчью, чтобъ отклонить всякую солидарность съ чувствами, выраженными Дювейрье: „Что касалось его, то онъ былъ далекъ отъ благодарности лицамъ, назначившимъ этотъ дворецъ для засѣданій Трибунату. Не было мѣста болѣе неприличнаго какъ въ политическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніяхъ, но къ счастью онъ не былъ столь безумнымъ трибуномъ, чтобы думать, что послѣ рѣзкой болтовни, могли преобразовать разстраивающія группы. Онъ надѣялся не услышать болѣе ни слова, подобнаго тому, какое вырвалось у одного изъ его товарищей и которое не могло имѣть никакого примѣненія, ибо во Франціи совсѣмъ не знали идоловъ.“ Потомъ онъ предложилъ каждому трибуну дать лично обѣщаніе „добросовѣстно исполнять обязанности, наложенныя на нихъ Конституціею.“

Дювейрье благодарилъ Жирардена за случай, доставленный ему „для опроверженія объясненія, какое придано его словамъ недоброжелательствомъ“, не подумавъ, что если его слова не имѣли этого смысла, то не заключали въ себѣ никакого: легкомысленное отрицаніе несвоевременной выходки, и которое, конечно, не обнаруживало опаснаго соперника.

Потомъ онъ напросился первый произнести формулу обѣта въ вѣрности въ замѣну присяги, отмѣненной Первымъ Консуломъ, какъ вещи безполезной. Отмѣна эта была лестью, обращенною къ философскому уму: простое личное обѣщаніе казалось болѣе вѣрнымъ, нежели то, въ которомъ призывалось посредничество божества. Но Бонапарте вскорѣ долженъ былъ раскаяться въ этомъ рѣшеніи, ибо онъ уже думалъ объ употребленіи божества въ свою пользу.

Пренія открылись по поводу закона, предлагавшаго присвоить правительству назначеніе срока, необходимаго для просмотра законовъ въ самомъ Трибунатѣ. Сущность проэкта заключалась въ томъ, что правительство имѣло посылать предложенные законы въ три мѣста—въ Государственный Совѣтъ, въ Законодательный Корпусъ и наконецъ въ Трибунатъ. Въ назначенный правительствомъ день Трибунатъ долженствовалъ быть готовъ обсуждать законъ посредствомъ органа своихъ ораторовъ въ Законодательномъ Корпусѣ и совмѣстно съ ораторами Государственнаго Совѣта. Въ случаѣ срокъ оказался бы недостаточнымъ, Законодательный Корпусъ могъ продолжить его по требованію Трибуната. Непоявленіе членовъ послѣдняго на пренія — равнялось согласію.

Но это было не все: законъ посылался къ нимъ безъ объясненія причинъ, что лишало Трибунатъ всякой возможности оцѣнки, а правительство оставляло за собою право—представлять его снова по усмотрѣнію, въ продолженіе сессіи.

Проэктъ этотъ не только служилъ выраженіемъ оскорбительнаго недовѣрія къ собранію, бывшему единственнымъ судьею относительно времени, потребнаго ему для составленія мнѣнія, но давалъ въ руки правительства средство не допустить пренія, когда ему угодно. Бонапарте въ продолженіе своего временнаго консульства велъ законодательныя комиссіи по военному. Тактика ему удалась, онъ хотѣлъ навязать новымъ собраніямъ эту быструю и кратчайшую

процедуру. Это прибѣганіе трибуновъ къ безгласнымъ членамъ Законодательнаго Корпуса служило дѣйствительно слабою гарантіею, но оно было оскорбительно для ихъ достоинства, и гарантія насильно сдѣлалась бы мечтательною, вслѣдствіе частаго употребленія, къ которому должны были бы прибѣгать.

Неудобство мѣры и враждебная мысль, ее внушившая, живо поразили всѣхъ благоразумныхъ людей; а между тѣмъ никогда законъ, угрожающій столь явно, не былъ оспариваемъ съ бóльшею умѣренностью. Необходимость не подавать никакого повода къ гнѣву властолюбивому человѣку, отъ котораго все зависѣло, чувствовалась всѣми до того, что комиссія, назначенная Трибунатомъ для просмотра закона, предложила принять его, не скрывая даже его недостатковъ [26]). Многіе ораторы послѣдовательно выставляли опасность этого, но не получали серьезнаго отвѣта. Самымъ солиднымъ доводомъ въ подкрѣпленіе закона приводили, какъ и всегда, необходимость положенія: „Трибуны должны сообразоваться, говоритъ Шовленъ:—съ критическими обстоятельствами, ихъ окружавшими, съ состояніемъ многихъ департаментовъ Республики, требовавшимъ крайнихъ мѣръ, съ клеветою, ихъ подстерегавшею, которая подозрѣвала уже существованіе раздѣленій, и наконецъ съ самостоятельною нуждою соединенія властей.“ Для обезпеченія этого соединенія властей, пришли уже къ желанію пожертвовать всѣми властями въ пользу одной.

Между трибунами находился человѣкъ, соединявшій благородство чувства съ блестящими способностями, геній котораго заслуживалъ разцвѣта въ менѣе злополучную эпоху. Происходя изъ французскаго семейства, изгнаннаго во время

---

[26]) Донесеніе Матьё.—*Парламентскіе Архивы,* изданные Мадиваленъ и Лораномъ: засѣданіе 15 нивоза VIII г. (5 января 1800).

Прим. автора.

нашихъ религіозныхъ войнъ, Бенжаменъ Констанъ-де-Ребеккъ, вступилъ во Францію съ возрожденіемъ свободы. Онъ страстно былъ ей преданъ по чувству истинно наслѣдственному. Съ первыхъ же дебютовъ, ставъ въ первый рядъ публицистовъ, по своимъ сочиненіямъ, надиктованнымъ сознательною и отважною ненавистью къ террористскому деспотизму, онъ теперь оспаривалъ у деспотизма военнаго последніе остатки нашихъ свободныхъ учрежденій. Онъ потребовалъ слова для опроверженія предложеннаго закона.

Бенжаменъ Констанъ лучше всѣхъ понялъ невыгоды, происходившія отъ самаго устройства Трибуната, осуждавшаго, повидимому, это собраніе на систематическую оппозицію. Прежде всего онъ постарался предостеречь своихъ товарищей противъ стремленія отнять всякое значеніе отъ критики. Трибунатъ совсѣмъ не былъ постоянно оппозиціоннымъ собраніемъ, имѣвшимъ спеціальное назначеніе оспаривать всѣ представленные ему проэкты; тѣмъ болѣе онъ не былъ собраніемъ риторовъ, съ единственною цѣлью успѣховъ витійства. Это былъ органъ національнаго обсужденія, заинтересованный, какъ и всѣ государственныя учрежденія, въ томъ, чтобъ всякое полезное предложеніе не откладывалось въ долгій ящикъ. „Еслибы эти истины были хорошо сознаны, продолжалъ онъ: — еслибъ конституціонное назначеніе Трибуната не было непризнано, то проэктъ, который видите вы передъ собою, можетъ быть, подвергся бы многимъ измѣненіямъ. Но мысль о постоянной оппозиціи безъ опредѣленія предмета, мысль, что призваніе Трибуната можетъ только замедлить образованіе закона, наполнила всѣ параграфы этого проэкта непомѣрнымъ и тревожнымъ нетерпѣніемъ, избѣгнуть нашего мнимаго сопротивленія, превзойдя насъ въ быстротѣ, представить намъ предложеніе, такъ сказать, на лету въ надеждѣ, что мы не успѣемъ схватить его."

Для обсужденія закона необходимо, по его мнѣнію, взвѣсить злоупотребленіе—какое можно изъ него сдѣлать, и тѣмъ,

которые замѣтили, что это будетъ чувство недовѣрія, онъ отвѣчалъ, что сама Конституція была также актомъ недовѣрія. Возможное злоупотребленіе этого закона со стороны правительства заключалось въ томъ, что отъ него зависѣло съ этихъ поръ уничтожить обсужденіе, сокративъ срокъ по произволу. Некомпетентность его въ назначеніи этихъ сроковъ вытекала изъ недостаточности времени, назначеннаго для обсужденія закона, подвергавшагося обсужденію. Правительство дало Трибунату три дня для составленія мнѣнія, а этого было совершенно недостаточно, хотя дѣло шло о весьма несложной мѣрѣ. А что было бы, еслибъ пришлось обсуждать законъ во сто параграфовъ, отъ котораго зависѣла бы жизнь, состояніе, честь и свобода гражданъ? Указывали на необходимость чрезвычайныхъ законовъ, но они-то и причинили всѣ несчастья и преступленія революціи; была пора возвратиться къ медленному порядку спокойнаго времени; въ случаѣ угрожающей опасности можно ввѣриться патріотизму Трибуната.

Всѣ построенія проэкта пали одно за другимъ подъ ударами сильной и разумной иронiи. „Безъ сомнѣнія, заключилъ онъ свою рѣчь: — желательно согласіе между властями республики, но для этого согласія независимость Трибуната необходима не менѣе конституціонной власти правительства. *Безъ независимости Трибуната не будетъ болѣе ни согласія, ни конституціи, а будутъ только рабство и молчаніе, молчаніе, которое услышитъ вся Европа.*"

Пророческое это предостереженіе не было услышано. Не смотря на всѣ усилія Бенжаменъ-Констана и его друзей, проэктъ закона былъ принятъ въ Трибунатѣ большинствомъ 54 голосовъ противъ 26,—одобреніе, которое поспѣшилъ подтвердить Законодательный Корпусъ. Однако критика оппозиціи не совсѣмъ пропала даромъ: она такъ краснорѣчиво обнаружила и съ такою живостью описала дурное употребленіе, какое правительство могло сдѣлать изъ этого

закона, что Законодательный Корпусъ не посмѣлъ злоупотребить его иначе какъ съ крайнею предосторожностью и даже сдѣлалъ постановленіе, что „объясненія причинъ будутъ сообщаемы Трибунату одновременно съ законами.“

Рѣчь Бенжаменъ-Констана надѣлала много шума, но публика, отрѣшившаяся уже отъ великихъ интересовъ политической жизни, цѣнила болѣе вольтеріанскую грацію этого ума, нежели неоспоримую основательность его доводовъ. Въ Трибунатѣ Ріуффъ, по этому случаю, вздумалъ отличиться невѣроятно неумѣренною лестью Первому Консулу. Онъ потребовалъ права „хвалить того, кого хвалила вся вселенная: воздавая до сихъ поръ дань лишь изгнанной добродѣтели, онъ хотѣлъ выказать родъ новой отваги и похвалить генія на лонѣ могущества и побѣды,“ и дѣйствительно онъ простеръ такъ далеко этотъ родъ отваги, которая никогда не была опасною, и къ восхваленію новаго властителя примѣшалъ столько доносовъ и ярости противъ его противниковъ, что собраніе прерывало его нѣсколько разъ и призвало къ порядку. Рвеніе Ріуффа вскорѣ было вознаграждено префектурою.

Первый Консулъ остался недоволенъ и слабою оппозиціею, встрѣченною въ Трибунатѣ его проэктомъ. Гнѣвъ его однакоже успѣли утишить, и статья, напечатанная *Монитеромъ* объ этомъ преніи, выражала только кисло-сладкую досаду. Впрочемъ онъ въ сущности говорилъ, что результатъ былъ скорѣе удовлетворительный, и что нечего было тревожиться при видѣ оппозиціи 26 человѣкъ изъ 80. Здѣсь болѣе причиною щекотливость боязливыхъ умовъ нежели злая воля. Наконецъ „все позволяло придти къ заключенію, что въ Трибунатѣ не существовало оппозиціи разсчитанной, систематической, однимъ словомъ настоящей оппозиціи. Но каждый жаждалъ славы, каждому хотѣлось извѣстности, и притомъ нѣкоторые люди не знали еще, что извѣстности достигаютъ вѣрнѣе не краснорѣчіемъ, а постояннымъ, даже

безвѣстнымъ служеніемъ обществу, которое рукоплещетъ и судитъ" [27]).

Наканунѣ дня, въ который Бенжаменъ-Констанъ долженъ былъ произнести свою рѣчь, онъ сказалъ своему другу г-жѣ Сталь, въ гостиной которой собиралось все отличавшееся талантами, красотою и знаменитостью: „Гостиная ваша наполнена людьми, которые вамъ нравятся; но если я заговорю, она будетъ завтра пустынна. Подумайте объ этомъ."—„Слѣдуйте своему убѣжденію", отвѣчала она съ благородствомъ. На другой день предсказаніе сбылось буквально: г-жа Сталь сама разсказываетъ, что всѣ ея приглашенные отказались [28]). Первый Консулъ публично выговаривалъ своему старшему брату Іосифу, за посѣщеніе этого дома, но не удовольствовался этимъ выраженіемъ дурнаго расположенія духа. Побѣдитель Италіи не постыдился разгнѣваться на женщину за столь умѣренную рѣчь человѣка, котораго онъ не смѣлъ еще осудить на изгнаніе. Онъ притомъ былъ убѣжденъ заставить вѣрнѣе поколебаться деликатное сердце, нанося сперва ударъ предмету его нѣжности. Фуше, пригласивъ г-жу Сталь, сообщилъ ей, что Первый Консулъ подозрѣвалъ ее въ подстрекательствѣ Бенжаменъ-Констана. Она отвѣчала, что другъ ея былъ гораздо умнѣе ея, чтобъ могъ заимствовать мнѣніе у женщины, и кромѣ того рѣчь его не заключала ни одного слова, которое могло бы оскорбить Перваго Консула. Фуше согласился съ этимъ, но тѣмъ не менѣе *посовѣтовалъ* г-жѣ Сталь *уѣхать въ деревню*—лицемѣрное смягченіе слова, которымъ этотъ полицейскій долженъ былъ прикрыть приказъ о ссылкѣ. Таково было начало гнуснаго преслѣдованія женщинъ, которое постигло послѣдовательно г-жъ Сталь, Рекамье, д'Аво, Шеврёзъ, Бальби, Шамсенецъ, Дама и столько другихъ, отличавшихся умомъ,

---

[27]) *Монитеръ* отъ 9 января. *Прим. автора.*

[28]) Десять лѣтъ изгнанія г-жи Сталь. *Прим. автора.*

красотою, добродѣтелями. Въ мірѣ много было деспотизмовъ, но рѣдко встрѣчался такой робкій, который боялся бы даже власти женщины. Бонапарте не удовольствовался тѣмъ, что уничтожилъ свободу въ учрежденіяхъ, онъ преслѣдовалъ ее въ нѣдрахъ частной жизни, и безвредная критика въ какой нибудь гостиной дѣлалась для него столь же невыносимою. какъ противодѣйствіе большаго свободнаго собранія.

Трибунатъ и Законодательный Корпусъ имѣли вмѣстѣ просматривать органическіе законы, выработанные Государственнымъ совѣтомъ. Сначала имъ представляли проэктъ объ образованіи кассаціонной палаты. Проэктъ этотъ внесъ два важныхъ нововведенія въ это учрежденіе, созданное Конституціоннымъ собраніемъ: одно предоставляло прибѣгать къ кассаціи съ жалобою на рѣшенія въ первой инстанціи мировыхъ судей, второе давало кассаціонной палатѣ право преслѣдовать и судить судей всѣхъ палатъ за преступленія по исполненію обязанностей

Послѣднее распоряженіе имѣло очевидно цѣлью устранить чиновниковъ отъ общаго закона и усилить ихъ зависимость. Во всякомъ судебномъ преслѣдованіи, влекущемъ за собою тѣлесное или позорное наказаніе, Конституція требовала вмѣшательства жюри обвинительнаго и жюри судейскаго. Здѣсь кассаціонная палата была превращена въ жюри обвинительное, что составляло вмѣстѣ и покушеніе на равенство законовъ и на характеръ этого высшаго учрежденія, созданнаго для наблюденія подъ охраненіемъ законныхъ формъ. Въ этомъ случаѣ болѣе нежели въ какомъ другомъ жюри было гарантіей, ибо такъ какъ судьи назначались для гражданъ, а не для власти, то и слѣдовало ихъ держать подъ юрисдикціею тѣхъ, кого болѣе интересовало честное исполненіе ими обязанностей. Правда, за обыкновенными палатами оставили судъ, но право обвиненія присвоили спеціальному трибуналу, дали ему возможность парализовать по произволу дѣйствіе юстиціи, подъ вліяніемъ ли духа корпораціи

или подъ вліяніемъ интересовъ правительства, далекихъ отъ подчиненія всегда интересамъ гражданъ. Это была централизація, примѣненная къ юстиціи, болѣе—это былъ первый шагъ на прискорбномъ пути исключительныхъ трибуналовъ.

Тьессе, одинъ изъ тѣхъ неизвѣстныхъ трибуновъ, которые боролись тогда, безъ всякой другой цѣли, кромѣ исполненія обязанности, противъ нашествія деспотизма, въ рѣчи, исполненной логики и убѣдительности, показалъ многія неудобства въ проэктѣ закона. Тѣмъ не менѣе законъ прошелъ въ Трибунатѣ большинствомъ двухъ голосовъ; однако Законодательный Корпусъ отвергъ его. Но это не доказываетъ систематическаго духа оппозиціи, въ особенности если принять во вниманіе множество законовъ, предложенныхъ этимъ двумъ собраніямъ. Правительство, впрочемъ, чрезъ нѣсколько времени снова представило проэктъ закона, немного лишь измѣненный и то во второстепенныхъ подробностяхъ, соединивъ его съ общимъ планомъ образованія юстиціи.

Въ засѣданіи 7 февраля Редереръ сообщилъ въ Законодательномъ Корпусѣ поводъ знаменитаго проэкта, который какъ бы служилъ основаніемъ свода для консульскаго зданія. Это было описаніе и вмѣстѣ восхваленіе огромнаго административнаго механизма, который отдавалъ окончательно Францію въ руки Бонапарте, позволяя ему двигать тридцати-милліонный народъ какъ полкъ. Механизмомъ этимъ была—централизація, новое названіе, но вещь старая какъ деспотизмъ. Всякій разъ когда сила и государственная власть сосредоточены въ однѣхъ рукахъ, возникаетъ централизація подъ болѣе или менѣе элементарною формою; но она бываетъ въ полномъ развитіи тогда, когда деспотизмъ регуляризированъ и снабженъ всѣми органами. Великія азіатскія державы, Римъ при своемъ упадкѣ, а впослѣдствіи Людовикъ XIV, знали ее и пользовались ею. Наполеонъ возстановилъ ее и усовершенствовалъ. Послѣ него, орудіе это найдено было столь удобнымъ, что надолго пережило то правительство, которому

служило главною пружиною. Докладъ Редерера былъ написанъ въ томъ рѣзкомъ и рѣшительномъ тонѣ, который статсъ-секретари заимствовали у своего повелителя. Смиренные, подобно простымъ чиновникамъ, въ сношеніяхъ съ Бонапарте, они вели себя весьма безцеремонно въ Законодательномъ Корпусѣ и пожалуй готовы были являться туда съ хлыстами въ рукахъ. Редереръ употреблялъ безусловные афоризмы, какъ и подобало представителю власти, не могшей терпѣть никакого противорѣчія; но объясненіе принциповъ было совершенно произвольно: оно не выдерживало критики. Все объясненіе основывалось на главной аксіомѣ, что „если судъ — есть дѣйствіе многихъ, то управленіе должно быть дѣйствіемъ одного человѣка." Опредѣленіе это было сбивчиво, ибо каждое управленіе заключаетъ въ себѣ двѣ различныя операціи: обсужденіе, долженствующее принадлежать многимъ, и дѣйствіе, которое дѣйствительно стремится принадлежать одному.

Новое административное устройство было упрощеніемъ, сходнымъ съ тѣмъ, какое произошло въ самомъ правительствѣ. Власти судебныя были систематически уничтожаемы въ пользу власти исполнительной. Префекты, по замѣчанію самого Бонапарте, считались въ своихъ департаментахъ первыми консулами, т. е. диктаторами малаго размѣра. Какъ при начальникахъ исполнительной власти, при нихъ находились совѣты, обязанные раздѣлять управленіе; но сила ихъ была болѣе мечтательная, чѣмъ въ Законодательномъ Корпусѣ, потому что они имѣли только совѣщательный голосъ. „То же самое было съ подпрефектами и мэрами, которые представляли правительство на низшей ступени этой административной лѣстницы. Вся система состояла изъ іерархіи диктатуръ, поставленныхъ одна надъ другою и которыя всѣ заканчивались диктатурою Перваго Консула.

Впрочемъ учрежденіе это не могло даже назваться оригинальнымъ: оно было заимствовано изъ стариннаго деспо-

тическаго арсенала. Это почти та же система интендантовъ Ришельё, усовершенствованная Людовикомъ XIV, система, которую само прежнее правительство оставило, какъ притѣснительную и безплодную. Но въ пользу интендантскаго управленія можно сказать еще и то, что злоупотребленія его отчасти выкупались тѣмъ, что оно защищало отъ грабительства нахальнаго и тиранскаго дворянства; что интенданты не имѣли никакого вліянія на спорныя дѣла, т. е. на тяжбы администраціи съ частными лицами;—что наконецъ наиболѣе процвѣтавшая во Франціи часть—государственныя земли—предметъ зависти для прочихъ провинцій — изъяты были изъ этой администраціи и пользовались самоуправленіемъ.

Система эта пала отъ собственныхъ злоупотребленій; провинціальныя собранія восторжествовали съ Тюрго. Конституціонное собраніе разширило еще ихъ власть, но разширило сверхъ мѣры, чт́о оживило во Франціи мѣстную жизнь, задушенную двухвѣковою централизаціею, но повредило хорошему и быстрому отправленію общихъ государственныхъ дѣлъ, несовершенно отдѣленныхъ отъ дѣлъ департаментскихъ. Конвентъ управлялъ посредствомъ желѣзной руки своихъ коммиссаровъ, но онъ оставлялъ повсюду мѣстныя собранія, которыя оказали ему важную помощь, подстрекая патріотизмъ и народные порывы противъ соединившейся Европы; а когда настали болѣе мирныя времена, то первою его заботою было освятить эти самые принципы въ другой немного формѣ въ Конституціи III г. Однихъ этихъ фактовъ достаточно, чтобъ снять съ революціи упрекъ въ созданіи и обожаніи централизаціи. Возстановленіе системы, древней какъ абсолютизмъ, принадлежитъ эпохѣ усталости и робости, неимѣющей ничего общаго съ временами, исполненными энтузіазма, часто необузданнаго, но полнаго жизни, вѣры въ будущность, вѣры въ свободу.

Главнѣйшая ошибка административной организаціи, созданной Конституціею III г., заключалась въ томъ, что она уничтожила 40,000 общественныхъ муниципалитетовъ и замѣнила ихъ уѣздными (cantonales) управленіями въ числѣ около 5,000. Уѣздъ, заваленный дѣлами осьми или десяти общинъ среднимъ числомъ, независимо отъ своихъ собственныхъ, не могъ дѣйствовать съ успѣхомъ, и это была главная причина замѣшательствъ и безпорядка въ директоріальномъ правленіи. Вмѣсто того, чтобъ поддерживать уѣздъ, освободивъ его отъ управленія общинами, возстановили муниципалитеты, но для того, чтобъ осуществить ихъ порабощеніе, ибо не только назначеніе мэровъ, но и муниципальныхъ совѣтовъ зависѣло отъ центральной власти. Кромѣ того учредили округа (arrondissement)—очертаніе территоріи совершенно произвольное, при которомъ не принимались во вниманіе мѣстные обычаи и нужды, и которое нерѣдко соединяло населенія, раздѣленныя горами [29]) — превосходное средство разъединить ихъ, раздробить, задушить всякую общественную мысль, всякое единомысліе, предупредить возможную стачку и сопротивленіе. Префекты и подпрефекты могли по произволу дѣйствовать на эту разстроенную массу, благодаря разъединенію всѣхъ естественныхъ группъ. Спорныя дѣла до тѣхъ поръ находились въ вѣдѣніи мѣстныхъ собраній; ихъ передали въ спеціальные совѣты, называемые и до сихъ поръ совѣтами префектуры — учрежденіе превосходное, еслибъ оно не было поставлено въ зависимость отъ префектовъ. Всѣ эти небольшія собранія, находившіяся при префектахъ, подпрефектахъ и мэрахъ, долженствовали собираться ежегодно, но сессія ихъ *не могла продолжаться долѣе пятнадцати дней*. Ясно, что они созывались только для формы. Обязанность ихъ считалась исполненною, какъ только

---

[29]) *Парламентскіе архивы*, рѣчи Дюшена. *Пр. авт.*

они вотировали необходимыя суммы, и отвѣчали на вопросы, которыми ихъ удостоивали.

Историки, которые упрекали Трибунатъ за постоянное враждебное настроеніе, сдѣлали ему совершенно противоположный упрекъ по поводу этого несчастнаго закона: они жалуются на ничтожество его критики. Читая многочисленныя рѣчи, произнесенныя по этому предмету, дѣйствительно вы поражаетесь тѣмъ, что замѣчанія ораторовъ, по большей части справедливыя, направлены скорѣе на подробности нежели на общій смыслъ закона. Но дѣло объясняется очень просто: этотъ общій смыслъ былъ уже предрѣшенъ самою Конституціею, которая рѣшила въ принципѣ, во первыхъ, что Первый Консулъ по произволу назначаетъ и смѣщаетъ членовъ мѣстныхъ управленій (§ 41), и во вторыхъ, что учреждаются округа (§ 1): слѣдовательно весь законъ имѣлся въ зародышѣ въ этихъ обоихъ параграфахъ, и трибуны принуждены были обсуждать только подробности, а иначе немедленно подверглись бы обвиненію въ нападеніи на Конституцію. Не смотря на стѣсненіе, которому подвергало ораторовъ это щекотливое положеніе, они ловко выставляли несовершенства, легко открываемыя въ законѣ, даже допустивъ его точку отправленія. Донà возставалъ противъ перевѣса, даннаго префектамъ въ префектурныхъ совѣтахъ, напомнивъ, что если „судъ долженъ былъ принадлежать, по словамъ Редерера, многимъ лицамъ, то и судъ между администраторами и администруемыми имѣлъ принадлежать многимъ, *между которыми не долженствовало быть ни одного администратора.*“

Дюшенъ указалъ неудобство раздѣленія на округи; Шовленъ, хотя и сторонникъ мѣры и всегда былъ готовъ помогать правительству, заявилъ однако желаніе, чтобы народу предоставили выборъ мэровъ и муниципальныхъ совѣтниковъ, когда настанетъ болѣе спокойное время; наконецъ Ганильгъ смѣло порицалъ одно, незамѣченное до тѣхъ поръ

послѣдствіе новаго закона, которымъ ввѣрялось префектамъ составленіе списка присяжныхъ, что возложено было прежде на мѣстныя собранія. Еслибъ эта попытка удалась, еслибъ отъ правительства зависѣло составлять жюри изъ своихъ сторонниковъ, то погибла бы первая гарантія гражданъ: не было бы болѣе жюри.

Не смотря на эти замѣчанія, законъ получилъ значительное большинство въ Трибунатѣ и Законодательномъ Корпусѣ, и на многіе годы на Францію была накинута крѣпкая сѣть централизаціи. Но это дѣло не было бы полно, еслибъ не поступили точно также и съ юстиціею. Правительство овладѣло ею подобно администраціи. Централизація показалась ему удобною до такой степени, что оно вскорѣ примѣнило ее ко всему: къ религіи посредствомъ конкордата, къ народному просвѣщенію посредствомъ университета, къ печати съ помощью цензуры, и къ самой промышленности помощью чрезмѣрнаго протекціонизма и узкой регламентаціи патентовъ. Система эта не требовала никакихъ геніальныхъ усилій: Бонапарте стоило только выбирать между безполезными образцами, оставленными прошедшимъ. Искусство конфисковать всякую дѣятельность въ пользу государства весьма было извѣстно и употреблялось во Франціи при прежнемъ правительствѣ. Бонапарте снова усвоилъ эту рутину и чрезвычайно ловко ею воспользовался, но называть это *созданіемъ* значило бы оскорблять здравый смыслъ. Система, имѣющая цѣлью убивать въ народѣ всякую индивидуальную энергію— не созданіе, но разрушеніе. Въ политикѣ не создаютъ ничего, если думаютъ только о себѣ, ибо интересы одного человѣка, какъ бы онъ высоко поставленъ ни былъ, никогда не тождественны съ интересами общественными. Нужды времени узнаются только въ такомъ случаѣ, если человѣкъ отрѣшается отъ эгоизма и становится выше личныхъ разсчетовъ: здѣсь необходимо если не полнѣйшее безкорыстіе, по крайней мѣрѣ извѣстное участье въ общественныхъ идеяхъ и въ

страстяхъ современниковъ, — чего никогда не зналъ Бонапарте. Проэктъ образованія юстиціи былъ внесенъ въ Трибунатъ, которому предоставили восемь дней на обсужденіе,—срокъ едва достаточный для того, чтобъ поверхностно съ нимъ ознакомиться, въ особенности если принять во вниманіе множество работъ, которыя это собраніе обязано было приготовить въ то же время.

Главныя старанія Конституціоннаго собранія во время юридической реформы стремились къ тому, чтобъ обезпечить независимость судей. Съ уничтоженіемъ прежняго правительства дѣйствительно всѣ убѣдились, что если судьи судили плохо, то это происходило не отъ недостатка познаній, а отъ недостатка независимости. Можетъ быть, Конституціонное собраніе искало этого обезпеченія ужь весьма исключительно въ выборномъ началѣ, которое, по его примѣру, революціонные законодатели примѣнили къ судебнымъ учрежденіямъ. Конечно, при помощи извѣстныхъ средствъ, можно было устранить эти выборы отъ вліянія народныхъ страстей, но принципъ тѣмъ не менѣе оставался самымъ дѣйствительнымъ обезпеченіемъ. Равномѣрно признали—слишкомъ большое расширеніе компетентности мировой юстиціи и недостаточность единственнаго трибунала на департаментъ. Что касается апелляціи въ сосѣдній трибуналъ, то неудобства этого были сильно преувеличены, ибо цѣль апелляціи—доставить подсудимому обезпеченіе двойнаго испытанія и двойнаго контроля, скорѣе нежели обращеніе къ помощи высшихъ познаній, такъ какъ познанія должны существовать вполнѣ во всѣхъ инстанціяхъ.

Конституція объявила рѣшенное заранѣе положеніе уничтожить гарантію, проистекающую изъ выборнаго начала, рѣшивъ, что всѣ судьи будутъ назначены Первымъ Консуломъ, но не могла не обѣщать другой гарантіи, именно ихъ несмѣняемости. Эта несмѣняемость, впрочемъ, была только пустымъ словомъ, при перспективѣ наградъ и немилостей,

которыми правительство могло надѣлять судейское сословіе. Кромѣ правъ выбора судей, давать ему еще право награждать ихъ покорность и наказывать сопротивленіе, дозволить располагать ихъ будущностью, значило дѣлать изъ судьи родъ министерскаго человѣка, и изъ юстиціи орудіе. Передъ такимъ высокимъ, единственнымъ, безцѣннымъ преимуществомъ, какъ независимость судьи, всякое другое преимущество было второстепеннымъ или, лучше сказать, совсѣмъ исчезало. Что значило какое нибудь усовершенствованіе подробностей, въ отсутствіи этой главнѣйшей жизненной гарантіи. Новая организація вносила въ старую много безспорныхъ улучшеній. Благодаря устройству окружныхъ гражданскихъ трибуналовъ ,которые она прибавила къ существовавшимъ уже исправительнымъ трибуналамъ, правосудіе находилось ближе къ народу; она, можетъ быть, не въ мѣру ограничила вѣдѣніе мировыхъ судей, установила апелляцію, ввѣривъ ее двадцати девяти спеціальнымъ палатамъ, находившимся въ городахъ, гдѣ имѣлись парламенты, наконецъ сохранила уголовные трибуналы въ каждомъ департаментскомъ городѣ. Во всемъ этомъ можно только одобрить ее; но этотъ самый законъ расположилъ судебную іерархію необыкновенно хитро чтобъ возбуждать честолюбіе: всѣ мѣста и награды предоставлялись усмотрѣнію правительства, которому предоставлялось право назначать всѣхъ судей, предсѣдателей въ гражданскіе и уголовные трибуналы, всѣхъ чиновниковъ отъ министерства, а также и жюри, учреждавшихся при префектахъ. Однимъ словомъ, въ руки правительства отдавалось все, что имѣло болѣе или менѣе отношенія къ судебному управленію. Однимъ этимъ новая организація уничтожала независимость судей, и заслуга нѣкоторыхъ ея нововведеній ничего не значила предъ такимъ общественнымъ несчастьемъ. Главный недостатокъ этого закона ускользалъ отъ критики Трибуната, благодаря такой же предосторожности, какая покровительствовала и закону административной организаціи, т. е.

благодаря рѣшенію Конституціи, которая назначеніе всѣхъ судей предоставляла Первому Консулу. Предосторожность эта дѣйствительно мѣшала опровергнуть общій смыслъ закона, составлявшій всю его опасность. Препятствіе казалось неодолимымъ для ораторовъ, наиболѣе противившихся закону. Седнилле и Тьессе, которые первые говорили о проэктѣ, ограничились указаніемъ на несообразности подробностей. Къ счастью для французской трибуны, одно изъ положеній проэкта дало одному изъ этихъ ораторовъ хоть косвенное средство, дозволившее войдти въ общее обсужденіе, казавшееся имъ запрещеннымъ, и порабощеніе нашихъ судебныхъ учрежденій совершилось не безъ протестовъ, достойныхъ великаго дѣла, представлявшаго вопросъ для этихъ преній.

Конституція предоставляла правительству право назначенія судей, но она ничего не упомянула о назначеніи предсѣдателей и вице-предсѣдателей въ гражданскіе и уголовные трибуналы, и чиновниковъ отъ министерства. Лазейка эта дозволила Канильгу перенести преніе на настоящую почву, т. е. на независимость юридической власти. Оставивъ въ сторонѣ второстепенныя условія проэкта, онъ объявилъ, что желаетъ обсудить только его отношенія къ общественной свободѣ; потомъ разобравъ іерархію судейскихъ должностей, чиновъ и содержанія, которыя, по силѣ проэкта, отдавались въ распоряженіе Перваго Консула, онъ воскликнулъ: „Какое будетъ, сказалъ онъ:—естественно неизбѣжное дѣйствіе этихъ чиновъ, введенныхъ въ организацію судебной власти, и ихъ назначеніе Первымъ Консуломъ? Какое вліяніе они произведутъ на судей, на трибуновъ, на правосудіе?

„Чины эти установятъ отношенія начальства и подчиненности между людьми, пользующимися одинаковыми правами, исполняющими однѣ и тѣже обязанности; они разстроятъ согласіе, которое должно царствовать между этими людьми

на пользу подсудимыхъ; они возбудятъ скандальныя и гибельныя для чести трибуновъ пренія.

„Съ другой стороны, такъ какъ эти милости можетъ распредѣлять и сохранять одинъ лишь Первый Консулъ, то тѣ, которые ихъ заслужатъ, употребятъ всѣ усилія для ихъ сохраненія, или, по крайней мѣрѣ, если представится случай гдѣ можно утратить ихъ, они очутятся между личною выгодою и обязанностью—положеніе всегда тягостное, въ которое законъ никогда не долженъ ставить чиновниковъ, и въ особенности судей, которые рѣшаютъ дѣла о состояніи, жизни и чести гражданъ,

„Наконецъ эти награды, будучи распредѣлены на годовыя и третныя, возбудятъ честолюбіе и интриги прочихъ судей; всѣ начнутъ стараться получить ихъ въ свою очередь, всѣ будутъ расположены пожертвовать честью и обязанностью—власти, располагающей этими наградами.

„Итакъ, трибуналы свободнаго народа будутъ съ этихъ поръ соперничать лишь въ рабствѣ передъ первымъ судьею республики, и независимость, обезпеченная за ними Конституціею съ помощью несмѣняемости, уничтожится соблазномъ повышеній, установляемыхъ юридическою организаціею.“

Вслѣдствіе этого онъ требовалъ по крайней мѣрѣ для трибуналовъ право назначать президентовъ. Для тѣхъ, которые отрицали интересъ правительства вліять на судъ, онъ вычислилъ всѣ роды тяжбъ, гдѣ оно болѣе или менѣе заинтересовано, а именно: по дѣламъ таможенъ, казначействъ, штемпельныхъ сборовъ, косвенныхъ налоговъ, національныхъ имуществъ. Но на сколько еще необходимѣе независимость судей была въ дѣлахъ уголовныхъ! Власть президента была здѣсь почти безусловна, и въ этой-то страшной роли въ особенности необходимо было поставить ее внѣ всякаго вліянія. Въ противномъ случаѣ—какая же гарантія оставалась для обвиненныхъ? Не было даже и той, какую представляли присяжные, назначаемые префектомъ.

„Трибуны! воскликнулъ онъ:—когда Конституціонное собраніе, составленное изъ людей, которые всѣ почти были пропитаны монархическими предразсудками, установило судъ присяжныхъ, оно заботливо поставило всѣ его элементы внѣ королевскаго вліянія; выборъ присяжныхъ оно ввѣрило судьямъ, избраннымъ народомъ; направленіе обвиненія начальнику жюри, избранному народомъ, преслѣдованіе обвиненія публичному обвинителю, избранному народомъ, направленіе преній предсѣдателю уголовнаго трибунала, избранному народомъ; однимъ словомъ, королевская власть въ этомъ великомъ актѣ власти національной представляема была лишь коммисаромъ, вся обязанность котораго заключалась въ требованіи соблюденія формъ при слѣдствіи, и примѣненіи закона.

„А мы, вскормленные на республиканскихъ началахъ, вынесшіе жестокое испытаніе своеволія уголовныхъ судовъ, подчиненныхъ вліянію правительства; мы, дрожащіе отъ ужаса при воспоминаніи о революціонныхъ трибуналахъ, мы уже вотировали принятіе закона, который предоставляетъ выборъ присяжныхъ въ распоряженіе правительства, а сегодня намъ предлагаютъ законъ, ставящій въ зависимость отъ правительства — и начальника жюри и предсѣдателя уголовнаго трибунала. Но чѣмъ же какъ не настоящими правительственными коммиссіями могутъ сдѣлаться уголовные трибуналы, въ которыхъ присяжные будутъ выбраны правительствомъ, въ которыхъ начальники жюри, публичные обвинители, президенты и судьи будутъ направляемы усмотрѣніями правительства?“ ([30])

Такова была эта живительная и пророческая рѣчь, не блиставшая ораторскими красотами, но сильная какъ сама истина.

Кто слѣдилъ за ходомъ нашихъ судебныхъ учрежденій,

---

[30]) *Парламентскіе архивы.* *Пр. автора.*

со дня произнесенія этой рѣчи, тотъ рѣшитъ, заслуживали-ль люди, воодушевляемые подобными чувствами и обнаруживавшіе подобныя намѣренія,—заслуживали-ль они презрѣнія, съ которымъ относились къ нимъ наши историки [31]).

Ганильгъ произвелъ на собраніе глубокое впечатлѣніе: со всѣхъ сторонъ потребовали напечатанія его рѣчи, но Станиславъ Жирарденъ воспротивился, упрекнувъ его въ нападеніи на Конституцію. Впрочемъ напечатаніе было вотировано, но тѣмъ не менѣе законъ былъ принятъ какъ Трибунатомъ, такъ и Законодательнымъ Корпусомъ.

Вмѣстѣ съ этими двумя законами цѣлая масса другихъ, столь же важныхъ проэктовъ была представлена на обсужденіе Трибуната, и все это требовалось разобрать въ самый короткій срокъ, подъ опасеніемъ, что собраніе будетъ выставлено какъ препятствіе къ возстановленію общественнаго порядка. Трибуны, по выраженію Седилле, были какъ бы увлечены *въ вихрь крайнихъ нуждъ,* котораго цѣль, повидимому, заключалась въ томъ, чтобъ обезсилить ихъ контроль, лишивъ ихъ времени, необходимаго на всестороннее обсужденіе. Но оппозиція не измѣнила своимъ обязанностямъ, и нельзя не подивиться количеству и обширности этихъ работъ, принявъ во вниманіе непродолжительность законодательной сессіи.

Одинъ изъ этихъ проектовъ послужилъ Бенжаменъ Констану поводомъ, выказать политическую важность, какую Трибунатъ могъ найдти въ правѣ петицій, еслибъ съумѣлъ имъ воспользоваться. Конституція предоставляла Трибунату спеціально принимать личныя петиціи (§ 83). Это право въ

---

[31]) Вотъ въ какихъ выраженіяхъ Тьеръ оцѣняетъ эти пренія Трибуната о судебномъ устройствѣ: „Что касается до судебнаго устройства, *требовали возстановленія парламентовъ; жаловались въ особенности на право, предоставленное кассаціонному трибуналу надъ низшими судьями— все это возраженія нестоющія упоминанія.*" Вотъ и все!

(Исторія Консульства и Имперіи, т. I). *Пр. автора.*

соединеніи съ тѣмъ, которое уполномочивало ее подавать мнѣніе относительно существующихъ или предполагаемыхъ законовъ, исправленія погрѣшностей, касательно предпринимаемыхъ улучшеній по всѣмъ частямъ администраціи (§ 29), могло чрезвычайно возвысить политическое значеніе этого собранія, еслибъ оно захотѣло серьезно взяться за свои права. Благодаря этому могущественному рычагу, отданному въ его руки, безъ сомнѣнія, по ошибкѣ, оно могло сильно дѣйствовать на общественное мнѣніе. И даже, еслибы самое общество мало было расположено помогать ему въ этомъ предпріятіи, что дѣйствительно и было, то Трибунатъ, при томъ состояніи упадка, до котораго доведены были свободныя учрежденія, не долженъ былъ упускать ни одного изъ своихъ преимуществъ и пользоваться всѣми своими силами.

Предложеніе Бенжаменъ Констана имѣло цѣлью—возвысить вліяніе Трибуната, дать ему роль постоянной опеки надъ гражданами, роль умѣренности и защиты предъ правительствомъ. Вслѣдствіе этого онъ предложилъ поправку, которая предоставляла бы имъ однимъ ободреніе частныхъ лицъ къ праву пользованія петиціями. Онъ различалъ петиціи мѣстнаго интереса отъ петицій, заключавшихъ интересъ личный, петиціи въ защиту противъ злоупотребленій отъ адресовъ, требовавшихъ улучшенія. Онъ хотѣлъ, чтобъ Трибунатъ не довольствовался простымъ обращеніемъ къ правительству—безполезная формальность, на которую послѣднее не обращало никакого вниманія, но чтобъ основательныя петиціи подкрѣплялъ замѣчаніями. Работа эта доставила бы Трибунату естественное употребленіе его засѣданій, какъ скоро оканчивалась сессія Законодательнаго Собранія, продолжавшаяся всего четыре мѣсяца. „Тогда увидѣли бы, сказалъ, что все опредѣленное у васъ—улучшеніе, все случайное—оппозиція. Оппозиція—ваше право, улучшеніе—ваша натура. Итакъ, своими правами можно пользоваться лишь изрѣдка, а что сообразно съ натурою, то исполняется всегда.

Устройте себя тѣмъ, чѣмъ вы должны быть — не палатою постоянной оппозиціи, что было бы нелѣпо и въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ преступно; не палатою вѣчнаго одобренія, что было бы раболѣпствомъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ тоже преступно, но палатою оппозиціи и одобренія, сообразно съ предлагаемыми мѣрами, и палатою улучшеній.

Шовленъ опровергалъ проэктъ Бенжамэнъ Констана, сказавъ довольно остроумно, что это была *петиція на петиціи.* Совершенно справедливо, но это-то именно и составляетъ заслугу предложенія, когда общественный духъ былъ приглушенъ и потерялъ всѣ свои органы. По словамъ Шассирона „проэктъ могъ доставить новому Геростратy удобство возжечь дымившійся еще факелъ гражданскихъ раздоровъ“. Жирарденъ припомнилъ петиціи, подаваемыя въ Конвентъ; онъ припомнилъ, какъ однажды этотъ двѣнадцатилѣтній ребенокъ сказалъ собранію представителей: „Я говорю вамъ отъ имени тридцати милліоновъ людей...“ Такимъ образомъ, безъ попытки даже серьезнаго опроверженія было устранено предложеніе, главная ошибка котораго заключалась въ томъ, что оно было слишкомъ смѣло для большинства трибуновъ.

Законъ относительно окончанія дѣла объ эмигрантахъ встрѣтилъ мало сопротивленія, ибо каковы бы ни были его погрѣшности, онъ все-таки могъ считаться огромнымъ благодѣяніемъ сравнительно съ прежнимъ порядкомъ вещей. Прежніе законы объ эмигрантахъ, какъ произведеніе гнѣва и отчаянія, смѣшивали невиннаго съ виновнымъ; простую отлучку они считали такимъ же преступленіемъ, какъ поднятіе оружія противъ отечества: достаточно было попасть справедливо или несправедливо въ списокъ эмигрантовъ, чтобъ навлечь страшную кару на себя и на свое семейство. Съ тѣхъ поръ отчаянные взрывы страстей значительно утихли, многіе эмигранты были вычеркнуты изъ списковъ; но законъ оставался во всей силѣ, и Директорія не разъ употребляла его противъ своихъ непріятелей. Пер-

вый Консулъ чувствовалъ себя достаточно сильнымъ, чтобъ уничтожить законъ объ эмигрантахъ, который защищался еще остаткомъ террористскихъ воззрѣній, и надобно отдать ему должную справедливость, что онъ въ этомъ отношеніи поступилъ такъ, какъ никто до него не осмѣливался. Мѣра эта не заключала однакожъ въ себѣ ни той обширности, ни того великодушія, какое обыкновенно ей приписываютъ. Внесенія въ эмигрантскій списокъ до введенія въ дѣйствіе Конституціи сохраняли всю силу прежнихъ законовъ. Но тѣ изъ эмигрантовъ, которые жаловались на неправильное внесеніе, могли обращаться къ правительству, а оно такимъ образомъ дѣлалось безотчетнымъ распорядителемъ амнистіи и могло за эту благосклонность предлагать какія угодно условія. Но это не все: вмѣсто того, чтобъ прощеннымъ эмигрантамъ ipso facto возвращались ихъ непроданныя имѣнія, какъ дѣлала Директорія, правительство, благодаря молчанію закона объ этомъ, предоставило себѣ право, — возвращать или не возвращать по произволу, смотря по обстоятельствамъ, или возвращать по частямъ, чтобъ обезпечить могущественное средство вліянія. Здѣсь, какъ и всюду, Бонапарте не желалъ опредѣленнаго закона и ничего положительнаго, и хотѣлъ, чтобъ все зависѣло отъ его личнаго усмотрѣнія.

Что же касается до французовъ, которые имѣли быть преслѣдуемы за преступленіе эмиграціи до обнародованія новаго закона, то они подвергались обыкновенному суду, сообразно съ прежними законами, но при *специіальномъ жюри*,—распоряженіе, освятившее введеніе исключительныхъ трибуналовъ. Къ этому прибавили одну мѣру предосторожности, что конфискація могла совершаться только послѣ предварительнаго вычета въ пользу кредиторовъ, женъ и дѣтей. Вслѣдствіе этого, положеніе эмигрантовъ, признанныхъ по всѣмъ законнымъ формальностямъ, было гораздо лучше положенія эмигрантовъ, только подозрѣваемыхъ и внесенныхъ въ списокъ административнымъ порядкомъ. Напрасно

трибуны Андрье и де-Гари возставали противъ этой несообразности, которая имѣла весьма опредѣленную цѣль. Безуспѣшно также опровергали привилегію, которую правительство присвоило себѣ въ ущербъ общаго закона, касательно верховнаго рѣшенія амнистій. Булай-де-ла-Мёртъ отвѣчалъ на это замѣчаніе, что эмигранты, внесенные въ списокъ административнымъ путемъ, должны и получать прощеніе тѣмъ же порядкомъ, и что предоставлять это судебной власти было бы противорѣчіемъ разграниченію властей. Это значило оправдывать узурпацію посредствомъ узурпаціи.

Такимъ образомъ преступленіе эмиграціи было вычеркнуто изъ нашихъ кодексовъ, по крайней мѣрѣ на будущее время. Французъ могъ свободно выѣзжать изъ отечества, съ условіемъ подчиняться стѣснительному закону паспортной системы. Первый Консулъ потребовалъ однакожъ, чтобъ въ случаѣ продолжительнаго отсутствія сверхъ срока, обозначеннаго въ паспортѣ, правительство имѣло право секвестровать имѣніе отсутствующаго, послѣ троекратной публикаціи.

Но, не взирая на всю свою недостаточность, законъ этотъ вносилъ такое спасительное улучшеніе, что тѣ, которые опровергали его, конечно предпочли бы его порядку вещей, имъ замѣненному. Общественное мнѣніе было не столь справедливо къ мѣрѣ, относительно возстановленія права располагать своимъ имуществомъ по завѣщанію, хотя это было не менѣе желательно и не менѣе полезно. Революція уничтожила почти безусловно свободу завѣщаній: человѣкъ семейный могъ располагать по завѣщанію только десятою частью своего имущества. Проэктъ значительно увеличилъ эту долю, но отецъ, по закону, не могъ дѣйствовать безгранично, а сообразно съ количествомъ дѣтей. Это былъ лишь робкій шагъ къ приложенію нормальныхъ началъ собственности, такихъ, какія выработали съ тѣхъ поръ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Къ несчастью, теоретики нашей революціи имѣли слишкомъ уже большую наклонность жерт-

вовать собственностью, какъ и всѣми другими индивидуальными правами, государству. Люди, которыми овладѣла страсть уравнительная, будучи вовлечены въ заблужденіе воспоминаніями о злоупотребленіяхъ феодальной собственности, мечтали даже объ уничтоженіи собственности частной, и рукоплескали при всякомъ наносимомъ ей ударѣ. Не довольствовались уничтоженіемъ привилегіи, а покушались на самое право. Предразсудки эти были еще слишкомъ живучи. Публика смотрѣла, какъ на завоеваніе революціи, на всѣ ограниченія права собственности, забывая, что это служило препятствіемъ къ свободѣ индивидуумовъ, столь уже ослабѣвшихъ и безоружныхъ предъ властью государства. Во Франціи существуетъ застарѣлое стремленіе лишать гражданъ собственности въ пользу общества: на него смотрятъ какъ на властительницу интересовъ, которые оно имѣетъ цѣлью защищать, и права, имъ намъ оставляемыя, считаются благодѣяніемъ. Къ этому расположенію умовъ примѣшивались болѣе основательныя опасенія. Заимствованія, сдѣланныя Первымъ Консуломъ у прежняго правительства, возбудили уже сильное недовѣріе; новый проэктъ казался попыткою въ томъ же родѣ. Андрье объявилъ его въ Трибунатѣ какъ возвращеніе къ праву первородства, маіоратамъ и опредѣленію наслѣдства. Онъ потребовалъ на голоса, чтобъ прочтена была рѣчь, которую умиравшій Мирабо оставилъ въ рукописи по этому случаю. Дѣйствительно, знали, это этотъ великій человѣкъ, подъ вліяніемъ отвращенія къ злоупотребленіямъ отцовской власти, которой онъ такъ долго былъ жертвою, высказался противъ свободы завѣщаній; но также, по замѣчанію Ренье де-Сенъ-Жанъ д'Анжели, рѣчь эта была предварительнымъ эскизомъ, набросаннымъ кѣмъ нибудь изъ многочисленныхъ его сотрудниковъ, работы которыхъ онъ присвоивалъ, и которой не отдѣлалъ окончательно. Тѣмъ не менѣе справедливо, что личныя бѣдствія въ этомъ отношеніи повліяли на этотъ великій умъ, который не замедлилъ при-

знать — необходимость крѣпкой организаніи семейства для демократическаго общества, желающаго остаться свободнымъ. Что значатъ въ самомъ дѣлѣ возможныя злоупотребленія правомъ завѣщанія, злоупотребленія, неразлучныя со всякою свободою, и которыя при томъ могутъ быть предупреждены до извѣстной степени,—въ сравненіи съ неудобствами, вытекающими изъ чрезмѣрнаго ограниченія этого права, уничтоженія родительской власти, періодическаго разрушенія промышленныхъ предпріятій, подвергающихся раздѣлу, безконечнаго раздробленія состоянія?

Законъ опровергали съ замѣчательною живостью ораторы, которые были равнодушны къ мѣрамъ, прямо направленнымъ противъ свободы,—что доказываетъ насколько болѣе въ то время были привязаны къ тому, на что смотрѣли какъ на выгоды революціи, нежели къ ея принципамъ. За то многіе изъ членовъ, вотировавшихъ съ оппозиціею, и въ числѣ другихъ Ганильгъ и Бенжамэнъ-Констанъ, отдѣлились въ этомъ случаѣ отъ товарищей и защищали проэктъ закона, чѣмъ доказывается, на сколько оппозиція Трибуната было далеко отъ систематическаго единодушія, которое часто ей приписывали.

Вотировка проэкта закона касательно податей IX года (1800—1801) послужила послѣднимъ подтвержденіемъ этой истины. Обыкновенные доходы приносили четыреста двадцать семь миліоновъ,—сумма признаемая всѣми недостаточною, даже въ мирное время. Война требовала прибавки около двухсотъ миліоновъ, а Франція воевала тогда со всею Европою. Не смотря на это состояніе вещей, правительство, къ всеобщему удивленію, предложило продолжить съ весьма легкими измѣненіями на IX годъ подати, установленныя на VIII г. Комиссія Трибуната рѣшилась опровернуть законъ, но высказавъ справедливый упрекъ, за непредставленіе требованія на большую сумму. И вотъ оппозиція, которую часто называли мятежною, предлагаетъ правительству денегъ болѣе, чѣмъ

оно требовало. Въ этой странной перемѣнѣ ролей, конечно, была причина, о которой говорилось. Подъ болѣе или менѣе правдоподобнымъ предлогомъ невозможности назначить съ точностью расходовъ на военныя издержки, которыя могли быть показаны приблизительно, правительство скрывало желаніе сохранить свою популярность у истощеннаго населенія, и надежду найдти въ самой войнѣ средства окупить расходы. Со свойственнымъ ему искусствомъ облагать данью союзниковъ, какихъ источниковъ оно не нашло бы у побѣжденныхъ! Въ это же время оно устранилось отъ обязанности представлять свой бюджетъ за годъ впередъ, которую возлагала на него Конституція VIII г. Оно не возвышало суммы прихода, но для того, чтобъ предоставить себѣ свободу назначить итогъ расходовъ, которые публиковало весьма нескоро послѣ ихъ совершенія. Двойной этотъ поводъ, въ которомъ оно не могло сознаться, побуждалъ его обратить въ нѣчто мечтательное контроль Законодательнаго Корпуса надъ финансами,— гарантія, которую часто уважали самыя деспотическія государства какъ утѣшеніе рабства. Замѣчанія комиссіи противъ этого обманчиваго бюджета, цѣль котораго была скрыть отъ Законодательнаго Корпуса настоящіе интересы націи, были признаны вѣрными и основательными; но такъ какъ собраніе не имѣло права на измѣненіе, то и не могло опровергнуть столь важной и неизбѣжной мѣры. „Правительство требуетъ четырехсотъ двадцати семи мильоновъ,—сказалъ Бэльёль, въ засѣданіи 28 марта:—неужели вы ему откажете только на томъ основаніи, что ему слѣдуетъ по вашему требовать шесть-сотъ. Эта было бы конечно революція не въ государствѣ, но въ природѣ. Это первый еще разъ народныя власти, съ тѣхъ поръ какъ онѣ существуютъ, гнѣваются на правительство за то, что оно не довольно требуетъ.“

Софизмъ этотъ перестанавливалъ вопросъ, ибо дѣло шло о контролѣ, а не о количествѣ требуемой суммы; но духъ

примиренія одержалъ верхъ надъ уваженіемъ къ принципамъ, и бюджетъ прошелъ въ такомъ видѣ, въ какомъ требовалъ министръ финансовъ. Законъ этотъ былъ одною изъ послѣднихъ мѣръ общаго интереса въ теченіе этой многотрудной сессіи, закрытой 1 апрѣля 1800 г. Такъ какъ Трибунату не предстояло уже болѣе проэктовъ законовъ для обсужденія, то онъ и рѣшилъ, по предложенію Шенье, во всякомъ случаѣ продолжать собираться во время вакацій Законодательнаго Корпуса, но только 1 и 17 числа каждаго мѣсяца. Какъ видите, большинство этого собранія содѣйствовало всѣмъ планамъ Перваго Консула, исключая двухъ, трехъ, заключавшихъ въ себѣ интересъ второстепенный. Трудно бы потребовать большей уступчивости, не считая Трибунатъ простою регистратурою. Все его преступленіе состояло въ томъ, что среди его находилась великодушная просвѣщенная оппозиція, хотя не весьма шумная и мало заботившаяся объ ораторскихъ отличіяхъ, ибо она обращалась къ народу, который слушалъ ее разсѣянно и насмѣхался охотно надъ ея безсиліемъ. Не имѣя за собою ни подпоры общественнаго мнѣнія, ни обаянія народнаго полномочія, ни сочувствія общества, безумно увлеченнаго военными успѣхами, оппозиція эта поддерживала съ твердостью, честно и прямодушно настоящіе принципы революціи противъ увлеченія необузданнаго честолюбія.

Будучи ненавистна властителю за невозмутимую умѣренность, къ которой невозможно было было придраться, будучи несносна подданнымъ, которымъ она напоминала ничтожество ихъ республиканскихъ убѣжденій, атакуемая безпрерывно раболѣпными писателями, уничиженная самимъ правительствомъ, которое доносило на нее публично въ „Монитерѣ“, печатало ея пренія въ изуродованномъ видѣ или совсѣмъ о нихъ умалчивало, оппозиція оставалась неизмѣнно вѣрною свободѣ, хотя и была увѣрена, что ничего не могла измѣнить въ отчаянномъ положеніи этого дѣла.

Безъ обольщенія приняла она эту скромную роль самопожертвованія, она отважно и добросовѣстно выполнила свою задачу, внося простоту, возвышающую исполненіе обязанности, и многія работы ея и теперь могли бы еще послужить руководствомъ для поколѣнія, которое тщеславится, что значительно превзошло ихъ.

Великодушныя усилія этого меньшинства были безплодны; историки до сихъ поръ были къ нимъ несправедливѣе еще современниковъ; но будущее отдастъ имъ должную справедливость. Когда строгая исторія будетъ разсказывать происхожденіе и развитіе административнаго деспотизма, который такъ рано занялъ мѣсто нашихъ свободныхъ учрежденій, когда она разскажетъ образованіе этого колосса на глиняныхъ ногахъ, который долженъ былъ поглотить столько состояній и существованій, она вспомнитъ всѣхъ этихъ честныхъ и забытыхъ людей, которыхъ разумными предосторожностями пренебрегъ народъ, ослѣпленный успѣхами.

ГЛАВА IV.

Генуа, Ульмъ, Маренго.

Всѣ предложенія Перваго Консула о мирѣ были последовательно отвергнуты; даже его настоянія вызвали только холодный и презрительный пріемъ: онъ достигъ своей цѣли. Онъ пріобрѣлъ преимущество умѣренности, придалъ себѣ неожиданное обаяніе терпѣливой, мирной политики, выставилъ себя борцомъ безкорыстія и гуманности; онъ свалилъ на соединенныя державы отвѣтственность за войну, которой никто не желалъ такъ пламенно, какъ онъ самъ. Упрямство ихъ причинило ему тайную радость, ибо ему былъ необходимъ громадный военный успѣхъ [32]), и всѣ мѣры его съ тѣхъ поръ были разсчитаны на огромную кампанію.

Коалиція, ослабленная уже дѣйствительнымъ, но еще не объявленнымъ отпаденіемъ императора Павла, который не могъ простить Австріи Цюрихскаго оскорбленія, сосредоточила свои силы на двухъ главныхъ пунктахъ. Отказавшись отъ нападенія на насъ въ Швейцаріи, вслѣдствіе гибельныхъ неудачъ, понесенныхъ ею въ предъидущую кампа-

---

[32]) *Записки Наполеона:* замѣчаніе на *Перечень военныхъ событій Матьё Дюма. Прим. автора.*

нію, она оставила намъ, безъ новой попытки, эту передовую позицію, столь драгоцѣнную для нашей обороны, какъ въ Италіи, такъ и въ Германіи. Планъ ея былъ сдѣлать эту позицію безполезною, при помощи двухъ значительныхъ армій, изъ которыхъ одна находилась въ Швабіи для наблюденія за Рейномъ и господствовала надъ всѣми ущельями Чернаго лѣса, отъ Страсбурга до Шафгаузена, а другая стояла въ Піемонтѣ у подошвы Аппенинъ, угрожая всѣмъ постамъ, занимаемымъ нами по берегу отъ Генуи до Ницы, и была готова проникнуть въ Провансъ. Швабская армія, за исключеніемъ гарнизоновъ по крѣпостямъ, состояла изъ ста двадцати тысячъ хорошаго войска. Командовалъ ею маршалъ Край, искусный и опытный генералъ, преемникъ эрцгерцога Карла, котораго на время лишили охоты къ военному дѣлу притѣсненія Надворнаго совѣта. Расположенная въ срединѣ исполинскаго угла, образуемаго Рейномъ отъ Страсбурга къ Констанцскому озеру, владѣя всѣми проходами этой гористой страны, Швабская армія могла устремиться съ одинаковою быстротою на границы Швейцаріи или въ Альзасъ, и сравнительно съ непріятелемъ, который хотѣлъ бы переправиться чрезъ Рейнъ, она имѣла преимущество быстрѣйшаго и легчайшаго сосредоточенія. Армія эта помѣщалась въ родѣ обширнаго укрѣпленнаго лагеря, прикрытаго глубокою и широкою рѣкою, двойнымъ рядомъ горъ и густыхъ лѣсовъ, и должна была, по крайней мѣрѣ вначалѣ, стоять въ оборонительномъ положеніи и ограничиваться недопущеніемъ насъ въ Германію.

Честь почина и первыхъ значительныхъ военныхъ дѣйствій предоставлялась арміи, стоявшей въ Италіи, и ея главнокомандующему Меласу. На Аппенинахъ должны были сосредоточиться всѣ старанія коалиціи, которая побуждалась къ этому извѣстною слабостью арміи Массены, драгоцѣнною всегда для англичанъ надеждою взять и уничтожить Тулонъ и еще болѣе химерическою надеждою возмутить наши юж-

нныя населенія. Взять Генуу и Тулонъ, проникнуть къ Провансъ, присоединивъ двадцатитысячный англійскій корпусъ, находившійся на Минорке, и идти потомъ на наши центральныя провинціи, въ то время какъ маршалъ Край переправится чрезъ Рейнъ, чтобъ сдѣлать диверсію: такова была роль, назначенная барону Меласу и ста семнадцати тысячамъ войскъ, которыми онъ командовалъ. Франція могла противопоставить этимъ силамъ только три арміи, но и то одна изъ нихъ, резервная, существовала лишь на бумагѣ и могла быть введена въ дѣло гораздо позже. Рейнская армія подъ начальствомъ Моро, за вычетомъ гарнизоновъ, доходила до ста десяти тысячъ; она должна была дѣйствовать противъ маршала Края. Итальянская армія подъ командою Массены, состоявшая не болѣе какъ изъ двадцати пяти тысячъ [33]), съ которыми онъ долженъ былъ защищать и Генуу и проходы Апенинъ и Альповъ противъ австрійцевъ. Но обѣ онѣ были составлены изъ опытныхъ войскъ и имѣли во главѣ двухъ превосходныхъ генераловъ, изъ которыхъ одинъ отличался необыкновенными находчивостью и пыломъ среди самого дѣла, а другой осторожностью и вѣрностью соображеній. Что касается до резервной арміи, существованію которой никто не вѣрилъ ни въ Европѣ, ни даже въ Франціи, арміи сформированной изъ корпусовъ, вызванныхъ изъ Ванадеи, Голландіи, изъ внутреннихъ провинцій, подкрѣпленной новыми рекрутами и нѣсколькими отрядами волонтеровъ, собранной номинально въ Дижонѣ, гдѣ имѣлось лишь нѣсколько батальоновъ рекрутъ, а въ дѣйствительности разбросанной отъ Шалона на Марнѣ до Ліона, но готовой собраться по первому призыву, то она, благодаря шуму, съ которымъ объявляли объ ея формированіи, и искуснымъ предосторожностямъ

[33]) Цифры эти приведены генераломъ Тибо въ его превосходномъ отвѣтѣ противъ нападокъ Наполеона на Массену, напечатанномъ по поводу *Историческаго журнала объ осадѣ Генуи.* *Прим. автора.*

принятымъ для скрытія ея существованія, считалась вообще чистѣйшею выдумкою. Сдѣлавшись предметомъ насмѣшекъ за границею, армія эта увеличивалась тайкомъ, по мѣрѣ присоединенія корпусовъ, и оставалась невидимкою, готовясь, по своему положенію, или подкрѣпить Рейнскую армію, или подать помощь слабой Итальянской, или наконецъ дѣйствовать отдѣльно, если бы того потребовали обстоятельства.

Какое же направленіе должны были дать этимъ тремъ арміямъ? Планъ кампаніи союзниковъ, а еще болѣе—природа вещей, казалось, диктовала намъ собственный нашъ планъ. Изъ двухъ угрожаемыхъ границъ Рейнская была несравненно важнѣе какъ для Австріи, такъ и для Франціи. Для каждой изъ этихъ державъ выигранное или проигранное сраженіе на Рейнѣ или въ долинѣ Дуная было значительно серьезнѣе, нежели побѣда или пораженіе въ Италіи. Въ послѣднемъ случаѣ ударъ былъ бы нанесенъ на оконечности, тогда какъ въ первомъ онъ пришелся бы ближе къ сердцу, ибо поле битвы было бы на кратчайшей дорогѣ между Вѣною и Парижемъ. Какъ ни были блистательны многочисленныя побѣды, одержанныя Бонапарте въ Италіи въ 1796, онѣ ничего не могли рѣшить именно потому, что совершились въ Италіи; но, разъ войдя въ Германію, съ перваго же сраженія, онъ сдѣлался властелиномъ Европы.

Итакъ, союзники впали въ огромную ошибку, направивъ главнѣйшую атаку на пунктъ не только второстепенный по своему исключительному положенію, но и удобный къ защитѣ, благодаря естественнымъ препятствіямъ и фортификаціоннымъ работамъ. Дѣйствительно, Апеннины, Генуа, линія Вара, Тулонъ—это такія преграды, которыя, будучи защищаемы генераломъ, подобнымъ Массенѣ, могли удерживать многіе мѣсяцы союзниковъ, несмотря на огромное превосходство ихъ силы. Эта рискованная позиція Меласа, на такомъ большомъ разстояніи отъ наслѣдственныхъ провинцій, его натуральной точки опоры, имѣла еще и то неудоб-

ство, что въ случаѣ разбитія Края въ Дунайской долинѣ, союзная итальянская армія никогда не могла бы поспѣть вовремя для защиты Вѣны противъ арміи Моро.

Изъ этого вытекало, что всѣ наши усилія долженствовали быть направлены противъ Края, и Массенѣ нужна была лишь ограниченная помощь, необходимая для поддержки оборонительнаго положенія. Съ уничтоженіемъ арміи Края, мы могли по произволу предписать миръ Вѣнѣ, или, взявъ въ тылъ армію Меласа, отрѣзать ему всякое отступленіе. Самъ Наполеонъ сознавалъ это сперва, когда онъ объявлялъ „что главнѣйшая граница была рейнская [34]), а потомъ, когда разсказывалъ, что вслѣдствіе своего разномыслія съ Моро по поводу открытія кампаніи, ему одно время чрезвычайно хотѣлось стать во главѣ этой арміи, такъ какъ онъ разсчитывалъ, что будетъ скорѣе подъ стѣнами Вѣны, нежели Меласъ у Ниццы“ [35]). Если это было такъ,—что указывается всѣми данными этого военнаго положенія,—то изъ этого слѣдовало, что всѣ энергическіе удары долженствовали быть нанесены въ Германіи, ибо только тамъ они были бы рѣшительны.

Такъ полагалъ Моро. По его мнѣнію, судьба войны должна была рѣшиться въ Германіи, и въ ней-то онъ хотѣлъ сосредоточить всѣ свои силы. Даже еще не зная объ истинномъ назначеніи резервной арміи, онъ нѣсколько разъ настаивалъ на отправленіи ее въ Швейцарію для подкрѣпленія Рейнской арміи [36]). Но Бонапарте не соглашался на соединеніе этихъ армій иначе какъ съ условіемъ самому командовать ими. Рѣшительные эти удары, предназначенные окончить войну, онъ хотѣлъ нанести самъ, ибо поразить союзниковъ въ Германіи—значило предоставить всю славу Моро

---

[34]) *Записки:* Замѣтка на *Очеркъ* Матьё Дюма. *Прим. автора.*

[35]) Записки: *Ульмъ—Моро.* *Прим. автора.*

[36]) Письмо Моро къ Первому Консулу, 8 апрѣля, къ Бертье, 24 апрѣля. *Меморіалъ Военнаго Депо*, Т. V. *Прим. автора.*

ибо съ одной стороны Моро положительно отказался служить подъ его начальствомъ [37]), а съ другой внутреннее положеніе Республики не дозволяло еще, повидимому, Бонапарте оставлять Парижъ для командованія арміями. Роль, которую онъ оставлялъ Моро въ своемъ планѣ кампаніи, была только въ родѣ пролога, предназначеннаго приготовить его собственное вступленіе на сцену. Вмѣсто того, чтобъ дѣйствія въ Германіи поставить главною задачею кампаніи, онъ вполнѣ подчинилъ ихъ плану, который намѣревался осуществить самъ въ Италіи во главѣ резервной арміи. По этому знаменитому и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ столь справедливо прославленному плану, Моро, стянувъ свою армію между Страсбургомъ и Балемъ, а въ особенности между Балемъ и Констанцомъ, долженъ былъ обмануть непріятеля фальшивыми демонстраціями и потомъ переправиться черезъ Рейнъ въ трехъ пунктахъ, между Шафгаузеномъ и Констанцомъ, т. е. на оконечности лѣваго фланга Края. Такимъ образомъ Черный Лѣсъ былъ бы обойденъ, а непріятель отброшенъ въ Баварію.

Наполеонъ писалъ впослѣдствіи и всѣ потомъ повторяли за нимъ, что этимъ открытіемъ кампаніи онъ предоставлялъ Моро легкое средство истребить стодвадцатитысячную армію Края, втиснувъ ее въ уголъ, образуемый Рейномъ отъ Страсбурга къ Констанцу; въ эту эпоху онъ предполагалъ гораздо менѣе къ тому возможности, ибо въ многочисленныхъ инструкціяхъ, данныхъ Моро, не сквозитъ даже и подобной мысли, и нѣтъ слѣда ея въ перепискѣ его съ Бертье и Массеною. Онъ ограничился только, написавъ Моро: *„Цѣль вашего движенія въ Германіи должна заключаться въ томъ, чтобъ загнать непріятеля въ Баварію такимъ образомъ, чтобъ пресѣчь ему прямое сообщеніе съ Миланомъ*

---

[37]) *Военныя Записки маршала Гувіона Сен-Сира. Прим. автора.*

по Констанцскому озеру и Граубиндену" [38]). Черезъ двѣ недѣли потомъ онъ повторилъ Массенѣ, что цѣлью экспедиціи Моро было вступить въ Баварію на столько, чтобъ пресѣчь сообщеніе Германіи съ Миланомъ по Фельдкурхъкоарской дорогѣ и по итальянскимъ проходамъ въ Швейцарію [39]). Итакъ всѣ операціи Моро подчинялись этой цѣли—отбросить Края въ Дунайскую долину и отрѣзать его не отъ Германіи, что было бы весьма рискованнымъ съ такою малочисленною арміею, но отъ Швейцаріи и Италіи. Для лучшаго достиженія этой цѣли, Лекурбъ съ резервомъ, сформированнымъ изъ четвертой части арміи Моро, долженъ былъ оберегать собственно Швейцарію и ея сообщенія съ Италіею. Тогда только Первому Консулу пришла мысль войдти въ дѣло съ резервною арміею. Армія эта должна была къ началу мая достигнуть цифры отъ 50 до 60,000 человѣкъ. Воспользовавшись ущельями, выходящими изъ Швейцаріи на Пьемонтъ, Бонапарте предстояло спуститься въ Италію или чрезъ Сплюгенъ [40]), или чрезъ Сен-Готардъ, Симплонъ или Сен-Бернардъ, смотря по обстоятельствамъ; ибо онъ не имѣлъ еще ничего рѣшеннаго въ этомъ отношеніи. По пути онъ хотѣлъ захватить 20,000 человѣкъ Лекурба, напасть съ этими силами на арьергардъ Меласа, занятаго на генуэзскомъ берегу, и этотъ генералъ очутился бы между арміями Массены и Бонапарте.

Конечно планъ этотъ — одно изъ блестящихъ и крайне смѣлыхъ геніальныхъ внушеній; но, какъ и показали событія, онъ ничего не могъ рѣшить, потому что перемѣщалъ настоящій театръ войны. Во всякомъ случаѣ, онъ далекъ былъ отъ того, какимъ считали его впослѣдствіи, т. е. онъ

---

38) *Корреспонденція*: къ Моро 22 марта 1800 г. *Прим. автора.*

39) Ibid: къ Массенѣ 9 апрѣля. *Прим. автора,*

40) Это былъ первый его планъ. *Корреспонденція*, зам. 8 февраля. *Прим. автора.*

не былъ составленъ съ цѣлью отдать преимущество Моро, ибо всѣ дѣйствія послѣдняго подчинялъ дѣйствіямъ Итальянской арміи, которыя, по натурѣ вещей, долженствовали быть второстепенными, и парализовалъ его, предписывая ему маневрировать „только на правомъ берегу Дуная,“ и наконецъ прямо останавливалъ его въ движеніи, запрещая ему переходить за Ульмъ, и ослаблялъ его на четверть количества арміи, въ моментъ, когда тотъ готовился пожать плоды побѣды. Напротивъ, необходимо было большое самопожертвованіе, чтобы принять столь трудныя условія и взять на себя роль, слава которой далеко не равнялась съ опасностями. Моро однакожъ принялъ эти условія и только сдѣлалъ замѣчанія относительно переправы черезъ Рейнъ, которую онъ задумалъ иначе нежели генералъ Бонапарте. Переправу эту, подобно другимъ движеніямъ, онъ хотѣлъ предоставить своему усмотрѣнію—желаніе весьма законное для военнаго человѣка съ такимъ высокимъ авторитетомъ. Чтобъ понять это желаніе, Бонапарте стоило только припомнить, какъ онъ самъ возмущался противъ плановъ, которые навязывала ему Директорія. Инструкціи, составляемыя вдали отъ театра войны, всегда служатъ поводомъ къ множеству неудобствъ. Конечно инструкціи, посланныя Моро, исходили отъ геніальнаго человѣка, но онъ никогда не воевалъ на этой мѣстности, между тѣмъ какъ Моро находился именно на территоріи, ознаменованной его побѣдами, и которую онъ зналъ лучше всякаго генерала въ Европѣ. Притомъ же каждый лучше всего исполняетъ тѣ планы, которые самъ составилъ.

Вѣрный своимъ убѣжденіямъ не предоставлять ничего случаю, Моро считалъ весьма рискованнымъ единственный пунктъ переправы черезъ Рейнъ между Шафгаузеномъ и Констанцомъ, въ виду сгадвадцатипятитысячной арміи Края и огромнаго удобства сосредоточенія, предоставляемаго ей положеніемъ въ Донаушингенѣ. Предвидѣніе его въ этомъ слу-

чаѣ оправдалось событіями, ибо Край, не смотря на то, что былъ совершенно обманутъ его движеніями, могъ еще явиться съ значительными силами къ Энгенской битвѣ. При подобныхъ условіяхъ, побѣда была сомнительна, а пораженіе неисправимо.

Этой опасной переправѣ, которая имѣла совершиться вооруженною рукою и подъ огнемъ огромной арміи, Моро предпочиталъ планъ, который позволялъ бы ему воспользоваться многочисленными мостами, бывшими въ нашемъ распоряженіи на Рейнѣ, и который имѣлъ цѣлью привлечь Края къ Нижнему Рейну чрезъ Черный Лѣсъ, въ то время какъ Моро переправилъ бы свои главныя силы немного повыше Констанцскаго озера.

Онъ послалъ въ Парижъ своего начальника штаба Дессоля, чтобъ представить и поддержать его предположенія, которыя и были всецѣло приняты послѣ долгаго сопротивленія Перваго Консула. На постоянныя противорѣчія Бонапарте, Дессоль отвѣчалъ предположеніемъ отставки Моро, что и положило конецъ преніямъ. Блестящій этотъ генералъ, военныя донесенія котораго останутся образцовыми, позаботился разсказать самъ любопытныя эти пренія, въ драгоцѣнномъ историческомъ документѣ [41]). Благодаря ему, ничего не остается отъ ложныхъ доводовъ, находящихся въ Запискахъ Наполеона и въ Запискахъ Сен-Сира относительно *общаго плана*, которымъ будто бы Первый Консулъ замѣнилъ *рутину* Моро. У Моро былъ одинъ только планъ, который и принятъ всецѣло, а единственный результатъ, происшедшій отъ усилій Бонапарте навязать ему собственныя идеи, замедлилъ только на мѣсяцъ открытіе кампаніи.

Знаменитый этотъ споръ не имѣлъ того цвѣта, какой при-

---

[41]) Письмо Дессоля къ маркизу Корріонъ-Низа. (*Меморіалъ* Военнаго Депо). Оно подтверждается письмомъ генерала Гильемана.

Прим. автора.

писывало ему уничиженіе, и будучи далекъ отъ того, чтобъ бросить тѣнь на характеръ Моро, онъ вмѣстѣ дѣлаетъ честь его достоинству и безкорыстію. Моро достаточно доказалъ уступчивость, принимая для своей арміи зависимую и наблюдательную роль, вмѣсто дѣятельной и преимущественной, которую заставлялъ ее играть самый порядокъ вещей; онъ твердо поддерживалъ свободу своей иниціативы во всемъ, относившемся до средствъ исполненія, что сильно раздражило Перваго Консула, который позволилъ даже себѣ вспылить въ присутствіи Дессоля и Бертье. Онъ воскликнулъ, что Моро „не въ состояніи былъ понимать его,“ но не считая удобнымъ отрѣшить его отъ командованія, притворился со своимъ обычнымъ искусствомъ. Онъ писалъ къ нему въ самый день отъѣзда Дессоля изъ Парижа: „Генералъ этотъ скажетъ вамъ, что никто болѣе меня не интересуется вашею личною славою и вашимъ счастьемъ. Я теперь въ родѣ манекена, утратившаго свою свободу и счастье. Почести прекрасны, но въ воспоминаніи и воображеніи я завидую вашему счастью; вы идете совершать съ храбрецами блестящія дѣла, *и я охотно промѣнялъ бы консульскій пурпуръ на эполеты бригаднаго генерала подъ вашимъ начальствомъ*“ (16 марта).

Какимъ образомъ предполагать, чтобъ человѣкъ, выражавшій подобныя меланхолическія и безкорыстныя желанія, былъ, по собственному признанію, готовъ оставить Парижъ, чтобъ смѣнить Моро? и какъ вѣрить ему, когда онъ писалъ, что „Моро не пользовался никакимъ довѣріемъ ни у націи, ни у арміи“ [42]), и что онъ могъ легко замѣнить его другимъ генераломъ? Дѣло въ томъ, что онъ тогда считалъ себя обязаннымъ быть крайне къ нему снисходительнымъ, къ чему побуждало его исключительное положеніе прежняго соперника. Моро не былъ популяренъ въ обыкновенномъ смыслѣ

---

[42]) *Записки*: примѣчанія и смѣсь. *Прим. автора.*

слова; онъ былъ остороженъ и простъ, что не весьма удобно для успѣха подобнаго рода, но его личность внушала глубокое уваженіе. Два акта слабости помрачили его славу, прежде столь чистую: одинъ — запоздавшее донесеніе его о заговорѣ Пишегрю, другой—непредусмотрительное соучастіе въ 18 брюмэрѣ; но первое онъ выкупилъ согласіемъ служить въ безвѣстности подъ начальствомъ Шерера, чтобъ возвратить свои чины, и спасая армію, которую считали погибшею, онъ сгаралъ отъ нетерпѣнія—смыть второе пятно новою службою. Но ни та, ни другая ошибки не властны были заставить позабыть прямоту его характера, его скромность среди самыхъ блестящихъ успѣховъ, его непоколебимую твердость въ несчастьи, безкорыстіе, его удаленіе отъ всякой интриги и шарлатанства.

Въ ожиданіи пока Моро откроетъ кампанію, въ чемъ мѣшалъ недостатокъ продовольственныхъ и боевыхъ припасовъ, Бонапарте спѣшилъ сформированіемъ резервной арміи, которая должна была служить рычагомъ для этихъ огромныхъ военныхъ дѣйствій. Онъ ускорялъ незамѣтное движеніе батальоновъ, которые, по его словамъ, бороздили Францію во всѣхъ направленіяхъ, торопилъ обученіе рекрутъ и направлялъ въ Женеву, Лозанну, Вильневъ транспорты продовольственныхъ и боевыхъ припасовъ. Ранѣе конца апрѣля, въ этой арміи считалось уже пятьдесятъ тысячъ человѣкъ *„совсѣмъ готовыхъ“* [43]), а существованіе ея продолжали отрицать вездѣ, даже въ военномъ министерствѣ, отъ котораго тщательно скрывали тайну. Вѣнскій Падворный совѣтъ былъ однако же извѣщенъ о назначеніи резервной арміи, но не обратилъ на это никакого вниманія [44]). Главнокомандующимъ ея Бонапарте назначилъ своего начальника штаба Бертье, сдавшаго должность военнаго министра Карно, который, по

---

[43]) *Корреспонденція*: къ Бертье 26 апрѣля. *Прим. автора.*

[44]) Де-Бюловъ; кампанія 1800 г. *Прим. автора.*

своему закоренѣлому обычаю, считая себя человѣкомъ необходимымъ, доставилъ помощь Первому Консулу своею громкою гражданскою репутаціею, не думая, что изгнаннику фруктидора можно было служить правительству брюмэра.

Пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, въ соединеніи съ двадцатипятитысячнымъ корпусомъ Лекурба, который Моро обязался отдѣлить отъ своей арміи форменнымъ документомъ—странное и необыкновенное доказательство недовѣрія Бонапарте,—должны были составить съ двадцатью пятью тысячами Массены количество около ста тысячъ, весьма достаточное для уничтоженія Меласа. Обыкновенно арміи Массены не включаютъ въ это число, что весьма ошибочно, ибо въ рѣшительную минуту она должна была парализовать значительную часть австрійской арміи.

Какъ и слѣдовало ожидать, военныя дѣйствія начались сперва на Аппенинахъ. Первый Консулъ предписывалъ Массенѣ ни мало не заботиться о поддержкѣ сообщенія съ Франціею. Сосредоточить въ Генуѣ и окрестностяхъ этой крѣпости четыре пятыхъ арміи, удержавъ остальныя силы на болѣе важныхъ пунктахъ морскаго берега до самой Ницы, въ случаѣ неожиданнаго нападенія, стараться встрѣтить его на одномъ пунктѣ, гдѣ были бы сосредоточены всѣ войска, привлечь непріятеля къ себѣ, преувеличивъ свои силы и распустивъ слухъ о помощи, ожидаемой изъ отечества, съ цѣлью отклонить его намѣренія отъ Сен-Готарда и Симплона, которые были настоящими пунктами для нападенія; наконецъ держаться тамъ до послѣдней крайности, въ ожиданіи пока его выручитъ резервная армія: вотъ совѣты, данные имъ Массенѣ [45]), совѣты, конечно, геніальные, но лишній разъ доказывающіе, какъ трудно управлять издалека военными дѣйствіями. Дѣйствительно, Массена былъ при-

---

[45]) *Корреспонденція:* къ Массенѣ 5 и 12 марта и 9 апрѣля 1800 г. *Прим. автора.*

нужденъ разсѣять свои войска для продовольствія, съ цѣлью сохранить небольшое количество припасовъ, имѣвшихся въ Генуѣ. Онъ получилъ нѣсколько выговоровъ за неисполненіе предписаній Бонапарте, но еслибъ онъ ихъ выполнилъ буквально, еслибъ оставилъ въ Генуѣ двѣнадцать тысячъ человѣкъ, находившихся подъ командою Сюше, то нашелся бы вынужденнымъ сдать эту крѣпость двумя недѣлями раньше, и Маренго было бы невозможно.

И такъ, армія Массены растягивалась отъ Сеттепани и Рокко Борбена до позицій Рекко и Торильо за Генуею. Она берегла ущелья, выходящія изъ Аппенинъ на эту часть берега, такъ какъ другіе проходы были еще защищены снѣгами. Однако Массена не совершенно еще распорядился, какъ вдругъ 6 апрѣля Меласъ неожиданно напалъ на него во всѣхъ пунктахъ. Оставивъ тридцать тысячъ въ Пьемонтѣ и Ломбардіи для защиты огромной линіи по ту сторону Альповъ отъ нападенія, которому онъ не вѣрилъ, австрійскій генералъ бросился на Аппенины съ девяностотысячнымъ войскомъ, чтобъ раздѣлить на двое французскую армію и запереть Массену въ Генуѣ. Перваго изъ этихъ результатовъ достигнуть было легко, по причинѣ обширности нашей линіи, занимавшей около тридцати пяти миль, и вслѣдствіе преимуществъ, которыя давало Меласу его сосредоточенное положеніе; второй долженъ былъ вытекать изъ перваго. Послѣ долгаго сопротивленія, линія наша была прорвана при ущельи Кадибонъ, а Сюше, составлявшій нашъ правый флангъ, былъ отдѣленъ отъ арміи и отброшенъ къ Боргетто, между тѣмъ какъ Меласъ укрѣплялся въ Вадо такимъ образомъ, чтобъ сдѣлать невозможною всякую нашу попытку къ соединенію. Еще менѣе мы были счастливы на крайнемъ лѣвомъ флангѣ. Міолисъ былъ тамъ сбитъ съ позицій при Торильо и Рекко; непріятель отбросилъ его къ Генуѣ и овладѣлъ высотами, командующими съ этой стороны городомъ. Опасность была большая; англійскій флотъ

блокировалъ портъ; видъ австрійскихъ батарей устрашалъ жителей; не смотря на все, что природа и искусство сдѣлали для неприступности этой крѣпости, защита ея была немыслима безъ возвращенія отнятыхъ у насъ позицій.

На другой день, 7 апрѣля, съ восходомъ солнца, Массена велѣлъ отворить городскія ворота и вышелъ въ нихъ съ дивизіею, разбитою наканунѣ и съ частью резерва; зайдя въ тылъ высотамъ, занятымъ непріятелемъ, онъ сбросилъ его на равнину. Оттъ, командовавшій этимъ корпусомъ, былъ отброшенъ къ Аппенинамъ, войска наши заняли свои позиціи въ Торильо, а вечеромъ Массена вступилъ въ Генную съ полутора тысячами плѣнныхъ при громкихъ восклицаніяхъ народа. Въ слѣдующіе дни, несмотря на подавляющее превосходство противника, Массена рѣшился отбросить австрійцевъ за Аппенины, разсчитавъ свои движенія съ наступательнымъ возвращеніемъ Сюше. Но колонны эти, принужденныя условіями мѣстности разъединиться другъ съ другомъ и будучи окружены со всѣхъ сторонъ силами, превосходившими ихъ вдесятеро, не успѣли устроить сообщенія съ корпусомъ Сюше, помимо отваги и настойчивости, выказанной ими въ схваткахъ съ непріятелемъ. Они нанесли австрійцамъ сильный уронъ, били ихъ при каждой почти встрѣчѣ, взяли нѣсколько тысячъ плѣнныхъ, но, ослабѣвъ вслѣдствіе самыхъ этихъ успѣховъ, принуждены были, мало по малу, уступить почву. Массена долженствовалъ сознать невозможность поддерживать кампанію, и вынужденнымъ нашелся подчиниться роли, назначенной ему Первымъ Консуломъ. По крайней мѣрѣ онъ съумѣлъ обезсмертить ее своимъ героизмомъ. 21 апрѣля онъ окончательно заперся въ Генуѣ, рѣшась защищаться до послѣдней крайности, и съ этого дня начался для него рядъ громадныхъ и трудныхъ испытаній, сдѣлавшихъ столь памятною эту осаду.

Въ Парижѣ было извѣстно положеніе Массены, тамъ знали, что у него припасовъ едва хватало на мѣсяцъ; Пер-

вый Консулъ, замедлившій дѣйствія Моро болѣе чѣмъ на мѣсяцъ, торопилъ его теперь начать кампанію и подстрекалъ дѣятельность Бертье. Но огромныя приготовленія по устройству резервной арміи поглощали почти всѣ наши средства, и у Моро не было ни припасовъ, ни лошадей, ни понтоновъ. „Найдите какъ можно скорѣе способъ, посредствомъ какой нибудь диверсіи, помогать движенію въ Италіи. Каждый день промедленія для насъ гибеленъ", писалъ ему Бонапарте отъ 24 апрѣля. Моро также понялъ эту необходимость, и, употребивъ всѣ усилія, помимо недостатка матерьяльныхъ средствъ, началъ кампанію на другой же день, 25 апрѣля.

Планъ, которымъ онъ замѣнилъ планъ Перваго Консула, отвергнутый какъ случайный, заключался въ томъ, чтобъ, воспользовавшись мостами, бывшими въ нашемъ распоряженіи въ Страсбургѣ, Бризахѣ и Балѣ, перейдти черезъ Рейнъ по всей этой линіи, вмѣсто того чтобъ попытаться на переправу въ одномъ пунктѣ, съ надеждою на успѣхъ, правда, болѣе блестящій, но въ случаѣ неудачи могшую повести къ самымъ гибельнымъ послѣдствіямъ. Моро, какъ по убѣжденію, такъ и по характеру, былъ врагъ всякихъ рискованныхъ предпріятій; и это у него происходило не только отъ природнаго благоразумія и осторожности, но, надобно отдать ему справедливость, и отъ патріотической щекотливости. Онъ не считалъ себя въ правѣ рисковать силами и средствами отечества, какъ игрокъ рискуетъ своимъ состояніемъ, ставя на карту все и находясь между огромнымъ выигрышемъ или окончательнымъ разореніемъ. Слава и интересы націи, занимавшей такое важное мѣсто въ мірѣ, по его мнѣнію, не должны были подвергаться такимъ же случайностямъ, какъ разсчеты честолюбца, который рискуетъ только собою. Въ этомъ случаѣ цѣли Моро не походили на цѣли тѣхъ завоевателей, которые очень часто служили предметомъ обожанія для историковъ, но были достойны солдата-гражданина, были

такія, какихъ каждый свободный народъ долженъ желать въ своихъ военныхъ людяхъ.

Въ планѣ Моро, переходъ черезъ Рейнъ составлялъ второстепенное дѣйствіе; настоящее затрудненіе его заключалось въ переходѣ арміи по ту сторону Чернаго Лѣса, всѣ выходы котораго оберегались многочисленнымъ непріятелемъ. Для достиженія этого результата, онъ раздѣлилъ свои войска на четыре корпуса. Первый подъ командою Сентъ-Сюзаннъ перешелъ чрезъ Рейнъ въ Страсбургѣ, второй подъ начальствомъ Сенъ-Сира переправился въ Старомъ Бризахѣ; третій подъ предводительствомъ самого Моро совершилъ эту операцію въ Балѣ. Что же касается четвертаго, которымъ командовалъ Лекурбъ, то онъ ожидалъ въ Шафгаузенѣ, пока успѣшная переправа первыхъ корпусовъ позволитъ ему дѣйствовать въ свою очередь. Сентъ-Сюзаннъ и Сенъ-Сиръ, прогнавъ войска, поставленныя маршаломъ Краемъ для наблюденія за правымъ берегомъ рѣки, заняли позиціи предъ ущельями Ренхенъ, Кницигъ и Чертовой Долины, словно намѣреваясь пробить себѣ проходъ въ Черный Лѣсъ. Тамъ они оставались около двухъ сутокъ.

Обманутый этою демонстраціею, Край вмѣсто того, чтобъ, сохранивъ сосредоточенное положеніе, ожидать выхода нашей арміи изъ ущелій, самъ бросился въ нихъ съ цѣлью защищать входы. Этого только отъ него и хотѣли. Немедленно Сентъ-Сюзаннъ снова переправился черезъ Рейнъ въ Страсбургѣ, поднялся до Бризаха и опять перешелъ рѣку, чтобъ стать на мѣстѣ Сенъ-Сира передъ Фрибургомъ, въ то время какъ послѣдній, идя по скатамъ горъ по дорогамъ, за которыми не слишкомъ наблюдали по причинѣ ихъ непроходимости, шелъ на соединеніе съ корпусомъ Моро въ Сенъ-Блозѣ на Альбѣ. На другой день они были на Вутахѣ, что дозволило Лекурбу въ свою очередь переправиться черезъ Рейнъ въ Шафгаузенѣ, и всѣ корпуса Моро соединились на этой линіи, исключая корпуса Сентъ-Сюзаннъ, который, на-

ткнувшись въ Чертовой Долинѣ на непріятеля, отступавшаго вслѣдствіе этихъ движеній, углубился въ нее самъ въ погоню за нимъ, чтобъ соединиться съ нами кратчайшею дорогою.

Разсчеты Моро были такъ хорошо составлены, распоряженія такъ удачно сдѣланы, что эта сложная операція на сорока-мильномъ разстояніи совершилась какъ бы на маневрахъ, не смотря на отдѣльныя схватки, порожденныя ею. Строгіе упреки, которыми осыпали его, основываются преимущественно на томъ, что́ Край могъ или долженъ былъ сдѣлать, чтобъ его уничтожить; но въ такомъ случаѣ нѣтъ побѣды, которой нельзя было бы обратить въ пораженіе. Оставивъ въ сторонѣ напрасныя гипотезы, можно сказать, что самымъ лучшимъ доказательствомъ превосходства этого плана служитъ то, что, не взирая на неоспоримое искусство противника Моро, успѣхъ исполненія плана ни на минуту не встрѣтилъ неудачи.

Преодолѣвъ это важное препятствіе, Моро счелъ своею обязанностью отбросить австрійскую армію на Дунай, сообразно съ проэктомъ, условленнымъ съ Бонапарте. Для него главнѣе всего было удалить ее изъ Швейцаріи и изъ Форальберга, чтобъ освободить проходы въ Италію, а потому онъ послалъ Лекурба съ двадцатипятитысячнымъ корпусомъ на Стокахъ, гдѣ находились непріятельскіе магазины на крайнемъ лѣвомъ флангѣ Края, а самъ отправился на Энгенъ, приказавъ Сенъ-Сиру приблизиться къ нему чрезъ Тенгенъ, стараясь всѣми силами открыть сообщеніе съ Сентъ-Сюзаннъ, находившимся еще въ Чертовой Долинѣ. Армію Края онъ нашелъ въ Энгенѣ. Генералъ этотъ, не успѣвшій сосредочить всѣхъ своихъ силъ, по поводу огромныхъ движеній, вызванныхъ демонстраціями Моро, отправилъ одинъ изъ своихъ корпусовъ на помощь Стокаху, когда нечаянно встрѣтился съ центромъ Моро. Хотя послѣдній и не могъ выставить болѣе двадцати пяти тысячъ противъ сорока, однако, будучи почти заранѣе увѣренъ въ успѣхѣ Лекурба въ

Стокахѣ, дурно защищенномъ, и имѣя вблизи корпусъ Сенъ-Сира, не задумался вступить въ сраженіе; дѣйствительно, ему стоило только продержаться одинъ день, чтобъ принудить непріятеля къ отступленію. Успѣхъ упорно былъ оспариваемъ въ Эгингенѣ и Гогенговенѣ; позиціи эти нѣсколько разъ переходили изъ рукъ въ руки, и Моро безъ урона поддерживалъ эту неравную битву, но подоспѣвшая подконецъ одна изъ бригадъ Сенъ-Сира, корпусъ котораго задержали отдѣльныя стычки, и извѣстіе о взятіи Лекурбомъ Стокаха, склонило побѣду на нашу сторону. Край отступилъ къ Дунаю, оставивъ намъ три тысячи плѣнныхъ и огромное количество припасовъ (3 мая 1800).

На третій день, собравъ корпусъ Водемона и дивизіи, прибывшія изъ Чернаго Лѣса, австрійскій главнокомандующій остановился на крѣпкой позиціи Мёсскирха, чтобъ снова попытать счастья. Двѣ арміи встрѣтились вторично, но эта встрѣча была еще кровопролитнѣе первой. Австрійцы съ необыкновеннымъ упорствомъ защищали Мёсскирхскія высоты плато Крумбаха, уставленныя страшною артиллеріею, которыя наши колонны атаковали съ фронта. Но послѣ взятія деревни Гейдорфа, переходившей нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки, на правомъ флангѣ австрійцевъ, въ то самое время какъ Вандомъ, посланный въ обходъ чрезъ Клостервальдъ, бросился на ихъ лѣвый флангъ, мы постепенно овладѣли всѣми высотами, не смотря на долгое и упорное сопротивленіе.

Непріятель потерпѣлъ бы полное пораженіе, еслибъ этому не помѣшало непонятное бездѣйствіе Сенъ-Сира, который оставался цѣлый день спокойно недалеко въ Липтингенѣ, вмѣсто того чтобъ поспѣшить на пушечные выстрѣлы. Онъ оправдывался тѣмъ, что къ нему не являлись адъютанты, посланные Моро; но вѣдь онъ имѣлъ формальный приказъ— присоединиться къ движенію резерва [46]), а важность завя-

---

[46]) Дессоль къ Сенъ-Сиру, 4 мая 1800 г. *Прим. автора.*

завшагося дѣла, ясно ему указывала на его обязанность. Питая досаду къ своему начальнику по поводу какихъ-то неудовольствій, будучи всегда склоненъ къ одиночеству и рѣшась, какъ самъ онъ писалъ „держаться въ предѣлахъ строгаго исполненія“ приказаній, которыя часто имѣютъ необходимость въ объясненіяхъ, генералъ этотъ, военныхъ способностей котораго нельзя отрицать, — былъ справедливо или несправедливо недоволенъ штабомъ Моро; но каковы бы ни были эти неудовольствія, онъ не имѣлъ права мстить за нихъ, въ ущербъ спасенію арміи. Своею медлительностью въ Энгенѣ, своимъ отсутствіемъ при Мëсскирхѣ, онъ два раза помѣшалъ Моро воспользоваться побѣдою,

Моро въ этомъ случаѣ показалъ свое великодушіе: онъ не только не отрѣшилъ его отъ командованія, а велѣлъ извинить его въ рапортѣ Дессоля, и удержался отъ всякой жалобы, считая ее безполезною въ виду единодушнаго порицанія арміи. По обычаю онъ былъ вознагражденъ ѣдкимъ и несправедливымъ осужденіемъ, которымъ Сенъ-Сиръ оскорбилъ память своего бывшаго главнокомандующаго [47]).

Двойная необходимость—дѣйствовать только на правомъ берегу Дуная и наблюдать за проходами Форальберга и Тироля, чтобы сообразоваться съ требованіями плана, условленнаго съ Первымъ Консуломъ, помѣшала Моро преслѣдовать Края за Дунай. Онъ удовольствовался только тѣмъ, что, взявъ корпусъ Сентъ-Сюзаннъ, который могъ наконецъ присоединиться, пошелъ на Иллеръ, имѣя правый флангъ къ Дунаю, а лѣвый къ Форальбергу, и не разсчитывая, чтобъ непріятель хотѣлъ драться передъ Ульмомъ.

Но Край, будучи не въ состояніи рѣшиться отдать безъ боя свои Биберахскіе магазины, переправился черезъ рѣку и занялъ позицію за крѣпостью Меттенбергомъ. Центръ

---

[47]) См. *Военныя Записки* маршала Гувіонъ Сенъ-Сира.
Прим. автора.

нашъ, подъ командою Сенъ-Сира, которому приказано было занять городъ, не поколебался напасть на австрійцевъ, несмотря на крѣпость ихъ позиціи и на сильное превосходство. Вспомоществуемый дивизіею Ришнанса, Сенъ-Сиръ опрокинулъ ихъ авангардъ, овладѣлъ Бибераxомъ, потомъ атаковалъ главныя силы на склонахъ Меттенберга, съ такою отважною увѣренностью, что масса эта обратила тылъ и начала отступать, полагая видѣть предъ собою всю французскую армію. На другой день послѣ того какъ Сенъ-Сиръ загладилъ свои ошибки блестящимъ подвигомъ, Лекурбъ взялъ Мемлингенъ съ тысячью восемсотъ плѣнныхъ, и Край отступилъ окончательно на Ульмъ (10 мая).

Съ открытія этой кампаніи, столь несправедливо порицаемой впослѣдствіи, Моро въ теченіе двухъ недѣль одержалъ пять побѣдъ, заставилъ Края потерять 30,000 человѣкъ; выгналъ его изъ позиціи, казавшейся неприступною, отбросилъ его разбитаго и разстроеннаго за сорокъ миль назадъ, однимъ словомъ выполнилъ точь въ точь заранѣе начертанную программу, не опустивъ ни одного изъ ея трудныхъ условій; не предоставляя ничего случаю, слѣдуя своей системѣ, немного медленной, но вѣрной и щадившей жизнь солдата, сдѣлалъ онъ все это безъ всякаго шума, безъ бюллетеней, не рисуясь, довольствуясь для объявленія своихъ успѣховъ письмомъ въ нѣсколько строкъ [48]), отличающимся необыкновенною простотою, и предоставивъ своему начальнику штаба изложеніе подробностей. И теперь, когда ему по свидѣтельству всѣхъ историковъ и самого Наполеона [49]), достаточно было серьезнаго движенія впередъ, чтобъ завла-

---

[48]) Отъ 6 мая изъ Клостервальда. *Прим. автора.*

[49]) *Замѣтки на маневры около Ульма.* Онъ съ обычнымъ своимъ коварствомъ упрекаетъ Моро за то, что послѣдній не шелъ на Аугсбургъ и Мюнхенъ, забывая, что собственными своими инструкціями предписывалъ Моро *не переходить Ульмъ.* *Прим. автора.*

дѣть безъ боя укрѣпленнымъ Ульмскимъ лагеремъ, когда Вѣна была прикрыта лишь разстроенною арміею, когда онъ находился не болѣе какъ въ трехъ дняхъ пути отъ Гогенлиндена, который отдавалъ бы въ его власть беззащитную австрійскую монархію, ему приходилось остановиться среди успѣховъ и ослабить армію двадцатью пятью тысячами человѣкъ, отрядивъ ихъ на Сенъ-Готардъ, для того, чтобъ старинный соперникъ его могъ идти въ Италію пожинать всѣ плоды и всю славу побѣды. Современники были очень строги къ ошибкамъ Моро; онъ не обладалъ шарлатанизмомъ, который могъ бы заставить принять эти ошибки за добродѣтели; самыя рѣдкія качества его мало помогали ему, ибо не были изъ тѣхъ, которыя поражаютъ толпу; но мы не можемъ поддаваться этому ослѣпленію и должны быть болѣе справедливы къ скромному безкорыстію и истинному величію, доказательство которыхъ онъ далъ въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ.

Первый Консулъ такъ хорошо сознавалъ огромность жертвы, которой онъ требовалъ отъ Моро въ положеніи, въ какомъ находился этотъ генералъ, что, боясь съ его стороны отказа въ повиновеніи, что было бы только подражаніемъ его собственнаго поведенія относительно Директоріи, далъ ему приказъ о немедленномъ откомандированіи упомянутаго отряда, за подписью трехъ консуловъ, который и врученъ ему былъ самимъ Карно. Моро никогда не имѣлъ въ виду уклониться отъ этого обязательства, но чувствовалъ съ весьма естественною горечью, какіе успѣхи приходилось ему терять съ предписаннымъ ему уменьшеніемъ силъ, уменьшеніемъ, тѣмъ болѣе ощутительнымъ, что армія его понесла значительныя потери. Однако онъ настаивалъ на оставленіи ему Лекурба—деликатная дань, достойная рѣдкихъ заслугъ этого превосходнаго генерала. Теперь четверть этой арміи состояла уже не изъ двадцати пяти тысячъ человѣкъ, а только около двадцати, и таково же было почти количество войскъ

осторыя, подъ начальствомъ Монсе, направились къ Сенъ-Готарду.

Въ планѣ Перваго Консула дорога эта была не болѣе какъ второстепенная; онъ отвергъ ее, относительно резервной арміи. Отказался онъ также отъ Симплона, находя болѣе выгоды въ переходѣ черезъ большой Сенъ-Бернаръ, который хотя и удалялъ его немного отъ Милана, но позволялъ быстрѣе броситься на Тортону, еслибъ это оказалось необходимымъ для выручки Массены [50]. По счастливому случаю, дорога на большой Сенъ-Бернаръ оказалась, по донесенію генерала Мареско, которому довольно поздно поручено было обозрѣніе этихъ путей. — болѣе удобною тѣхъ, которыя вели изъ Альпъ въ Италію, за исключеніемъ Мон-Сени—такъ какъ положеніе ея не благопріятствовало предположенной операціи, и малаго Сенъ-Бернара, — дорога доступная для экипажей, что и доказалъ вскорѣ проходъ 46 артиллерійскихъ орудій на лафетахъ, но мало изслѣдованная благодаря поспѣшности этой рекогносцировки, на которую Мареско могъ употребить не болѣе четырехъ, пяти дней.

Этотъ проэктъ перехода, истинно удивительный во многихъ отношеніяхъ, не представляетъ во всѣхъ своихъ частяхъ характера осмотрительности и проницательности, которыхъ блистательные примѣры мы видѣли въ первую итальянскую кампанію, среди смѣлыхъ ея подвиговъ. Онъ отдавалъ успѣхъ се только на волю нескромности и еще менѣе на волю личныхъ свѣдѣній, приходящихъ во время, но подробности исполненія были дурно разсчитаны,—необходимое слѣдствіе несоразмѣрности предпріятія съ располагаемыми средствами.

---

[50]) *Корреспонденція:* къ Бертье отъ 27 апрѣля. Здѣсь былъ его побудительный поводъ, какъ онъ и самъ объясняетъ въ этомъ документѣ. Что же касается до стратегическихъ причинъ, которыя по этому случаю развиваютъ иные историки, то это чистѣйшее мечтаніе.

Прим. автора.

Въ походѣ надобно было уменьшить большую часть мѣръ, принятыхъ для перевозки припасовъ. Едва подозрѣвали существованіе и навѣрное не знали важности форта Барда, который могъ все остановить. Главнокомандующій Итальянскою арміею въ 1796 г. обладалъ бо́льшимъ благоразуміемъ и осторожностью. Но Египетская кампанія, необыкновенныя случайности, сопровождавшія эту экспедицію, непомѣрно развили естественный вкусъ, увлекавшій этого человѣка къ чудесному, величественному, исполинскому. Поэтому весь новый планъ кампаніи былъ задуманъ какъ великолѣпное театральное представленіе, предназначенное усилить еще изумленіе, вызванное столькими чудесами; вотъ въ чемъ заключалась главная цѣль Бонапарте. Достиженіе мира считалось дѣломъ второстепеннымъ. Независимо отъ опасностей, представляемыхъ этимъ длиннымъ путемъ въ узкихъ ущельяхъ, гдѣ нѣсколько тысячъ человѣкъ могли привести въ разстройство цѣлую армію, попытка окружить Меласа на линіи, которая должна была простираться отъ Лаго—Маджоре до Аппенинъ и съ силами гораздо слабѣйшими, представляла не меньшія опасности, и была столь же рискованна, какъ и первая операція; но могла ли возможность неудачи пересилить блескъ подобнаго успѣха, въ глазахъ человѣка, который вѣрилъ въ свою звѣзду и который до конца находилъ какое-то наслажденіе игрока—испытывать ея вѣрность? Что касается сознанія — имѣлъ ли онъ право рисковать судьбою націи, какъ рисковалъ онъ своею собственною, то до этой мысли онъ никогда не возвышался. Обыкновенно считаютъ, что успѣхъ отвѣчалъ за все, но если успѣхъ, какъ бы онъ ни былъ чудесенъ, и по способу, которымъ его достигли и по инстинктамъ, имъ обнаруженнымъ, доказываетъ что въ немъ таится зародышъ неизбѣжнаго несчастья, то удивляться ему безусловно было бы недостаткомъ благоразумія.

Въ Парижѣ долго не знали, что Первый Консулъ долженствовалъ принять начальство въ новой кампаніи. Онъ

тщательно скрывалъ свое намѣреніе въ этомъ отношеніи, и чтобъ лучше замаскировать свои виды, выказалъ нѣкоторое чванство, ввѣряя резервную армію Бертье. „Я не хочу принимать роли главнокомандующаго, говоритъ онъ въ частной бесѣдѣ:—и если я ѣду, то просто произвесть смотръ войскамъ“ [51]). Онъ боялся оскорбить общественное мнѣніе, показавъ нетерпѣливую жадность къ овладѣнію всѣмъ въ государствѣ, огорчить товарищей по оружію, оспаривая у нихъ роль, которую они могли исполнить, и почести, которыя они, можетъ быть, располагали уже пожинать безъ раздѣла, наконецъ онъ боялся доставить оружіе своимъ противникамъ. Дѣйствительно Конституція VIII г., учреждая отвѣтственность министровъ и предоставляя Первому Консулу назначеніе какъ сухопутныхъ, такъ и морскихъ офицеровъ, естественно исключала его отъ занятія должностей, второстепенныхъ относительно его должности, заключавшейся въ томъ, чтобъ править государствомъ. „*Принципы этой Конституціи,* говоритъ онъ самъ [52]): *—не позволяли Первому Консулу принять это командованіе.*“ Такъ какъ консульская обязанность была въ сущности гражданская, то принципъ раздѣленія властей и отвѣтственности министровъ не допускалъ, чтобъ первый сановникъ республики непосредственно командовалъ арміею; *но никакой принципъ и никакое правило не препятствовало ему присутствовать въ арміи.* Въ дѣйствительности Первый Консулъ командовалъ резервною арміею, а начальникъ его штаба, Бертье, носилъ только названіе главнокомандующаго.

Благодаря этому странному отличію, ясно доказывающему, что Наполеонъ подразумѣвалъ подъ словомъ принципъ, Первый Консулъ могъ снова облечься въ военную форму, не измѣняя обязанностямъ главы правительства. Но

---

[51]) *Записки* Міо-де-Мелито. *Прим. автора.*

[52]) *Записки Наполена:* Маренго. *Прим. автора.*

боязнь, внушавшая ему это переодѣванье, была неосновательна. Публика не была такъ проста, какъ могъ думать Бонапарте; не смотря на фактивную отвѣтственность, повидимому, утвержденную Конституціею VIII г., никто въ Парижѣ не считалъ Консульскаго правленія гражданскимъ; каждый зналъ, что въ немъ все составляла военная сила, и самый Трибунатъ, которому приписывали систематическую оппозицію, первый высказалъ желаніе „чтобъ Первый Консулъ возвратился побѣдителемъ и миротворцемъ.“ Въ этомъ случаѣ трибуны дѣйствовали подъ вліяніемъ добраго чувства, въ надеждѣ успокоить и обезоружить своего непріятеля; но они ошиблись, ибо не имѣли права оставлять единственной гарантіи, представляемой имъ Конституціею, какъ бы ни была насмѣшлива эта гарантія.

Бонапарте выѣхалъ изъ Парижа 6 мая, оставивъ своимъ товарищамъ инструкціи, резюмирующіяся въ одной фразѣ которую написалъ онъ имъ чрезъ три дня изъ Женевы „Поражайте безъ милосердія перваго, кто выйдетъ изъ линіи“ [53]). Онъ засталъ почти оконченными приготовленія къ переходу. Огромные запасы безъ затрудненія были перевезены изъ Женевы въ Вильнёвъ, благодаря навигаціи по озеру, а оттуда размѣщены по дорогѣ, въ Сенъ-Морисѣ, Мартиньи и Сенъ-Пьерѣ. Артиллерійскіе боевые припасы навьючены были на муловъ, купленныхъ въ краю и привыкшихъ къ этимъ труднымъ дорогамъ; лафеты были разобраны во избѣжаніе большаго объема и большой тяжести, и только истинное затрудненіе представляла перевозка орудій. Санки на колесахъ, сдѣланныя для этой цѣли, оказались неудобными, и не находили средствъ для безвреднаго подъема орудій, какъ вдругъ Мармону, тогдашнему начальнику артиллеріи, который выказывалъ въ этомъ случаѣ необыкновенную находчивость и дѣятельность, пришла остроумная мысль

53) Къ Консуламъ, 9 мая 1800 г. *Прим. автора.*

выдолбить стволы деревьевъ въ видѣ футляровъ для орудій Задѣланное въ дерево орудіе легко тащила сотня солдатъ, смѣняемая на извѣстныхъ разстояніяхъ до самой вершины, при звукахъ военной музыки. Тамъ они подкрѣпили силы въ монастырѣ Сенъ-Бернарской горы, что позволило имъ бодро начать спускъ, весьма опасный, особенно для лошадей. Всадники шли пѣшіе, ведя коней въ поводу. Въ Сенъ-Реми у подошвы спуска на итальянскомъ Сенъ-Бернарѣ, устроена была мастерская, гдѣ собирали зарядные ящики, лафеты и устанавливали орудія. Вся армія переправилась черезъ гору съ 15 по 20 мая, и самъ Бонапарте перешелъ ее съ арьер, гардомъ 20-го. Происшествій не было почти никакихъ, погода все время стояла превосходная, и лавины, о которыхъ такъ много говорили по поводу этого пути, ни разу не потревожили нашихъ солдатъ во время перехода.

Такимъ образомъ совершилась эта блистательная операція, исполненная съ одинаковыми счастьемъ и смѣлостью, но которая далеко не заслуживаетъ тѣхъ восторженныхъ гиперболъ, какія она вызвала. Планъ, соединенный съ нею,, былъ задуманъ геніемъ, но собственно она представляла только матеріальныя препятствія, преодолѣнныя безъ особыхъ затрудненій. Это значитъ унижать истинно великое предпріятіе, когда не въ мѣру чествовать столь второстепенную операцію, которую окончилъ бы каждый искусный генералъ имѣя въ распоряженіи достаточное количество силы. Не разъ въ средніе вѣка и въ теченіе нашихъ войнъ въ Италіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ, войска наши переходили черезъ Альпы, въ то время, когда эти проходы на столько были удобны, и никто не думалъ называть этого чудомъ. Но съ тѣхъ поръ какъ это предпринято Бонапарте, всѣ пришли въ восторгъ и это уже вышло „чудо, важнѣе тѣхъ, какія производилъ Аннибалъ“ [54]). Переходъ нашъ черезъ Сенъ-

[54]) Тьеръ, *Исторія Консульства и Имперіи.* *Прим. автора.*

Бернаръ,—предпріятіе на нашихъ границахъ, по дорогѣ извѣстной и посѣщаемой нѣсколько вѣковъ, при всѣхъ рессурсахъ цивилизованной націи и при всѣхъ преимуществахъ современной науки, — хладнокровно сравниваютъ съ походомъ карѳагенскаго героя, удаленнаго на пятьсотъ миль отъ отечества, безъ операціоннаго базиса, безъ надежды на помощь, направлявшагося лишь по нѣкоторымъ неопредѣленнымъ географическимъ указаніямъ, чрезъ дикую и неизвѣстную страну, гдѣ предстояло пробивать дорогу по мѣрѣ движенія впередъ, ведшую по снѣгамъ нумидійскую конницу, слоновъ, африканцевъ, столь мало привыкшихъ къ подобному климату, поддерживавшаго и воспламенявшаго армію, состоявшую изъ сотни различныхъ элементовъ, которой онъ самъ былъ единственною связью, и въ этой паралели считаютъ еще Аннибала побѣжденнымъ. Понятно, что современная лесть спѣшила принять тему, столь подходившую къ тщеславію властелина, но поддерживать подобное сближеніе въ настоящее время было бы ребячествомъ.

Авангардъ, подъ начальствомъ Ланна, прошелъ уже Аостъ и Шатильонъ, не встрѣтивъ серьезнаго препятствія, какъ вдругъ онъ очутился передъ фортомъ Бардомъ. Небольшой этотъ фортъ, построенный на отвѣсной скалѣ, запиравшей совершенно проходъ, былъ оберегаемъ лишь нѣсколькими стами человѣкъ, но онъ представлялъ непреодолимую преграду, и вскорѣ убѣдились въ невозможности взять его приступомъ. Авангардъ однако же успѣлъ размѣститься въ городѣ и занять дорогу, пролегавшую чрезъ него, но огонь съ форта громилъ все, что проходило далѣе. Живѣйшая тревога распространилась въ арміи, и Бертье велѣлъ уже пріостановить движеніе впередъ, какъ вдругъ, по счастью, открыли пѣшеходную тропинку въ горахъ; вскорѣ ее сдѣлали удобною и для лошадей. Несмотря на эту счастливую случайность, артиллерія все-таки не могла пройдти, и еслибъ ожидать взятія форта, писалъ Наполеонъ, то вся надежда на

кампанію была бы потеряна. Хитрость Мармона вывела армію изъ этого затруднительнаго положенія. Воспользовавшись темною ночью, онъ велѣлъ устлать дорогу соломою и навозомъ, завернуть паклею орудія, лафеты и всѣ звучащія ихъ части и тихонько перетащить на рукахъ подъ батареями уснувшаго форта.

Поднялась тревога, изъ форта начали стрѣлять и убили у насъ нѣсколько человѣкъ, но это не помѣшало проходу нашей артиллеріи. Преодолѣвъ это препятствіе, армія словно потокъ ринулась на Италію; для остановки ея не было сдѣлано никакого серьезнаго распоряженія. Ланнъ взялъ Ивре и чрезъ нѣсколько дней опрокинулъ австрійцевъ на Чьюзеллу (26 іюня). Сорокъ пять тысячъ человѣкъ арміи Бонапарте взяли по дорогѣ дивизію Шабрана, явившуюся чрезъ малый Сенъ-Бернаръ, и шли на соединеніе съ осьмнадцатью тысячами, ведомыми Монсе чрезъ Сенъ-Готардъ; генералъ Тюрро съ четырьмя тысячами человѣкъ зашелъ чрезъ Монъ-Сени во флангъ непріятелю; итальянскій отрядъ занималъ Симплонъ. Всѣ эти войска образовали массу не менѣе семидесяти тысячъ человѣкъ, которая, будучи должна сообразовать свои дѣйствія съ арміею Массены, должна была составить численность, почти равную значительно уменьшеннымъ силамъ Меласа.

Успѣхи австрійскаго генерала въ Лигуріи не были ни столь быстры, ни столь рѣшительны, какъ онъ предполагалъ сначала. Оставивъ помощника своего Отто на крѣпкихъ позиціяхъ вокругъ Генуи, для блокады которой должны были съ тѣхъ поръ довольствоваться тридцатью тысячами, баронъ Меласъ пошелъ на Варъ съ остатками своей арміи, гоня впереди себя слабый корпусъ Сюше, но не будучи въ состояніи отрѣзать его, заставивъ его идти въ обходъ по Понте ди Наве. Сюше снова перешелъ Варъ во-время со своими двѣнадцатью тысячами человѣкъ, и, благодаря работамъ, произведеннымъ уже на этомъ пунктѣ, быстро привелъ его въ отлич-

ное оборонительное положеніе. Когда въ первыхъ числахъ мая австрійцы предстали предъ этою линіею,—она уже была усѣяна батареями и ретраншаментами. Нѣсколько схватокъ, послѣдуемыхъ 14 мая общимъ нападеніемъ, вскорѣ доказали имъ невозможность овладѣть ею. Въ это время Массена, у котораго уже не хватало съѣстныхъ припасовъ и который принужденъ былъ уменьшить порціи, тревожилъ армію Отто безпрерывными вылазками. Не смотря на потери, онъ продолжалъ биться неустанно и энергически, продолжая оборону, благодаря помощи судовъ, успѣвшихъ избѣгнуть отъ англійской эскадры, раздѣляя припасы съ голоднымъ населеніемъ которое ободрялось при видѣ его спокойствія, водя почти ежедневно въ битву своихъ истощенныхъ солдатъ, которые едва могли держать въ рукахъ оружіе.

Таково было положеніе на Варѣ и возлѣ Генуи, какъ 21 мая генералъ Меласъ, подъ вліяніемъ прежняго легковѣрія относительно резервной арміи, потому что велѣлъ наблюдать серьезно лишь за Монъ-Сени, получилъ достовѣрное извѣстіе о переходѣ нашихъ войскъ черезъ Сенъ-Бернаръ. Немедленно съ десятью тысячами человѣкъ онъ прошелъ ущелье Тенде. Въ Кони истина обнаружилась передъ нимъ вполнѣ. Но тягостные эти свѣдѣнія привели его въ такое изумленіе, что нѣкоторое врем яонъ находился какъ бы уничтоженнымъ подъ тягостью отвѣтственности, и не зналъ на что рѣшиться. Армія его дѣйствительно была страшно разсѣяна: самъ онъ находился въ Туринѣ съ десятью тысячами, Вукассовичъ, которому грозилъ уже Монсе, наблюдалъ Симплонъ и Сенъ-Готардъ съ такимъ же количествомъ, Гаддикъ съ трудомъ привелъ изъ Чьюземы остатки своего корпуса подъ огнемъ нашего авангарда, а остальная австрійская армія, около пятидесятипяти тысячъ человѣкъ, была неподвижна на Варѣ и подъ стѣнами Генуи.

Изъ Корреспонденціи Перваго Консула явствуетъ, что онъ превосходно зналъ это почти отчаянное положеніе ав-

стрійской арміи, благодаря свѣдѣніямъ, ежедневно получаемымъ отъ Сюше. Каково же было его намѣреніе? При томъ положеніи, въ которомъ находился Меласъ, онъ могъ выбирать любое. Подалъ ли онъ, вслѣдствіе не разъ повтореннаго обѣщанія, помощь арміи Массены, которая, какъ ему было извѣстно, погибала отъ голода и лишеній? Не долженъ ли онъ былъ избавить отъ стыда копитуляціи эти храбрыя войска, съ которыми такъ дурно поступали? Не обязанъ ли онъ былъ, за ихъ долговременныя страданія, доставить имъ радость увидѣть, какъ бѣжалъ бы непріятель предъ нашими знаменами? Онъ могъ легко достигнуть этого результата. Ему стоило только сбить слабый корпусъ Меласа, пришедшій въ Чивассо воспрепятствовать его переправѣ чрезъ По, и направиться на Генуу. Ничто не могло остановить его до Аппенинъ, и что бы онъ ни писалъ по этому поводу, съ легко понятною цѣлью, онъ не подвергалъ никакой опасности свою линію отступленія, ибо за нимъ находились осьмнадцать тысячъ Монсе, четыре тысячи Тюрро и отрядъ Лекки, чего было болѣе нежели достаточно для обезпеченія сообщеній и для истребленія остатковъ Меласа.

Но планъ болѣе грандіозный представился Наполеону: ему уже недостаточно было разбить армію Меласа по частямъ,—онъ хотѣлъ уничтожить ее однимъ ударомъ. Въ виду такой цѣли какое было ему дѣла до страданій арміи Массены, приносимой въ жертву? Знатокъ сердца человѣческаго, онъ очень хорошо зналъ, что всѣ жалобы и укоры исчезнутъ въ величіи торжества. Оставивъ мысль, побудившую его предпочесть Сенъ-Бернаръ Сенъ-Готарду, въ виду болѣе быстраго похода на Аппенины, и будучи глухъ къ отчаяннымъ призывамъ Массены, онъ устремился на Чивассо, какъ бы съ цѣлью переправиться чрезъ По, и когда всѣ ожидали, что онъ пойдетъ впередъ на Генуу, онъ поворотилъ свою армію значительно налѣво, назадъ, и направился на Миланъ (27 іюня 1800). Движеніемъ этимъ разоблачались наконецъ раз-

счеты, приготовившіе развязку этой военной трилогіи. Арміи Массены и Моро дѣйствовали до сихъ поръ лишь для того, чтобъ приготовить побѣду Наполеону двойною диверсіею: одна удерживая Меласа въ Лигуріи, другая останавливая Края на Дунаѣ. Теперь онъ могъ нанести послѣдній ударъ, всю честь котораго онъ оставлялъ для себя, предоставляя Массенѣ не весьма завидную заслугу, почетной, но несчастливой обороны, а Моро заслугу самоотверженія, за которое никто не отдалъ ему должной справедливости. Въ одинъ день онъ собирался пожать плоды ихъ долговременныхъ трудовъ, и онъ рѣшился придать этому окончательному сюрпризу такой блескъ, чтобъ міръ видѣлъ только его одного, въ этомъ успѣхѣ ими подготовленномъ. Онъ привыкъ все относить къ себѣ самому и потому ему казалось натуральнымъ пожертвовать товарищемъ по оружію собственной фортунѣ или по крайней мѣрѣ желанію произвести бóльшій эффектъ. Направляясь на Миланъ, онъ выдавалъ Массену австрійцамъ, но за то овладѣвалъ линіею По, и ему было достаточно стать между этою рѣкою и Аппенинами, чтобъ отрѣзать Меласу всякое отступленіе.

Послѣдній не могъ надѣяться никакой диверсіи отъ Края. Предположивъ, что Край получилъ бы во-время извѣстіе о критическомъ положеніи товарища, все-таки онъ не могъ бы ничего сдѣлать для него, благодаря непреодолимой преградѣ которую представлялъ ему Моро, со стороны Швейцаріи. Для Края въ то время важнѣе было держаться въ Ульмѣ, нежели выходить изъ него. Моро не могъ взять его приступомъ, и напрасно старался выманить его изъ ретраншаментовъ фальшивыми диверсіями. Онъ обязался Наполеону не предпринимать ни одного дѣйствительнаго движенія, т. е. рѣшеннаго похода на Мюнхенъ. Что бы ни говорили въ самомъ дѣлѣ, достаточно бросить взглядъ на карту, чтобъ убѣдиться, что подобный походъ открылъ бы Швейцарію, и слѣдовательно, и Италію. Будучи осужденъ на безсиліе и не

подвижность, служа цѣлью горькихъ порицаній для своихъ помощниковъ, которые осуждали его медлительность, потому что не могли проникнуть истинныхъ поводовъ, Моро, по собственному выраженію, *ходилъ ощупью около Ульма* [55]), ожидая съ нетерпѣніемъ, пока успѣхи Бонапарте позволили бы ему начать болѣе дѣйствительныя операціи, и въ тотъ самый день когда послѣдній шелъ на Миланъ, онъ описывалъ ему свое положеніе и торопилъ его дѣйствовать.

Итакъ генералъ Бонапарте могъ совершить свое движеніе въ полной безопасности, ибо отступленіе его на Симплонъ и Сенъ-Готардъ было обезпечено во всякомъ случаѣ. Преслѣдуя съ тѣхъ поръ одну только цѣль—запереть Меласа въ Пьемонтѣ, поставивъ ему непреодолимую преграду со стороны Венеціи, онъ для того, чтобъ не допустить его въ эту область, долженъ былъ сильно занять теченіе По отъ Павіи до самой Піаченцы, потомъ отрѣзать ему дорогу, лежащую между По и Аппенинами. Что касается до верхняго По, то онъ имѣлъ преимущество замѣнить его болѣе краткою и прочною линіею, какую представлялъ ему Тессинъ, впадающій въ эту рѣку повыше самой Павіи и образующій своимъ соединеніемъ родъ естественной преграды, который, протекая изъ Лаго-Маджоре въ Адріатику, перерѣзываетъ на двое сѣверную Италію. Ничто не могло помѣшать исполненію этого плана.

Въ то время когда Первый Консулъ стремился къ Милану, Ланнъ шелъ на Павію, Дюгемъ и Лоназонъ занимали Креме и Пиччигетоне, Бетанкуръ верхній Тессинъ къ Аронѣ; наконецъ Мюратъ съ двумя дивизіями направлялся къ Піаченцѣ, самый важный пунктъ по этой линіи, ибо отрѣзывалъ сообщеніе Меласу какъ по сухому пути, такъ и по водѣ.

---

[55]) Моро къ Первому Консулу отъ 27 мая 1800. Письмо это ясно доказываетъ, что онъ остановился передъ Ульмомъ только для того, чтобъ не скомпрометировать Итальянской арміи. *Прим. автора.*

Немедленно по занятіи этихъ позицій, послѣ неудачныхъ попытокъ австрійцевъ не допустить насъ къ Піаченцѣ, армія наша начала со всѣхъ сторонъ переправляться чрезъ По, чтобъ собраться пониже этой рѣки къ Страделлѣ,—центральному пункту дикаго дефиле, образуемаго съ одной стороны послѣдними плато Аппенинъ, а съ другой—болотами По.

Если смотрѣть на этотъ планъ съ точки чистой стратегіи, трудно представить себѣ что нибудь болѣе великолѣпно задуманное; онъ обладаетъ логикою и строгостью математическаго вывода; но если взять его съ точки зрѣнія важныхъ интересовъ, которые онъ имѣлъ цѣлью заставить торжествовать, то онъ даетъ поводъ къ серьезнымъ замѣчаніямъ. Несмотря на искусное свое расположеніе, онъ дѣйствительно представлялъ такія рискованныя условія, которыхъ никогда не принялъ бы патріотъ—генералъ, имѣя возможность на успѣхи, менѣе блестящіе, но вѣрные. Планъ этотъ заставлялъ Бонапарте терять всѣ преимущества первоначальнаго его положенія: онъ принуждалъ его раздѣлять войска и дозволялъ Меласу сосредоточивать австрійскія силы, которыя мы разбили бы не столь шумно, но весьма удобно въ состояніи ихъ разрозненности, упустивъ развѣ нѣсколько отдѣльныхъ отрядовъ. Всегда рискованна операція, заключающаяся въ томъ, чтобъ окружить противника на столь обширной линіи, но пытаться на это съ силами менѣе непріятельскихъ—значитъ подвергать себя неизбѣжной почти гибели, и обладая даже могучимъ геніемъ, необходимо прежде задуматься нежели пускать въ столь рискованное предпріятіе армію, послѣдній оплотъ отечества. Будучи принужденъ оберегать теченіе По и Тессина на пространствѣ болѣе тридцати миль, генералъ Бонапарте могъ выставить лишь около тридцати тысячъ человѣкъ противъ арміи Меласа, часть которой, конечно, долженствовала быть парализована соединенными остатками Сюше и Массены. Это уже было слишкомъ дерзко, принимая во вниманіе наши силы, что вскорѣ и доказали событія.

Одно отчаянное положенiе могло извинить его, что онъ затѣялъ такую большую игру. Здѣсь явно видны и желанiе удивить людей, и необходимость въ необыкновенномъ во что бы то ни стало, и страсть къ чрезвычайному, которая должна была погубить его. Одинъ только необузданный честолюбецъ могъ рискнуть на эту попытку счастья, но великiй гражданинъ отказался бы отъ нея.

Съ 2 iюня Бонапарте былъ въ Миланѣ. Какъ онъ писалъ въ Парижъ, онъ освободилъ ломбардцевъ изъ-подъ австрiйской палки, которая успѣла заставить ихъ пожалѣть о палкѣ французской. Онъ возстановилъ управленiе Цизальпинской республики, призвалъ цизальпинцевъ къ оружiю и польстилъ обманутою столько разъ надеждою „образовать изъ нихъ независимый народъ.“ Онъ избралъ Миланъ для манифестацiи совершенно другаго рода, которая стѣсняла бы его въ Парижѣ, хотя и относилась скорѣе къ Францiи, нежели къ Италiи. Давно уже имѣя въ виду соглашенiе съ церковью, которое позволило бы ему употреблять духовенство какъ орудiе правительства, онъ воспользовался пребыванiемъ своимъ въ Италiи и близостью столицы католичества, чтобъ подвинуть это дѣло торжественнымъ заявленiемъ своей уступчивости Св. Отцу и преданности католической религiи. Онъ собралъ священниковъ города Милана, напомнилъ оказанное имъ нѣкогда покровительство, увѣрилъ, что ихъ религiя была также его религiею, и „что онъ готовъ наказать самымъ строгимъ и примѣрнымъ образомъ, *даже если нужно, то и смертью, каждаго, кто нанесетъ малѣйшее оскорбленiе ихъ общей вѣрѣ или позволитъ себѣ самую легкую обиду относительно ихъ священныхъ особъ.*“

Онъ отнесъ потомъ къ революцiи и „жестокой политикѣ Директорiи“ несчастья, отдѣлившiя во Францiи церковь отъ государства, прибавивъ, что опытъ убѣдилъ французовъ, „что для республиканскаго правительства нѣтъ благопрiятнѣе религiи, какъ религiя католическая.“ Францiя раскрыла

глаза для свѣта, она возвратила имъ церкви; онъ самъ надѣялся вскорѣ переговорить съ своимъ новымъ главою, чтобъ устранить послѣднія препятствія. Онъ окончилъ обѣщаніемъ— возвратить духовенству имѣнія, уполномочивая его обнародовать его рѣчь, которая дѣйствительно вскорѣ была напечатана и распространена тысячами экземпляровъ въ Италіи, и Франціи. Манифестація эта служила преддверіемъ Конкордата. Происходила она 5 іюня 1800 г. Годъ тому назадъ, новый Константинъ находился еще въ Египтѣ; онъ тщеславился тамъ передъ муфти и улемами тѣмъ, *„что уничтожилъ папу и опрокинулъ крестъ.“* Простое это сближеніе— ясно обнаруживаетъ мысль, вдохновлявшую его въ то время, когда онъ высказывалъ передъ миланскимъ духовенствомъ свою преданность католической религіи. Съ тѣхъ поръ можно было предсказать цѣну и серьезность религіозной реставраціи, готовившейся совершиться.

Въ Миланѣ происходили безпрерывно пиры, празднества, оваціи. Первый Консулъ хотѣлъ заявить Парижу, что походъ его въ Италію былъ не болѣе какъ рядъ тріумфовъ; онъ не забывалъ упоминать о своемъ пріемѣ въ ежедневныхъ бюллетеняхъ, которые публиковалъ со времени своего вступленія въ кампанію, для того чтобъ ни одно изъ его движеній не было потеряно для исторіи. „Миланскій народъ, говорилось въ бюллетенѣ отъ 5 іюня:—повидимому очень расположенъ воспріять тонъ веселости, господствовавшій у него во времена французовъ. Главнокомандующій и Первый Консулъ присутствовали въ концертѣ, который, не смотря на то, что былъ импровизированъ, прошелъ очень пріятно. Итальянское пѣніе всегда имѣетъ новую прелесть. Знаменитая Биллингтонъ, Грасини и Маркези ожидаются въ Миланѣ.“

Въ то время, когда онъ такъ пріятно проводилъ свои дни, армія Массены въ Генуѣ изнывала въ послѣднихъ судорогахъ голода. Двѣнадцать уже дней единственною пищею служилъ для нея нездоровый хлѣбъ, испеченный изъ какао,

и крахмала, котораго раздавали по нѣсколько унцій каждому солдату. Жители питались травою и кореньями, вырываемыми на валахъ, и погибали сотнями. Франчески, адъютантъ Массены, посланный послѣднимъ къ Первому Консулу съ просьбою ускорить прибытіе, присутствовалъ 20 мая при переправѣ нашего арьергарда чрезъ Сенъ-Бернаръ; 26 мая онъ возвратился въ Генуу, объявивъ о немедленной почти помощи. Для генерала Бонапарте осьми дней было болѣе чѣмъ достаточно для перехода сорока миль, отдѣляющихъ Аппенины отъ долины Аосте. А между тѣмъ съ 20 мая прошло четырнадцать мучительныхъ дней среди жесточайшихъ мученій голода, но отъ него не было никакого новаго извѣстія. Большинство считало, что онъ разбитъ и бѣжалъ; нѣкоторые подозрѣвали истину, чувствуя, что они принесены въ жертву тщеславію тактика, и проклинали его жестокій эгоизмъ.

3 іюня крайность дошла до послѣдней степени. Тысячи женщинъ, умирая съ голода, бѣгали по улицамъ и требовали хлѣба, а телеги, наполненныя трупами, проѣзжали безпрерывно какъ бы въ зачумленномъ городѣ [56]). Невозможно было даже на одинъ день продолжать оборону. Массена уступилъ для того, чтобъ спасти всѣхъ изнывающихъ солдатъ, но такова была еще твердость его характера и въ то же время такова была поспѣшность австрійцевъ соединиться съ Меласомъ, что онъ сдался на условіяхъ самой почетной капитуляціи. Дѣйствительно, Оттъ получилъ приказаніе снять осаду и скрылъ свою радость. Массена не оставилъ австрійцамъ ни одного плѣннаго. Изъ пятнадцати тысячъ у него осталось только восемь.

Утромъ 5 іюня, въ то время какъ Бонапарте получалъ оваціи и расхваливалъ въ своемъ бюллетенѣ таланты итальянскихъ пѣвицъ, легіонъ голодныхъ привидѣній явился на австрійскіе аванпосты, гдѣ для нихъ была приготовлена кое-

---

[56]) *Журналъ* генерала Тибо. *Прим. автора.*

какая пища. Оттуда уже эти храбрые люди могли безпрепятственно отправиться въ главную квартиру Сюше. Массена поѣхалъ моремъ и высадился въ Антибѣ, продполагая, что армія Сюше была еще на Варѣ. 9 іюня онъ былъ въ Финале, а 14 въ Монтенотте. Сюше пустился уже въ погоню за австрійцами, принужденными очистить какъ берега Вара, такъ и Рѣку и Генуу [57]). Такимъ образомъ падаютъ сами по себѣ инсинуаціи и клевета [58]), съ помощью которыхъ Наполеонъ усиливался впослѣдствіи очернить память защитника Генуи, въ сочиненіи, служащемъ памятникомъ циничеcкой неблагодарности и единственною наградою за великую и достопамятную услугу, оказанную ему Массеною.

Бонапарте оставилъ Миланъ только 9 іюня. Пока онъ собиралъ въ Страделлѣ войска, какими только могъ располагать, усѣявъ трупами берега Тессино и По, отъ Лаго-Маджоре до Кремона, Меласъ, который сосредоточивался въ Алесандріи, снова попытался овладѣть Піаченцскою дорогою, прежде окончательнаго исполненія нашихъ распоряженій. Онъ направилъ на этотъ пунктъ корпусъ Отта, пришедшій изъ Генуи послѣ капитуляціи Массены. Оттъ не могъ достигнуть Піаченцы иначе какъ чрезъ Страделлу, куда наши бригады направлялись форсированнымъ маршемъ для занятія позиціи. Немного повыше этого пункта, т. е. между Кастеджіо и Монтебелло, онъ натолкнулся на корпусъ Ланна. Позиція, занимаемая Ланномъ, была очень рискованная, ибо Бонапарте полагалъ навѣрное, что войска, которыя могли атаковать ее въ то время, *„долженствовали быть меньше количествомъ на десять тысячъ человѣкъ“* [59]). Вслѣдствіе

---

[57]) Древняя республика, заключала въ себѣ узкую полосу земли, называемую Рѣкою, между Аппенинами и моремъ. *Пр. перев.*

[58]) *Записки, извлеченныя изъ бумагъ Массены*, генераломъ Кохомъ, не даютъ никакихъ данныхъ для этихъ обвиненій. V. Т. IV.
Прим. автора.

[59]) Бонапарте къ Бертье отъ 8 іюня 1800 г. *Пр. автора.*

этого недостатка предвидѣнія, Ланнъ могъ противопоставить не болѣе осьми тысячъ непріятелю, сильнѣйшему вдвое. Но генералъ этотъ все превозмогъ своимъ мужествомъ и рвеніемъ. Не отступивъ ни шагу, онъ выдержалъ бѣшеные натиски австрійцевъ, старавшихся очистить дорогу, а такъ какъ дивизія Шамбарльгака подоспѣла къ нему во время на помощь, то онъ и велѣлъ одной бригадѣ обойдти городокъ Костеджіо, гдѣ непріятель сильно укрѣпился; потомъ послѣ перехода нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки этой позиціи, онъ окончательно отбросилъ австрійцевъ на Монтебелло, причемъ они потеряли семь тысячъ человѣкъ убитыми и плѣнными. Бонапарте явился изъ Милана въ моментъ окончанія этой знаменитой битвы, т. е. 9 мая вечеромъ [60]).

Инструкціи его генералу Сюше резюмировались въ одной фразѣ: „Тѣсните корпусъ равный вашему" [61]). Этой самой программѣ Сюше въ точности слѣдовалъ со времени исчезновенія австрійцевъ на Варѣ. Подстерегая движеніе ихъ отступленія, онъ опередилъ ихъ при ущельи Тенде, что принудило ихъ отступить до Пьеве. Въ Савоннѣ, собравъ остатки корпуса Массены, что увеличило его армію до двадцати тысячъ, онъ направился къ Акви, въ тылъ Меласу. Присутствіе его на этомъ пункѣ нейтрализовало часть австрійскихъ силъ и сильно способствовало успѣху плана Бонапарте.

Первый Консулъ оставался въ Страделлѣ, занимаясь упроченіемъ своей позиціи и укрѣпленіемъ огромной сѣти, которую онъ раскинулъ вокругъ своего противника. Онъ началъ убѣждаться, что занялъ слишкомъ много, для того чтобъ сжать какъ слѣдовало, ибо принужденный оберегать такую пространную линію, онъ не имѣлъ возможности развѣдать

---

[60]) Онъ выѣхалъ изъ Милана 9, а не наканунѣ, какъ утверждаетъ Тьеръ, который заставляетъ его употребить 24 часа на переѣздъ десяти миль, отдѣляющихъ Миланъ отъ Страделлы. *Пр. автора.*

[61]) Бонапарте къ Сюше 8 іюня. *Прим. автора.*

хорошенько о положенiи непрiятеля. То онъ считалъ австрiйцевъ отступающими на Генуу, гдѣ они нашли бы англiйскую эскадру, которая могла бы снабдить ихъ припасами и въ случаѣ надобности перевезти на другой пунктъ, то полагалъ, что они скрывали движенiе на верхнiй По и пробивались на Тессинъ. Онъ оставался неподвижно въ Страделлѣ, въ теченiе 10, 11 и 12 iюня, одолѣваемый смущенiемъ, возраставшимъ съ часу на часъ. Наконецъ онъ не выдержалъ и, оставивъ свою почти неприступную позицiю, пошелъ впередъ на непрiятеля по направленiю къ Алессандрiи. Онъ дошелъ до Санъ-Джулiана и Маренго, встрѣтивъ на пути лишь небольшой отрядъ, который отступилъ послѣ короткой схватки.

Бонапарте очутился у воротъ Алессандрiи на обширной равнинѣ, которая тянется съ одной стороны между дорогою и По, а съ другой съ двумя притоками этой рѣки, Скривiею и Бормидою. Его нетерпѣнiе и смущенiе—справедливыя послѣдствiя слишкомъ самонадѣяннаго плана, заставили его потерять все преимущество первоначальной позицiи, ибо на этой обширной равнинѣ непрiятель могъ удобно дѣйствовать своею кавалерiею. Убѣждаясь болѣе и болѣе, что Меласъ скрылся къ Генуѣ, Бонапарте направилъ на Нови дивизiю Буде, которую ввѣрилъ Дезэ, прибывшему наканунѣ въ главную квартиру. Не зная о существованiи у непрiятеля мостовъ на Бормидѣ, вслѣдствiе недостаточной рекогносцировки, онъ расположилъ свою армiю въ Маренго и окрестностяхъ, а самъ провелъ ночь не много назади въ Торре ди Гарафоло.

Меласъ не выходилъ изъ Алессандрiи. Будучи обязанъ стоять противъ Сюше и оставить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ гарнизоны, онъ могъ сосредоточить на этомъ пунктѣ лишь около сорока тысячъ человѣкъ, количество впрочемъ больше нашего. Обсудивъ въ совѣтѣ представлявшiяся ему средства, онъ рѣшился отвѣтственность за событiя взвалить на Вѣнскiй кабинетъ, который до послѣдней минуты скрывалъ отъ него существованiе нашей резервной армiи и даже пред-

писалъ ему не заботиться объ этомъ. Итакъ вмѣсто того, чтобы искать весьма сомнительнаго спасенія въ бѣгствѣ на Тессинъ или въ отступленіи на Генуу, онъ намѣревался идти прямо на противника, армію котораго считалъ многочисленнѣе, чѣмъ она была въ дѣйствительности, и попытаться пробиться силою по піаченцской дорогѣ.

Рѣшась на эту мѣру послѣ долгаго колебанія, 14 іюня на разсвѣтѣ, австрійская армія медленно переправилась черезъ Бормиду по тремъ мостамъ и явилась передъ Маренго, гдѣ былъ расположенъ корпусъ генерала Виктора. Деревня эта, къ счастью прикрываемая не широкимъ, но глубокимъ ручьемъ, была немедленно атакована съ яростью. Прикрытые этою естественною защитою, солдаты Виктора мужественно выдержали не одинъ приступъ. Въ то же время Ланнъ, занимавшій равнину между Маренго и Кастель-Черіоло, былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ австрійскими войсками. Оба они держались долго съ неодолимымъ упорствомъ, но когда къ десяти часамъ утра австрійская армія окончила переправу черезъ Бормиду, баронъ Меласъ собралъ свои главныя силы и, подкрѣпивъ ихъ страшною артиллеріею, снова повелъ ихъ къ Маренго. Деревня эта была взята послѣ ужаснаго кровопролитія.

Въ это самое время на поле битвы явился Бонапарте съ своею гвардіею, главнымъ штабомъ и дивизіею Моннье, подкрѣпляемый двумя кавалерійскими полками. На лѣвомъ нашемъ флангѣ дивизія Виктора находилась въ полнѣйшемъ разстройствѣ, на правомъ—Ланнъ отступалъ шагъ за шагомъ въ превосходномъ порядкѣ, но съ огромною потерею, употребивъ цѣлый часъ на переходъ въ четверть мили. Свѣжія войска, приведенныя Первымъ Консуломъ, возстановили сраженіе. Вмѣсто того чтобъ поставить ихъ на дорогѣ, безпрерывно очищаемой атаками австрійской кавалеріи, онъ повелъ ихъ на оконечность праваго фланга Ланна, и на лѣвый непріятеля, который опередилъ ихъ, съ цѣлью до-

браться до Санъ-Джульяно и освободить піаченцскую дорогу. Маневръ этотъ, заключавшійся въ томъ, чтобъ отказаться отъ сраженія на самомъ существенномъ пунктѣ для непріятеля, и перенести дѣло на мѣсто, наименѣе привлекавшее его вниманіе, имѣлъ въ особенности цѣлью — выигрышъ времени. Но онъ былъ исполненъ дурно, по причинѣ страшнаго безпорядка, произведеннаго въ нашей арміи успѣхами австрійцевъ. Несмотря на стойкость консульской гвардіи и геройскія усилія Ланна, одна часть нашихъ войскъ отступила по дорогѣ къ Санъ-Джульяно, а другая, занимавшая не долго Кастель-Черіоло, скрылась направо къ Сале.

Таково было наше положеніе около трехъ часовъ пополудни. Арміи нашей угрожало быть разрѣзанной надвое: одна половина была отброшена по направленію къ Сале и По, другая—оттѣснена подъ пушки Тортоне. Разстройство наше было до такой степени отчаянно, что старикъ Меласъ, изнуренный усталостью и увѣренный въ побѣдѣ, вошелъ въ Алессандрію и разослалъ по всѣмъ направленіямъ съ извѣстіемъ объ успѣхѣ, предоставивъ заботу объ окончательномъ нашемъ пораженіи своему начальнику штаба Цаху.

Случай совершенно неожиданный заставилъ его дорого поплатиться за эту ошибку. Дезэ, поспѣшавшій на помощь къ Первому Консулу, появился въ эту самую минуту на равнинѣ Маренго съ дивизіею Буде. При первыхъ пушечныхъ выстрѣлахъ онъ остановилъ свое движеніе на Нови, и, убѣдившись, что никто не угрожалъ намъ съ этой стороны, поспѣшно бросился на Санъ-Джуліано. Онъ тотчасъ же убѣдился, что сраженіе проиграно, но не считалъ невозможнымъ выиграть другое, которое вознаградило бы за первое. Немедленно Мармонъ собралъ небольшое количество нашихъ орудій, не поврежденныхъ непріятелемъ, и направилъ жесточайшій огонь на главную австрійскую колонну, переходившую чрезъ равнину подъ начальствомъ самого Цаха. Колонна однако же не дрогнула. Тогда Дезэ пустилъ

на нее двѣ полубригады, которыя удержали на время австрійцевъ: среди этой схватки, Дезэ палъ, пораженный пулею въ сердце. Храбрыя эти войска уступили силѣ, и страшная колонна, которой, повидимому, ничто не могло удержать, шла впередъ, отбрасывая на пути все, какъ вдругъ Келлерманъ пустилъ на нее своихъ драгунъ такъ кстати и съ такою стремительностью, что она словно остолбенѣла. Будучи захвачена такъ быстро, что не имѣла времени приготовиться къ защитѣ съ этой стороны, и отрѣзанная отъ остальной австрійской арміи, колонна сложила оружіе на мѣстѣ битвы и сдалась въ числѣ шести тысячъ человѣкъ. Этотъ громоносный, чудесный ударъ измѣнилъ въ одно мгновеніе порядокъ вещей: никогда еще не видано на войнѣ такого быстраго и полнѣйшаго переворота.

Наше отступленіе остановилось, бѣглецы собрались, и мы на всѣхъ пунктахъ перешли въ наступленіе. Изумленные австрійцы начали ретироваться въ свою очередь, потомъ побѣжали, а вскорѣ овладѣла ими такая паника, что кавалерія ихъ перескакивала черезъ свою пѣхоту, чтобъ опередить ее къ переправѣ. У мостовъ массы столпились въ страшномъ безпорядкѣ, и кто не могъ переправиться, былъ сброшенъ въ Бормиду. Вся почти артиллерія осталась въ рукахъ французовъ. Это было полнѣйшее пораженіе.

Вотъ главныя перипетіи этой знаменитой битвы, на сколько можно очистить ихъ отъ противорѣчія разсказовъ и шарлатанизма бюллетеней. Смѣшеніе событій было столь необыкновенно, что несмотря на все искусство Бонапарте исправлять на бумагѣ свои военныя дѣйствія послѣ дѣла, что часто придавало имъ ясность и порядокъ, какихъ они не имѣли, что онъ могъ написать о своей побѣдѣ только жалкую реляцію.

Онъ прибѣгнулъ въ ней къ ораторскимъ уловкамъ, которыми однакожъ плохо прикрывались пробѣлы его разсказа. Онъ даже приписалъ риторическую фразу Дезэ, который

палъ на мѣстѣ, пораженный пулею въ сердце, и не произнесъ ни одного слова, и трупъ котораго былъ оставленъ и ограбленъ на полѣ сраженія [62]). „Ступайте и скажите Первому Консулу, заставляетъ его произнести Наполеонъ:—что я умираю съ сожалѣніемъ, что не довольно сдѣлалъ для потомства.“ Надобно было, чтобъ думали, что Первый Консулъ былъ послѣднею мыслью умирающихъ, какъ гордостью и надеждою живыхъ, и для достиженія этого театральнаго эффекта, онъ не побоялся эксплуатировать самую смерть.

Три раза онъ исправлялъ этотъ бюллетень въ виду исторіи. Въ трехъ реляціяхъ, оставленныхъ намъ *Военнымъ Меморіаломъ*, мы видимъ какъ онъ на каждомъ шагу противорѣчитъ себѣ и себя опровергаетъ. Окончивъ задачу, онъ приказываетъ уничтожить всѣ подлинные рапорты, для того чтобъ принуждены были обращаться къ нему, и только къ своихъ запискахъ онъ даетъ своему разсказу обдуманную, окончательную форму. Странно, что сраженіе, въ которомъ онъ обнаружилъ менѣе всего генія и выказалъ себя ниже самого себя, дали ему самые важные результаты, по крайней мѣрѣ, относительно его славы и могущества. Комбинаціи, подготовившія Маренго, задуманы были удивительно, но онѣ были чрезвычайно рискованны и несоразмѣрны со средствами, которыми могли мы располагать [63]); онѣ принадлежали, однимъ словомъ, несравненному военному виртуозу, но не генералу-патріоту. Что касается самаго сраженія, то оно было дано при неблагопріятнѣйшихъ условіяхъ, а побѣда зависѣла лишь отъ счастливаго случая — отъ кстати

---

[62]) Записки Ровиго. *Прим. автора.*

[63]) Это признаетъ и Жомини, когда говоритъ, указавъ на опасность этихъ распоряженій, что Бонапарте *хотѣлъ все или ничего*, и сраженіе подъ Маренго называетъ *дерзкимъ предпріятіемъ.* Таково же мнѣніе и Матье Дюма, когда онъ говоритъ, что Маренго было загороженное поле, на которомъ должна была погибнуть та или другая армія.
Прим. автора.

пущенной кавалерійской атаки. Наполеонъ самъ писалъ, что „всѣ шансы на успѣхъ сраженія были въ пользу австрійской арміи.“ Въ противоположность многимъ сраженіямъ, о которыхъ можно сказать съ достовѣрностью, что они долженствовали быть выиграны, хотя были и проиграны, — Маренгская битва должна была быть проиграна, безъ особенной благосклонности фортуны; и нѣтъ надобности быть великимъ полководцемъ, чтобъ поставить себя въ необходимость разсчитывать на чудо, когда можно достигнуть цѣли путями менѣе блестящими, но вѣрными и дѣйствительными. Съ Маренго авантюристъ начинаетъ обижать главу государства.

Генералъ не столь струсившій какъ Меласъ, снова попытался бы помѣряться съ непріятелемъ, возобновивъ нападеніе, которое не удалось лишь вслѣдствіе несчастнаго случая, или бросившись со всѣми силами на корпусъ Сюше съ съ цѣлью взять Генуу. Но онъ этимъ энергическимъ средствамъ предпочелъ перемиріе, въ силу котораго очистилъ всю Сѣверную Италію до Минчіо и нижняго По, по линіи отъ Пескьеры на Феррару, но сохранилъ Тоскану и Анкону. Условіе это, подписанное въ Алессандріи, было послано австрійскому императору при длинномъ письмѣ Перваго Консула, который по всѣмъ правиламъ и всевозможными филантропическими убѣжденіями усиливался доказать его императорскому и королевскому величеству, что самый дорогой интересъ послѣдняго заключался въ томъ, чтобъ разорвать связь съ Англіею для союза съ французскимъ правительствомъ. Письмо это „обыкновенной формы и слога“, какъ говоритъ чрезъ нѣсколько дней Бонапарте, самъ удивляясь, что написалъ его, въ сообщеніи Талейрану, было наполнено дружескими совѣтами и увѣреніями. Въ немъ не заключалось ни малѣйшаго неудовольствія на то, что всѣ предшествовавшія письма его оставались безъ отвѣта, и его настойчивость обращаться къ императору не смотря на этотъ

родъ оскорбленія, достаточно свидѣтельствуетъ о тайномъ желаніи, пожиравшемъ его — сноситься какъ равному съ равнымъ — съ государями Божіею милостью.

Въ ожиданіи отвѣта императора онъ велѣлъ немедленно приступить къ исполненію Алессандрійскихъ условій, настаивая въ особенности на сдачѣ крѣпостей, потомъ возвратился въ Миланъ 17 іюня. Тамъ онъ былъ встрѣченъ торжественными кликами отъ народа и Te Deum отъ духовенства. Эту сцену, тогда столь новую для парижанъ, онъ самъ описалъ въ одномъ изъ бюллетеней, которые продолжалъ издавать почти каждый день для нихъ, и которые сдѣлались единственною въ нѣкоторомъ родѣ публикаціею для Франціи, благодаря ударамъ, которые нанесъ онъ печати. Такъ какъ у общественнаго мнѣнія была лишь единственно эта пища, то, слѣдовательно, публикѣ предстояло заниматься лишь одною его особою. „Первый Консулъ, говоритъ онъ: — былъ встрѣченъ у дверей собора всѣмъ духовенствомъ; его вызвали на эстраду, приготовленную по этому случаю на срединѣ церкви, на которой, по обычаю, принимали консуловъ и *первыхъ сановниковъ Западной Имперіи*.“ Кто знаетъ эту непомѣрную фантазію и необузданное честолюбіе, для того слова *Западная Имперія* поставлены здѣсь не случайно. Онъ обнаруживалъ замыслы, можетъ быть, еще неопредѣленные, но уже зародившіеся въ умѣ. Далѣе онъ прибавляетъ, словно желая польстить французскому обществу, посвящая его въ тайну своей уступчивости для церкви: „Уваженіе это къ алтарю служитъ замѣчательною эпохою, которая произведетъ впечатлѣніе на итальянскіе народы и доставитъ болѣе друзей республикѣ. Радость была полная. Если поступаютъ подобнымъ образомъ, говорили итальянцы, то мы всѣ республиканцы и готовы вооружиться на защиту народа, котораго языкъ, нравы и обычаи болѣе всего подходятъ къ нашимъ.“

Языкъ этотъ, исполненный намековъ, очень походилъ на тотъ, который употреблялся Бонапарте въ рѣчи къ солдатамъ, при высадкѣ въ Египтѣ; но посвященные въ его политику этимъ родомъ полудовѣренности не подозрѣвали большихъ уступокъ, которыя онъ готовился сдѣлать во Франціи суевѣрію, ими неодобряемому. Кардиналъ Кваримонти, извѣстный своею миротворною рѣчью, изданною вскорѣ послѣ Кампоформійскаго договора, былъ избранъ въ папы въ Венеціи, подъ именемъ Пія VII, и Бонапарте разсыпалъ уже передъ нимъ самыя обольстительныя обѣщанія, приготовляя подъ рукою заключеніе Конкордата между Франціею и Римомъ.

Въ это время Рейнская армія выходила изъ своего принужденнаго бездѣйствія. Убѣдившись, что резервная армія благополучно вступила въ Италію, Моро, столь долго связанный передъ Ульмомъ, могъ, наконецъ, возобновить свои дѣйствія съ войсками, которыя впрочемъ уменьшились почти на четверть, съ отбытіемъ корпуса Монсе. Впослѣдствіи они были еще ослаблены отозваніемъ значительной части корпуса Сентъ-Сюзаннъ, отряженнаго на время противъ нѣмецкихъ корпусовъ. Какъ только Моро могъ дѣйствовать свободно, ему было достаточно трехъ дней для разбитія укрѣпленнаго лагеря, предъ которымъ его добровольная неподвижность подавала поводъ къ столькимъ нелѣпымъ предположеніямъ. Отказавшись отъ первоначальнаго своего плана идти на Аугсбургъ и на Мюнхенъ, плана, могшаго быть дѣйствительнымъ, но который имѣлъ то неудобство, что оставлялъ Краю сообщеніе по лѣвому берегу Дуная, Моро отвѣчалъ своимъ клеветникамъ болѣе блестящимъ и смѣлымъ дѣйствіемъ: онъ переправился чрезъ эту рѣку повыше Ульма съ Блендгеймѣ, не далеко отъ Донауверта, гдѣ находились австрійскіе магазины. Край, понимая важность этого движенія, съ помощью котораго мы располагались у него въ тылу и угрожали серьезно его линіи отступленія,

напрасно старался воспрепятствовать нашей переправѣ чрезъ Дунай рядомъ мелкихъ стычекъ, которыя всѣ почти оканчивались для него урономъ. Онъ былъ еще менѣе счастливъ въ попыткѣ съ своими главными силами отбросить насъ на правый берегъ. Встрѣча обѣихъ армій произошла на равнинѣ Гохштетта, на мѣстности, остававшейся знаменитою пораженіемъ, которое было для насъ національнымъ бѣдствіемъ [64]). Австрійская кавалерія, до сихъ поръ столь увѣренная въ своемъ превосходствѣ, была опрокинута нашею, послѣ блестящаго сопротивленія; но, несмотря на эту неудачу, австрійцы упорно держались на своихъ позиціяхъ, благодаря прибывавшимъ къ нимъ со всѣхъ сторонъ подкрѣпленіемъ. Однако пришлось уступить. Съ наступившею ночью, общее нападеніе французскихъ войскъ заставило австрійскую линію отступить на всѣхъ пунктахъ, и непріятель ретировался, оставивъ у насъ въ рукахъ пять тысячъ плѣнныхъ, двадцать орудій, тысячу двѣсти лошадей и множество магазиновъ. Такимъ образомъ было смыто пятно, остававшееся на нашей военной чести (19 іюня 1800 г.). Край поспѣшно отступилъ на Нордлингенъ, оставивъ свою ульмскую позицію, и благопріятствуемый въ своемъ отступленіи ужасною погодою, которая дѣлала преслѣдованіе невозможнымъ по причинѣ испорченности дорогъ. Моро, удовольствовавшись тѣмъ, что отбросилъ непріятеля по направленію къ Богеміи, куда онъ не имѣлъ никакого интереса его преслѣдовать, отступилъ на Дунай, а потомъ на Мюнхенъ, который и занялъ 18 іюля. Нѣсколько уже дней какъ ему были извѣстны и побѣда подъ Маренго и перемиріе, за нею послѣдовавшее. Прибывъ

---

[64]) 13 августа 1704 г. союзная армія подъ начальствомъ принца Евгенія Савойскаго и герцога Мальбро одержала здѣсь побѣду надъ французами и баварцами, находившимися подъ командою маршала Тальяра и баварскаго Электора. Англичане называютъ это сраженіе *Блейнингенскимъ*, по имени деревни того же названія, находящейся на одной равнинѣ съ Гохштеттомъ. *Прим. перев.*

на Изеръ и считая свою позицію слишкомъ выдвинутою впередъ, относительно расположенія главныхъ корпусовъ арміи, и помощи, которую Австрія могла скрытно получить изъ Италіи, онъ согласился на перемиріе съ противникомъ, которое временно обезпечивало за нами всѣ земли, завоеванныя нами до тѣхъ поръ въ Германіи.

Бонапарте уѣхалъ въ Парижъ, оставивъ Массенѣ начальство надъ Итальянскою арміею. Онъ не только былъ далекъ отъ жалобъ на знаменитаго защитника Генуи, а напротивъ осыпалъ его похвалами и доказательствами признательности [65]). Если итальянскіе патріоты имѣли одно время надежду на возстановленіе независимости ихъ отечества, то вскорѣ должны были отказаться отъ этого мечтанія, прочтя декретъ, которымъ Бонапарте прощался съ Цизальпинскою Республикою: „Принимая во вниманіе, что эта республика была признана свободною и независимою большинствомъ державъ Европы", онъ приказалъ созвать Консульту изъ 50 членовъ, которымъ поручалось преобразованіе республики, т. е., поручалось согласовать ихъ съ консульскимъ правленіемъ подъ предсѣдательствомъ французскаго чрезвычайнаго министра. Комиссія, созванная имъ, была временно назначена правительствомъ. Что же касается Пьемонта, то съ этихъ поръ очевидно намѣреніе Бонапарте, сдѣлать изъ него французскій департаментъ, и управленіе имъ онъ поручилъ генералу Журдану.

Первый Консулъ возвращался во Францію съ болѣе непреклонною волею, съ бо́льшею чѣмъ когда нибудь жаждою власти, обнаруживая притворное желаніе отвергнуть всѣ приготовляемыя для него почести, которыя онъ считалъ ниже своего достоинства. „Я слишкомъ хорошаго о себѣ мнѣнія, писалъ онъ Люціану: — чтобъ тѣшиться подобными бездѣлками" (29 іюня 1800 г.). Вскорѣ однако же оказалось, какъ

---

[65]) Генералъ Кохъ. *Записки Массены.* *Прим. автора.*

мало было у него искренне это презрѣніе къ старинной обстановкѣ тріумфаторовъ. Онъ возвращался, весь преданный предположеніямъ, которыхъ не смѣлъ до тѣхъ поръ обнаруживать, но для осуществленія которыхъ имѣлъ всѣ необходимыя силы подъ рукою. Маренгская битва, несмотря на свои поразительные результаты, была выиграна слишкомъ далеко отъ Вѣны, чтобъ обезпечить миръ, но она дала своему виновнику безспорный перевѣсъ въ Европѣ и подавляющее могущество во Франціи. Онъ и готовился воспользоваться этимъ, чтобъ сдѣлать лишній шагъ впередъ въ своей любимой системѣ, единственной, какую когда либо понималъ этотъ геній, столь чудесный и вмѣстѣ столь ограниченный,— деспотизмъ внутри, пріобрѣтеніе снаружи. Никогда еще болѣе обольстительная видимость не скрывала расположенія наиболѣе грознаго для будущности.

ГЛАВА V.

Первый шагъ къ монархіи. Геліополисъ, Гогенлинденъ и Люневиль.

Пока Бонапарте разыгрывалъ эту опасную партію въ Піемонтѣ, противники его въ Парижѣ ожидали событій съ тоскою, къ которой примѣшивалась надежда. Не будучи въ состояніи ничего предпринять противъ него, они вознаграждали себя за долговременное принужденіе — смѣлостью своихъ желаній и фантазій — единственная свобода, какая была имъ предоставлена. Съ подобнымъ рискованнымъ человѣкомъ, казалось невозможнымъ никакое постоянство, надобно было быть готову на всякую случайность, а такъ какъ желательнѣе всего было — ухудшеніе вещей, то и разсчитывались широко всѣ случайности войны. Иные доходили до желанія смерти Перваго Консула, даже цѣною какого нибудь несчастья; но большинство довольствовалось обсужденіемъ — что дѣлать въ случаѣ если его не будетъ. Неопредѣленность, съ намѣреніемъ поддерживаемая въ Конституціи VIII г. по поводу способа замѣщенія главы государства, узаконивала эти заботы, и если было неблаговидно желать событія, столь дорого стоившаго, то конечно было настоятельною необходимостью предвидѣть его.

Передъ отъѣздомъ въ Италію, Первый Консулъ охотно обсуждалъ въ частныхъ бесѣдахъ, съ притворнымъ равнодушіемъ, предположеніе о своей смерти; онъ старался тогда уловлять впечатлѣніе, производимое на своихъ собесѣдниковъ, чтобъ проникнуть ихъ задушевныя желанія; но онъ не могъ терпѣть, чтобъ говорилъ объ этомъ кто нибудь другой кромѣ его, такъ какъ подобная мысль у того, кто выражалъ бы ее, — исключала бы мысль о родѣ сверхъестественной миссіи, которую ему хотѣлось, чтобъ ему приписывали. Такъ какъ онъ безпрерывно говорилъ о своей фортунѣ, о своей судьбѣ, о своей звѣздѣ, то допущеніе внезапной смерти раздражало его какъ опроверженіе суевѣрія, которое онъ льстилъ себя надеждою сдѣлать популярнымъ. Чисто восточная эта претензія страннымъ образомъ обнаружилась со времени переговоровъ съ Англіею. Когда лордъ Гренвилль, между прочими доводами продолженія войны, сказалъ, „что невозможно договариваться съ страною, гдѣ все зависитъ отъ жизни одного человѣка", *Монитёръ* отвѣчалъ ему тономъ, весьма новымъ для столь раціоналистическаго вѣка: „*Что касается до жизни и смерти Бонапарте, то это, милордъ, превышаетъ ваши понятія*".

Въ глазахъ его уже было преступленіемъ считать его простымъ смертнымъ. Между тѣмъ, онъ такъ еще мало успѣлъ привить этотъ мистицизмъ даже людямъ, наиболѣе ему преданнымъ, что родные братья его—первые обсуждали непочтительное предположеніе, и спрашивали что съ ними будетъ, если оно осуществится. Іосифъ и Люціанъ прямо ставили вопросъ въ разговорахъ со своими приближенными и шли даже гораздо дальше, и разсуждали о томъ, въ какой мѣрѣ они могли раздѣлять власть съ преемниками, которыхъ назначали Первому Консулу [66]). Неудивительно, поэтому,

---

[66]) См., между прочимъ, *Записки* Міо, приближеннаго Іосифа, *Записки* Редерера и *Журналъ* Станислава Жирардена. *Прим. автора.*

что люди, ничѣмъ не связанные съ его судьбою и неимѣвшіе поводовъ отвергать подобныя догадки, предавались тѣмъ же заботамъ. Въ государствѣ, пользующемся прочными учрежденіями, граждане не ощущаютъ этого безпокойства, ибо правитъ законъ, на который всѣ и полагаются; но въ государствѣ, гдѣ все составляетъ одинъ человѣкъ, общественный порядокъ держится на тонкой нити, на которой виситъ жизнь человѣческая, и со дня, въ который обнаруживается опасное его положеніе, — наслѣдство его какъ бы открыто.

Когда по возвращеніи въ Парижъ, Бонапарте началъ жаловаться на неблагодарность, кричать о заговорѣ, узнавъ, что въ его отсутствіе назначали ему преемниками: то Моро и Карно, то Лафайетта и Бернадотта, то родныхъ его братьевъ, онъ только критиковалъ правительство безъ будущности, которое онъ далъ Франціи. Если враждебное расположеніе чувствовали къ нему дѣйствительно тѣ, которые спѣшили видѣть катастрофу, потому что желали ее, то большинство уступило лишь страху, весьма живо ощущаемому, и духу самосохраненія. Большая часть этихъ тайныхъ собраній состояла изъ его сторонниковъ, хлопотавшихъ прежде всего о томъ, чтобъ удержать свое положеніе, и въ числѣ наиболѣе дальновидныхъ замѣчались члены инспекторской коммисіи, сильно содѣйствовавшіе успѣху 18 брюмэра. Наконецъ, ни одинъ изъ тѣхъ, имена которыхъ выдвигались впередъ общественною тревогою, и не думалъ пользоваться неожиданною кандидатурою: Моро сражался въ сердцѣ Германіи; Лафайеттъ, недавно возвратившійся во Францію и исполненный признательности къ своему освободителю, жилъ спокойно въ Лагранжѣ и говорилъ о Первомъ Консулѣ неиначе какъ съ восторгомъ; Бернадоттъ, удаленный въ западные департаменты, исполнялъ, со времени замиренія Вандеи, роль чисто административную. Что касается Карно, то онъ весь добросовѣстно предавался занятіямъ по военному министер-

ству. Скомпрометированный въ глазахъ партіи, создавшей фруктидоръ, заподозрѣнный партіею, производившею брюмэръ, онъ былъ нулемъ въ разсчетахъ, которые породило имя его у людей, желавшихъ республики безъ диктатуры. Но Бонапарте ни тѣмъ, ни другимъ не простилъ надеждъ, которыхъ они были невольнымъ предметомъ, и Карно вскорѣ поплатился за это утратою должности военнаго министра. Наполеону не хотѣлось, чтобъ кто нибудь замѣстилъ хоть мысленно пробѣлъ, оставленный имъ нарочно въ Конституціи VIII г.; ему было желательно, чтобъ за нимъ никто не видѣлъ ничего кромѣ хаоса, чтобъ снова быть приняту въ качествѣ спасителя въ тотъ день, когда онъ замѣститъ пробѣлъ наслѣдственностью.

Эти предварительныя соображенія — произвольный продуктъ общественнаго страха, ободряемыя подъ рукою министромъ полиціи Фуше, который готовъ былъ воспользоваться ими во всякомъ случаѣ, т. е., принявъ ихъ въ случаѣ ихъ осуществленія, и донеся на нихъ въ случаѣ ихъ неудачи, повидимому, торжествовали нѣкоторое время, какъ вдругъ коммерческіе курьеры привезли въ Парижъ новость о пораженіи Бонапарте подъ Маренго. Дѣло Франціи до такой степени уже потеряло въ присоединеніи къ фортунѣ одного человѣка, что впечатлѣніе нисколько не было національнымъ трауромъ. Въ томъ, что было несчастьемъ для самой страны, видѣли только пораженіе партіи, и каждый только радовался или огорчался сообразно со своими интересами или симпатіями, какъ во времена Революціи. Даже начинало измѣняться понятіе о патріотизмѣ, съ тѣхъ поръ какъ Бонапарте безпрерывно отождествлялъ собственную особу съ дѣломъ и съ образомъ отечества. Мечтанія эти продолжались не долѣе одного вечера и разсѣялись вмѣстѣ съ сумракомъ ночи. На утро истина открылась вполнѣ: всѣмъ стало извѣстно, что въ одинъ и тотъ же день происходили двѣ битвы, изъ которыхъ вторая вознаградила слишкомъ и ошибки и не-

удачи первой. Черезъ нѣсколько дней возвратился самъ тріумфаторъ упрочить побѣду, которую, какъ ему было извѣстно, онъ также счастливо одержалъ въ Парижѣ, какъ и при Маренго. Онъ прибылъ неожиданно, и объявилъ, что не желалъ никакихъ церемоній, никакихъ тріумфальныхъ арокъ, обнаруживая къ этимъ демонстраціямъ отвращеніе и презрѣніе, происходившія, можетъ быть, отъ того, что эти изъявленія почести были еще недостаточно блестящи, ибо тогдашнее его расположеніе было слишкомъ непродолжительно, чтобъ считать его искреннимъ. Впрочемъ, онъ не выказывалъ подобнаго устраненія отъ почестей, которыя доказывали и вмѣстѣ укрѣпляли его могущество.

Общественныя власти приняли его съ такою лестью, низость которой достаточно свидѣтельствовала, что Франція не безнаказанно находилась полгода подъ абсолютною властью. Друзья его, также какъ противники, льстивымъ своимъ униженіемъ хотѣли повидимому выкупить преступленіе преждевременнаго предвидѣнія, или такъ рано погибшей надежды. Одинъ лишь Трибунатъ старался нѣсколько ограничить эти непомѣрныя чествованія, присоединивъ къ похвалѣ Перваго Консула похвалу Дезэ, который такъ много способствовалъ въ обезпеченіи ему побѣды. Онъ осмѣлился напомнить о тріумфахъ Рейнской арміи въ одно время съ тріумфами Итальянской. Трибунатъ очевидно съ намѣреніемъ придалъ большой блескъ надгробному слову Дезэ, произнесенному Дону и многими другими ораторами. Дону воспользовался обстоятельствомъ, чтобъ выразить радость, относительно гарантій, доставленныхъ свободѣ побѣдою при Маренго; ибо, сказалъ онъ,—правительство съ этихъ поръ достаточно укрѣпилось, чтобъ не страшиться ее. Благочестивому этому вѣрованію не суждено было сохраниться въ немъ надолго. Бенжаменъ Констанъ выразилъ ту же надежду, собственно въ отношеніи къ свободѣ печати; онъ одобрялъ освобожденіе итальянскихъ патріотовъ. Черезъ нѣсколько дней, во время годовщины

14 іюля, Трибунатъ снова заявилъ свои чувства торжествомъ, которымъ окружилъ надгробную рѣчь Латуръ д'Оверню, человѣку, еще болѣе замѣчательному самоотверженіемъ и гражданскими добродѣтелями, нежели военными доблестями.

На этотъ разъ осмѣлились открыто чествовать славу мира, воздавая почести памяти героя, который былъ его другомъ. Съ Латуръ д'Овернемъ исчезалъ типъ, котораго этому поколѣнію не суждено уже было увидѣть. Ораторы справедливо указывали на скромность, безкорыстіе и простое величіе этого характера; но трудно было, чтобъ за восхваленіе республиканскихъ добродѣтелей не заподозрили ихъ въ униженіи тѣхъ, кто такъ мало старался усвоить эти добродѣтели. Каковы бы ни были ихъ намѣренія въ этомъ отношеніи, все-таки надо пожалѣть этихъ ораторовъ какъ потому, что они должны были искать подобнаго обхода, чтобъ выразить свое осужденіе, такъ и потому, что не могли даже хвалить мертвыхъ, не рискуя оскорбить живыхъ.

Первый Консулъ возвратился съ мыслями слишкомъ далекими отъ желаній, выраженныхъ Трибунатомъ. Уже передъ отъѣздомъ, онъ обнаружилъ кое-что по этому поводу въ разныхъ случаяхъ, и успѣхъ его не могъ уменьшить его претензій. Но общественное мнѣніе было дурно приготовлено къ новымъ требованіямъ, которыя онъ съ тѣхъ поръ формулировалъ мысленно. При видѣ его насыщеннымъ властью и славою, верховнымъ властелиномъ великой страны, кто могъ бы подозрѣвать, что эти милости фортуны лишь возбуждали его честолюбіе. Сами враги считали его успокоившимся, удовлетвореннымъ диктатурою, предпочитавшимъ существенныя преимущества власти наружнымъ формамъ, которыя освящаютъ ее въ глазахъ толпы. Въ этомъ случаѣ они предполагали въ немъ душу болѣе возвышенную, нежели она была на самомъ дѣлѣ. Простыя и народныя формы консульскаго правленія не могли уже быть для него достаточны, онъ хотѣлъ замѣнить не только наслѣдственнымъ вы-

боромъ, но и пышною обстановкою монархизма строгую простоту правительства, еще республиканскаго по наружности. Публика никоимъ образомъ не подозрѣвала еще подобной задней мысли; необходимо было постепенно заставлять ее догадываться, чтобъ она шагъ за шагомъ подходила къ цѣли, и подготовлять нечувствительно умы, чтобъ общество само предложило ему то, чего онъ желалъ такъ пламенно.

Характеръ обстановки Перваго Консула значительно уже приблизился къ придворному. Вскорѣ у него появились статсъ-дамы, церемоніймейстеръ, этикетъ и возобновленный костюмъ прежняго правительства. Адъютантовъ замѣнили камергеры подъ именемъ дворцовыхъ префектовъ. Для лѣтняго пребыванія ему необходима была старинная королевская резиденція на площади Мальмэзонъ. Когда ему предложили Сенъ-Клудскій дворецъ, онъ отказался, но для того чтобъ вскорѣ поселиться въ немъ: онъ хотѣлъ только доказать, что занялъ дворецъ по собственному желанію. Возвратившіеся эмигранты, будучи счастливы при видѣ возстановленія дорогихъ для нихъ обычаевъ, наполняли его пріемныя и переднюю, предвидя уже день, когда придется перемѣнить только названіе для возстановленія прежней монархіи. Имъ оставалось лишь слѣдовать собственнымъ наклонностямъ, чтобъ льстить наклонностямъ властелина, который думалъ пріучить ихъ видѣть въ немъ натуральнаго продолжателя королей, царствующихъ Божіею милостью. Онъ не подозрѣвалъ, что церемоніалъ этотъ нравился имъ лишь потому, что они мысленно видѣли на его мѣстѣ своего законнаго государя. Онъ никогда не понималъ какъ эти заимствованныя пышность и величіе, необходимыя для короля, царствующаго по праву рожденія, умаляютъ человѣка, который возвысился собственными заслугами, и который можетъ быть великъ самъ собою. Онъ не любилъ наружныхъ знаковъ почтенія и преданности, составляющихъ кодексъ царедворца, и которыя такъ рѣдко вводятъ королей въ заблужденіе. Прежніе придворные нравились ему собственно

тѣмъ, что владѣли въ совершенствѣ искусствомъ лицемѣрія и раболѣпія. „Только этотъ классъ людей умѣетъ служить“, говаривалъ онъ. По возвращеніи изъ Италіи онъ пристрастился къ нимъ, и вскорѣ началъ вычеркивать изъ эмигрантскаго списка такое количество лицъ, что пріобрѣтатели національныхъ имуществъ встревожились, и приходилось успокоивать ихъ неоднократными объясненіями. По крайней мѣрѣ въ этомъ случаѣ честолюбіе Перваго Консула внушило ему политику, которой только можно похвалить великодушіе. Такимъ образомъ изъ этого роковаго списка вычеркнуты были многія семейства, но въ особенности онъ дѣятельно вычеркивалъ духовенство, въ которомъ уже видѣлъ своихъ будущихъ чиновниковъ. Онъ хотѣлъ удержать лишь *тѣхъ, которые носили оружіе*, и даже если эмигранты послѣдней категоріи носили вмѣстѣ и знатныя имена, онъ былъ къ нимъ предупредителенъ въ надеждѣ расположить ихъ въ свою пользу. Въ порывѣ подобнаго движенія онъ вознегодовалъ однажды на то, что Ришльё принужденъ былъ жить вдали отъ родины, и велѣлъ Фуше написать ему, что онъ найдетъ во Франціи пріемъ, должный его знатному имени. Но герцогъ Ришльё не понялъ подразумѣваемаго условія этой благосклонности и вскорѣ съ грустью убѣдился, что свобода, возвращенная ему столь великодушно, не простиралась далѣе права апплодировать невиннымъ намекамъ *Эдуарда въ Шотландіи*.

Ласки его къ духовенству не имѣли другаго повода; онъ хотѣлъ во что бы то ни стало пріобрѣсти въ попахъ помощниковъ, и это желаніе, при пылкости всѣхъ его страстей, увлекало его часто къ ошибкамъ и преувеличеніямъ, превосходящимъ мѣру глупости человѣческой. Такъ какъ вандейскій префектъ долженъ былъ прислать уполномоченныхъ отъ своего департамента, то Бонапарте писалъ ему: „Если есть попы, присылайте мнѣ ихъ по преимуществу, ибо я уважаю и люблю поповъ, которые умѣютъ быть добрыми французами и умѣютъ

защищать отечество отъ этихъ вѣчныхъ враговъ Франціи, *этихъ проклятыхъ еретиковъ англичанъ*" (26 іюля 1800 г.). Намѣреніе здѣсь слишкомъ очевидно, и подобныя грубыя ласкательства были достаточны, чтобъ болѣе проницательные умы разгадали человѣка, который около того же времени воскликнулъ при полномъ собраніи Государственнаго Совѣта: „Съ моими префектами, жандармами и попами я сдѣлаю что захочу." Впрочемъ онъ и не скрывалъ болѣе своихъ видовъ относительно духовенства, и открыто заявлялъ о будущемъ соглашеніи Франціи съ Римомъ. Дѣйствительно онъ вступилъ въ переговоры о Конкордатѣ, но, ведя эту интересную сдѣлку, надѣялся обмануть всѣхъ касательно своей цѣли. Друзьямъ католичества онъ представлялъ ее какъ возвратъ къ религіознымъ идеямъ, какъ возстановленіе истинныхъ принциповъ; друзьямъ свободы онъ показывалъ въ ней окончательную побѣду философскаго разума, подчиненіе церкви государству: „Это—прививаніе религіи, говорилъ онъ Кабанису; черезъ пятьдесятъ лѣтъ его не будетъ болѣе во Франціи." А Лафайетту: „Я поставлю поповъ еще ниже того какъ вы оставили; епископъ будетъ считать за честь обѣдать у префектовъ... А развѣ этого мало, говорилъ онъ еще: — заставить папу и духовенство высказаться противъ законности Бурбоновъ!" На это другъ Уашингтона отвѣчалъ со своею насмѣшливою тонкостью: „Э, генералъ, признайтесь, цѣль тутъ одна, чтобъ вамъ пролили пузырекъ на голову" [67]).

Можетъ быть, Лафайеттъ и не воображалъ, что высказывалъ такую истину. Какъ бы то ни было, съ освященіемъ или безъ освященія, но мысль о захватѣ власти была въ основаніи какъ всѣхъ дѣйствій, такъ и всѣхъ помышленій Бонапарте. Безъ сомнѣнія, было бы ошибочно приписывать ему въ эту эпоху планъ, обдуманный въ подробностяхъ; средства и путь зависѣли отъ обстоятельствъ; но цѣль была рѣшена,

---

[67]) Намекъ на помазаніе на царство. *Прим. перев.*

и онъ шелъ къ ней быстрыми шагами. Онъ при всякомъ случаѣ старался воскресить монархiю въ нравахъ и идеяхъ, какъ возобновилъ ее въ большей части учрежденiй. Если приходилось праздновать годовщину основанiя республики, онъ примѣшивалъ торжество въ честь Тюренни,—любимаго героя монархiи великаго вѣка. Онъ велѣлъ республиканскимъ министрамъ произнесть похвалу генералу Людовика XIV, чтобъ отвратить умы отъ спартанскаго и римскаго типа, освященнаго революцiоннымъ энтузiазмомъ, и утвердить новыя добродѣтели. Зная влiянiе фразеологiи на французское воображенiе, онъ сперва измѣнилъ слова, чтобъ вѣрнѣе достигнуть потомъ измѣненiя вещей. Столь частыя прежде слова—отечество и свобода, мало по малу исчезали изъ офицiальныхъ манифестовъ, уступая словамъ—вѣрность, слава и честь. Честь—это пружина монархiй, сказалъ Монтескье—опредѣленiе весьма вѣрное, если понимать честь, не съ точки зрѣнiя моралистовъ, т. е. какъ нѣжное и щекотливое чувство, охраняющее характеръ и прямодушiе, но какъ извѣстное желанiе выказываться и отличаться, что согласуется со многими слабостями и суетностями.

Вотъ съ какой точки зрѣнiя монархiи понимаютъ и ободряютъ чувство чести, и поэтому также имъ пользуются. Бонапарте повиновался подобному же инстинкту, стараясь возродить это чувство въ такой формѣ, конечно въ наименѣе возвышенной, какая только приличествуетъ этому благородному принципу. Онъ не пренебрегъ поводомъ могущественнымъ и столь же удобнымъ для заблужденiя и эксплуатацiи. Слово это появлялось почти въ каждой строчкѣ его прокламацiй. Собственно для точнаго опредѣленiя смысла, какой онъ придавалъ ему, и чтобъ сдѣлать болѣе прямой и настойчивый призывъ къ соревнованiю, онъ каждый день развивалъ свое учрежденiе *почетнаго оружiя*, — первый эскизъ почетнаго легiона, распространеннаго имъ вскорѣ на всѣ ряды заслугъ, но который сначала назначался только наградою за-

слугъ военныхъ. Указомъ отъ 15 августа онъ объявилъ, что будутъ раздаваться не только почетныя сабли, но такія же ружья, мушкетоны, трубы и даже *почетныя барабанныя палки.* Имена получившихъ подобныя награды долженствовали быть записаны на мраморной доскѣ въ храмѣ Марса.

Такимъ образомъ честь съ тѣхъ поръ имѣла состоять прежде всего въ исправной службѣ. Первый Консулъ не былъ болѣе только источникомъ повышенія, онъ сдѣлался единственрымъ раздавателемъ наградъ, главою реноме, великимъ раздавателемъ славы — огромная власть у націи столь неизлѣчимо суетной, что даже страсть ея къ равенству чаще всего служила лишь формою и обходомъ суетности. И всѣ эти великіе двигатели, вдохнувшіе столько геройскихъ подвиговъ-патріотизмъ, любовь къ свободѣ, вѣра въ революцію — мало по малу поглощались единственною заботою, желаніемъ привлечь взоры человѣка, владѣвшаго страннымъ преимуществомъ назначать каждому его долю почета и уваженія. Бонапарте показалъ, что странное это для республиканскаго сановника преимущество онъ не хотѣлъ ограничивать лишь правомъ назначенія нѣкоторыхъ наградъ или почтить заслуги, принесенныя правительству; онъ хотѣлъ воспользоваться имъ во всей полнотѣ и присвоилъ себѣ власть—карать позоромъ. Онъ публично объявилъ безчестье генералу Латуръ Фоассаку, который могъ быть правъ и неправъ относительно сдачи Мантуи, но который во всякомъ случаѣ подлежалъ суду трибуналовъ, а не произволу восточнаго деспота [68]).

Цѣль всѣхъ этихъ дѣйствій и стремленій не заключала въ себѣ ничего двусмысленнаго даже для иностранцевъ; это было возстановленіе королевства. Бонапарте трудился столь очевидно для возобновленія монархіи и такъ заботливо соединялъ для этой цѣли всѣ прежніе или новые элементы, что графъ Прованскій, который не отличался впрочемъ искрен-

---

[68]) Бонапарте къ Карно, 24 іюля 1800 г. *Прим. автора.*

ностью, имѣлъ наивность вѣрить, что это дѣлалось въ пользу Бурбоновъ, и написалъ къ нему два весьма извѣстныхъ письма, въ которыхъ требовалъ возвращенія престола. Онъ не замедлилъ узнать — каковы были намѣренія бывшаго королевскаго пенсіонера Бріенской школы.

Около этого времени появилась безъименная брошюра, имѣвшая цѣлью возбудить и подстрекнуть общественное мнѣніе, весьма медленно ободрявшее намѣренія, которыхъ хотѣли сдѣлать его соучастникомъ. Она обратила на себя вниманіе тѣмъ болѣе, что съ 18 брюмэра не существовало политической прессы. Значитъ, она не могла явиться безъ особаго снисхожденія, равнявшагося признанію правительствомъ. Вскорѣ дѣйствительно узнали, что послѣднее не только распространяло, но и диктовало ее. Она вышла изъ министерства внутреннихъ дѣлъ и была написана Фонтаномъ по возбужденію Люціана, который издалъ ее, показавъ предварительно Первому Консулу. Она была разослана всѣмъ чиновникамъ [69]). Это была параллель между *Цезаремъ*, *Кромвелемъ* и *Бонапарте*, какъ историческое общее мѣсто, имѣвшая весьма посредственную цѣну, важность которой единственно заключалась въ видахъ, указываемыхъ ею на будущее. Едва прошло нѣсколько мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ Бонапарте торжественно отвергъ это сопоставленіе въ знаменитомъ засѣданіи Совѣта Старшинъ въ Сенъ-Клу, какъ клевету, измышленную вѣроломствомъ его враговъ; онъ призывалъ небо въ свидѣтели чистоты своихъ намѣреній и обрекалъ себя на мщеніе патріотовъ и проклятія потомства, еслибъ онъ когда нибудь оправдалъ оскорбительное сравненіе: „Меня осыпаютъ клеветою, воскликнулъ онъ:—за мои столь чистыя и безкорыстныя намѣренія! *Говорятъ о Цезарѣ, о Кромвелѣ и смѣютъ приписывать мнѣ проэктъ военнаго правительства!*“ Теперь же, когда онъ могъ наконецъ снять маску, онъ гордился на-

[69]) Записки Редерера. *Прим. автора.*

мѣреніемъ, которое отвергалъ какъ оскорбленіе. Онъ не ограничился тѣмъ, что равнялся съ этими двумя образцами, а превзошелъ ихъ, придавъ своему дѣлу прочность, какой они не умѣли придать ихъ дѣлу. Это неизбѣжное добавленіе, котораго они не въ состояніи были осуществить и которое онъ долженствовалъ обезпечить французскими учрежденіями — была *наслѣдственность*. Вся мысль этого фактума въ нѣсколько страницъ заключалась въ одномъ этомъ словѣ, и оно было единственное, которое тамъ читали. Развитіе принадлежностей представлялось не менѣе характеристичнымъ. Сравненіе съ Кромвелемъ, могло, по мнѣнію Фонтана, удовлетворить только поверхностные умы. Въ сущности Кромвель былъ лишь *злодѣй* достойный, самое большее, „служить образцомъ свирѣпому Робеспьеру и подлому герцогу Орлеанскому." Тоже говорили и о Монкѣ; но „можно ли полагать, чтобъ маршальскій жезлъ или коннетабльская шпага были достаточны для человѣка, *передъ которымъ безмолвствовала вселенная*." Для Бонапарте существовали только двѣ личности для сравненія — Александръ и Цезарь, да и то послѣдній часто бывалъ *вождемъ демагоговъ*. „Счастлива была бы республика прибавлялъ онъ:—еслибъ Бонапарте былъ безсмертенъ!.. но *гдѣ его наслѣдники?*... гдѣ наслѣдникъ Перикловъ?... Французы! Каждую минуту вы можете очутиться во власти Собраній, подъ ярмомъ С.... или Бурбоновъ..... Вы спите надъ пропастью, и сонъ вашъ спокоенъ, безумцы!"

Такое неожиданное и прямое заявленіе возбудило глубокое отчаяніе. Добрая публика вѣрила еще въ героя скромности и простоты, котораго такъ прославляла официальная лесть послѣ возвращенія изъ Маренго. Не могли не удивляться и не раздражаться, при видѣ этой неутолимой жадности у человѣка, утопавшаго въ почестяхъ и власти.

Неужели это онъ, который менѣе года назадъ требовалъ только *трехмѣсячной диктатуры для спасенія Республики?* Теперь ему самая власть Цезаря казалась ничѣмъ, если не

увѣнчать ее наслѣдственностью! Что же надобно позже, чѣмъ удовлетворить подобное честолюбіе? Ройялисты, которымъ очень хотѣлось пособить ему въ возстановленіи монархіи, но, съ условіемъ, чтобъ мѣсто государя оставалось вакантнымъ, волновались на своихъ сходкахъ. Республиканцы болѣе свободно выражали свой гнѣвъ и негодованіе; если имъ осмѣливались говорить о Цезарѣ, то почему же они не могли осмѣлиться говорить о Брутѣ. Но все ограничивалось еще словами, и заговоръ Черокки, Арены и Топино Лебрёна, современный фактуму Фонтана (конецъ октября), былъ въ родѣ школьнаго заговора, проэктъ трагедіи, созданной игривымъ воображеніемъ: несмотря на всѣ подстрекательства собственной полиціи Перваго Консула, онъ не доходилъ даже до начала исполненія.

Даже умѣренные, вопреки своему обычаю все одобрять, считали эту публикацію неловкою, преждевременною. Префекты, не бывшіе посвященными въ тайну, доносили о ней какъ о возмутительной. Такъ какъ эффектъ не былъ достигнутъ, то пришли къ рѣшенію отпереться отъ брошюры. Бонапарте сильно напустился на Фуше и осыпалъ его упреками по поводу злополучной брошюры. Фуше, знавшій участіе Перваго Консула въ изданіи Фонтана, и который, какъ увѣряютъ, видѣлъ рукопись, исправленную его рукою, принялъ роль въ этой высокой комедіи; онъ выдержалъ бурю съ необыкновеннымъ хладнокровіемъ и ограничился тѣмъ, что отвѣтственность за событіе взвалилъ на Люціана. „Этотъ болванъ, воскликнулъ Бонапарте: — не знаетъ что выдумать, чтобъ компрометировать меня!“ Вотъ и все. Такъ какъ онъ не могъ обвинить роднаго брата, а необходимо было, чтобъ кто нибудь остался виноватымъ, то Люціанъ и принесенъ былъ въ жертву и оставилъ министерство внутреннихъ дѣлъ для посланническаго поста въ Испаніи. „Люціанъ утверждаетъ, писалъ Рёдереръ въ своемъ журналѣ: — что увезъ съ собою оригиналъ памфлета съ четырьмя поправками руки Перваго

Консула: *и я этому върю.*" Свидѣтельство это подтверждено Станиславомъ Жирарденомъ и всѣми современными мемуарами. Передъ отъѣздомъ въ Мадридъ, Люціанъ имѣлъ весьма жаркое объясненіе съ братомъ. Таково было предисловіе этого сбившагося съ дороги честолюбца къ странной оппозиціонной роли, которой онъ обязанъ былъ впослѣдствіи популярностью, что доказываетъ только, какъ необходимо общественному мнѣнію видѣть переводъ своихъ неудовольствій и какъ оно затруднялось въ выборѣ своихъ героевъ. Никто относительно пресы не былъ безжалостнѣе Люціана, во время краткаго его министерства, и никто съ бо́льшимъ цинизмомъ не пользовался выгодами, предоставленными положеніемъ для увеличенія собственнаго состоянія.

Одна изъ наиболѣе любопытныхъ чертъ брошюры Фонтана, заключается въ странномъ сокращеніи относительно „ярма С..." Эта заглавная буква обозначала *Сье*, но во второмъ изданіи ее объяснили словомъ *солдатъ*. Съ тѣхъ поръ какъ Первый Консулъ задумалъ устроить наслѣдственность, онъ не терялъ ни одного случая высказаться противъ солдатчины. Это сдѣлалось одною изъ его любимыхъ темъ. Замѣчательная вещь, что Бонапарте, который возвысился посредствомъ милитаризма, постоянно спѣшилъ опровергнуть происхожденіе, которое было недостаточно для созданія продолжительнаго учрежденія. И хотя не отъ него зависѣло измѣнить свои инстинкты, и хотя онъ всѣмъ былъ обязанъ милитаризму, однако онъ при каждомъ случаѣ не переставалъ повторять, что правленіе его было чисто гражданское и долженствовало остаться такимъ навсегда. Такъ какъ онъ боялся серьезныхъ соперниковъ только въ арміи, напр. Моро, Карно, Бернадотта, и какъ никто не пріобрѣлъ на гражданскомъ поприщѣ достаточно славы, чтобъ набросить на него тѣнь, онъ часто говаривалъ: „Какое большое несчастье было бы для Франціи, еслибъ ей назначили, когда бы то ни было, военнаго преемника." Это критика духа, котораго онъ былъ

созданіемъ и осуществленіемъ, могли бы въ другихъ устахъ обмануть кого нибудь; но въ ней замѣчалась только неблагодарность къ орудію, которое онъ не считалъ болѣе нужнымъ, и желаніе его придать своей власти болѣе широкое основаніе и менѣе пожизненный характеръ. Какъ бы то ни было, но цвѣтъ арміи, интересовавшійся еще общественнымъ дѣломъ, живо почувствовалъ оскорбленіе: Моро, находившійся тогда проѣздомъ въ Парижѣ, не побоялся пожаловаться на это Первому Консулу отъ имени своихъ товарищей не съ цѣлью, какъ говорили, погубить автора брошюры, но потому что онъ зналъ, что она была внушена самимъ главою правительства, и представленія его по этому случаю не остались чужды отсылкѣ Люціана.

Несмотря на дурной эффектъ, произведенный брошюрою Фонтана, опытъ этотъ зондированія настроенія публики не прошелъ безъ послѣдствій: съ тѣхъ поръ данъ былъ намекъ этому снисходительному и усердному большинству, главнѣйшее занятіе котораго заключается въ предугадываніи желаній господина для того, чтобы предупредить ихъ. Были увѣрены, что при повтореніи попытки найдется для ея поддержки многочисленная партія. Но для того, чтобъ дѣло достигло благополучнаго исхода, чтобъ всѣ эти сѣмена, столь тщательно приготовленныя, могли рости и развиваться, необходимо было привести сперва Францію въ цвѣтущее состояніе, которое оправдывало бы столь высокую награду, необходимо было, чтобъ она находилась въ мирѣ съ Европою. Вотъ причина непривычнаго рвенія, съ какимъ Первый Консулъ, со времени возвращенія своего изъ Маренго, старался придти окончательно къ соглашенію съ Австріею и великими державами Европы.

Австрія къ заключенію мира была расположена гораздо менѣе, чѣмъ воображали. Дѣйствительно, военное положеніе ея нисколько не было отчаянно, потому что Маренго заставило ее только перемѣстить армію на линію Адидже, кото-

рую она такъ долго защищала противъ насъ. Тогда только обнаружились послѣдствія ошибки, сдѣланной Бонапарте, который упорствовалъ перенести главнѣйшія усилія кампаніи въ Италію, вмѣсто того чтобъ направить ихъ въ Германію. Хотя Вѣнскій дворъ и огорчило пораженіе подъ Маренго, но такъ мало его разстроило, что на другой же день по полученіи этого извѣстія, т. е. 20-го іюня, онъ заключилъ вспомогательный договоръ съ Англіею, которымъ обязывался не заключать сепаратнаго мира съ Франціею до февраля 1801 года. Трактатъ этотъ не могъ бы никогда быть даже предложенъ, еслибъ французская армія одержала побѣду въ сердцѣ Германіи. Впрочемъ, вскорѣ Гогенлинденъ придалъ неотразимую очевидность этой демонстраціи.

Австрійскій дворъ, будучи такимъ образомъ связанъ съ Англіею и зная твердую рѣшимость Лондонскаго кабинета не вступать въ переговоры по поводу огромной важности, приписываемой послѣднимъ очищенію Египта, — хлопоталъ единственно о томъ, чтобъ выиграть время. Заботу эту ему облегчило наше желаніе заключить миръ. Въ Парижъ прибылъ генералъ графъ Сенъ-Жюльенъ съ письмомъ императора, въ отвѣтъ на письмо Перваго Консула. Бонапарте утверждаетъ въ своихъ Запискахъ, что императоръ писалъ ему въ этомъ письмѣ: „*Вы повѣрьте всему, что графъ Сенъ-Жюльенъ передастъ вамъ отъ меня, а я утвержу все, что онъ сдѣлаетъ.*“ Здѣсь нужно видѣть лишь одно изъ многочисленныхъ изобрѣтеній романа ложнаго величія, столь долго обманывавшаго исторію. Не только это письмо не заключало въ себѣ ничего подобнаго, но не придавало даже графу Сенъ-Жюльену никакого офиціальнаго характера. Оно уполномочивало его только узнать основанія, какія Франція предлагала для заключенія мира, давая замѣтить, какъ важно было знать, чего держаться въ этомъ отношеніи, *прежде нежели придти къ публичнымъ и торжественнымъ переговорамъ, способнымъ возбудить въ столькихъ народахъ надежды, мо-*

жетъ быть, и не сбыточныя. Ни въ этомъ письмѣ, ни въ послѣдовавшемъ вскорѣ за нимъ письмѣ Тугута, не имѣлось ни одного слова, которое могло бы оправдывать истолкованіе, какое старались придать ему послѣ событія [70]).

Итакъ, порученіе Сенъ-Жюльена было чисто проволочкою, но онъ самъ, будучи незнакомъ съ дипломатическими обычаями и какъ человѣкъ столько же мягкій, сколько, повидимому, и довѣрчивый, онъ поддался Талейрану и составилъ и подписалъ предварительныя статьи. Изъ этого произошла двойная мистификація: одна для императора, посылавшаго въ Парижъ довѣреннаго безъ всякихъ уполномочій, и который былъ между тѣмъ скомпрометированъ, не выигравъ достаточно времени; другая—для Перваго Консула, который въ надеждѣ, что не посмѣютъ пойдти назадъ, и обманутый собственною жадностью, поторопился воспользоваться, если и недѣйствительною, то, по крайней мѣрѣ, отлично сыгранною неопытностью, чтобъ связать Вѣнскій дворъ.

Условія Сенъ-Жюльена были торжественно не признаны въ Вѣнѣ, но непризнаніе это не повело къ непосредственному началу непріятельскихъ дѣйствій. Въ ожиданіи пока переговоры съ Австріею начнутся довѣреннымъ, болѣе уполномоченнымъ, Французскій кабинетъ былъ утѣшенъ за свою неудачу разными дипломатическими успѣхами, изъ которыхъ одни приносили Франціи честь, а другіе были мало достойны политики великой страны, несмотря на искусство, выказанное Первымъ Консуломъ. Соединенные Штаты, давно уже находившіеся въ открытой почти войнѣ съ Франціею, потому что отступились отъ нейтралитета, съ цѣлью избавить свою торговлю отъ притѣсненій Англіи, раскаялись въ этомъ, въ виду насилій, производимыхъ англійскимъ флотомъ противъ

[70]) Текстъ его помѣщенъ въ *Исторіи сношеній, касающихся люневильскаго договора,* Дю Касса. *Прим. автора.*

нейтральныхъ флаговъ. Дипломатія наша воспользовалась этимъ добрымъ движеніемъ, и Морфонтэнскій трактатъ запечатлѣлъ соглашеніе двухъ народовъ [71])

Основанія морскаго нейтралитета, какъ они были формулированы, въ особенности послѣ 1780 г. служили собственно гарантіею слабому противъ сильнаго. Въ силу ихъ, нейтральныя суда могли перевозить товары, даже непріятельскіе, за исключеніемъ военной контрабанды; право осмотра распространялось только на суда, неимѣвшія конвоя; блокада же предолженствовала быть дѣйствительною, для того, чтобъ пресѣкать въ портахъ злоупотребленія. Основанія эти были признаны большинствомъ европейскихъ державъ и даже Россіею; что касается Франціи, то она нѣсколько разъ сражалась за нихъ, что они какъ бы составляли дѣло, главнѣйшимъ образомъ, французское. Одна Англія, увлеченная страстью и логикою войны, упорствовала непризнавать ихъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что подобное право лишало бы ее всякаго средства дѣйствовать противъ непріятеля. Подъ вліяніемъ этого увлеченія, она совершала такія злоупотребленія противъ торговли нейтральныхъ, что вооружила противъ себя большую часть морскихъ государствъ континента. Бонапарте не преминулъ воспользоваться подобнымъ неудовольствіемъ. Онъ поспѣшно схватился за этотъ случай стать адвокатомъ слабаго противъ могущественнаго. Чтобъ здѣсь была съ его стороны дань уваженія къ принципамъ, безъ сомнѣнія, предположить невозможно, если припомнить несравненно болѣе вопіющія злоупотребленія континентальной блокады и другія недобросовѣстныя предпріятія; но въ этомъ

---

[71]) Морфонтенъ, деревня въ департаментѣ Оазы, съ великолѣпнымъ замкомъ, построеннымъ въ концѣ XVIII столѣтія. Послѣ революціи замокъ этотъ принадлежалъ Люціану Бонапарте, а потомъ герцогу Бурбону Конде. Здѣсь 30 сентября 1800 г. заключенъ былъ договоръ между Франціею и Соединенными Штатами. *Прим. перев.*

обстоятельствѣ необходимо признать, что онъ служилъ въ въ интересахъ политики правосудія. Если поведеніе правительства справедливо, великодушно и умѣренно, то слишкомъ было бы уже взыскательнымъ докапываться до поводовъ, имъ руководящихъ, чтобы въ силу ихъ порицать его. Бонапарте явился здѣсь защитникомъ общественнаго европейскаго права и достойно представлялъ Францію. Онъ мгновенно увидѣлъ выгоду, какую могъ извлечь противъ Англіи изъ массы столькихъ соединенныхъ обидъ и, неудовольствовавшись тѣмъ, что Морфонтэнскимъ договоромъ освятилъ торжественно принципы, которые она оспаривала, занялся возстановленіемъ противъ нее старинной лиги нейтральныхъ.

Во главѣ этой морской конфедераціи, въ которую Данія, Швеція, Испанія и даже Пруссія горѣли желаніемъ вступить съ цѣлью отомстить за оскорбленіе правъ осмотра, онъ задумалъ поставить императора Павла I, который былъ недоволенъ какъ на Англію, такъ и на Францію. Но эта отдаленная еще цѣль была ничто въ сравненіи съ болѣе серьезною и настоятельною цѣлью, къ которой стремился Первый Консулъ со времени своего консульства, а именно—интимный союзъ съ Россіею. Въ этихъ видахъ онъ заискивалъ разными способами у Русскаго императора, и ему удалось возстановить прямыя сношенія Франціи съ Россіею, которыя до тѣхъ поръ происходили чрезъ посредство Пруссіи; но отношенія императора Павла I отнюдь не имѣли того восторженнаго и сантиментальнаго характера, какой приписывается имъ въ Мемуарахъ Наполеона. Первымъ же дѣломъ императора, послѣ столькихъ искательствъ со стороны Перваго Консула, было послать въ Парижъ ноту графа Ростопчина, написанную въ такомъ начальническомъ тонѣ, что едва понятно, какимъ образомъ Бонапарте могъ стерпѣть ее, не смотря на пламенное желаніе снискать расположеніе императора, или, по крайней мѣрѣ, какъ онъ не отступилъ передъ требованіями, которыя предсказывала она въ будущемъ.

Съ нимъ обращались почти какъ съ начальникомъ какой нибудь отдаленной области Русской имперіи. Обстоятельство это было искажено въ Запискахъ Наполеона съ невѣроятнымъ почти цинизмомъ: „Павелъ, говоритъ онъ: — послалъ къ Первому Консулу курьера съ письмомъ, въ которомъ написано: *„Гражданинъ—Первый Консулъ! Я пишу къ вамъ не съ цѣлью спорить о правахъ человѣка или гражданина; каждая страна управляется по своему. Вездѣ, гдѣ я вижу во главѣ правительства человѣка, который умѣетъ управлять и сражаться, сердце мое стремится къ нему*". Рѣдко кто насмѣхался въ такой степени надъ историческою вѣрностью и надъ легковѣріемъ читателей. Безполезно прибавлять, что нота графа Растопчина, которую не сопровождало никакое письмо, не имѣетъ ничего общаго съ этимъ льстивымъ сочиненіемъ. Она въ высшей степени суха и повелительна.

Графъ въ этомъ родѣ указа (отъ 26 сентября 1800 г.) сообщалъ Консульскому правительству не то что желаніе, но волю императора „и условія, *безъ которыхъ не могло быть возстановлено доброе согласіе*". Условія эти заключали въ себѣ слѣдующее: возстановленіе Мальты, возстановленіе Сардинскаго короля, гарантія неприкосновенности владѣній — королей: Неаполитанскаго, Баварскаго и Вюртембергскаго. Первый Консулъ не задумался обѣщать все, что отъ него требовали, но, конечно, съ запасною мыслью уклониться отъ исполненія своего обѣщанія, по крайней мѣрѣ, относительно Пьемонта. Онъ хотѣлъ на первыхъ порахъ удовлетворить, во что бы то ни стало, своего повелительнаго союзника, но это сердечное согласіе, о которомъ онъ столько надѣлалъ шуму, въ сущности основывалось лишь на лжи; и чѣмъ больше оказывалъ онъ въ то время уступчивости, тѣмъ больше долженствовало быть раздраженіе императора въ моментъ, когда послѣдній убѣдился бы въ обманѣ. Значитъ этотъ столь выхваляемый дипломатическій маневръ, былъ

въ дѣйствительности весьма рискованъ и, можетъ статься лишь временною уловкою. Взамѣнъ минутнаго успѣха онъ приготовилъ намъ серьезныя опасности въ будущемъ. Союзъ не могъ быть продолжительнымъ, безъ того, чтобъ Франція 1789 г. не отреклась отъ самой себя. Онъ былъ основанъ не на общности симпатій, не на тождественности принциповъ или интересовъ, но на нечаянности, на эфемерномъ капризѣ. Онъ былъ неестественъ и приносилъ достоинство Франціи въ жертву личнымъ выгодамъ Перваго Консула.

2 ноября 1800 г., онъ писалъ къ императору Павлу I самое льстивое письмо, съ цѣлью ускорить осуществленіе „союза двухъ могущественнѣйшихъ народовъ въ мірѣ". По словамъ его, надежда эта основывалась на „величіи и благородствѣ его характера"; а чрезъ нѣсколько дней онъ писалъ къ Фуше приказъ немедленно захватить всѣ экземпляры брошюры подъ заглавіемъ: „*Нѣтъ прочнаго и продолжительнаго мира, безъ возстановленія Польши*" соч. *польскаго гражданина Карла Моллера.* Такимъ образомъ французское правительство на первыхъ же порахъ этого союза было доведено до роли исполнителя распоряженій русской полиціи противъ польскихъ изгнанниковъ.

У Перваго Консула, между государями Европы, былъ еще одинъ доброжелатель болѣе искренній и въ особенности болѣе безобидный, именно Испанскій король Карлъ IV, взрослый ребенокъ, управляемый самовластно принцемъ Ла-Пэ, отъявленнымъ любовникомъ его супруги, и который былъ тогда далекъ даже отъ подозрѣнія, чего должна была стоить ему эта пріязнь. Его расположеніемъ рѣшились воспользоваться для одержанія второй дипломатической побѣды. Подкупивъ любимца богатыми подарками, Бонапарте постарался выхлопотать у Карла IV возвращеніе Луизьяны, старинной французской колоніи, уступленной Испаніи Людовикомъ XV. Цѣль, сама по себѣ, похвальная и законная; первою обязанностью правительства, заботящагося о величіи

Франціи, было—возвратить ей колоніи, необходимыя для процвѣтанія ея торговли; но средства, употребленныя для этого, были менѣе почтенны. Средства эти заключались въ предложеніи Тосканы съ титломъ короля герцогу Пармскому, женатому на испанской инфантинѣ. Первый Консулъ не имѣлъ еще никакого права на страну, которою торговалъ такъ безцеремонно, не имѣлъ даже права завоеванія. Что касается до королевскаго титла, столь странно созданнаго при этомъ случаѣ, такъ называемымъ первымъ сановникомъ республики, то Бонапарте оставилъ себѣ способъ выйдти изъ двусмысленности, посредствомъ одной изъ двуличныхъ комедій, въ которыхъ онъ всегда могъ надѣяться на успѣхъ, ибо имѣлъ дѣло съ людьми, которые только и желали быть обманутыми. Испанскій король, восхищенный счастьемъ, котораго не предвидѣлъ всѣхъ послѣдствій, обязался влiять всѣми силами на Португалію, чтобъ она заперла всѣ свои порты для англичанъ.

Переговоры съ Австріею не были однако же прерваны, не смотря на раздраженіе Перваго Консула по поводу непризнанія посольства Сенъ-Жюльена; но Вѣнскій дворъ, будучи принужденъ стать открыто, настаивалъ теперь на томъ, чтобъ условія мира были обсуждены на Конгрессѣ, на который долженствовала быть приглашена и Англія. Обязательства, въ дѣйствительности, не допускали другаго поведенія. Первый Консулъ, зная уже о существованіи вспомогательнаго договора, рѣшился на это, не смотря на свое нежеланіе, но съ страннымъ и новымъ условіемъ, чтобъ Англія согласилась на *морское* перемиріе. Вопреки всего, что предложеніе это заключало въ себѣ неупотребительнаго, Англійскій кабинетъ принялъ бы его, еслибъ подъ нимъ не скрывалось одно подразумѣваемое обстоятельство, очень хорошо извѣстное обѣимъ сторонамъ и безъ объяснительныхъ преній. Между Англіею и нами существовало нѣчто другое чѣмъ непріязнь, порожденная войною, что-то другое чѣмъ ежеднев-

ныя оскорбленія бюллетеней или *Монитера*, а именно Египетъ. Ко всѣмъ бѣдствіямъ, порожденнымъ этою роковою экспедиціею, присоединилась еще невозможность мира. Было немыслимо соглашеніе между Англіею и нами, пока эта гроза висѣла надъ ея головою, и со времени событій, столь ясно обнаружившихъ ослабленіе нашихъ силъ въ Египтѣ, она менѣе нежели когда нибудь была расположена допустить насъ тамъ утвердиться. Полагаемъ, что пора бросить взглядъ на эти событія.

Занятіе Египта оставалось любимою мечтою Бонапарте; она была собственнымъ его созданіемъ; изъ всѣхъ его предпріятій онъ наиболѣе вложилъ въ нее души и на ней основывалъ тѣ исполинскія фантазіи, которыя составляли вмѣстѣ и безотлагательную необходимость его природы, и неизлѣчимые недостатки его генія. Чѣмъ болѣе время и сила вещей доказывала ему несостоятельность этого несбыточнаго предпріятія, тѣмъ съ большимъ упорствомъ онъ держался за него. Первымъ его дѣломъ, по овладѣніи властью, было—посылать обѣщанія за обѣщаніями сотоварищамъ по оружію, имъ покинутымъ; но онъ не только не былъ въ состояніи осуществить подобныя обѣщанія, но къ нимъ не достигли даже самыя его письма. Единственныя свѣдѣнія, полученныя Клеберомъ изъ Европы, въ теченіе пяти мѣсяцевъ, послѣдовавшихъ за бѣгствомъ главнокомандующаго, относились къ испытаннымъ нами неудачамъ въ Италіи, Германіи и Голландіи до Цюрихской битвы. Надежду на помощь армія основывала на соединенныхъ въ Тулонѣ флотахъ французскомъ и испанскомъ, но вскорѣ узнала, что флоты эти прошли проливъ и вступили въ Брестъ. Отступленіе это ясно говорило о безсиліи нашего флота. Это безсиліе было таково, что, не смотря на все, что Наполеонъ писалъ впослѣдствіи о томъ, что флотъ нашъ могъ или долженъ былъ дѣлать, еслибъ Гантомъ зналъ или хотѣлъ дѣйствовать,—экспедиція, снаряженная съ большими издержками и въ глубокой тайнѣ

подъ высшимъ наблюденіемъ Саличетти и имѣвшая цѣлью захватить островъ Сардинію, находившійся, такъ сказать, у насъ подъ рукою,—неудалась въ первое время Консульства. Мы были тогда не въ состояніи подать помощь, которая, чтобъ стать дѣйствительною, долженствовала быть постоянною, у отдаленныхъ береговъ, съ которыми прервать сообщеніе нашихъ судовъ англичане имѣли столько интереса. Наконецъ, событія здѣсь гораздо краснорѣчивѣе жалкихъ ухищреній, съ помощью которыхъ главный виновникъ неудачъ этой экспедиціи старался уклониться отъ отвѣтственности за свои ошибки, взваливъ ихъ на лица, старавшіяся ихъ исправить. Въ продолженіе двухъ лѣтъ со времени отъѣзда Бонапарте изъ Египта до окончательной капитуляціи, онъ былъ самовластнымъ повелителемъ Франціи, имѣлъ въ рукахъ всѣ наши средства—и чѣмъ же ограничилась помощь, которую онъ могъ послать Египетской арміи, послѣ многократныхъ попытокъ? — Смѣшнымъ подкрѣпленіемъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ! Вотъ результатъ, противъ котораго онъ не могъ оправдаться, обвиняя Гантома, какъ нѣкогда обвинялъ Брюйе, ибо еслибы адмиралъ дѣйствительно обладалъ всѣми недостатками, которые онъ ему приписывалъ, впрочемъ несправедливо, — то ему стоило только замѣстить его.

Здравый разсудокъ Клебера давно уже предвидѣлъ и рѣшилъ эту развязку. Со времени истребленія нашего флота при Абукирѣ, онъ уже не вѣрилъ въ возможность сохраненія Египта. Всѣ событія, совершившіяся съ тѣхъ поръ — Каирское возмущеніе — это громкое свидѣтельство свирѣпой ненависти населенія и несовмѣстимости двухъ цивилизацій, неудача Сирійской экспедиціи, подвергавшая насъ частымъ нападеніямъ турокъ, возраставшая важность, которую Англія приписывала уничтоженію нашихъ заведеній, крайняя и очень хорошо извѣстная непопулярность экспедиціи, сдѣлавшейся во Франціи темою обвиненія противъ Директоріи, потому

что общественное мнѣніе продолжало приписывать ее послѣдней; наконецъ, постоянное истощеніе нашихъ силъ, которыхъ ничто не могло возстановить, въ то время какъ силы непріятельскія шли въ обратной пропорціи,—всѣ эти факты болѣе и болѣе утверждали Клебера въ его мнѣніи. Здѣсь не было ни унынія, ни слабости, а только предвидѣніе высокаго ума. Негодованіе, возникшее въ арміи, вслѣдствіе бѣгства Наполеона, патріотическое безпокойство, возбужденное въ арміи извѣстіями о побѣдѣ коалиціи, новое появленіе чумы, похищавшей уже у насъ значительное число жертвъ, отвращеніе солдатъ къ этой странѣ изгнанія, отвращеніе, выразившееся въ частыхъ самоубійствахъ и частыхъ возмущеніяхъ въ Розеттѣ, Александріи, Эль-Аришѣ, сформированіе новой турецкой арміи, доходившей уже до 60,000 человѣкъ, собранныхъ въ окрестностяхъ Яффы, но болѣе этого всего, желаніе поспѣшить на помощь къ угрожаемой республикѣ и сохранить для Франціи, находившейся въ опасности, остатки арміи, нѣкогда столь блестящей, — подвинуло Клебера возобновить переговоры, начатые самимъ Бонапарте съ великимъ визиремъ по поводу очищенія Египта.

Таково было весьма основательное рѣшеніе, стоившее столько незаслуженныхъ упрековъ этому чистому благородному человѣку. Находятъ естественнымъ и законнымъ, что Бонапарте, увлеченный честолюбіемъ, оставивъ своихъ сотоварищей по оружію, бѣжалъ отъ предпріятія, котораго онъ былъ единственнымъ виновникомъ, и обвиняютъ Клебера за то, что онъ уступилъ вліянію самаго безкорыстнаго патріотизма, послѣ пятимѣсячной неизвѣстности и испытаній разнаго рода; ему ставятъ въ вину, что онъ сдѣлалъ уступку, не покинувъ въ свою очередь товарищей, что онъ могъ разсчитывать сдѣлать по праву, но усиливаясь устранить ихъ отъ участи, ихъ ожидавшей. Правда, Бонапарте предписалъ ему, не приступать къ переговорамъ иначе, какъ потерявъ 1,500 человѣкъ отъ чумы; но онъ также обѣщалъ

помощь, которая однакожъ не явилась. И притомъ, по какому праву онъ предписывалъ законъ, котораго никогда самъ не уважалъ? Клеберъ былъ отвѣтственъ уже не передъ Бонапарте, но передъ Франціею.

Письмо, въ которомъ Клеберъ объясняетъ причины, которыя заставили его рѣшиться, было отъ 10 пливіоза (30 января 1800 г.), и адресовано еще въ Директорію. Онъ исчислялъ свою армію въ 15,000 чел. *способныхъ къ бою;* цифра эта, которая была далека, какъ видно, отъ обозначенія безусловнаго количества, ибо не заключала въ себѣ ни чиновниковъ, ни больныхъ, ни моряковъ, ни опѣшенныхъ солдатъ, ни, наконецъ, множества людей, занятыхъ колонизаціею, служило между тѣмъ основаніемъ для ядовитыхъ жалобъ Наполеона. На этой двусмысленности и на нѣсколькихъ бездоказательныхъ фактахъ, Бонапарте построилъ свои обвиненія, которыя отчасти самъ опровергаетъ въ своей Корреспонденціи [72]), и которыя рабски заимствованы иными историками. По мнѣнію этихъ остроумныхъ повѣствователей, а равно и по мнѣнію самого Наполеона, лгалъ не только Клеберъ, но и вся армія, переписка которой была захвачена вмѣстѣ съ перепискою генерала и заключала тѣже свѣдѣнія,—сговорилась лгать вмѣстѣ съ нимъ. Будто бы онъ самъ поселялъ робость между солдатами, возбуждалъ мятежи, поощрялъ самоубійства. Еслибъ неизвѣстно было господство рутины и предубѣжденія надъ умами наиболѣе свободными отъ предразсудковъ, то можно бы вознегодовать на серьезныхъ историковъ, которые свидѣтельству этой великой и благородной личности предпочли—увѣреніямъ человѣка [73]), ненаписавшаго

[72]) См. примѣчаніе т. I стр. 344.

[73]) Иностранцы были справедливѣе. Робертъ Уильсонъ, писавшій, такъ сказать, подъ диктовку англійской Египетской арміи, отдалъ блестящую дань уваженія благородству и возвышенности характера Клебера: History of the expedition to Egypt 1803. *Прим. автора.*

ни одной строчки, въ которой нельзя было бы уличить его въ зломъ умыслѣ. Они сгарали нетерпѣніемъ приписать ему всю славу того времени, словно послѣ его смерти, какъ и при жизни величіе его не заключалось лишь въ униженіи всего: это значитъ — забывать, что современники такимъ только образомъ возвышали идола, подъ тяжестью котораго стенали такъ долго. Но для исторіи нѣтъ идоловъ.

Если допустить, что какая нибудь неточность въ подробностяхъ вкралась въ донесеніе Клебера, то невозможно оспаривать ни его общихъ данныхъ, ни заключенія. Немедленное очищеніе было наилучшимъ средствомъ, какое могли извлечь изъ этой ошибки, которая слишкомъ долго продолжалась и могла принести лишь болѣе и болѣе горькіе плоды. Истина эта не оставляла ни въ комъ сомнѣнія въ арміи, за исключеніемъ троихъ генераловъ: Дезэ, Мену и Даву. Только мнѣніе Даву имѣло большой вѣсъ, да и то исключительно съ военной точки зрѣнія. Весь преданный Бонапарте, воспламененный имъ до того, что готовъ былъ для него на какой угодно поступокъ, Дезэ былъ отличный генералъ, но человѣкъ ума посредственнаго. Онъ имѣлъ очень мало или, лучше сказать, совсѣмъ не имѣлъ политическаго мнѣнія и замыкался лишь въ свою спеціальность, и смотрѣлъ на нее, независимо вліяній, которыя противодѣйствуютъ ей, возвышаютъ, облагораживаютъ ее. Онъ смотрѣлъ на свою профессію, отдѣляя ее отъ гражданскихъ обязанностей, съ которыми она связана, вслѣдствіе новаго направленія въ арміи. Не обладая высокимъ честолюбіемъ, онъ никогда ни у кого не оспаривалъ перваго мѣста. Однимъ словомъ, это былъ типъ, правда, самый возвышенный человѣка, всецѣло отдавшагося ремеслу, и это то и цѣнилъ въ немъ Бонапарте, ибо онъ отлично опредѣлилъ Дезэ, выразившись, что онъ сдѣлалъ бы его первымъ маршаломъ. Итакъ Дезэ видѣлъ еще возможность сопротивленія въ Египтѣ, но, уступая въ прони-

цательности Клеберу, онъ не могъ видѣть ни безполезности этого сопротивленія, ни его неизбѣжнаго конца.

Бонапарте, который такъ строго осуждалъ благородство Клебера, разсердился, получивъ донесеніе объ очищеніи, и отвѣчалъ ему самыми пышными любезностями. Онъ поручалъ ему поздравить отъ его имени армію съ ея безсмертными заслугами. „Что же касается васъ, говорилъ онъ: — то вы такъ отлично оправдали выборъ Перваго Консула, когда, уѣзжая изъ Египта, онъ ввѣрилъ вамъ начальство надъ арміею, что вамъ нельзя сомнѣваться въ удовольствіи, какое ощущаетъ онъ отъ вашего возвращенія и отъ того какъ вы себя вели дли поддержанія французской чести“ [74]). Но чрезъ нѣсколько времени онъ писалъ консуламъ: „*Я считаю безчестнымъ оставленіе Египта*“ [75]). А къ Талейрану онъ писалъ: „Велите напечатать въ *Монитерѣ*, что еслибъ я остался въ Египтѣ, эта превосходная колонія принадлежала бы еще намъ, что у великаго визиря было *не болѣе 30,000 человѣкъ*, что Брестская эскадра съ 6,000 челов. могла бы *мѣсяцемъ раньше, мѣсяцемъ позже доставить помощь въ Египетъ, и проч.*

У великаго визиря было не 30,000, но 80,000 человѣкъ, Брестская эскадра не подала никакой помощи ни мѣсяцемъ раньше, ни мѣсяцемъ позже; однако очищенія не послѣдовало. Извѣстно какимъ образомъ нарушенъ былъ Эль-Аришскій договоръ. Спѣша предохранить свою страну отъ усилій и пролитія крови, безъ чего нельзя было покончить съ нашею Египетскою арміею, сэръ Сидней Смитъ, въ надеждѣ получить согласіе своего правительства, принялъ при этихъ переговорахъ званіе полномочнаго министра его Британскаго величества, званіе, принадлежавшее ему дѣйствительно, но которое само собою уничтожилось со времени посылки лорда

[74]) Къ Клеберу 29 апрѣля 1800. *Прим. автора.*
[75]) Къ Консуламъ 15 мая 1800. *Прим. автора.*

Эльгина въ Константинополь. Но чрезъ нѣсколько дней послѣ подписанія договора, предоставлявшаго нашимъ войскамъ свободный выходъ для возвращенія во Францію, и прежде чѣмъ существованіе этой конвенціи стало извѣстно въ Лондонѣ, адмиралъ Кейтъ получилъ формальное приказаніе изъ адмиралтейства не соглашаться ни на какую капитуляцію, развѣ армія наша сдастся военноплѣнною. Значитъ, здѣсь не было никакой ловушки со стороны англійскаго правительства, ибо оно поспѣшило одобрить конвенцію, какъ только узнало о дѣйствіяхъ Сиднея Смита. Сэръ Сидней Смитъ пришелъ въ отчаяніе, ибо, повидимому, все было противъ него: онъ поспѣшилъ предупредить Клебера. Послѣдній вскорѣ получилъ отъ адмирала Кейта письмо съ предъявленіемъ тяжелыхъ условій, присланныхъ ему Англійскимъ кабинетомъ. „Завтра адмиралъ узнаетъ мой отвѣтъ", сказалъ онъ посланному.

На другой день онъ велѣлъ помѣстить въ приказѣ письмо Кейта и слѣдующую лаконическую прокламацію, самую простую и лучше которой генералъ не писалъ войскамъ: „Солдаты! На подобныя оскорбленія—отвѣчаютъ только побѣдами. Готовьтесь къ бою." Армія, въ исполненіе договора, уже очистила Верхній Египетъ и важнѣйшіе посты, но этого еще нельзя назвать большимъ несчастьемъ, ибо въ тогдашнихъ обстоятельствахъ она могла побѣдить не иначе какъ при полномъ сосредоточеніи всѣхъ своихъ силъ. Не смотря однако же на это сосредоточеніе и на ограниченное число фортовъ, еще ею занимаемыхъ, она, по свидѣтельству самихъ историковъ, наиболѣе обвинявшихъ Клебера и свѣрявшихъ его цифры, не могла въ этой крайней опасности выставить болѣе какъ десять или двѣнадцать тысячъ человѣкъ [76])

---

[76]) Тьеръ говоритъ: *Десять тысячъ солдатъ*, что не мѣшаетъ ему однакожъ утверждать въ то же время, что арміи было тогда двадцать восемь тысячъ, изъ которыхъ *годныхъ къ бою двадцать двѣ тысячи по крайней мѣрѣ. (Исторія Консульства: Геліополисъ)*. Гдѣ же находились двѣнадцать тысячъ! *Прим. автора.*

противъ осьмидесяти-тысячной турецкой арміи. Встрѣча произошла не далеко отъ развалинъ Геліополиса. Вдохновленная героемъ и подъ его предводительствомъ, наша армія смела какъ пыль полчища варваровъ въ этой удивительнѣйшей битвѣ, какую когда либо видѣли тѣ страны (20 марта 1800). Клеберъ, говорятъ не могъ лучше опровергнуть собственныхъ увѣреній. Это значитъ забывать, что побѣда при Геліополисѣ, предшествуемая предварительнымъ очищеніемъ всѣхъ провинцій, дозволившимъ сосредоточить всѣ наши силы на одномъ пунктѣ, и одержанная въ моментъ, когда наша армія дошла до крайней степени возбужденія, была родъ чуда, и что не должно разсчитывать на чудо, въ особенности на такое, которое будучи совершено сегодня и должно быть вновь начато завтра. Клеберъ никогда не сомнѣвался, что армія могла одержать одно, два, три сраженія, но онъ хотѣлъ избѣгнуть безполезной траты и героизма и кровопролитія, которыя только замедляли бы губительный срокъ.

Послѣ Геліополиса онъ долженъ былъ предпринять вторичное завоеваніе Египта. Оно представляло счастливую противоположность съ первымъ, по кротости и гуманности, оказаннымъ относительно побѣжденныхъ. Человѣкъ, бывшій самымъ лютымъ врагомъ нашимъ со времени нашего нашествія, Мурадъ-бей, будучи увлеченъ великодушіемъ Клебера, явился въ лагерь къ послѣднему, поклялся ему въ вѣрности и дѣятельно помогалъ въ новомъ взятіи Каира. Клеберъ не хотѣлъ, чтобъ какая нибудь казнь сопровождала торжественный входъ нашихъ войскъ въ эту столицу: онъ ограничился наложеніемъ контрибуціи на жителей, заранѣе испуганныхъ возмездіемъ, котораго ожидали по ужаснымъ воспоминаніямъ, оставленнымъ въ ихъ городѣ генераломъ Бонапарте. Онъ преобразовалъ колонію, далъ новый толчокъ занятіямъ института, сформировалъ и обучилъ по-европейски батальоны грековъ, коптовъ и даже негровъ изъ Дарфура. Не мечтая о степени успѣха, отъ котораго у всякаго другаго закружилась

бы голова, онъ воспользовался своею побѣдою, чтобъ начать новые пероговоры съ Портою, съ цѣлью получить, если можно, болѣе выгодныя условія. И вдругъ, одинъ фанатикъ, увлекаемый религіозною ненавистью, которая создавала новую пропасть между нами и Египтомъ, положилъ конецъ этому благородному существованію. Если суждено было Клеберу умереть такъ рано, то слѣдовало ему положить жизнь за дѣло менѣе несправедливое и не столь безплодное. О немъ часто говорили: „что онъ не хотѣлъ ни служить, ни начальствовать.“ Фраза эта съ военной точки зрѣнія будетъ *нонсенсъ*, ибо онъ съ избыткомъ доказалъ, что умѣлъ исполнять и то и другое съ одинаковымъ превосходствомъ; на нее надобно смотрѣть съ точки зрѣнія политической, и тогда она будетъ достойною его—данью уваженія.

Клеберъ былъ послѣднимъ изъ гордаго поколѣнія генераловъ, котораго Гошъ остался славнѣйшимъ осуществленіемъ и къ которому самъ Моро принадлежалъ только на половину. Въ этихъ сынахъ революціи было нѣчто большее военнаго. Усвоивъ всѣ идеи своего времени, они усвоили и всѣ великія ихъ стремленія; они не считали себя чужимъ ни какому вопросу, занимавшему или волновавшему ихъ отечество. Явясь среди безпримѣрнаго волненія, они видѣли какъ родину ихъ разрывали партіи. Но они знали ее только свободную и склонялись только передъ закономъ. Никогда они не продавали своего достоинства и гражданской независимости за маршальскій жезлъ и не склонялись смиренно предъ своимъ равнымъ, сдѣлавшимся ихъ властелиномъ. Точно также трудно предположить ихъ слугами, довольными этимъ золоченымъ ярмомъ, какъ и представить себѣ Мирабо, Дантона и Вернье въ собраніи безгласныхъ. Во всемъ, что остается отъ нихъ, мы видимъ болѣе возвышенную душу, и болѣе сильное племя, превосходящее во сто разъ эту массу спеціальныхъ людей Имперіи, у которыхъ внѣ сраженія не было ни мыслей, ни сердца. Они не служили одному съ ними

дѣлу, не искали однѣхъ съ ними почестей, потому что жили и умерли бѣдняками; но такъ какъ революціи суждено было впасть въ руки военныхъ, то крайне прискорбно, что тѣ, которые были въ одно время и великими гражданами и великими полководцами, не призваны вліять болѣе могущественно на судьбы ея.

Естественнымъ послѣдствіемъ этихъ событій было то, что Англія гораздо лучше Перваго Консула знала настоящее положеніе наше въ Египтѣ; къ англичанамъ въ руки въ теченіе двухъ лѣтъ попадала большая часть нашихъ транспортовъ, а съ ними и самая истинная переписка какъ солдатъ, такъ и начальниковъ. Смерть Клебера, замѣна его человѣкомъ, главнѣйшія заслуги котораго заключались въ лести, какую онъ постоянно росточалъ предъ Бонапарте, отчаянное положеніе Мальты, готовой сдаться—не такія были обстоятельства, чтобъ обезкуражить Англію, и настойчивость ея вступить въ конгрессъ съ Австріею, происходила единственно изъ желанія дать своей союзницѣ возможность выиграть время. Подчиняя это желаніе принятію морскаго перемирія, Первый Консулъ предлагалъ невозможное, ибо подобное перемиріе могло имѣть одинъ только смыслъ снабженіе припасами Мальты и Египетской арміи. Это значило предложить Англіи, чтобъ она пожертвовала плодами своихъ долгихъ усилій въ моментъ ихъ жатвы, и предрѣшать результатъ конгресса, ибо такимъ образомъ упрочивались заранѣе два наши наиболѣе оспариваемыя владѣнія. Подобное предложеніе очевидно было слишкомъ насмѣшливо, чтобъ быть принятымъ, однако британская дипломатія въ настоятельной необходимости продолжить переговоры, отвѣчала весьма остроумнымъ контръ-предложеніемъ. Положимъ, Мальту и Александрію хотѣли сравнять съ германскими крѣпостями, но эти послѣднія могли получать припасы изо дня въ день и только пропорціонально ихъ нуждамъ на время перемирія. Относительно Мальты и Александріи согласились. Контръ-предложеніе это,

прямо затрогивавшее истинную затруднительность, заставила Перваго Консула разоблачить настоящую цѣль. Представитель его, Отто, выказалъ расположеніе согласиться относительно Мальты, но съ условіемъ, чтобъ шесть фрегатовъ, могшихъ поднять шесть тысячъ человѣкъ, имѣли право войдти въ Александрійскій портъ безъ осмотра, что и положило конецъ переговорамъ. Они продолжались весь сентябрь мѣсяцъ, и, прежде даже чѣмъ окончились, Мальта пала послѣ двухлѣтней обороны, дѣлающей большую честь генералу Вобуа.

Съ Австріею не все еще было прервано, не смотря на непріятность, причиненную опроверженіемъ Сен-Жюльена: и съ той, и съ другой стороны рѣшились возобновить переговоры въ Люневилѣ, и Первый Консулъ изъявилъ согласіе продолжить ихъ на сорокъ пять дней, но съ условіемъ, чтобъ ему отдали крѣпости Ульмъ, Филипсбургъ и Ингольштадтъ.

Условіе это было подписано въ Гогенлинденѣ, деревнѣ, имя которой вскорѣ онъ долженъ былъ обезсмертить своимъ самымъ блестящимъ военнымъ дѣломъ. Паденіе Тугута, случившееся въ то же самое время, и назначеніе Кобенцеля уполномоченнымъ въ Люневилѣ, казались счастливыми предзнаменованіями для заключенія мира. Кобенцель былъ уполномоченнымъ въ Кампо-Форміо; онъ умѣлъ быть пріятнымъ Бонапарте. Францію долженъ былъ представлять въ Люневилѣ Іосифъ Бонапарте, дипломатъ такой посредственный, о которомъ никогда не подумали бы, если бы на Перваго Консула не смотрѣли уже тогда, какъ на родоначальника династіи, члены которой были призваны обладать всѣми преимуществами права рожденія. Кобенцель какъ человѣкъ наиболѣе способный помогать политикѣ Вѣнскаго двора, необходимо медлительной, и пріѣхалъ въ Люневиль только въ концѣ октября; не заставъ уже Іосифа, онъ отправился прямо въ Парижъ. Хотя уполномочія его были очень правильны, однако Талейранъ скоро замѣтилъ, что австрійскій уполномо-

ченный не согласится иначе вступить въ переговоры, пока Англія не будетъ допущена на конгрессъ. Бонапарте, которому Талейранъ сообщилъ объ этой новой неудачѣ, разсердился на Кобенцеля; онъ сдѣлалъ одну изъ сценъ, которыя становились чаще и грубѣе по мѣрѣ того, какъ возрастало его могущество: „Если г. Кобенцель не имѣетъ ничего сказать лучшаго, онъ можетъ уѣзжать назадъ какъ можно скорѣе.“ Однако онъ не воспротивился, чтобъ начались конференціи въ Люневилѣ, куда явились оба уполномоченные. Тогда Кобенцель далъ замѣтить Іосифу, что инструкціи его не налагали на него непремѣннаго условія договариваться лишь совмѣстно съ Англіею, но заявилъ, что необходимо ему снестись со своимъ Дворомъ по этому поводу. Курьеръ его встрѣтилъ большія зитрудненія, пока прибылъ въ Вѣну, и пришлось подождать отвѣта [77]).

Достаточно воспользовавшись этимъ средствомъ для выигрыша времени, Кобенцель пустилъ въ ходъ другое, болѣе основательное: это занятіе французскими войсками Тосканы. Въ силу Александрійской конвенціи, Тоскану должна была занимать императорская армія [78]). Очевидно, это право заключалось въ наборѣ милиціи, ибо мы такимъ образомъ объявляли его для себя относительно Пьемонта и Ломбардіи, впрочемъ эти-то наборы и мнимый проэктъ высадки англичанъ въ Тоскану [79]) послужили предлогомъ этому новому нашествію,

---

[77]) Іосифъ къ Талейрану, 15 ноября 1800. *Прим. автора.*

[78]) Наполеонъ писалъ что *«въ Алессандрійской конвенціи не было вопроса о Тосканѣ»*, третій же параграфъ этой конвенціи былъ составленъ такимъ образомъ: «Армія Е. И. В. займетъ равно Тоскану и Анкону». *Прим. автора.*

[79]) Тьеръ говоритъ объ этомъ проэктѣ въ такомъ тонѣ, какъ бы вѣритъ ему. Наполеонъ, который первый согласился на него какъ правитель, невѣрилъ ему какъ историкъ: «Перемиріе, говоритъ онъ:—непозволило англичанамъ совершить высадку, потому что это сдѣлалось бы причиною разрыва». *Прим. автора.*

не менѣе безчестному какъ и первое. Ливорно ограбили вторично, и англійскія купеческія суда не избѣгли на этотъ разъ ловушки, которой армія наша была орудіемъ. Безполезно почти прибавлять, что ни одинъ изъ поводовъ, на которые ссылались тогда и потомъ, не были ни искренни, ни основательны. Первый Консулъ имѣлъ одинъ только поводъ, въ которомъ никогда не сознавался: онъ овладѣлъ Тосканою для того, что хотѣлъ имѣть ее въ рукахъ въ минуту мира, чтобъ располагать ею въ пользу зятя короля Испанскаго, которому онъ уже велѣлъ предложить ее.

Подобныя продѣлки не были удобны для того, чтобъ усилить довѣріе и облегчить заключенія мира. Кобенцель извлекъ изъ этого пользу при обыкновенной помощи обычнаго дипломатическаго пустословія, и такимъ образомъ дотянули до конца перемирія (28 ноября 1800). Такъ такъ, не смотря на потоки словъ, расточенныхъ съ той и другой стороны, Австрія тѣмъ не менѣе не хотѣла договариваться отдѣльно то и рѣшено было обратиться снова къ оружію, оставивъ переговоры въ Люневилѣ, и Моро получилъ приказаніе начать военныя дѣйствія.

Армія Моро, три мѣсяца находившаяся безъ движенія на Иннѣ, получила подкрѣпленіе, увеличившее ее до ста тысячъ человѣкъ; кромѣ того Первый Консулъ далъ ему для точки опоры Франко-батавскій отрядъ подъ начальствомъ Ожеро, размѣщенный на Майнѣ для удержанія вольныхъ отрядовъ, набранныхъ австрійцами въ Швабіи и Франконіи. Небольшой этотъ корпусъ, числомъ около двадцати тысячъ человѣкъ, будучи помѣщенъ слишкомъ далеко отъ Моро, чтобъ подать ему существенную помощь, гораздо болѣе выигралъ бы, присоединившись къ его арміи, ибо онъ могъ остановить и дѣйствительно остановилъ его движеніе впередъ и мало способствовалъ его безопасности. Въ Италіи, Брюнъ, неожиданно смѣнившій Массену, отрѣшеннаго отъ командованія за административныя ошибки, которыя были ни болѣе, ни менѣе какъ и случавшіяся

послѣ этой странной немилости, имѣлъ въ своемъ распоряженіи армію, почти такую же какъ и Моро. Его равномѣрно прикрывалъ родъ эксцентрическаго арьергарда подъ начальствомъ Мюрата. Брюнъ стоялъ противъ центральной Италіи и Неаполитанскихъ владѣній. Наконецъ пятый корпусъ въ пятьнадцать тысячъ, подъ командою Макдональда, помѣщался въ промежуточномъ положеніи въ кантонѣ Граубинденѣ, откуда онъ могъ спуститься по желанію въ Италію или Германію черезъ одинъ или другой Тироль. Австрійцы имѣли противъ насъ арміи, равныя численностью, если не равныя силою. Противъ Моро стоялъ эрцъ–герцогъ Іоаннъ, великій военный теоретикъ и страстный обожатель генерала Бонапарте, котораго тактикѣ вознамѣрился подражать; у него было 80,000 человѣкъ, поддержанныхъ съ одной стороны двадцатитысячнымъ корпусомъ Кленау, а съ другой Иллеромъ, который расположенъ былъ съ 30,000 въ Тиролѣ. Маршалъ Бельгардъ съ 90,000 человѣкъ занималъ отличныя оборонительныя позиціи на Минчіо.

И на этотъ разъ наша Германская армія находилась въ менѣе благопріятномъ положеніи нежели Итальянская, хоть было болѣе чѣмъ когда нибудь очевидно, что она одна могла нанести рѣшительный ударъ. Но теперь Моро былъ свободенъ въ своихъ движеніяхъ, никакой трактатъ не подчинялъ болѣе дѣйствій его дѣйствіямъ Итальянской арміи, и никто уже не могъ опередить его, благодаря огромному шагу впередъ, который онъ сдѣлалъ въ первую кампанію, такъ какъ Иннъ былъ несравненно ближе Минчіо къ сердцу Австрійской монархіи.

Обѣ арміи двинулись 28 ноября. Время года было холодное и дождливое, но это обстоятельство, на которое Бонапарте въ эпоху Кампо-Формійскаго трактата, ссылался какъ на самую настоятельную причину заключенія мира, въ глазахъ его теперь ни чего не значило, и онъ, отступившій предъ ущельемъ Тарвисъ въ октябрѣ, требовалъ те-

перь, чтобъ Макдональдъ въ декабрѣ перешелъ чрезъ Сплюгенъ. Моро, стоявшій до тѣхъ поръ на плато, которое господствуетъ надъ Мюнхеномъ, по ту сторону Изера, двинулся тремя колоннами на Иннъ, какъ для рекогносцировки весьма трудныхъ приступовъ къ этой рѣкѣ, какъ и для того, чтобы отбросить австрійскіе аванпосты на противоположный берегъ. Вѣрный своей осторожной и надежной системѣ, онъ отрядилъ корпусъ Сентъ-Сюзанъ къ Ингольштадту, для защиты своего тыла противъ Кленау и для поддержки, въ случаѣ надобности, арміи Ожеро. Подобную же роль, хотя и ближе, исполнялъ корпусъ Лекурба на оконечности лѣваго фланга, предохраняя его отъ всякаго нападенія со стороны австрійской арміи, занимавшей Тироль. Такимъ образомъ армія Моро стояла фронтомъ къ Инну на протяженіи пятидесяти миль; правый флангъ, подъ начальствомъ Лекурба, былъ въ Розенгеймѣ, центръ подъ командою Моро въ Вассербургѣ, а лѣвый флангъ съ Гренье въ Мюльдорфѣ.

По всѣмъ вѣроятіямъ, эрцгерцогъ Іоаннъ намѣревался ограничиться защитою переправы чрезъ Иннъ. Находясь за естественною преградою такой важности, онъ былъ почти непреодолимъ. Трудно предположить, чтобы онъ добровольно оставилъ свою позицію для нападенія на такого непріятеля, какъ Моро; вотъ почему послѣдній счелъ возможнымъ растянуть свой фронтъ подобнымъ образомъ. Однако невѣроятность стала истиною. Эрцгерцогъ, увлеченный пыломъ молодости и неслыханными успѣхами смѣлости генерала Бонапарте, составилъ самый рискованный планъ кампаніи, заключавшійся, ни болѣе ни менѣе, какъ въ томъ, чтобъ отрѣзать армію Моро. Для успѣшнаго выполненія этого плана ему недоставало одного, именно силъ, чтобы осуществить его, ибо желая отрѣзать непріятеля, болѣе чѣмъ сильнаго, мы отрѣзываемъ самихъ себя. Эрцгерцогъ рѣшился переправиться чрезъ Иннъ въ Браунау повыше нашихъ пози-

цій, перейдя потомъ чрезъ Изеръ въ Ландсгутѣ и оттуда направиться въ Мюнхенъ на нашу линію отступленія. Онъ могъ достигнуть до конца этого столь прославленнаго плана, не повредивъ безопасности арміи, столь превосходившей его силы, и не добился бы другаго результата, какъ потерялъ бы собственныя сообщенія. Впрочемъ, онъ самъ вскорѣ почувствовалъ слабую его сторону, ибо отказался отъ него на дорогѣ. Встрѣтивъ нашъ правый флангъ, который немного смѣло вышелъ впередъ, въ окрестностяхъ Амфингена, онъ напалъ на него 1 декабря, со всею почти своею арміею. Но корпусъ Гренье, не смотря на то, что былъ застигнутъ непріятелемъ вдвое сильнѣе, будучи во-время подкрѣпленъ одною дивизіею изъ центра, построился вновь и былъ не тронутъ въ Гогенлинденскомъ лѣсу, лежавшемъ у насъ въ тылу. Среди этого лѣса тянется небольшая поляна, на которой стоитъ деревня Гогенлинденъ. Моро давно изучилъ эту позицію и на ней-то велѣлъ остановится Гренье и ожидать эрцгерцога. Онъ присоединилъ къ нему для поддержки сильные резервы съ дивизіею изъ центра, который, оставшись только при дивизіяхъ Декаена и Ришпанса, находился въ Эберсбергѣ недалеко отъ Гогенлиндена. Въ подобномъ центральномъ положеніи Моро былъ властелиномъ всѣхъ дорогъ къ лѣсу; онъ занималъ всѣ шоссе, ведущія въ Мюнхенъ, и австрійцы не могли идти на этотъ городъ, не встрѣтившись съ его фронтомъ.

Главнѣйшимъ изъ этихъ шоссе было то, которое идетъ изъ Мюльдорфа въ Мюнхенъ, пересѣкая лѣсъ сперва чрезъ Маттенпетъ, а потомъ чрезъ Гогенлинденъ. Въ эту-то длинную и темную тѣснину, утромъ 3 декабря во время настоящей мятели, засыпавшей снѣгомъ глаза солдатамъ, ворвался эрцгерцогъ съ большею частью своей арміи, сотнею орудій и всѣмъ обозомъ. Другіе его корпуса должны были идти поперечными дорогами, менѣе удобными, что лишало точности и цѣлостности операціи: на правомъ флангѣ Ришъ

съ 12,000, на лѣвомъ Книмауеръ и Белле-Латуръ, которые должны были идти чрезъ Лендорфъ и Гортофенъ. Прежде еще нежели ясно обозначились эти движенія, Моро отдалъ приказъ дивизіямъ Декаена и Ришпанса, находившимся въ Эберсбергѣ, идти къ вершинѣ лѣса, по мѣрѣ того какъ австрійцы будутъ спускаться, и, достигнувъ Маттенпета чрезъ Сен-Кристофъ, построиться возлѣ Гогенлиндена въ тылу главной колонны эрцгерцога. Простое это движеніе, смѣлое, какъ вдохновеніе генія, было ввѣрено человѣку, достойному понять и исполнить его; оно должно было рѣшить успѣхъ дня.

Въ семь съ половиною часовъ утра голова австрійской колоны появилась предъ Гогенлинденомъ. Моро, вспомоществуемый Гренье, Неемъ и Груши, ограничился тѣмъ, что стойко выдерживалъ натискъ непріятеля, окружившаго его, съ цѣлью дать Ришпансу время совершить движеніе на Маттенпетъ, а австрійцамъ возможность углубиться въ лѣсъ. Онъ отбросилъ уже двѣ послѣдовательныя атаки, какъ замѣтилъ нѣкоторое колебаніе въ непріятельской линіи—явный признакъ присутствія Ришпанса въ тылу у австрійцевъ. Соединивъ немедленно дивизіи Нея и Груши, онъ повелъ ихъ въ тѣснину, куда и бросились онѣ съ неодолимымъ стремленіемъ. Ней опрокидывалъ по дорогѣ австрійцевъ, которые разбѣгались по лѣсу въ ужасномъ безпорядкѣ; онъ быстро шелъ по тѣснинѣ, которой никто у него не оспаривалъ, и, когда очутился на половинѣ разстоянія между Гогенлинденомъ и Маттенпетомъ, его солдаты огласили лѣсъ радостными криками, узнавъ товарищей—дивизію Ришпанса. Солдаты соединились сквозь непріятельскую армію, убѣгавшую на всѣхъ пунктахъ, и начали съ восторгомъ обниматься на этомъ полѣ битвы, столь блистательно одержанной. Слѣдуя изъ Эберсберга на Маттенпетъ, Ришпансъ, выступившій прежде Декаена, встрѣтилъ на половинѣ дорогѣ корпусъ Риша, но, понимая необходимость исполнить, во что бы то ни стало.

порученное ему движеніе, онъ продолжалъ идти впередъ, оставивъ одну только бригаду противъ Риша, конечно, бывъ увѣренъ, что ее выручитъ Декаенъ, шедшій за нимъ слѣдомъ. Достигнувъ Маттенпета, онъ встрѣтилъ новыя непріятельскія войска и, жертвуя всѣмъ главной цѣли, оставилъ еще полу-бригаду, находившуюся въ его распоряженіи. И такъ съ нѣсколькими лишь батальонами онъ могъ вступить въ тѣснину, куда углубились австрійскія колонны, но онъ бросился такъ стремительно, что страшное смятеніе немедленно распространилось въ непріятельскихъ рядахъ, изумленныхъ столь неожиданнымъ нападеніемъ. Въ этотъ-то моментъ Моро замѣтилъ атаку съ тыла, и Ней кинулся навстрѣчу Ришпансу. При видѣ одновременнаго нападенія съ фронта и съ тыла, австрійцами овладѣла страшная паника: оставивъ орудія и тяжести, они бросились направо и налѣво по лѣсу, гдѣ солдаты наши брали ихъ въ плѣнъ тысячами.

Въ три часа утра вся эта страшная колонна, образовавшая центръ и рычагъ австрійской арміи, была уничтожена. Въ это время правый флангъ ея, состоявшій изъ корпусовъ Латура и Кинмайера, не зная еще о пораженіи, медленно тянулся чрезъ Буркрэнъ на поле битвы. Его встрѣтили двѣ дивизіи Гренье, съ нетерпѣніемъ ожидавшія вступить въ сраженіе. Дивизіи эти подъ командою Леграна и Бастуля бодро выдержали натискъ непріятеля, потомъ, будучи подкрѣплены, перешли въ свою очередь въ наступленіе и опрокинули австрійцевъ, овладѣвъ частью ихъ артиллеріи. На правомъ нашемъ флангѣ вполнѣ осуществились предположенія Ришпанса: бригада, оставленная имъ противъ Реша, была выручена Декаеномъ, и этотъ генералъ отбросилъ австрійцевъ къ Инну. Мы остались побѣдителями на всѣхъ пунктахъ. Двадцать тысячъ убитыми и плѣнными, девяносто орудій и огромный обозъ — вотъ были слѣдствія этой громоносной битвы, блистательнѣйшей изъ всѣхъ битвъ въ мірѣ, и въ которой мы

сражались имѣя лишь около шестидесяти тысячъ человѣкъ, противъ семидесяти тысячной арміи. Соображенія Моро были исполнены простоты и величія; онъ все предвидѣлъ, заранѣе приготовился ко всевозможнымъ нечаянностямъ: его спокойствіе, тактъ и твердость въ дѣлѣ—обнаружили въ немъ военный огонь, возраставшій ежедневно. Ней выказалъ удивительное рвеніе; Ришпансъ отличался необыкновеннымъ пыломъ и смѣтливостью въ исполненіи порученнаго ему маневра; однимъ словомъ, и начальники и солдаты явились на высотѣ одного изъ величайшихъ дней нашей военной исторіи; но важнѣе всѣхъ этихъ результатовъ и геройскихъ подвиговъ былъ благородный огонь, свѣтившійся въ этотъ день во взорахъ нашей старой Рейнской арміи. Эти патріотическія изліянія, братскія объятія на полѣ битвы, эта скромность главнокомандующаго, который забывалъ самъ себя, чтобъ раздѣлить славу съ товарищами, это празднованіе побѣды во имя мира и свободы — принадлежало уже правамъ другой эпохи, которыя потомъ не встрѣчаются въ нашихъ арміяхъ. Гогенлинденская побѣда была послѣднею изъ нашихъ республиканскихъ побѣдъ.

Наполеонъ написалъ такой разборъ этой битвы, которому трудно даже пріискать названіе. Если слово зависть, которое современники не поколебались бы произнести при этомъ случаѣ, должно быть взято назадъ подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ имѣлъ право не завидовать никому, то нельзя по крайней мѣрѣ отрицать, что критика его была диктована самою тонкою и мелочною ненавистью. Человѣкъ, котораго Европа такъ долго назначала ему соперникомъ и котораго двойная кампанія 1800 г. ставитъ на ряду съ знаменитѣйшими полководцами, — третированъ имъ какъ послѣдній школьникъ; побѣда его называется чистѣйшимъ дѣйствіемъ случаевъ, а соображенія ставятъ ниже соображеній эрцгерцога Іоанна. Онъ сдѣлалъ ошибку, оставивъ позади корпусъ Сентъ-Сюзанъ, наблюдавшій Кленау, сдѣлалъ ошибку, оста-

вивъ на правомъ флангѣ корпусъ Лекурба, наблюдавшій выходы изъ Тироля, въ которомъ находилась тридцати или или сорокатысячная армія; но самая важная его ошибка заключалась въ томъ, что онъ одержалъ побѣду съ такимъ блескомъ, чего противникъ не можетъ простить ему. Что же говорится о маневрѣ, приказанномъ Ришпансу? *Этого не было,* и впрочемъ, *это было противно всѣмъ правиламъ.* Ришпансъ долженъ былъ недопустить австрійцевъ въ лѣсъ, а ни въ какомъ случаѣ не заходить имъ въ тылъ; его *отчаяніе* и *неосторожность* сдѣлали остальное. Какимъ же образомъ скромный и добросовѣстный Моро рѣшился бы солгать предъ лицомъ всей арміи, приписывая себѣ въ рапортѣ военному министру (отъ 3 декабря) приказаніе отданное Ришпансу и Декаену „выйдти чрезъ Сенъ-Кристофъ на Маттенпетъ и напасть съ тылу на австрійцевъ.“ Онъ, всегда съ такою готовностью выставлявшій заслуги товарищей по оружію, укралъ бы долю славы у Ришпанса, который никогда и не думалъ жаловаться на это! Обвиненіе идетъ, безъ сомнѣнія, отъ геніальнаго человѣка, но оно принадлежитъ чрезвычайно мелкой душѣ, и здѣсь Моро съ высоты своего презрительнаго молчанія превосходитъ цѣлою головою того, чья ненависть хотѣла уничтожить даже воспоминаніе о его великихъ подвигахъ. Впрочемъ приказъ существуетъ; даже лица, которыя только повторяютъ, распространяя урокъ писателя Св. Елены, принуждены согласиться съ этимъ. Приказъ, писанный Ришпансу, предписывалъ ему выступить изъ Эберсберга въ Маттенпеттъ чрезъ Сенъ-Кристофъ и *напасть на непріятеля при его появленіи у Гогенлиндена* [80]). *Говорятъ, что эта инструкція была не довольно точна и весьма мало подробна.* Какъ будто бы приказъ о переходѣ въ двѣ мили нуждался въ большихъ подробностяхъ, словно приказъ не состоялъ въ томъ, чтобъ означить направленіе и цѣль

---

[80]) Меморіалъ военнаго депо, т. IV. *Пр. авт.*

движенія, словно, наконецъ, болѣе подробное обозначеніе — именно не повредило бы успѣху маневра, стѣснивъ движеніе Ришпанса слишкомъ узкими приказаніями, заставивъ его принести въ жертву подробностямъ главное и опоздать къ Маттенпету. Этимъ дѣтскимъ разглагольствованіямъ копиистовъ — предпочитаютъ ядовитыя нападенія самого властелина, въ чувствахъ котораго по крайней мѣрѣ невозможно ошибаться. Напрасно будутъ говорить, что критика эта написана подъ вліяніемъ дальнѣйшихъ неудовольствій Бонапарте съ Моро; но Савари, человѣкъ, свидѣтельство котораго, относительно Бонапарте, не можетъ быть заподозрѣно, говоритъ, что съ самаго Маренго, онъ сильно осуждалъ всѣ дѣйствія Моро и взводилъ на него весьма странное обвиненіе, что Моро *помѣшалъ заключенію мира.* Бонапарте возненавидѣлъ Моро съ тѣхъ поръ, какъ увидѣлъ въ немъ противника своему плану кампаніи, и какъ замѣтилъ въ немъ неодобреніе по поводу мѣръ, послѣдовавшихъ за 18 брюмэра. Но онъ считалъ еще нужнымъ скрывать свои чувства, и когда объявлялъ о Гогенлинденской побѣдѣ Законодательному Корпусу, онъ употребилъ выраженія, весьма отличныя отъ тѣхъ, какія употреблялъ въ частныхъ своихъ запискахъ. „Побѣда эта прогремѣла по всей Европѣ, говоритъ онъ. Исторія пополнитъ ею рядь самыхъ блестящихъ дней, прославившихъ французскую доблесть“ (2 января 1800). А къ Моро писалъ по поводу этого же самаго дѣла, которое казалось ему столь нелѣпымъ: „не могу передать вамъ всего удовольствія, доставленнаго мнѣ вашими умными и прекрасными маневрами; вы снова превзошли себя въ эту кампанію.“

Послѣ описаннаго пораженія австрійская армія была не въ состояніи остановить Моро. Въ глазахъ у нее онъ переправился чрезъ Иннъ, Альзу, Зальцу, Энсъ, разбилъ ее враздробь при нѣсколькихъ послѣдовательныхъ встрѣчахъ, забралъ ея артиллерію, взялъ множество плѣнныхъ и чрезъ

двѣ недѣли послѣ Гогенлинденской битвы очутился уже въ девяноста миляхъ оттуда и почти у воротъ Вѣны. Эрцгерцогъ Карлъ, принявшій отъ брата начальство надъ императорскими войсками, попросилъ перемирія. Помощники торопили Моро вступить въ Вѣну, къ чему, казалось, все побуждало; это было естественное увѣнчаніе его побѣды, блескъ ея во сто разъ возвысился бы въ глазахъ толпы, и былъ въ Парижѣ нѣкто, кого подобное торжество заставило бы умереть съ досады. Но Моро зналъ, что корпусъ Ожеро подвергнется опасности, онъ не имѣлъ болѣе извѣстій изъ итальянской арміи, наконецъ войска его были изнурены быстрыми переходами въ столь суровое время, а онъ полагалъ свою славу въ томъ, чтобъ его не могли упрекнуть въ напрасномъ пролитіи крови и одного солдата. Можетъ быть, только для дѣла, которому онъ не переставалъ служить, несмотря на минутное заблужденіе, что у него не было немного шарлатанизма, сдѣлавшагося необходимымъ для того, кто хотѣлъ сильно дѣйствовать на своихъ современниковъ; но, конечно, это жалко его добраго имени, ибо никто ни тогда, ни послѣ того не оцѣнилъ столь рѣдкаго самопожертвованія, стоящаго неизмѣримо выше суетности тріумфаторовъ.

Перемиріе было подписано въ Штейерѣ 25 декабря, и такимъ образомъ Ожеро вышелъ изъ печальнаго положенія. Въ это время итальянская армія начала въ свою очередь дѣйствовать на Минчіо; но, будучи направляема медленно начальникомъ, столь мало способнымъ для такого важнаго поста, одержала незначительные успѣхи и то благодаря отвагѣ солдатъ и помощниковъ Брюна. Однако же ему удалось перейдти Минчіо и Адидже и достигнуть высоты Тренте, гдѣ онъ долженъ былъ соединиться съ Макдональдомъ, когда извѣстіе о перемиріи избавило его отъ труда представить самыя блистательныя доказательства своей неспособности. Макдональдъ дѣйствовалъ противъ Граубинден-

скаго корпуса; онъ имѣлъ не много битвъ, но совершилъ чудо, передъ которымъ переходъ черезъ Сенъ-Бернаръ казался игрушкою: онъ перешелъ черезъ Сплюгенъ [31]) въ декабрѣ мѣсяцѣ! Получивъ рѣшительное приказаніе Перваго Консула, основанное на весьма рискованномъ афоризмѣ, „что гдѣ два человѣка могутъ ступить ногою, тамъ можетъ пройдти армія,“ онъ провелъ своихъ пятнадцать тысячъ человѣкъ черезъ ледяныя горы, гдѣ лавина унесла у него нѣсколько эскадроновъ. Послѣ неимовѣрныхъ усилій ему удалось чрезъ Вальтелину достигнуть Тироля; но эти безвѣстные подвиги не обратили на себя вниманія Европы, и никто не подумалъ на этотъ разъ ссылаться на Аннибала.

Пока война, этотъ верховный переговорщикъ, дѣлала свое дѣло, Іосифъ и Кобенцель оставались вдвоемъ въ Люневилѣ, въ ожиданіи пока обнаружится сила вещей. Послѣ Штейерскаго перемирія, они возобновили переговоры о мирѣ. Но Первый Консулъ, желая съ перваго же раза ускорить ихъ, вмѣшался въ пренія посредствомъ манифестаціи, обнаружившей его политику и не дозволявшей отступить назадъ. Въ своемъ посланіи Законодательному Корпусу, предложивъ собранію объявить, что армія оказала большую услугу отечеству, онъ объявилъ, что миръ могъ быть заключенъ только съ условіемъ, чтобъ Франціи достался Рейнъ, а Австрія довольствовалась бы только Адидже. Ультиматумъ этотъ, столь рѣзко заявленный, предрѣшилъ вопросъ, обсуждавшійся въ то время въ Люневилѣ: Кобенцель жаловался на него справедливо, но тѣмъ не менѣе шагъ за шагомъ и послѣдовательно защищалъ Оліо, Чьезу, Минчіо и наконецъ Адидже, какъ искуснѣйшій полководецъ. Однако слѣдовало подчиниться необходимости, и 15 января онъ принялъ границу Адидже [32]), съ условіемъ, что Тоскана будетъ возвращена великому герцогу или, по крайней

---

[31]) Гора въ Граубинденскомъ кантонѣ. *Прим. перев.*

[32]) Іосифъ къ Талейрану 15 января 1801. *Пр. авт.*

мѣрѣ, ему уступятъ легатства, что было принято формально Талейраномъ съ 9 января [83]). Оставалось только согласиться относительно вознагражденія государей, лишившихся владѣній на Рейнѣ; Кобенцель настаивалъ на немедленномъ удовлетвореніи, и готовились уже къ подписанію, какъ вдругъ Іосифъ получилъ приказъ затянуть переговоры. Въ требованіяхъ Перваго Консула произошла полная и быстрая перемѣна. Новый этотъ сюрпризъ доказалъ Кобенцелю, что тайная его боязнь оправдалась, и что онъ очень хорошо зналъ прежняго своего Кампо-Формійскаго противника. Въ письмѣ Талейрана (отъ 24 января) Іосифъ получилъ новую программу, неблагопріятнѣе предшествовавшей для Австріи. Послѣдняя долженствовала теперь отказаться навсегда отъ Тосканы и безъ всякаго вознагражденія, и кромѣ того обязана была государей, лишенныхъ владѣній на Рейнѣ, вознаградить на счетъ духовныхъ принцевъ, договариваясь отъ имени Германской имперіи.

Требованія эти не были основаны ни на какой жалобѣ, къ которой Австрія подала бы поводъ: они собственно исходили изъ возобновленія старинной лиги нейтральныхъ подъ покровительствомъ Россіи, и изъ разрыва императора Павла I съ Англіею, которая отказала ему въ островѣ Мальтѣ, необходимой резиденціи его магистерства. Такъ какъ Пруссія вступила въ лигу, и Павелъ I-й болѣе и болѣе раздражался на вѣнскій дворъ, то Австрія очутилась и одинокою на континентѣ и въ зависимости отъ побѣдителя. Талейранъ не считалъ нужнымъ принимать на себя трудъ скрывать причину оборота; въ письмѣ своемъ отъ 24-го декабря онъ ссылался на положеніе новыхъ нашихъ отношеній къ Россіи и на извѣстныя чувства Пруссіи, ибо обѣ эти державы равномѣрно интересовало то, чтобъ императоръ не былъ слишкомъ могущественъ въ Италіи; но Іосифъ, въ качествѣ новичка-дипло-

---

[83]) Талейранъ къ Іосифу 9 января. *Прим. автора.*

мата, имѣвшій слабость держать данное слово, ощутилъ относительно своего товарища глубокое смятеніе. Онъ старался убѣдить Перваго Консула въ необходимости вознагражденія великаго герцога, напомнилъ торжественныя обѣщанія послѣдняго повода и писалъ ему наивно: „Вы знаете, *что я не выдумалъ этого изъ своей головы, а имѣлъ точныя приказанія*“. (29-го января 1801). Все было безполезно, онъ получилъ повелѣніе—не уступать. Кобенцель однакожъ медлилъ покоряться такому злоупотребленію силы; но Талейранъ снова пригрозилъ ему Россіей еще болѣе нежели нашими арміями: „Вражда русскаго императора такова, писалъ онъ: — что очень можетъ войдти въ его виды — *возвращеніе Венеціи ея прежняго правленія*“ (6-го февраля 1801).

Доводы эти оказались сильны, и миръ былъ заключенъ. Люневильскій договоръ можно назвать вторымъ изданіемъ Кампоформійскаго, исключая того, что относилось къ Тосканѣ, возведенной въ королевство въ пользу молодаго пармскаго инфанта. Онъ освящалъ подчиненіе Венеціи Австріи и завоеваніе Франціею Верхней Италіи, завоеваніе еще замаскированное, но не надолго, подъ именемъ Цизальпинской республики. Наконецъ между двумя договаривающимися сторонами онъ оставилъ нѣчто большее, нежели сожалѣніе о томъ, что одна изъ нихъ потеряла: онъ оставилъ воспоминаніе о нѣкоторомъ родѣ дипломатической западни. Не смотря на величіе и блескъ нашихъ успѣховъ, миръ въ дѣйствительности существовалъ только на бумагѣ.

ГЛАВА VI.

Заговоры. — Сессія IX года (1800 — 1801). — Лига нейтральныхъ.

Въ то время, какъ побѣды Моро и Люневильскіе переговоры придавали блескъ консульской политикѣ, и когда Бонапарте, вмѣсто того чтобъ раздѣлить эту честь съ своими согражданами, обнаруживалъ болѣе и болѣе намѣренія присвоить все въ свою исключительную пользу, — партіи, которыхъ онъ разрушилъ надежды, будучи принуждены видѣть собственное спасеніе лишь въ его гибели, пришли къ рѣшеніямъ, такимъ же крайнимъ, какъ и положеніе, въ которое ихъ поставили. Хотя онѣ, конечно, были не весьма щекотливы относительно выбора средствъ, однако замѣчательно, что ни диктатура Бонапарте, ни чрезмѣрныя его строгости относительно ихъ не заставили ихъ прибѣгнуть къ тѣмъ отнятымъ средствамъ, которыя наносятъ болѣе вреда тѣмъ, кто ихъ употребляетъ, нежели тому, противъ кого они направлены. На его диктатуру они смотрѣли какъ на временную и скоро проходящую, а что касается до его строгостей, то намѣревались отплатить за нихъ по закону возмездія. Но со дня, когда онъ явно обнаружилъ стремленіе къ захвату верховной власти, когда вознамѣрился занять мѣсто, которое онѣ могли еще видѣть празднымъ, но никакъ не занятымъ выскочкою, заговоры перестали уже вести противъ Бонапарте

войну принциповъ или интересовъ, а просто рѣшились дѣйствовать противъ его особы.

Изъ всѣхъ этихъ интригъ, за которыми зорко слѣдила двойная полиція Перваго Консула, опаснѣе всего были для него интриги старинной якобинской партіи. У ней лишь одной онъ считалъ достаточно энергіи, чтобъ идти до конца. Служа нѣкогда самъ въ рядахъ этой партіи, онъ зналъ, что онъ былъ предметомъ особенной ненависти, внушаемой отступниками, но думая такъ на основаніи воспоминаній изъ временъ террора, онъ заблуждался на счетъ якобинцевъ, ряды которыхъ порѣдѣли отъ ссылокъ или изгнаній, или отъ перехода на сторону правительства, и на счетъ настоящей ихъ рѣшимости въ предпріятіяхъ. Мнимый заговоръ Черакки и Арены, жалкое пугало, созданное полиціею, возбужденія которой не могли даже привлечь заговорщиковъ въ залу, гдѣ предполагалось совершить покушеніе, достаточно показалъ, что партія эта была уже болѣе способна на фразы, нежели на энергическій поступокъ. Разрывная машина, въ родѣ употребляемыхъ для флота и сходная съ тою, какая вскорѣ стала извѣстна подъ именемъ *адской* у одного механика-лабораториста Шевалье, нѣкогда работавшаго для Комитета общественной безопасности, изобрѣтателя неугасимаго ружья, и отъявленнаго республиканца. Но Шевалье заявилъ, что машина заказана была ему однимъ бордосскимъ арматоромъ, и не нашлось ни малѣйшаго доказательства, чтобъ онъ имѣлъ намѣреніе употребить ее какъ орудіе на посягательство противъ жизни Перваго Консула.

Не смотря на эти факты, или, скорѣе, на основаніе этихъ фактовъ, которыхъ искусственный характеръ и преувеличеніе онъ зналъ лучше всякаго другаго, Фуше, обладавшій бо́льшею проницательностью, нежели первый Консулъ, потому что былъ хладнокровнѣе, настойчивѣе приписывалъ болѣе важности заговору ройялистскихъ агентовъ, собравшихся тогда въ значительномъ количествѣ въ Парижѣ по поводу

замиренія Запада, нежели якобинцамъ. Дѣйствительно, онъ отлично зналъ всѣ тайны этихъ сектаторовъ, которымъ онъ платилъ и за которыми наблюдалъ или самъ или посредствомъ кого нибудь изъ прежнихъ пріятелей изъ Горы, какъ Барреръ, полицейскій шпіонъ, послѣ того какъ управлялъ Франціею въ качествѣ члена Комитета общественной безопасности. Опутанный возвратившимися эмигрантами, умѣренными, для которыхъ ненависть и боязнь къ террористамъ сдѣлалась господствующею мыслью, и старинными друзьями Сье, которые вели постоянную войну съ Фуше и съ горцами, Первый Консулъ, будучи въ душѣ доволенъ этими раздѣленіями, которыя, по его словамъ, оберегали его разомъ справа и слѣва, и ставили его выше прежнихъ партій, какъ верховнаго и необходимаго властителя, вѣрилъ, впрочемъ, больше доносамъ первыхъ, нежели извѣщеніямъ вторыхъ. Извѣстія Фуше казались ему надиктованными остаткомъ якобинскаго фанатизма, и какъ онъ часто самъ говорилъ, не вѣря тому, объ участьи, принятомъ Питтомъ въ заговорахъ ройялистовъ, то и воображалъ, что въ этихъ заговорахъ все было мечтательнымъ, за исключеніемъ одной категоріи, которую нравилось ему называть *англійскимъ комитетомъ*. Дѣйствительно, англійское вліяніе дѣятельно употреблялось въ поддержкѣ гражданской войны, выродившейся съ нѣкоторыхъ поръ въ войну большихъ дорогъ, но оно никогда не унижалось до ободренія покушеній на особу Перваго Консула. Покушенія эти не существовали даже въ проэктахъ у шуановъ, и Бонапарте считалъ хорошею политикою притворяться, что давалъ этому вѣру, но въ сущности не вѣрилъ. Противозаконныя средства, которыя не побоялся онъ употребить противъ этой партіи въ разныхъ случаяхъ, именно когда велѣлъ оцѣнить голову графа Фротте и его товарищей, и современи казни Тутэна, не слишкомъ-то подтверждали подобную увѣренность. Еще не такъ давно, послѣ своего свиданія съ Жоржемъ Кадудалемъ и безполезныхъ стараній за-

добрить послѣдняго, онъ почти немедленно раскаялся, что позволилъ ему ускользнуть. Узнавъ потомъ, что партизанъ этотъ возвратился во Францію послѣ непродолжительной поѣздки въ Англію, онъ посылалъ письмо за письмомъ къ Бернадотту, торопя его избавиться отъ этого безпокойнаго непріятеля какими бы то ни было средствами. Каждый разъ, когда Бонапарте встрѣчались—дѣйствительно опасная вражда, серьезное препятствіе, непреклонный характеръ, въ немъ просыпался первобытный человѣкъ, корсиканецъ съ пламенными и дикими страстями, политикъ безъ малѣйшей разборчивости.

Задолго еще до какихъ бы то ни было покушеній шуанеріи противъ его особы, онъ видѣлъ въ Жоржѣ не только политическаго противника, котораго надо было побѣдить, но человѣка, отъ котораго слѣдовало отдѣлаться какимъ бы то ни было способомъ. Точно также, какъ писалъ онъ Фріану о Мурадъ-Беѣ, Брюну о Фроттé, онъ писалъ Бернадотту и относительно Жоржа: „Возьмите живаго или мертваго этого негодяя Жоржа. Если онъ попадется къ вамъ въ руки, велите разстрѣлять его въ двадцать четыре часа, за то, что онъ былъ въ Англіи послѣ капитуляціи“ [84]). Черезъ мѣсяцъ онъ настаивалъ: „Велите же схватить и разстрѣлять въ двадцать четыре часа этого негодяя Жоржа“ [85]); а чрезъ нѣсколько дней позже писалъ: „Велите его схватить и разстрѣлять“ [86]). Между тѣмъ въ это время не было военныхъ дѣйствій ни въ Бретани, ни въ Вандеѣ; но для того, чтобъ посылать подобныя приказанія человѣку, который, впрочемъ, неспособенъ былъ ихъ исполнить, достаточно было Бонапарте опасаться какого нибудь возстанія.

3-го нивоза (24-го декабря 1800), когда Первый Консулъ

---

84) Бонапарте къ Бернадотту (4-го іюля 1800). *Пр. автора.*

85) id. (4–го іюля). *Пр. автора.*

86) id. (10-го іюля). *Пр. автора.*

ѣхалъ въ оперу на ораторію Гайдна, карета его, посреди улицы Сенъ-Никэзъ, встрѣтила небольшую телѣжку, которая загораживала дорогу; кучеръ его однако же ловко и счастливо обминулъ эту преграду. Едва онъ успѣлъ доѣхать до перваго угла, какъ послѣдовалъ страшный взрывъ, который, произведя сильное потрясеніе, поднялъ карету и поколебалъ окрестные дома. Четыре человѣка были убиты на мѣстѣ, около шестидесяти ранены болѣе или менѣе тяжело и сорокъ шесть домовъ сильно повреждены [87]. Не смотря на это, Первый Консулъ отправился въ оперу. Онъ появился въ ложѣ съ супругою, еще блѣдною отъ страха; самъ онъ казался хладнокровнымъ, но безпокойные взоры его обнаруживали внутреннее волненіе. „Негодяи хотѣли меня взорвать“, сказалъ онъ Раппу. Онъ оставался въ оперѣ лишь нѣсколько минутъ и велѣлъ проводить себя въ Тюильри.

На другой день *Монитеръ* напечаталъ статью относительно машины, захваченной у Шевалье, и касательно интригъ якобинцевъ, и немедленно утвердилось мнѣніе въ обществѣ, что покушеніе противъ Перваго Консула было дѣломъ анархистовъ и *септамбризеровъ* [88]. Депутаты отъ всѣхъ государственныхъ учрежденій, парижскіе мэры, члены му-

---

[87] Рапортъ префекта полиціи Дюбуа (10-го нивоза). ***Прим. автора.***

[88] Въ печальные дни 2-го, 3-го, 4-го и 5-го сентября 1792 г. толпа убійцъ (около 300 чел.), подстрекаемая Мара̀ и направленная министромъ юстиціи, бросилась въ парижскія тюрьмы и умертвила всѣхъ арестантовъ, заподозрѣнныхъ въ оппозиціи революціи. Количество жертвъ считаютъ отъ осьми до десяти тысячъ, изъ которыхъ большая часть принадлежала къ дворянству и духовенству; въ этомъ числѣ находилась и графиня Ламбаль: голову ея, взоткнутую на копье, носили по городу. Убійства эти имѣли предлогомъ слухъ объ обширномъ заговорѣ, затѣваемомъ въ тюрьмахъ съ цѣлью умертвить женъ и дѣтей патріотовъ, отправившихся на границу, и предать Францію Пруссіи. Убійцъ этихъ называютъ *септамбризерами*: они получили вознагражденіе изъ общественной казны. Мортимеръ де-Терне написалъ Исторію сентябрскихъ дней 1862 г. ***Прим. перев.***

ниципальнаго совѣта явились поздравить Перваго Консула съ избавленіемъ отъ опасности. Удовольствіе свое, весьма впрочемъ законное, они высказывали въ непомѣрно льстивыхъ выраженіяхъ. Благодаря „судьбу" за спасеніе столь драгоцѣнной жизни, они не поколебались указать на виновныхъ, никому еще неизвѣстныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, преступленіе было очевидно дѣломъ якобинцевъ и септамбризеровъ [89]). Во время арестованія Черокки и его сообщниковъ, замѣчательны были храбрые совѣты, которые президентъ Трибуната осмѣливался подавать повелителю: „Такое справедливое, такое мудрое правительство, сказалъ онъ: — объявить только о *дѣйствительныхъ и серьезныхъ заговорахъ*; но если о нихъ уже заявлено, то оно обязано преслѣдовать со всею *торжественностью* и строгостью законовъ". Воззваніе это къ законности, признанное съ тѣхъ поръ докучливымъ, могло показаться теперь мятежнымъ, и въ рѣчи, произнесенной теперь отъ имени Трибуната, оно было замѣнено сожалѣніемъ о недостаточности законодательства относительно предупрежденія подобныхъ покушеній и просьбою пополнить этотъ пробѣлъ новыми мѣрами. Всѣ единодушно потребовали немедленнаго и страшнаго возмездія; только нѣкоторые замѣтили робко, что въ отсутствіи всякихъ доказательствъ, было бы преждевременнымъ обвинять кого бы то ни было въ преступленіи.

Вмѣсто того, чтобъ стать между доносчиками и обвиненными, Бонапарте высказался первый съ увлеченіемъ. превзошедшимъ рвеніе самыхъ отъявленныхъ льстецовъ. Онъ немедленно узналъ настоящихъ виновниковъ: „Покушеніе было дѣломъ тѣхъ самыхъ людей, которые опозорили революцію и загрязнили всевозможными злоупотребленіями свободу, а именно участьемъ ихъ въ событіяхъ 2-го и 3-го сентября; злоупотребленія эти, оставшіяся безнаказанными, пріучили къ преступленіямъ ихъ виновниковъ, съ которыми надо од-

---

89) Рѣчь Фрошо, сенскаго префекта. *Прим. автора.*

нако же покончить". Потомъ онъ прибавилъ, „что онъ всецѣло преданъ отечеству и считаетъ одинаково славнымъ умереть при отправленіи консульской обязанности, какъ и на полѣ сраженія" [90]). Въ отвѣтѣ оратору Государственнаго Совѣта онъ говоритъ: „что не было тамъ ни дворянъ, ни шуановъ, ни поповъ, но септамбризеры, злодѣи, покрытые преступленіями, становившіеся батальнымъ карре противъ всѣхъ послѣдующихъ правительствъ. Это были орудія *сентября*, Версали, 31-го мая, прэріаля и всевозможныхъ покушеній, совершившихся до тѣхъ поръ. Необходимо должно найдти средство законнаго имъ возмездія". Въ отвѣтѣ префекту Фроше онъ воскликнулъ: „пока эта горсть негодяевъ нападала на него открыто, онъ могъ предоставлять наказаніе ихъ законамъ и обыкновеннымъ трибуналамъ, но какъ они своимъ безпримѣрнымъ въ исторіи преступленіемъ подвергли опасности часть городскихъ жителей, то наказаніе ихъ будетъ какъ быстро, такъ и примѣрно. Эта *сотня негодяевъ*, оклеветавшихъ дѣло свободы своими преступленіями, будетъ отнынѣ поставлена въ положительную невозможность сдѣлать какое бы то ни было зло".

Итакъ, прежде добытія малѣйшаго свѣдѣнія о преступленіи, онъ подвергалъ отвѣтственности за него не индивидуумовъ, а цѣлый классъ людей. Ему не столько было важно открыть настоящихъ виновниковъ, какъ воспользоваться случаемъ погубить тѣхъ, кто казался ему подозрительнымъ, справедливо или несправедливо, или отъ кого ему хотѣлось отдѣлаться. Такъ онъ и поставилъ вопросъ открыто чрезъ два дня въ Государственномъ Совѣтѣ. Тамъ предложено прибавить къ проэкту закона о спеціальныхъ трибуналахъ, который готовился къ обсужденію Трибуната, два распоряженія, которыя были бы страшнымъ оружіемъ въ рукахъ правитель-

---

[90]) Отвѣтъ президенту Законодательнаго Корпуса. Изъ протокола Законодательнаго Корпуса. *Прим. автора.*

ства. Бонапарте отвергъ судъ специальнаго трибунала, какъ слишкомъ медленный. „Необходимо возмездіе быстрое какъ гроза. Необходимо крови, надо *разстрѣлять столько же виновныхъ, сколько пало жертвъ, пятнадцать или двадцать, сослать человѣкъ двѣсти и воспользоваться случаемъ очистить отъ нихъ республику*... Этотъ ужасный примѣръ былъ необходимъ, чтобъ привязать къ республикѣ средній классъ— чего невозможно надѣяться, пока ему будутъ угрожать *двѣсти бѣшеныхъ волковъ*, ожидающихъ только момента, чтобъ броситься на добычу... Необходимо смотрѣть на это съ точки зрѣнія государственнаго человѣка. Что касается его, то онъ такъ убѣжденъ въ необходимости показать суровый примѣръ, что онъ готовъ потребовать къ себѣ злодѣевъ, судить и подписать ихъ приговоръ [91]).

Такъ какъ всѣ молчали, то адмиралъ Трюге возвысилъ голосъ противъ рѣшенія, о которомъ свидѣтельствовала рѣчь Перваго Консула. Онъ не восхвалялъ септамбризеровъ, но правительство, по его мнѣнію, имѣло не менѣе опасныхъ враговъ между эмигрантами, шуанами, фанатизированными попами и людьми, развратившими умы людей своими *памфлетами*. При словѣ памфлетъ, задѣтый за живое намекомъ, Первый Консулъ грубо прервалъ Трюге: „Краснорѣчіе это не понудитъ меня къ перемѣнѣ! воскликнулъ онъ. Злодѣи извѣстны, на нихъ указала нація. Это септамбризеры, виновники всѣхъ преступленій, которыхъ вездѣ защищали и щадили по какимъ-то жалкимъ второстепеннымъ соображеніямъ. Говорятъ о дворянахъ и попахъ! Но развѣ хотятъ, чтобъ я ссылалъ по званію? Развѣ хотятъ, чтобъ я сослалъ десять тысячь поповъ, стариковъ!"

Ему самому хотѣлось больше всего—ссылать по званію, но только въ смыслѣ, благопріятствовавшемъ его ненависти и убѣжденіямъ: въ приложеніи къ шуанамъ—мѣра казалась

---

[91]) *Записки государственнаго совѣтника*, Тибодо. *Прим. автора.*

ему безчестною, въ примѣненіи къ террористамъ—законною. На другой же день онъ настойчиво потребовалъ въ Государственномъ Совѣтѣ закона, необходимаго ему для пораженія партіи. Государственные совѣтники колебались—не изъ щекотливости дать требуемое согласіе, но вслѣдствіе затрудненія найти редакцію, которая была бы принята Законодательнымъ Корпусомъ. Редереръ и Ренье обнаруживали страхъ относительно Трибуната. „Вы всегда въ передней у Трибуната“, сказалъ Бонапарте.—Разъ мѣра признана необходимою—ее должно принять. *У меня есть списокъ людей, употребленныхъ при всѣхъ убійствахъ.* Необходима чрезвычайная власть; кто имѣетъ право дать ее? Если никто не обладаетъ этимъ правомъ, не должно ли правительство взять его?“

Тогда отозвался Талейранъ, молчаливый по обыкновенію „Къ чему же имѣть Сенатъ, сказалъ онъ:—если не для того, чтобъ пользоваться его услугами?“ [92]).

Слова эти пролили новый свѣтъ. Талейранъ удовлетворилъ всѣхъ: съ государственныхъ совѣтниковъ слагалась часть ихъ отвѣтственности, Первый Консулъ устранялся отъ ненавистнаго ему контроля Законодательнаго Корпуса и получалъ возможность придать видъ законности явному нарушенію Конституціи. Итакъ, рѣшено было въ принципѣ, что мѣру приметъ правительство въ родѣ военной мѣры, освятивъ ее *сенатусъ-консультомъ*, орудіемъ удобнымъ, заимствованнымъ изъ стариннаго арсенала цезаризма. Съ помощью этого пріема, который прежде не приходилъ въ голову, Сенатъ, хранитель Конституціи, преобразовывался въ постоянную учредительную власть, которая могла измѣнять по усмотрѣнію условіе, ввѣренное его храненію, и уполномочивалась правомъ узаконивать всѣ дѣйствія произвола. Это новое призваніе Сената было для Бонапарте самымъ драгоцѣннымъ открытіемъ. Онъ поспѣшилъ устроить дѣло посред-

---

[92]) Міо де-Мелито. *Записки.* *Прим. автора.*

ствомъ памятнаго прецедента, давъ себѣ слово воспользоваться имъ для своихъ дальнѣйшихъ проэктовъ.

Послѣ нѣсколькихъ попытокъ относительно формы этого крайне беззаконнаго акта, Бонапарте созвалъ Государственный Совѣтъ 1-го января 1801 г. Засѣданіе открылось чтеніемъ нѣсколькихъ рапортовъ полиціи, болѣе или менѣе продолжительныхъ, о заговорахъ, предшествовавшихъ покушенію 3-го нивоза. Потомъ читалось заключеніе Фуше о необходимой мѣрѣ, и о людяхъ, имѣвшихъ подвергнуться наказанію. Фуше съ 3-го нивоза былъ предметомъ ненависти, доходившей даже до обвиненія его въ сообщничествѣ. Враги его изъ лагеря умѣренныхъ, Редереръ, Ренье, Порталисъ, считая, что настала удобная минута уничтожить его, напали на него съ необыкновенною яростью; совершеніе преступленія они громко приписывали его чрезвычайному снисхожденію къ стариннымъ друзьямъ якобинской партіи; а нѣкоторые смотрѣли на него какъ на человѣка, способнаго отречься при неуспѣхѣ, но воспользоваться при благополучномъ исходѣ. Что же касается его, то будучи убѣжденъ, что покушеніе исходило изъ партіи шуановъ, онъ смутился, но ни мало не растерялся отъ взрыва ненависти и съ безстрастнымъ лицомъ невозмутимо запирался противъ обвиненія противниковъ. Теперь предположенія его перешли почти въ положительную увѣренность. Съ помощью обломковъ, разбросанныхъ на мѣстѣ преступленія, возстановили отчасти нѣкоторыя принадлежности адской машины, часть боченка, повозки, отыскали купцовъ, которые это продали, а также и того, кто продалъ лошадь. Очныя ставки не привели однакожъ къ открытію настоящихъ виновниковъ, но онѣ рѣшительно обнаружили невинность всѣхъ революціонеровъ, арестованныхъ въ качествѣ виновниковъ или предполагаемыхъ сообщниковъ преступленія. Другое обстоятельство явилось для подкрѣпленія мнѣнія Фуше: это внезапное исчезновеніе многихъ агентовъ Жоржа, за которыми онъ могъ легко слѣдить до

3 нивоза, но въ особенности поразительное сходство примѣтъ этихъ людей съ описаніями свидѣтелей.

Поводы къ своему убѣжденію Фуше сообщилъ Бонапарте, а послѣдній, точно также, какъ и его министръ, не вѣрилъ теперь въ виновность якобинцевъ, или, по крайней мѣрѣ, тѣхъ, которые были арестованы, но тѣмъ не менѣе настойчиво старался отъ нихъ отдѣлаться, а Фуше охотно предложилъ свои услуги для этого беззаконнаго дѣйствія. Во всякомъ случаѣ, изъ увѣренности обоихъ возникло то, что въ засѣданіи 1-го января, предназначенномъ для обсужденія наказаній виновникамъ покушенія 3 нивоза, едва было упомянуто о самомъ покушеніи. Составили списокъ ссыльныхъ и внесли въ него гражданъ „не *потому, что они были взяты съ кинжаломъ въ рукѣ, но потому, что они вообще были извѣстны какъ люди способные отточить кинжалъ и выйдти съ нимъ*“ [93]). Формы правосудія, говорилъ еще Фуше:—учреждены не для того, чтобъ покровительствовать подобнымъ разбойникамъ.

Когда Редереръ потребовалъ, чтобъ въ рапортѣ министра полиціи было хоть упомянуто о покушеніи 3 нивоза, Бонапарте формально воспротивился этому: „*Нѣтъ доказательствъ*, сказалъ онъ:—*что террористы были виновниками покушенія. Ихъ ссылаютъ не за 3 нивоза, но за 2-е сентября, 31-е мая, за заговоръ Бабёфа. Послѣднее событіе не было причиною мѣры, но только предлогомъ!*

Въ спискѣ было помѣщено сто тридцать три фамиліи, извлеченныя изъ такъ называемаго *словаря* Бонапарте. Это были большею частью люди, которыхъ онъ хотѣлъ сослать послѣ 18 брюмэра: онъ тогда побоялся общественнаго мнѣнія, но сердце его, неспособное къ прощенію, не отказалось отъ мести, и онъ воспользовался теперь представившимся случаемъ. Большинство, даже въ средѣ самаго Государствен-

---

[93]) Рапортъ Фуше. *Прим. автора.*

наго Совѣта, не согласилось бы на мѣру, еслибы всѣмъ, какъ Бонапарте, было извѣстно, что ни одинъ изъ обвиняемыхъ не участвовалъ въ дѣлѣ 3 нивоза, но онъ ни слова не сказалъ для разрѣшенія ихъ ошибки [94]). Между ссыльными, какъ замѣчаетъ Реаль, находились даже люди, бывшіе чиновниками правительства, напр. Бодрой, служившій пять лѣтъ судьею въ Гваделупѣ, другой Пари, умершій уже около полугода,—такъ небрежно приготовлено было слѣдствіе. Встрѣчались тамъ также имена: принца Карла Гессенскаго, самаго восторженнаго, но и самаго безобиднаго изъ иллюминаторовъ, отважнаго Дестрема, который 18 брюмэра привѣтствовалъ Бонапарте фразою: „неужели ты побѣдилъ для этого?“ Ботто, единственное преступленіе котораго заключалось въ томъ, что онъ былъ секретаремъ у Барра́; Тало, старинный конвенціоналистъ, виновный, какъ и Дестремъ, въ протестѣ противъ государственнаго переворота, республиканецъ твердыхъ убѣжденій, архитекторъ Лефранкъ, человѣкъ съ пламеннымъ воображеніемъ, но котораго можно упрекнуть развѣ въ декламаторствѣ. Кромѣ того были тамъ имена Шудье, Феликса Ленелтье, Тиссо, которые хотя были крайними въ своихъ мнѣніяхъ и ярые республиканцы, но которые однакожъ не заслуживали быть смѣшанными съ категоріею септамбризеровъ, съ людьми, забрызганными кровью и грязью, какъ Журдель или американецъ Фурнье. Даже эти послѣдніе, не смотря на свои преступленія, будучи прощены, жили спокойно въ обществѣ. По прочтеніи этого списка, Совѣтъ рѣшилъ, не смотря на оппозицію Трюге, что дѣло пойдетъ не въ видѣ закона, но какъ актъ высшей полиціи, представленный на обсужденіе Сената, а Сенатъ рѣшитъ вопросъ: „охранительна ли эта мѣра или неохранительна для Конституціи“. Вслѣд-

---

[94]) См. отчетъ о засѣданіи Тибодо, Міо и проч. «Что касается меня, говоритъ Міо:—то я никогда не прощу себѣ участья въ этомъ».

Прим. автора.

ствіе этого консулы издали указъ отъ 4-го января 1801 г., которымъ „подвергались особенному надзору внѣ европейской территоріи республики сто тридцать человѣкъ“; а Сенатъ, „принимая во вниманіе, что еще не опредѣлены мѣры безопасности, необходимыя въ подобныхъ случаяхъ“, поспѣшилъ объявить, что дѣйствіе правительства было „мѣрою охранительною для Конституціи“.

На другой день толпа ссыльныхъ направилась къ Нанту. Отплывшіе на корабляхъ, всѣ, за исключеніемъ двоихъ [95]), погибли на мѣстѣ ссылки; нѣкоторые исходатайствовали милость быть поселенными на Олеронѣ. Тамъ-то Дестремъ, человѣкъ честный и безукоризненный, умеръ въ безвѣстности въ 1801 г., именно въ то время, когда, въ силу вопіющаго контраста, счастливый его преслѣдователь велѣлъ надѣть на себя императорскую корону. Смерть этого невиннаго не заставила умолкнуть ни одного изъ рукоплесканій, привѣтствовавшихъ новаго цезаря; о ней даже не упоминаютъ лѣтописцы, ибо что значитъ смерть невиннаго въ сравненіи съ торжествомъ коронаціи? Такъ жалко человѣческое стадо. Тало былъ болѣе счастливъ и остался въ живыхъ, также какъ и Шудье, которому удалось уйдти.

Въ день взрыва 3 нивоза, Черакки и его товарищи сидѣли въ тюрьмѣ уже около трехъ мѣсяцевъ и процессъ ихъ еще не начинался,—такъ недостаточны были взведенныя на нихъ обвиненія. Дѣйствительно, ихъ можно упрекнуть только въ витійствѣ въ клубахъ и на сходкахъ.

Агенты полиціи, руководимые злодѣемъ Гарелемъ, одни произвели весь заговоръ. Въ тотъ день, когда, по ихъ словамъ, жизнь Перваго Консула должна была подвергнуться опасности, одинъ Черакки находился въ залѣ оперы, да и то

---

[95]) *Несчастія многихъ жертвъ тираніи* и пр. Соч. одного изъ двухъ, оставшихся въ живыхъ (Ле-Франка). *Исторія двойнаго заговора* 1800 г. Фескура. *Прим. автора.*

безоружный. Единственнымъ свидѣтельствомъ противъ нихъ было показаніе Баррера, который, получивъ отъ своего друга Демервиля предостереженіе не идти въ оперу, поспѣшилъ донести объ этомъ начальнику консульской гвардіи генералу Ланну. Но Демервиль узналъ о покушеніи отъ ложныхъ заговорщиковъ, руководимыхъ Гарелемъ, и не принималъ никакого участья въ заговорѣ. Гарель все устроилъ одинъ: онъ, по собственному его признанію, купилъ пистолеты, онъ выдалъ людей, назначенныхъ для исполненія, онъ роздалъ имъ оружіе. Доносъ его представлялъ сплетеніе неправдоподобностей и грубыхъ противорѣчій. Для побужденія *четырехъ человѣкъ* къ совершенію преступленія, онъ, по его словамъ, получилъ всего 150 франковъ. Онъ никогда не видѣлъ Арены и не узналъ его на судѣ. Находясь безъ мѣста, онъ придумалъ всю эту машинацію, съ цѣлью отличиться, и недалекій Демервиль, очертя голову полѣзъ въ западню [96]). Узнавъ о взрывѣ адской машины, Арена воскликнулъ: „Вотъ нашъ смертный приговоръ!“ И онъ не ошибся. Воспользовавшись впечатлѣніемъ страха, произведеннымъ происшествіемъ въ улицѣ Сенъ-Никозъ, вырвали, такъ сказать, ихъ осужденіе у взволнованной совѣсти смущеннаго и предупрежденнаго жюри. Черакки и Топино Лебренъ были талантливые артисты, вся вина которыхъ заключалась въ неумѣренности рѣчи, столь часто встрѣчаемой у людей съ живымъ воображеніемъ. Арена и Демервиль были пламенные республиканцы, но они заслуживали упрека только за свои слова, все же, что имѣло въ заговорѣ характеръ исполненія, было дѣломъ полиціи. Всѣ четверо осуждены на смерть и казнены.

Той же участи подверглись Шевалье и четыре его предполагаемые сообщника — Метжъ, Вейсеръ, Гумбертъ и Шапель. Сходство машины, изобрѣтенной Шевалье, съ тою, ко-

---

[96]) Процессъ сенскаго уголовнаго трибунала противъ Демервиля, Арены, и проч. Плювіозъ, IX г. *Прим. автора.*

торая произвела столь ужасное дѣйствіе, послужило достаточнымъ доказательствомъ ихъ сообщничества съ виновниками покушенія, или по крайней мѣрѣ ихъ намѣренія воспользоваться ею для такого же употребленія. Едва только эти девять головъ скатились съ эшафота, какъ полиція захватила двухъ шуановъ, совершившихъ преступленіе: это были Карбонъ и Сенъ-Режанъ. Третій соучастникъ, Лимоеланъ, успѣлъ скрыться. Сенъ-Режанъ, опрокинутый взрывомъ собственной машины, еще не выздоровѣлъ отъ ранъ. Все они совершили только втроемъ и не имѣли ни одного соумышленника въ якобинской партіи. Что же касается самого Жоржа, то хотя его и обвиняли въ сообщничествѣ, однако оно не было доказано. Все его обвиненіе основывалось на письмѣ, подписанномъ именемъ *Гедеона;* но никто не доказалъ, что письмо было писано имъ. Сенъ-Режанъ энергически опровергалъ это обвиненіе, увѣряя, что онъ прервалъ всякія сношенія съ Жоржемъ со времени замиренія Вандеи [97]).

Казнь этихъ людей ничего не измѣнила въ судьбѣ 130 ссыльныхъ. Первый Консулъ громко выражалъ свое удовольствіе, по поводу, что ему удалось наконецъ избавиться отъ главнаго штаба якобинцевъ. Когда Бернье вступился за этихъ несчастныхъ и сказалъ въ ихъ защиту, что теперь очень ясно доказано, что они положительно не участвовали въ покушеніи 3 нивоза, Первый Консулъ раскрылъ *Бюллетень Законовъ* и смѣясь убѣдилъ его выраженіями самого сенатусъ-консульта, что они сосланы не за упомянутое покушеніе, но за прежнее поведеніе. Публика узнала истину съ изумленіемъ, но безъ негодованія, Трибунатъ отступилъ передъ сопротивленіемъ, которое равнялось бы объявленіямъ войны Наполеону и которое впрочемъ сдѣлалось невозможнымъ съ тѣхъ поръ, какъ Сенатъ узаконилъ мѣру; наконецъ

---

[97]) Процессъ сенскаго уголовнаго трибунала противъ Сенъ-Режана, Карбона и проч. *Прим. автора.*

Фуше, будучи далекъ отъ того, чтобъ чувствовать смущеніе отъ безчестной роли, принятой имъ въ этой кровавой мистификаціи, цинически потѣшался надъ своими врагами и самъ тщеславился своею проницательностью.

Сессія IX г., послѣдняя свободная сессія, предоставленная Наполеономъ законодательнымъ собраніямъ, открылась съ 1 фримэра (10 декабря 1800). Ренье открылъ ее, представивъ общую картину дѣйствій администраціи и усовершенствованій, сдѣланныхъ или имѣвшихъ совершиться. Онъ въ особенности упирался на примирительные виды правительства, на его благорасположеніе относительно людей, принадлежавшихъ къ прежнимъ партіямъ: „Оно не спроситъ, что человѣкомъ сдѣлано въ такомъ то случаѣ, въ такое-то время; оно спроситъ только, обладаетъ ли этотъ человѣкъ добродѣтелями, талантами, способенъ ли онъ къ ненависти и мщенію, можетъ ли онъ быть безпристрастнымъ и справедливымъ.“ Прекрасная программа, но вѣрная только въ томъ смыслѣ, что правительство расположено было прощать все въ прошедшемъ, съ тѣмъ, чтобъ ему предоставлено было все въ будущемъ.

Первый проэктъ закона, представленный Законодательному Корпусу, былъ о національныхъ архивахъ. Первый Консулъ объявилъ уже указомъ о новомъ устройствѣ, какое хотѣлъ дать архивамъ; онъ предоставилъ Законодательному Корпусу только рѣшить относительно актовъ, которые имѣли быть предложены. Итакъ онъ собственною властью отмѣнилъ законъ, дававшій первоначальное устройство архивамъ, и самъ разрѣшилъ важнѣйшіе вопросы, связанные съ этою общественною службою, и предоставлялъ законодательной санкціи лишь второстепенныя и незначительныя стороны предмета. Это былъ вопіющій и разсчитанный грабежъ законодательной власти, и безъ того столь ограниченной. Преніе это, повидимому, побочное, имѣло однакожъ важность, на которую не обратили вниманія. За исключеніемъ этой общей

погрѣшности, новое устройство имѣло еще недостатокъ, не измѣнно повторяющійся во всѣхъ актахъ консульской власти:— послѣдняя выказала свое неизмѣнное намѣреніе овладѣть всѣмъ, даже въ мелочахъ. Архиваріусъ, назначаемый до сихъ поръ собраніями отвѣтствовавшій передъ ними одними,—что и весьма естественно, ибо главная его обязанность заключалась въ томъ, чтобъ хранить неприкосновенными протоколы ихъ засѣданій,—ставился теперь въ безусловную зависимость отъ правительства. Драгоцѣнный этотъ складъ находился въ полномъ распоряженіи министра, столь часто имѣющаго надобность въ передѣлкѣ документовъ. Трибунатъ не заблуждался ни относительно неудобствъ закона, ни касательно его настоящаго смысла; онъ рѣзко выставилъ его несообразности, и Законодательный Корпусъ отвергъ законъ, что впрочемъ не помѣшало правительству устроить дѣло по своему.

Наконецъ оба эти собранія хотѣли только предостеречь, но не желали препятствовать; оппозиція составляла ничтожное меньшинство даже въ самомъ Трибунатѣ, и всѣ усилія ея не могли опровергнуть проэкта закона о мировой юстиціи, который имѣлъ гораздо большую важность, нежели законъ объ архивахъ. Мировая юстиція была естественнымъ созданіемъ Конституціоннаго собранія, которое прошло чрезъ весь революціонный хаосъ. Нравственная власть мировыхъ судей скорѣе увеличилась нежели уменьшилась, и рѣдкія погрѣшности въ поведеніи, за которыя можно упрекнуть ихъ, относятся болѣе къ несчастной эпохѣ нежели къ погрѣшности учрежденія. При новыхъ условіяхъ, созданныхъ для Франціи 18 брюмэра, мировая юстиція составляла элементъ, весьма желательный для сохраненія: это были послѣдніе остатки свободнаго правительства. Изъ всѣхъ общественныхъ должностей, единственно званіе мироваго судьи отдавалось на прямое избирательство гражданъ, единственно было популярнымъ и дѣйствительно независимымъ. Консти-

туція VIII г. не посмѣла прикоснуться къ этой верховной гарантіи, болѣе дорогой для народа нежели политическія формы, которыхъ онъ не понималъ ни духа, ни цѣли.

Такъ какъ авторы проэкта закона не могли уничтожить этого учежденія, освященнаго Конституціею, то старались по крайней мѣрѣ ограничить его важность и преимущество. Число мировыхъ судей изъ 6000 они сократили на 3600, что во многихъ случаяхъ ставило ихъ внѣ возможности отправлять правосудіе и уменьшало ихъ личное вліяніе; но кромѣ того, что гораздо важнѣе,—у нихъ отняли права преслѣдовать проступки и преступленія и ввѣрили это полицейскимъ, чиновникамъ а это значило, покрайней мѣрѣ относительно обвиненія, лишить гражданъ естественно ихъ судьи, выборнаго, несмѣняемаго, независимаго, и предать ихъ призволу агента власти.

Бернье и Порталисъ, представившіе проэктъ, указывали на экономію, которую онъ осуществлялъ, и на интересъ самихъ судей имѣть лишь *обязанности упрощенныя и чисто отеческія.* Дѣло шло не объ ослабленіи мироваго института, а о возвышеніи и очищеніи его. Порталисъ пришелъ даже до умиленія: „Окружимъ, сказалъ онъ:—мировую юстицію довѣріемъ и любовію! избавимъ ее отъ гнусныхъ обязанностей!“ Въ дѣлѣ гражданскомъ надо болѣе уважать свободу гражданина, нежели интересъ другаго; *но въ дѣлѣ уголовномъ личная свобода одного должна уступить безопасности всѣхъ.*

Послѣднія эти слова выражали духъ всего законодательства. Не смотря на любезности, расточаемыя этому охранительному учрежденію, Трибунатъ неблагопріятно взглянулъ на проэктъ закона, и едва онъ подвергся обсужденію, какъ правительство порѣшило взять его назадъ. Оно однако же представило его снова чрезъ нѣсколько времени съ незначительными измѣненіями вмѣстѣ съ проэктомъ объ исключительныхъ трибуналахъ. Подобная тактика была тѣмъ коварнѣе, что измѣненія эти, касавшіяся обыкновенно самыхъ ничтожныхъ сторонъ, представляли однакожъ благовидный предлогъ сбли-

жаться съ людьми нетвердыми и боязливыми. Законъ появился вновь съ прежними существенными основаніями. Бенжаменъ-Констанъ опровергалъ его въ рѣчи, замѣчательной по ясности и здравому смыслу. Онъ доказывалъ, что распространять кругъ дѣйствій мировой юстиціи и въ тоже время ограничивать число судей—значило искажать ея характеръ. Чтобъ быть дѣйствительною примирительною, роль мироваго судьи требовала прежде всего основательнаго знанія мѣстностей, нравовъ, обычаевъ. Безъ этихъ условій, мировой судья не могъ уже быть компетентнымъ посредникомъ, котораго слушались бы безпрекословно. „Онъ можетъ говорить болѣе или менѣе хорошо составленныя мѣста о необходимости согласія, о преимуществахъ примиренія, но не будетъ въ состояніи заглянуть имъ въ душу, потому что не знаетъ ихъ отношеній.“ Онъ впрочемъ соглашался—такъ какъ на этомъ сильно настаивали, чтобъ полицейская обязанность судьи перешла къ спеціальнымъ чиновникамъ; но если, какъ увѣряли, правительство ни въ чемъ не хотѣло уменьшить гарантіи гражданъ, то почему же этихъ чиновниковъ, какъ и самыхъ мировыхъ судей, не избирать народу!

Канильгъ поддержалъ его, выставивъ рѣзко опасность отдать въ руки правительства преслѣдованіе и обвиненіе. Развѣ забыты воспоминанія, оставленныя революціею? Развѣ не знаютъ вреда, какой можетъ быть причиненъ обвинителемъ, когда послѣдній будетъ вліять на судью, или скроетъ отъ него предметы доказательства? Наконецъ, не настала ли пора положить предѣлъ захватыванью исполнительною властью всѣхъ другихъ властей, которой и безъ того многое предоставлено Конституціею? Проэктъ закона считалъ возможнымъ предварительное заключеніе въ тюрьму отъ двухъ до трехъ мѣсяцевъ—развѣ здѣсь не было ничего угрожающаго личной безопасности? Другіе ораторы указали на вредъ, причиняемый обвинительному жюри, которое должно уже было произносить приговоръ по письменному слѣдствію, замѣняв-

шему слѣдствіе устное; они припомнили слова Туре, сказанныя въ Конституціонномъ собраніи: „Съ письменными доказательствами, у васъ будутъ еще судьи, но не будетъ присяжныхъ.“ Не смотря на эти разумныя предостереженія, законъ былъ принятъ, какъ въ Трибунатѣ, такъ и въ Законодательномъ Корпусѣ, и мировой институтъ, который бы могъ быть столь сильнымъ и плодотворнымъ, влачилъ уже жалкое существованіе, приноровленное къ его второстепенной роли.

Правительство представило собраніямъ знаменитый законъ о спеціальныхъ трибуналахъ, и общественное мнѣніе, не смотря на свою обычную спячку, было задѣто за живое. Дѣйствительно, здѣсь уже дѣло шло не о захватѣ властью политической юридической власти, а являлся произволъ, снимающій маску и угрожающій всѣмъ существованіямъ. Предполагали, что роковой этотъ законъ, достойный самымъ пагубныхъ дней террора, какъ бы возникъ мгновенно вслѣдствіе негодованія, возбужденнаго покушеніемъ 3 нивоза; но онъ не имѣетъ и этого оправданія, ибо былъ представленъ въ Трибунатъ болѣе чѣмъ за двѣ недѣли до взрыва адской машины. Направленный, повидимому, противъ разбоевъ, удручавшихъ провинціи, онъ въ дѣйствительности захватывалъ всѣхъ гражданъ неопредѣленностью и общностью своихъ обвиненій. Онъ дозволялъ правительству, гдѣ и когда угодно, замѣнять обыкновенную юстицію трибуналами, состоящими изъ троихъ судей уголовной палаты, троихъ военныхъ и двухъ лицъ, назначенныхъ Первымъ Консуломъ, что заранѣе давало правительству большинство пяти голосовъ. Трибуналы эти вѣдали всѣ преступленія и проступки, всекущіе за собою тѣлесное или позорное наказаніе, поджоги, производства фальшивой монеты, грабежи на большихъ дорогахъ, насиліе, *угрозы противъ пріобрѣтателей національныхъ имѣній, возбужденіе къ побѣгу и продѣлки къ развращенію военныхъ, мятежныя скопища*. Трибуналы эти не долженствовали быть отмѣнены ранѣе какъ

черезъ два года послѣ *общаго мира.* Наконецъ въ продолженіе всего этого времени, правительство могло назначить принудительное мѣстожительство каждой личности, присутствіе которой казалось ему опаснымъ.

Итакъ дѣло шло не о пораженіи разбойниковъ: благодаря нѣкоторымъ неопредѣленностямъ закона, сфера дѣйствія этихъ трибуналовъ была почти безгранична, и самый законъ въ сущности былъ не что иное, какъ предоставляемое правительству право дѣйствовать когда ему заблагоразсудится внѣ формъ и гарантій обыкновеннаго судопроизводства. Это было тѣмъ болѣе неизвинительно, что когда открылись пренія, правительство поразило своихъ политическихъ враговъ весьма законною мѣрою, противъ которой не раздалось ни одной жалобы ни среди общественнаго мнѣнія, ни среди оппозиціи, и что противъ разбойниковъ существовали уже военныя комисіи, судившія быстро на походѣ за отрядами— страшное и болѣе нежели достаточное орудіе для этого возмездія.

Проэктъ этотъ открылъ наконецъ оптимистамъ горькую истину; сомнѣнія не существовало болѣе, что это было то, что во всѣ времена называлось тираніею. Смущеніе было глубокое и всеобщее. Люди темные и мирные, постоянно до тѣхъ поръ поддерживавшіе правительство, какъ Дерено, объявили что первый разъ они будутъ вотировать противъ него. Въ виду этого перваго взрыва Бонапарте велѣлъ выпустить положеніе относительно принудительнаго мѣста жительства. Въ Трибунатѣ защищалъ законъ Дювейрье, которому хотѣлось заслужить прощеніе за свою минутную отвагу. Но все, что въ собраніи было талантливаго, достойнаго, умѣреннаго, все считало за честь опровергать его. Инаръ, старый отломокъ Жиронды, протестовалъ во имя воспоминанія этой благородной партіи. Бенжаменъ-Констанъ своею яркою и проницательною критикою обнажилъ всѣ стремленія проэкта. Онъ изъявлялъ готовность подкрѣплять законъ всѣми силами, если

законъ имѣлъ цѣлью поражать только грабежъ и разбойничество, но эта неопредѣленность положеній могла каждаго подвергнуть отвѣтственности. Какое собраніе нельзя было назвать мятежнымъ скопищемъ? гдѣ начинались возбужденія къ побѣгу военныхъ и къ ихъ деморализаціи? Кромѣ того законъ былъ явнымъ нарушеніемъ несмѣняемости и несуществованія обратнаго дѣйствія. Правда, его предлагали какъ исключительную мѣру, но она только могло сдѣлаться общею: „Какимъ образомъ префектъ, которому предоставлялось имѣть экстраординарную полицію, могъ бы довольствоваться полиціею обыкновенною?" При томъ, предположивъ даже, что обстоятельства представляли извиненіе, чего въ сущности не было, то и въ такомъ случаѣ исключительная юстиція была беззаконіемъ, ибо—сказалъ онъ со своею обычною убѣдительностью: „сокращеніе формъ есть уже наказаніе, а подвергнуть обвиняемаго этому наказанію, значитъ карать его прежде осужденія."

Съ точки зрѣнія политической, онъ установлялъ тѣсную солидарность мѣры со всѣми законами общественной безопасности, учрежденными во время революціи, которымъ всѣ подражали, не смотря на громкое неодобреніе. Въ числѣ причинъ приводятъ ту, что общественная безопасность была бы поколеблена Конституціею, если бъ послѣдняя оставалась слишкомъ неподвижною. Рѣчь эта не новость. Если бы я не хотѣлъ избѣгать сближеній, о которыхъ я и не помышлялъ, я постарался бы указать въ каждомъ почти засѣданіи предшествовавшихъ намъ собраній, ораторовъ, провозглашавшихъ съ трибуны, что для защиты конституціи необходимо выйдти изъ ея предѣловъ, что конституцію убивали посредствомъ конституцій же... Я говорю, что подобными поводами мотивировали нѣкогда законы противъ поповъ, противъ дворянъ, и эта масса чрезвычайныхъ законовъ, повидимому, издавалась всегда для поддержки Конституціи, которую они уничтожали съ верху до низу."

Жанъ Дерби, старинный членъ конвентскихъ комитетовъ, оправдалъ эти мудрыя замѣчанія, даже манерою самаго своего отвѣта. Онъ говорилъ, какъ адвокатъ революціонныхъ мѣръ, позабылъ, что эти мѣры не извинительно было употреблять даже на службу революціи; онъ ссылался на обстоятельства, на необходимость, на право собраній относительно своихъ членовъ и приводилъ всѣ старинные софизмы школъ общественной безопасности. Шозаль сравнилъ проэктъ съ эдиктомъ 1670 г., учредившимъ превотальную юстицію, и доказалъ, что новый законъ былъ произвольнѣе и суровѣе прежняго, столь справедливо пользовавшагося ненавистью при абсолютномъ правительствѣ. Потомъ говорилъ Дону, и въ рѣчи, простота и сдержанность которой сильно подѣйствовали на умы, ограничился только указаніемъ, что такъ какъ проэктъ былъ не конституціонный, то его и слѣдовало отвергнуть по одному этому поводу. Если Конституція нарушается въ одномъ только пунктѣ, то не существуетъ болѣе Конституціи, и нѣтъ ничего обезпеченнаго въ государствѣ. По какому предмету предполагалось отмѣнить судебныя формы? По предмету политическому, т. е. по такому, какой менѣе всякаго другаго могъ обходиться безъ нихъ. Преступленіе противъ государства, сказалъ онъ: — не смотря на весь ужасъ, имъ внушаемый и даже именно по поводу строгаго вниманія, имъ возбуждаемаго, по всѣмъ предположеніямъ преступленіе такого рода, относительно котораго менѣе всего приличествуетъ прилагать преслѣдованіе, слѣдствіе и судъ съ военною быстротою. Если заговоры дѣйствительны, — правительству важно, чтобъ рѣзкая очевидность доказательствъ поражала всѣхъ, предупреждала или разсѣевала всѣ сомнѣнія; но если существуютъ лишь заговоры доносчиковъ и судей противъ невинныхъ жертвъ... Я останавливаюсь, граждане-трибуны, мнѣ приходятъ на память Бальи, Вернье, Туре, Малербъ, осужденные и

умерщвленные съ тою быстротою, какой отъ насъ вновь требуютъ.

Шенье возсталъ противъ отмѣны присяжныхъ... „Какъ, сказалъ онъ:—вы хотите сохранить жюри для маловажныхъ преступленій и устраняете его при тяжкомъ обвиненіи.“ Женгене убѣдительно и краснорѣчиво доказалъ противорѣчіе со стороны правительства, которое хвасталось возстановленіемъ порядка во Франціи и вмѣстѣ требовало такихъ чрезвычайныхъ мѣръ: „Намъ сказали, что революція окончилась, насъ порадовали уничтоженіемъ всѣхъ партій, намъ выхваляли силу правительства, которому оставалось только быть справедливымъ; а между тѣмъ предлагаемый проэктъ пропитанъ вѣчно революціонными симптомами и признаками. Со всѣхъ сторонъ подозрѣваетъ онъ мятежниковъ, съ которыми не въ состояніи справиться обыкновенный законъ, и наконецъ обнаруживаетъ самымъ печальнымъ и нисколько не двумысленнымъ образомъ — слабость правительства.“

Это было полнѣйшимъ пораженіемъ защитниковъ закона, изъ среды которыхъ проговорилъ только Келлеме: „что хорошій человѣкъ всегда былъ обезпеченъ и подъ самыми страшными законами, если только судьи не служили гнусными орудіями страсти.“ Но не смотря на эту жалкую апологію и на благородныя и отважныя усилія оппозиціи, большинство Трибуната, отчасти задобренное, отчасти запуганное, приняло законъ сорока девятью голосами противъ сорока одного. Въ немъ достало еще отваги отвергнуть законъ объ архивахъ или объ уголовной процедурѣ, но независимость его дальше этого не пошла.

Франсе де Нантъ, защищавшій законъ въ качествѣ оратора Государственнаго Совѣта, не столько старался защищать законъ отъ нападеній, сколько ругалъ тѣхъ, которые осмѣлились слушать эти нападенія. Языкъ его отличался неслыханною наглостью. Одинъ тонъ его рѣчи уже достаточно обозначалъ, что въ словахъ его имѣлось нѣчто другое не-

жели личное чувство, а иныя жалобы, именно относящіяся къ метафизикѣ и метафизикамъ, равнялись подписи Перваго Консула. Это они, по его мнѣнію, сгустили мракъ, въ который закутали вопросъ. Въ законѣ не было ничего неопредѣленнаго, и онъ могъ встревожить однихъ только разбойниковъ. Сама нація объявляла о безсиліи своихъ законовъ; нельзя же ей отказать въ удовлетвореніи, собственно изъ-за того, чтобъ угодить нѣсколькимъ шаткимъ противникамъ, которые для извиненія себя не могли даже представить глубокаго убѣжденія, „ибо дерзость того, что́ они утверждали, далеко переходила предѣлы того, во что они вѣрили... Издали иностранецъ могъ бы принять эти фразы за нѣкотораго рода твердую оппозицію, но это была бы весьма грубая ошибка.“

Въ происхожденіи этой рѣчи тѣмъ менѣе можно сомнѣваться, что въ тотъ самый день, когда Женгенѐ опровергалъ законы, Бонапарте публично разразился негодованіемъ въ выраженіяхъ, допускаемыхъ только въ отношеніи враговъ, которыхъ рѣшились погубить во что бы то ни стало. Принимая депутацію Сената, онъ воскликнулъ при полномъ собраніи: „Женгене нанесъ намъ ослиный ударъ ногою! Ихъ тамъ двѣнадцать или пятнадцать метафизиковъ, которые стоятъ того, чтобъ бросить въ воду. Это насѣкомыя, ползающія у меня на платьѣ, но я не позволю имъ напасть на меня, какъ Лудовикъ XIV; нѣтъ, я этого не потерплю.“ Замѣчено уже было, когда власти пришли поздравлять его по случаю Люневильскаго договора, онъ ни слова не сказалъ оратору Трибуната, а въ отчетѣ его Законодательному Корпусу проскользнуло мало скрытое порицаніе по поводу „безразсудныхъ нападеній, со стороны нѣкоторыхъ людей.“ Не смотря, на обнаружившееся такимъ образомъ его расположеніе, выходка Франсе де Нантъ была порицаема вездѣ, даже въ официальныхъ сферахъ, какъ нарушавшая приличіе и достоинство. Первый Консулъ защищалъ его съ жаромъ, доста-

точно доказавшимъ, что рѣчь была его внушеніемъ; онъ сердился на товарищей своихъ Камбасереса и Лебрена, которые смотрѣли на эту рѣчь какъ на непріятную, компрометирующую: „Надобно показать, говорилъ онъ: — что оскорбленіе чувствуютъ и не намѣрены сносить его.“ Онъ готовъ уже считать оскорбленіемъ всякій контроль надъ его дѣйствіями. Этотъ слабый ропотъ общественнаго мнѣнія, переданный ему еще слабѣйшимъ эхомъ Трибуната, съ такою осторожностью, былъ для него несноснѣе открытой войны. Видя, что угрозы и запугиванья остались безъ успѣха, онъ прибѣгнулъ къ ласкамъ и взывалъ даже къ преданности общественному благу. Зачѣмъ трибуны, вмѣсто того чтобъ оппозировать съ трибунъ, рискуя поселить раздоръ между общественными властями, не пришли къ нему, подобно его государственнымъ совѣтникамъ, предложить ему свои замѣчанія въ кабинетѣ, *семейнымъ образомъ*? Развѣ неизвѣстно всѣмъ, что онъ предоставилъ Гасударственному Совѣту наибольшую свободу обсужденія и даже критики? Мы уже сказали въ какой мѣрѣ онъ допускалъ эту свободу; онъ былъ какъ богъ *cuncta supercilio movens*. Кромѣ того Бонапарте дѣйствовалъ во главѣ Государственнаго Совѣта, ибо обсужденіямъ этого совѣта не доставало двухъ вещей, безъ которыхъ немыслимо никакое собраніе: публичности и дѣйствительной силы. Эти-то двѣ вещи, необходимыя основанія всякой законодательной санкціи, Первый Консулъ и хотѣлъ изъять изъ обсужденій Трибуната.

Законъ, предназначенный установить образованіе и возобновленіе избирательскихъ списковъ, открылъ все, что было искусственнаго, ложнаго и практически невозможнаго въ въ избирательной системѣ, созданной конституціею VIII г. Законъ этотъ, съ большимъ трудомъ составленный въ Государственномъ Совѣтѣ, былъ полонъ усложненій и затрудненій, въ лабиринтѣ которыхъ терялись собственные его авторы. Нельзя безнаказанно избѣжать простыхъ и истин-

ныхъ условій природы вещей. Эти усилія замѣнить пустою формальностью прямое избирательство гражданъ, привело къ тому чудовищному результату, что избиратели, помѣщенные въ общинномъ спискѣ округа, должны были избирать изъ среды себя десятаго, для составленія списка департаментскаго, а изъ этого слѣдовало, что въ большихъ городахъ каждый бюллетень вмѣщалъ до *осьмисотъ именъ.* Подобный результатъ обнаруживалъ такую вопіющую нелѣпость, что, на замѣчанія Дюшена и Даменье, — что правительство поспѣшило измѣнить 64 § въ своемъ проэктѣ закона, предоставляя избирателю выбирать только десятаго въ *общинной серіи,* въ которой самъ находится.

Но не смотря на поспѣшность, съ которою были приняты и другія улучшенія въ подробностяхъ, чтобы скрыть какъ можно скорѣе это жалкое произведеніе отъ публики, духъ, обнаруживавшійся въ его цѣломъ, столь очевидно обнаруживалъ стремленіе къ самовластью, что нѣкоторые ораторы не побоялись высказаться противъ самаго принципа закона, хотя онъ былъ и утвержденъ Конституціею. Дѣйствительно, только настоящій цинизмъ могъ назвать избирательною системою правило, которое, ограничивъ всякую роль избранія назначеніемъ лишь пяти тысячъ именъ общинныхъ избирателей, пятидесяти департаментскихъ и, наконецъ, пяти тысячъ національныхъ,—представляло лишь огромный списокъ, въ которомъ правительство могло по произволу выбирать свои креатуры. Замѣчали справедливо, что, однимъ словомъ, всѣ выборы будутъ произведены самымъ незначительнымъ большинствомъ, и что тутъ были всѣ элементы настоящаго патріота, но пассивнаго, раболѣпнаго, который гораздо ниже прежняго дворянства. Законъ однако же прошелъ въ Трибунатѣ. Савой-Ролленъ, защищавшій его въ Законодательнотъ Корпусѣ, приводитъ въ видѣ успокоительнаго повода, „что относительно нѣкоторыхъ затрудненій въ подробностяхъ безпокоиться нечего, такъ

какъ разрѣшеніе ихъ ввѣряется префектамъ и подпрефектамъ." Доказательство это достаточно выражаетъ претензіи, какія правительство имѣло на роль Провидѣнія. Надобно было положиться на него во всемъ, даже въ заботѣ вотировать при случаѣ за націю. Редереръ дополнилъ похвалу закона, заявляя, что избирательство было противоположно патриціату, ибо не пользовалось ни наслѣдственностью, ни привилегіями. Оно дѣйствительно не пользовалось ничѣмъ изъ того, что возвысило бы его, если бъ ему были приданы дѣйствіе и независимость: оно было не болѣе какъ сверхкомплектная служба чиновничества. „Это, говорилъ Редереръ:—послѣдній ударъ, нанесенный древнему патриціату и преграда къ образованію новаго. Здѣсь нѣтъ ничего общаго съ *графскими, герцогскими, маркизскими титулами, которые спокон въку обозначали уничижительное феодальное могущество* [98]). Вскорѣ потомъ *графъ* Редереръ могъ полнѣйшимъ образомъ опровергнуть слова *гражданина* Редерера.

Проэктъ закона объ опредѣленіи податей на X годъ встрѣтилъ болѣе серьезное сопротивленіе. Въ этомъ проэктѣ правительство снова стало въ формальную оппозицію съ Конституціею, какъ оно и поступало каждый разъ, когда Конституція стѣсняла его дѣйствія. Вмѣсто того, чтобы сообразоваться съ 44 и 57 §§, въ которыхъ приходъ и расходъ предписывалось утверждать ежегодно, оно предложило продолжить въ X году подати IX года и представило бюджетъ только съ обозначеніемъ прихода. Благодаря этой системѣ, расходы одного срока представлялись на разсмотрѣніе Законодательнаго Корпуса только въ теченіе слѣдующаго срока, а такъ какъ расходы уже произведены, то, слѣдовательно, и контроль дѣлался безполезнымъ. Это значило обращать въ насмѣшку право контроля, единственное,

---

[98]) *Парламентскіе архивы.* *Прим. автора.*

дѣйствительное преимущество, оставленное законодательной власти. Правительственные ораторы не отрицали, что подобнымъ путемъ нарушалась Конституція; но они старались доказать, что исключительныя обстоятельства, въ которыя правительство поставлено войною, дѣлало невозможнымъ даже приблизительное исполненіе. Ораторы Трибуната допускали возраженіе и соглашались принять во вниманіе обстоятельства; но, принимая возможно широкій военный бюджетъ, не представлялось ли весьма простаго средства ограничить расходы другихъ министерствъ? И они предложили самое естественное раздѣленіе средствъ обыкновенныхъ съ фондами чрезвычайными, какъ самый раціональный способъ къ разрѣшенію проблемы. Представляя нормальный бюджетъ для министерствъ, расходы которыхъ могли быть опредѣлены, и предоставляя прочимъ возможность пополненія изъ придаточныхъ фондовъ,—сохранялось въ одно время право Законодательнаго Корпуса и избавлялась отъ произвола существенная часть важныхъ общественныхъ учрежденій. Но этого-то именно и хотѣлось правительству избѣгнуть во что бы то ни стало: оно протестовало во имя единства бюджета, которое было бы нарушено навсегда, если бы установилась эта система; между тѣмъ какъ требуемая имъ мѣра была временная, по минованіи же кризиса оно обѣщало поспѣшить возвратиться къ прежнимъ принципамъ. Трибунъ Лосса́ отвѣчалъ съ прозорливостью, дѣлающею ему честь, что *временная* мѣра не преминетъ увѣковѣчиться, ибо представляетъ слишкомъ много удобствъ, чтобъ рѣшились, когда бы то ни было, отъ нея отказаться. Что и случилось на самомъ дѣлѣ, исключеніе обратилось въ правило и длилось во все время существованія самой имперіи. Бэльель, вотируя за законъ, не могъ однако жъ не замѣтить, что уничтожилась послѣдняя гарантія народа.

Трибунатъ, не смотря на эти справедливыя замѣчанія, желалъ дать доказательство добраго расположенія и заявить

правительству благодарность за улучшеніе финансовой администраціи, согласился на требуемое предложеніе, но постарался только чрезъ раппортера своего Шариссона выговорить условіе, чтобъ законъ былъ временнымъ. Но онъ показалъ себя строже къ проэкту относительно окончательнаго постановленія о публичномъ долгѣ; въ принципѣ онъ былъ очень хорошъ, но примѣненіе заставляло желать многаго относительно справедливости. Накопилось до 90 милліоновъ за различныя поставки въ Директорію въ теченіе V, VI и VII г. Первымъ распоряженіемъ проекта учреждалась непрерывная 3% рента для уплаты этимъ кредиторамъ, что, при дѣйствительномъ состояніи публичныхъ фондовъ, доводило ихъ капиталъ до двухъ третей. Въ оправданіе этого частнаго банкротства, совершаемаго правительствомъ относительно упомянутыхъ кредиторовъ, оно ссылалось на мошенничество нѣкоторыхъ изъ этихъ поставщиковъ; но такимъ образомъ, какъ замѣтилъ Бенжаменъ-Константъ: если условія были тягостны, то оттого, что правительство было извѣстно неисполненіемъ обѣщанія, и что всякая сдѣлка съ нимъ была положительно неопредѣленная. Впрочемъ большинство этихъ поставокъ происходило отъ реквизиціи, поразившей ремесленниковъ, мануфактуристовъ и земледѣльцевъ, чуждыхъ всякой спекуляціи и которыхъ добросовѣстности нельзя было заподозрить. Ликвидація смѣшивала невиннаго съ виновнымъ, бѣднаго съ богатымъ. Несправедливость эта была тѣмъ чувствительнѣе, что, въ силу другой статьи проекта, правительство третировало собственныхъ кредиторовъ гораздо благопріятнѣе, нежели кредиторовъ Директоріи, хотя ихъ поставка была точно такого же характера, и раздѣлалось съ ними сполна учрежденіемъ ренты и отчужденіемъ на 30 милліоновъ національныхъ имуществъ.

Оставалось рѣшить судьбу собственно публичнаго долга, т. е. той части долга, которая существовала вслѣдствіе банкротства Директоріи. Треть этого долга сохранялась въ боль-

шой книгѣ, что называлось *обезпеченною третью* (tiers consolidé), но только часть этой трети была вписана; не вписанный же, хотя и могшій быть потребованнымъ, назывался третью предварительною (tiers provisoire). Наконецъ были двѣ необезпеченныя трети, такъ называемыя двѣ трети мобилизированныя, уплата которыхъ относилась на національныя имущества. Предлагали внести на 30 милліоновъ *предварительной трети*, но отсрочивъ на два года уплату процентовъ, и обратить двѣ *мобилизированныя трети* въ *треть обезпеченную*, доводя ихъ до $^4/_5$ номинальной стоимости, что достаточно точно опредѣляло положеніе, которому они подверглись. Послѣднею статьею опредѣлялось назначеніе доходовъ изъ 120 милліоновъ національныхъ имуществъ на народное просвѣщеніе, изъ 40 на инвалидовъ, и изъ 70 милліоновъ на кассу погашенія для уменьшенія публичнаго долга.

Нѣкоторыя изъ этихъ мѣръ имѣли извиненіе въ необходимости и были только принужденнымъ послѣдствіемъ дурнаго состоянія финансовъ при прежнемъ правительствѣ, другія доканчивали безъ пользы разореніе интересныхъ и почтенныхъ кредиторовъ, смѣшанныхъ съ агитаторами и грабителями; въ цѣломъ же онѣ имѣли радикальный недостатокъ, а именно произволъ. Противники, желая обязать правительство къ различію между долгами законными и подозрительными, не имѣли въ виду требовать отъ правительства пожертвованій сверхъ его силъ, ибо, по ихъ вычисленію, проценты публичнаго долга не должны были превышать 107 — 110 милліоновъ, что составляло не болѣе пятой доли того, что ежегодно платила Англія; но эту демонстрацію точности и честности они считали необходимою для полнаго возстановленія финансовъ; они полагали, что правительство, будучи въ одно и то же время судьею и тяжущеюся стороною, должно было вести себя на основаніи незыблемыхъ началъ, а не въ видахъ собственнаго удобства; наконецъ они думали благотворно подѣйствовать

на общественное мнѣніе тѣмъ, что правило внушалось правительству законодательнымъ контролемъ. Бенжаменъ Констанъ и Дерено высказывали эти замѣчанія съ такою силою и ясностью, что финансовый проэктъ былъ отвергнутъ въ Трибунатѣ; но Законодательный Корпусъ принялъ его значительнымъ большинствомъ голосовъ.

Итакъ законодательная власть въ концѣ концовъ отвергла лишь два проэкта законовъ, совершенно второстепенныхъ, и это за отсутствіемъ права поправки; невозможно было требовать отъ нея большей уступчивости—развѣ уже захотѣли бы ее уничтожить; но въ ней ненавидѣли не столько весьма умѣренное пользованіе своимъ правомъ, какъ это самое право. Первому Консулу былъ не столько ненавистенъ контроль надъ его дѣйствіями, въ сущности весьма ограниченный, какъ представлявшаяся еще возможность сдѣлать этотъ контроль серьезнымъ. И онъ всѣми возможными способами старался отнять у Законодательнаго Корпуса преимущество, оставленное ему Конституціею, и для этой цѣли употреблялъ самыя неблаговидныя продѣлки. Наилучшія мѣры искажались, будучи превращены въ способы господства.

Генералъ Бонапарте выказывалъ всегда естественную склонность къ порядку и точности въ администраціи. Склонность эта сама по себѣ была благодѣяніемъ для страны въ состояніи, въ которомъ оставила ее безпечность Директоріи; но очень часто случались примѣры, что она была внушена не искреннимъ сочувствіемъ къ народнымъ нуждамъ, а имѣла источникъ лишь въ интересѣ власти, не всегда согласовавшейся съ интересомъ общимъ. Вотъ тайна отчего финансовые законы благопріятствовали однѣмъ категоріямъ кредиторовъ въ ущербъ нѣкоторымъ другимъ; отчего предпочитались иныя публичныя работы другимъ, болѣе существенно полезнымъ, но менѣе способнымъ поразить умы или служить честолюбивымъ цѣлямъ. Внутренніе пути сообщенія были у насъ въ ужасномъ состояніи, и для ихъ улучшенія дѣлалось чрезвы-

чайно мало; за то строили съ огромными издержками и большою огласкою великолѣпную симплонскую дорогу—знакъ и орудіе нашего господства надъ Италіею, и чтобъ обезпечить ее за Франціею, для чего вели съ Швейцаріею переговоры объ уступкѣ Валлиса [99]). Объявлено было объ устройствѣ на Монъ-Сени госпиталя, подобнаго сен-бернардскому; но госпиталь этотъ маскировалъ цѣль устройства казармы. Велѣно было выработать послѣдовательно Шапталю и Фуркруа планъ реформы народнаго просвѣщенія, но съ непремѣннымъ условіемъ учредить шесть тысячъ стипендій, раздаваемыхъ не по конкурсу, а по назначенію Перваго Консула.

Нѣкоторые, впрочемъ, изъ этихъ актовъ заслуживали одобренія безъ боязни, какъ напримѣръ декретъ, обезпечивавшій окончаніе Сен-Кентенскаго канала [100]), работы котораго давно уже прекратились, декретъ о выставкѣ французской промышленности — мѣра превосходная, хотя нѣсколько потерявшая отъ чрезмѣрной регламентаціи, но которая могла принести лишь слабые плоды подъ вліяніемъ чисто военнаго правительства; наконецъ декретъ, отдававшій проэктъ гражданскаго кодекса на разсмотрѣніе апеляціоннаго и кассаціоннаго трибуналовъ. Проэктъ этотъ, ввѣренный къ концу VIII года коммисіи, состоявшей изъ знаменитыхъ законовѣдовъ—Тронше, Порталиса, Мальвиля, Биго де-Преамене—и теперь оконченный, представляетъ не болѣе какъ перечень предварительныхъ работъ конституціоннаго собранія и конвента; онъ наконецъ подвергался разсмотрѣнію самыхъ просвѣщен-

---

[99]) Бонапарте къ Талейрану 13-го февраля 1810 г.

Прим. автора.

[100]) Каналъ, соединяющій Оазу съ Эско и служащій путемъ сообщенія между Парижемъ и сѣверомъ Франціи и Бельгіи; начинается въ Шани и оканчивается въ Камброѣ. Длина около 100 километровъ. Часть его между Оазою и Сенъ-Кентеномъ извѣстна подъ названіемъ канала *Грозà*; часть эта окончена въ 1718 г., остальная же съ 1768—1810.

Прим. перев.

ныхъ юристовъ Франціи, и потомъ съ ихъ заключеніями долженъ былъ поступить въ Государственный Совѣтъ для окончательной редакціи, и только послѣ этой продолжительной процедуры имѣлъ получить законодательную санкцію. Изъ этого видно, какъ должно понимать названіе автора *Гражданскаго Кодекса*, столь часто придаваемое Наполеону. Можно сказать, что кодексъ былъ почти оконченъ, когда онъ принялъ участье въ преніяхъ Государственнаго Совѣта, поправки котораго не всегда были удачны. Я покажу впослѣдствіи, въ какомъ смыслѣ, въ дурномъ или хорошемъ, отразилось вліяніе Перваго Консула въ этомъ коллективномъ трудѣ.

Со времени заключенія люневильскаго трактата, внѣшняя политика Перваго Консула имѣла одну только цѣль — уничтожить Англію, и для достиженія этой цѣли онъ имѣлъ теперь болѣе дѣйствительныя средства, нежели недостойныя ругательства, которыми онъ не переставалъ наполнять какъ свои публичныя рѣчи, такъ и столбцы *Монитера*. Пораженіе Австріи при Гогенлинденѣ и возстановленіе лиги нейтральныхъ подъ покровительствомъ императора Павла I, не только уединили Англію, но и обратили противъ нее коалицію, которую она такъ долго вооружала противъ насъ. У нее въ Европѣ оставались лишь два союзника, готовившіеся къ паденію, это Неаполь и Португалія, да еще Турція, тоже не менѣе безсильная. Мюратъ шелъ на Неаполь, Сенъ-Сиръ готовился вступить въ Испанію съ двадцатипятитысячнымъ корпусомъ для соединенія съ войсками принца Мира [101]), съ

---

[101]) Донъ Мануэль *Годой* родился въ 1767 г. въ Бадажозѣ, въ благородномъ, но бѣдномъ семействѣ, вступилъ очень молодымъ въ гвардію Карла IV, короля испанскаго. Своею красивою наружностью и музыкальнымъ талантомъ онъ обратилъ на себя вниманіе королевы и въ то же время овладѣлъ довѣріемъ короля, вслѣдствіе чего съ непозволительною быстротою достигъ самыхъ высокихъ чиновъ и былъ въ 1792 г. первымъ министромъ. Онъ объявилъ войну Франціи послѣ осужденія Людовика XVI, въ 1795 г. заключилъ миръ въ Балѣ, по случаю котораго

цѣлью покорить Португалію. Люневильскій трактатъ, рѣшая возстановленіе тосканскаго престола въ пользу пармскаго инфанта, объявилъ условія, оберегавшія намъ содѣйствіе Испаніи; но не было извѣстно, что Бонапарте еще подстрекнулъ рвеніе этой державы, давъ замѣтить, что тосканскій престолъ могъ впослѣдствіи преобразоваться въ престолъ неаполитанскій — обѣщаніе, неисполнимость котораго онъ очень хорошо зналъ въ силу обязательствъ, принятыхъ имъ относительно Россіи.

Достаточно было Мюрату показаться на границѣ, чтобъ уничтожить всякое сопротивленіе. Въ исполненіе закона, Неаполитанскій король обязался запереть англичанамъ порты, уступить намъ часть острова Эльбы, половиною котораго мы уже владѣли по праву завоеванія Тосканы, и продовольствовать французскую дивизію въ 15,000, предназначенную

и получилъ титулъ *принца Мира* и званіе испанскаго гранда; въ слѣдующемъ году подписалъ въ Ильдефонсѣ союзный наступательный трактатъ съ французскою республикою, трактатъ, вовлекшій его отечество въ гибельную войну. Въ 1798 г. онъ былъ устраненъ отъ дѣлъ вслѣдствіе придворной интриги, но не утратилъ благосклонности королевской четы. Въ 1800 г. онъ снова вступилъ въ управленіе дѣлами и былъ въ силѣ болѣе чѣмъ когда нибудь; въ 1801 г. принялъ командованіе арміею, предназначенною для занятія Португаліи и, вмѣстѣ съ Франціею, сдѣлалъ довольно счастливо нетрудную кампанію и подписалъ договоръ въ Байэжозѣ, въ одной изъ секретныхъ статей котораго назначалось ему нѣсколько милліоновъ; по настояніямъ Франціи, онъ объявилъ войну Англіи и получилъ по этому случаю титулъ генералиссимуса, но не могъ отвратить отъ Испаніи, разбитой при Трафальгарѣ, бѣдствія утратить свои лучшія колоніи; въ 1806 г. пытался освободиться изъ-подъ гнета Бонапарте и втайнѣ помогалъ сѣверной коалиціи, но какъ только узналъ о побѣдахъ надъ Іеною и Аустерлицемъ, поспѣшилъ отдать свое отечество въ распоряженіе Наполеона. Низкимъ этимъ поведеніемъ онъ вызвалъ всеобщее негодованіе въ Испаніи, вслѣдствіе чего во главѣ недовольныхъ сталъ сынъ короля, принцъ Астурійскій (Фердинандъ VII); но честолюбецъ не побоялся, по приказанію Карла VI, арестовать и судить этого принца какъ заговорщика, хотя месть эта была пріостановлена вмѣшательствомъ Наполеона, который предоставилъ себѣ разбирательство этого дѣла. Предвидя судьбу испанской монархіи, онъ склонилъ

на помощь Египетской арміи. Потерявъ это важное преимущество для своего флота, Англія увидѣла неминуемое нападеніе съ сѣвера со стороны лиги нейтральныхъ, располагавшей соединенными морскими силами Россіи, Даніи, Швеціи и Пруссіи; на югѣ ее оттолкнули почти отъ всѣхъ портовъ Средиземнаго моря, наконецъ ее безпрестанно тревожили на западныхъ берегахъ Европы морскія экспедиціи, снаряженныя Первымъ Консуломъ въ Брестѣ подъ начальствомъ Гантома, въ Рошфорѣ подъ начальствомъ Брюи, въ Италіи подъ командою Дюманоара, и даже до самой Голландіи. Вооруженія эти, направленныя, повидимому, противъ Ирландіи, Индіи и Бразиліи, въ сущности имѣли только одну цѣль—Египетъ, который Наполеону хотѣлось спасти во что бы то ни стало. Итакъ, Англіи предстояло наблюдать и блокировать побережье на огромномъ пространствѣ и вмѣстѣ разрушать разсчеты весьма искусныхъ моряковъ; но такъ какъ она сама находилась наканунѣ высадки арміи въ Еги-

---

короля и королеву покинуть Мадридъ и отплыть въ Мексику, но это не удалось по причинѣ заговора въ Аранжуэзѣ, вызваннаго принцемъ Астурійскимъ, и онъ избѣжалъ отъ народной ярости только въ силу отреченія Карла IV. Принцъ Мира былъ заключенъ въ тюрьму по повелѣнію Фердинанда, сдѣлавшагося королемъ на короткое время, но чрезъ нѣсколько дней былъ освобожденъ по настоянію Франціи и перевезенъ въ Байону, гдѣ способствовалъ къ склоненію Карла IV подписать отреченіе. Онъ сопровождалъ королевское семейство въ различныя резиденціи во Франціи и Италіи, по смерти королевской четы поселился въ Парижѣ, жилъ тамъ въ безвѣстности и умеръ 84 лѣтъ въ 1851 году. Въ 1847 г. онъ вступилъ въ бракъ съ принцессою королевской крови Маріею Терезою бурбонскою, дочерью маркиза Донъ-Луиса и кузиною короля, которая отдала ему свою руку съ отвращеніемъ. Принцъ Мира подвергался различнымъ обвиненіямъ, направленнымъ и противъ его характера и противъ его политики; въ опроверженіе послѣднихъ онъ издалъ «Записки», переведенныя на французскій языкъ Эменоромъ. 1836—1838. Парижъ 4 т. л. 8°. Хотя Годой былъ необразованъ и безъ моральнаго воспитанія, однако превосходно зналъ людей и пользовался ими очень искусно; онъ былъ кротокъ и никогда не проливалъ крови.

Прим. перев.

петъ и придавая большую цѣну уничтоженію этого завоеванія, нежели мы придавали его сохраненію, она съ неутомимою дѣятельностью слѣдила за нашими приготовленіями. Эскадры ея, даже меньшія численностью, выказывали такое сознаніе превосходства, которое пугало нашихъ лучшихъ моряковъ.

Къ опасностямъ этой страшной морской коалиціи присоединялись еще весьма серьезныя непріятности внутренняго кризиса. Хотя рессурсы Англіи почти удвоились съ открытія войны, благодаря дѣятельности, сосредоточившей у нее въ рукахъ всю европейскую торговлю,—населеніе ея страдало отъ голода по причинѣ плохаго урожая; и министерство, которымъ съ такою энергіею управлялъ Уилльямъ Питтъ столько лѣтъ, казалось, готово было рушиться, подъ тягостью бѣдствій, имъ же вызванныхъ. Вдругъ Питтъ вышелъ въ отставку при обстоятельствахъ, столь рѣшительныхъ для будущности его отечества (4-го февраля 1801 г.). Не задумались приписать его отставку тайному желанію устраниться отъ отвѣтственности за событія, отклонить которыя онъ не чувствовалъ въ себѣ силы, хотя свой выходъ онъ и объяснялъ отказомъ короля допустить католиковъ въ парламентъ и къ занятію главныхъ должностей въ государствѣ. Между тѣмъ предположеніе это было ошибочно. Никогда Питтъ не оказывалъ болѣе увѣренности въ силу и величіе своего отечества; никогда съ большею мужественностью не опровергалъ онъ нападенія своихъ могущественныхъ противниковъ оппозиціи, и, можно прибавить, что никогда онъ не былъ болѣе великъ, какъ при этомъ добровольномъ отреченіи отъ власти. Значитъ, дурно понимать этотъ характеръ, если приписывать эту отставку временному даже недовѣрію въ благосостояніе отечества. Дѣйствительно, онъ былъ о немъ такого высокаго мнѣнія, что не полагалъ, чтобъ оно не могло обойтись безъ него. Питтъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые оставляютъ свой постъ въ минуту опасности. Память

его далеко выше подобнаго обвиненія, и теперь, благодаря свѣту, пролитому на эти событія, обвиненіе не имѣло бы даже предлога. Не подъ вліяніемъ минутной слабости, но въ силу самыхъ благородныхъ чувствъ, Питтъ отрекся отъ своего рода диктатуры, ввѣренной ему гораздо болѣе волею страны, нежели предпочтеніемъ Георга III. Въ предшествовавшемъ году онъ пріобрѣлъ содѣйствіе католиковъ въ одномъ изъ важнѣйшихъ предметовъ своей политики—въ присоединеніи Ирландіи, т. е. въ присоединеніи ирландскаго парламента къ парламентамъ англійскому и шотландскому. Онъ рѣшился освободить эту несчастную страну изъ рабскаго состоянія, привязавъ ее къ Англіи узами болѣе прочными, нежели грубая сила. Онъ принялъ на себя иниціативу этого великаго акта заглады. Онъ возвысился надъ предразсудками своихъ соотечественниковъ; онъ понялъ, что соединеніе, происшедшее при помощи благодѣяній, будетъ самою вѣрною защитою противъ нашихъ высадокъ въ Ирландію, а еще большею противъ ея страшныхъ возстаній. Счастливаго этого результата для англійской политики невозможно было иначе достигнуть безъ помощи католиковъ, которымъ подали надежду на отмѣну тяготѣвшихъ надъ ними гражданскихъ стѣсненій. Хотя Питтъ и зналъ, что исполненіе этого обѣщанія, которое не было формальнымъ обязательствомъ, встрѣтитъ сопротивленіе со стороны робкаго и упрямаго короля, однако онъ надѣялся побѣдить это препятствіе, дѣйствуя съ извѣстною медленностью и необходимыми предосторожностями; но измѣна одного изъ его товарищей канцлера Лугборо [102]) испортила все, открывъ дѣло преждевременно, вслѣдствіе чего король Георгъ III сдѣлался непреклоненъ и смотрѣлъ на допущеніе католиковъ къ занятію важнѣйшихъ государственныхъ должностей какъ на несовмѣстное съ при-

---

[102]) Лордъ Стенгопъ: *Уильямъ Питтъ и его время.*

Прим. автора.

сягою, данною имъ при коронаціи. Питтъ не разъ уже доказывалъ силу своего вліянія, и имѣлъ право думать, что и въ этомъ случаѣ убѣдитъ короля; значитъ, несправедливо упрекать его за его честную вѣрность своимъ обязательствамъ. Соединеніе въ томъ видѣ, какъ задумалъ его Питтъ, т. е. посредствомъ эмансипаціи, не было для Англіи второстепеннымъ вопросомъ, какъ утверждали весьма легкомысленно наши историки, но дѣломъ первой важности [103]), и очень естественно, что Питтъ удалился, встрѣтивъ отказъ, обезображивавшій и позорившій его предпріятіе.

Весьма невѣрно утверждаютъ, что Питтъ отступилъ передъ положеніемъ, превышавшимъ его отвагу [104]), ибо менѣе нежели чрезъ мѣсяцъ послѣ своей отставки, считая себя на время освобожденнымъ отъ обязательства относительно католиковъ и вслѣдствіе усилій, употребленныхъ имъ въ ихъ пользу, и вслѣдствіе увеличенія затрудненій со стороны короля, онъ одобрялъ тайныя старанія предъ Аддингтономъ, котораго самъ назначилъ себѣ преемникомъ, чтобъ склонить его къ оставленію министерства. Но Аддингтонъ былъ глухъ къ этимъ совѣтамъ и продолжалъ занимать свое мѣсто съ невозмутимою самоувѣренностью посредственности. Дѣйствительно, положеніе было гораздо менѣе тревожно, нежели кажется съ перваго раза, ибо никогда нація не высказывала болѣе довѣрія къ собственнымъ своимъ силамъ. Она весьма легко выносила страшную тягость войны, и—обстоятельство почти безпримѣрное!—Питтъ встрѣтилъ единодушіе въ парламентѣ относительно послѣдняго бюджета. Громадное возрастаніе промышленнаго благосостоянія Англіи побѣдоносно

---

[103]) Вотъ какъ выражается Маколей о проэктѣ Питта: «Мы будемъ только справедливы къ его памяти, если скажемъ, что проэктъ этотъ былъ столь великъ и простъ, столь справедливъ и гуманенъ, что его одного уже достаточно для помѣщенія Питта въ число знаменитыхъ государственныхъ дѣятелей». *Біографическіе опыты.* *Прим. автора.*

[104]) Тьеръ: *Исторія Консульства и Имперіи.* *Прим. автора.*

опровергало предсказанія его враговъ, какъ пустыя жалобы алармистовъ. Такъ какъ всякое объявленіе войны континентальныхъ державъ имѣло окончательнымъ результатомъ освобожденіе ея отъ соперничества на всемірномъ рынкѣ и отдавало въ ея руки и флоты и колоніи ея противниковъ, то она и привыкла смотрѣть на милліарды своихъ займовъ и субсидій какъ на преміи, выдаваемыя для развитія собственныхъ источниковъ. „Выходящее министерство, сказалъ чрезъ нѣсколько времени Питтъ, въ рѣчи 18-го мая, нашло, среди этихъ постоянныхъ столкновеній, средство отбирать у непріятелей всѣ почти ихъ колоніальныя владѣнія, уничтожить почти всѣ ихъ морскія силы, овладѣть ихъ торговлею, удержавъ всѣ наши владѣнія на всѣхъ мѣстностяхъ земнаго шара“. Оправданіе это въ точности согласуется съ фактами.

Англійскій флотъ былъ тогда въ состояніи успѣшно бороться со всѣми соединенными морскими силами вселенной. Поэтому Англія не только не ощутила приписываемаго ей страха въ присутствіи лиги нейтральныхъ, но даже поспѣшила съ иниціативою непріязненныхъ дѣйствій. Съ радостью и безъ малѣйшаго сомнѣнія въ исходѣ борьбы, Нельсонъ устремился въ Балтику, въ самый центръ непріятельскихъ флотовъ, чтобъ поразить въ сердце морскую коалицію, не давъ ей возможности соединить свои силы. Въ концѣ марта (1801) этотъ несравненный морякъ, сдѣлавшійся уже легендарнымъ героемъ новѣйшаго поколѣнія сыновъ моря, былъ уже на берегахъ Даніи, имѣя при себѣ старика Паркера, котораго адмиралтейство придало ему въ качествѣ руководителя, и насмѣхаясь надъ страхомъ адмирала относительно „мрачныхъ ночей и ледяныхъ степей Балтики“. Русскій флотъ былъ запертъ льдами въ ревельскомъ портѣ, и ни Данія, ни Швеція не окончили еще своихъ приготовленій. 30-го марта Нельсонъ прошелъ Зундъ, держась шведскаго берега, остававшагося безъ присмотра, а 2-го апрѣля появился передъ Копенгагеномъ. Датское правительство, будучи увле-

чено въ лигу, немного вслѣдствіе собственной защиты, изъ боязни, внушаемой ему сосѣдствомъ Россіи, и предоставленное собственнымъ силамъ вслѣдствіе быстроты операцій Нельсона, сосредоточило въ Копенгагенѣ всѣ средства защиты, какими только могло располагать, такъ что естественныя препятствія, имѣющіяся при входѣ въ этотъ портъ, въ соединеніи съ искусственными, весьма прочными укрѣпленіями, дѣлали его неприступнымъ. Единственное слабое мѣсто городъ имѣлъ лишь на южной сторонѣ Королевскаго пролива [105]), но и этотъ пунктъ былъ защищенъ массою старыхъ кораблей и болѣе нежели шестью стами орудій. Нельсонъ не питалъ неудовольствія ни къ Даніи, ни къ ея флоту, слишкомъ незначительному для нанесенія вреда Англіи; но онъ хотѣлъ оторвать ее отъ коалиціи, чтобъ не оставлять въ непріятельскихъ рукахъ Зундскаго пролива на случай возможнаго принужденнаго отступленія. Выпросивъ себѣ у Паркера двѣнадцать кораблей, онъ пустился съ обычною своею отвагою въ Королевскій проливъ и вытянулся въ линію почти бортъ съ бортомъ противъ датскихъ судовъ, среди ужаснѣйшаго огня, не разсчитывая, по своему обыкновенію, ни на хитрости, ни на превосходство силъ, а уповая собственно на волю, которой ничто не могло поколебать, и на геній, которымъ онъ какъ бы озарялся среди опасностей. Три изъ его кораблей, ставшіе на мель, помѣшали ему развернуть всю линію и достигнуть результата, котораго онъ надѣялся [106]). Оборона была такова, какой можно было ожидать отъ маленькаго народа, занимавшаго столь важное мѣсто въ военной исторіи Европы. Одно время Паркеръ, наблюдавшій издали за дѣломъ, считалъ все конченнымъ и велѣлъ подать сигналъ „прекратить сраженіе". Тогда Нельсонъ,

---

[105]) Журьенъ де-ла-Гровьеръ. *Морскія войны во время Консульства и Имперіи.* *Прим. автора.*

[106]) Рапортъ Нельсона въ адмиралтейство. *Прим. автора.*

взявъ въ свидѣтели одного изъ своихъ офицеровъ и приложивъ къ трубѣ кривой глазъ, сказалъ: „Будь я проклятъ, если повинуюсь подобному приказанію! Клянусь душою, что не вижу сигнала. Прикажите поднять на мачтѣ мой сигналъ „биться еще ближе“ [107]). Послѣ четырехъ съ половиною часовъ битвы, большая часть кораблей Нельсона оставалась безъ мачтъ и была пробита ядрами, но за то и датская оборонительная линія изъ старыхъ судовъ почти уничтожилась, вслѣдствіе чего открылся городъ. Приступили къ переговорамъ, и Нельсонъ, имѣвшій свои причины не употреблять во зло побѣды, довольствовался тѣмъ, что потребовалъ у датчанъ перемирія на 14 недѣль, а это, по его мнѣнію, равнялось дѣйствительному выходу изъ лиги нейтральныхъ (9-го апрѣля 1801). Датское правительство также имѣло важныя причины подчиниться этому требованію: оно узнало о смерти императора Павла I и поспѣшило заключить перемиріе, пока новость эта не дошла еще къ англичанамъ.

Первый Консулъ давно уже намѣревался присоединить Пьемонтъ къ Франціи, но зная приверженность императора Павла I къ законнымъ королямъ, онъ рѣшился даже написать къ Сенъ-Марсану, „что изъ дружбы къ Россіи былъ готовъ сдѣлать что нибудь для Сардинскаго короля [108]). Но съ самаго того дня, когда онъ узналъ о кончинѣ императора Павла I, все измѣняется, а Бонапарте издаетъ указъ, дѣйствительно осуществляющій присоединеніе Пьемонта, придавая ему, правда, временно, администрацію французскаго департамента (12-го апрѣля 1801). Впрочемъ, такъ какъ старались не показывать слишкомъ ясно причины столь быстрой перемѣны въ поведеніи, то декретъ былъ поставленъ заднимъ числомъ десятью днями раньше. И еслибы Колы-

---

[107]) Робертъ Сутей: *Жизнь Нельсона.* *Прим. автора.*
[108]) Бонапарте къ Талейрану 18-го марта 1801. *Прим. автора.*

чевъ, русскій посланникъ, вздумалъ жаловаться, то ему отвѣчали бы, сказалъ Наполеонъ, „что Первый Консулъ вознегодовалъ на несоблюденіе приличія Сардинскимъ королемъ, что онъ вышелъ изъ терпѣнія, наконецъ, что ничто еще не было ни потеряно, ни рѣшено". А если бы Луккезини протестовалъ во имя Пруссіи, ему отвѣчали бы, „что французское правительство не считало удобнымъ спорить объ итальянскихъ дѣлахъ съ Прусскимъ королемъ [109]).

Въ то же время Дюрокъ отправился въ Петербургъ съ конфиденціальнымъ порученіемъ. Онъ прибылъ туда, чтобъ присутствовать при заключеніи мира между Англіею и Россіею.

Таково было окончаніе лиги нейтральныхъ и франко-русскаго союза.

---

[109]) Бонапарте къ Талейрану, 13-го апрѣля. *Прим. автора.*

ГЛАВА VII.

Предварительныя лондонскія статьи. — Конкордатъ.

Двойной нашъ военный и дипломатическій успѣхъ въ Гогенлинденѣ и Люневилѣ расположилъ англійскій кабинетъ къ миру; побѣда же Нельсона въ Балтикѣ, смерть Павла I и разрушеніе лиги нейтральныхъ произвели подобное же дѣйствіе на Перваго Консула. Съ обѣихъ сторонъ дошли до той степени усталости, которая склоняетъ на мировую, и при томъ пріобрѣтено было достаточно славы, чтобъ идти на уступки безъ ущерба чести. Въ Лондонѣ находился постоянно нашъ комиссаръ для размѣна плѣнныхъ, Отто, искусный и опытный дипломатъ, и ему-то Гауксбэри, министръ иностранныхъ дѣлъ въ кабинетѣ Аддингтона, сдѣлалъ первыя предложенія. Еще съ 21-го марта (1807), чувствуя необходимость заблаговременно приготовить почву и еще прежде полученія какого бы то ни было извѣстія объ экспедиціи Нельсона противъ нейтральныхъ, онъ сообщилъ Отто, что если бы Франція захотѣла принять предложеніе о мирѣ, то его британское величество готовъ послать въ Парижъ или въ другое мѣсто уполномоченнаго для обсужденія условій. Въ отвѣтъ на это, французское правительство, послѣ тщетныхъ попытокъ навязать свое прежнее предложеніе о морскомъ перемиріи, уполномочило Отто открыть въ Лондонѣ

конференціи съ цѣлью рѣшить предварительно главнѣйшія основанія мира. Такимъ образомъ заговорили о мирѣ, но продолжали воевать, такъ что важнѣйшія затрудненія, которыя должны были разрѣшаться путемъ переговоровъ, предоставлялись разрѣшенію оружіемъ. Съ первыхъ же засѣданій и какъ только выяснились взаимныя притязанія, стало ясно что стороны были такъ далеки отъ соглашенія, что обѣ желали тянуть переговоры до тѣхъ поръ, пока совершившійся фактъ не рѣшитъ главнѣйшихъ вопросовъ спора.

Во Франціи, какъ и въ Англіи, дѣйствительно приготовлялись къ нанесенію двухъ важныхъ ударовъ, отъ которыхъ ожидали рѣшительныхъ результатовъ. Министерство Аддингтона, болѣе счастливое въ войнѣ, нежели кабинетъ Питта, рѣшилось осуществить планъ послѣдняго, высадивъ въ Египетъ армію, которая такъ долго держалась на островѣ Минорке, какъ угроза противъ нашихъ южныхъ побережій. Нападеніе это въ одно и то же время долженствовало быть поддержано какъ турецкою арміею на сирійской границѣ, такъ и корпусомъ, вытребованнымъ изъ Индіи, на берегахъ Краснаго моря; такъ или иначе, но оно разрѣшало по крайней мѣрѣ на время споръ относительно занятія Египта, служившаго главнѣйшимъ препятствіемъ къ заключенію мира. Бонапарте съ своей стороны готовъ былъ употребить всѣ усилія для утвержденія поколебленнаго завоеванія, и послать въ Египетъ подкрѣпленія и припасы, въ которыхъ тамъ чувствовалась крайняя нужда; въ то же время онъ имѣлъ получить новые залоги, въ которыхъ видѣлъ вѣрное средство повліять на переговоры.

Воспользовавшись хорошими отношеніями съ Испаніею, возникшими вслѣдствіе уступки Тосканы дому Бурбоновъ, уваженіемъ, которое внушилъ слабоумному королю, страхомъ, который навелъ на принца Мира, королевскаго любимца, Бонапарте увлекъ Карла IV къ объявленію войны зятю послѣдняго, Португальскому королю, подъ предлогомъ скло-

нить его закрыть порты англичанамъ, но въ сущности съ цѣлью захватить одну или нѣсколько его провинцій для обмѣна съ Англіею при переговорахъ. Люціанъ успѣлъ у принца Мира то ласками, то угрозами, и любимецъ, возведенный въ званіе генералиссимуса, побѣдивъ упрямство короля, готовъ былъ идти на Португалію со всѣми военными силами, какія только могла доставить монархія Карла Пятаго, т. е. съ двадцатипятитысячною арміею, которой имѣлъ помогать французскій корпусъ подъ начальствомъ Леклерка и Гувіонъ Сенъ-Сира.

Почти явное намѣреніе Перваго Консула заключалось въ томъ, чтобъ, если позволятъ обстоятельства, промѣнять Португалію Англіи, въ родѣ того, какъ онъ промѣнялъ Тоскану Испаніи, а прежде Венгрію Австріи. Онъ въ этомъ отношеніи дошелъ до неслыханнаго цинизма, который кажется невѣроятнымъ, если принять во вниманіе краткій промежутокъ времени, отдѣляющій эпоху консульства отъ французской революціи. Что касается Тосканы, то онъ не удовольствовался, какъ говорятъ обыкновенно, тѣмъ, что сдѣлалъ изъ нее королевство, не спрашивая ея согласія, и въ пользу молодаго человѣка, надъ ничтожностью котораго самъ насмѣхался; но уступилъ ее Испаніи, какъ свое личное имѣніе, на правахъ полной собственности. 6-й § мадридскаго договора гласитъ слѣдующее: „Такъ какъ новый домъ, основывающійся въ Тосканѣ, принадлежитъ къ испанскому королевскому семейству, *то и владѣнія его навсегда имѣютъ составлять собственность Испаніи*, и на престолъ будетъ возводимъ инфантъ изъ упомянутаго семейства, если настоящій король или его дѣти останутся безъ потомства“. Вотъ что онъ считалъ себя въ правѣ сдѣлать съ областью, находившейся въ центрѣ той самой Италіи, независимость которой внушала ему такія краснорѣчивыя фразы въ его манифестахъ. Ободренный успѣхомъ этой сдѣлки, онъ пошелъ еще дальше: „Вы уполномочите Люціана, писалъ онъ Талейрану отъ 2-го

марта 1801 г.:—предложить герцогу пармскому, независимо отъ Тосканы, еще и Луккскую область, но съ условіемъ, чтобъ Испанія уступила намъ въ полномъ вооруженіи три фрегата, находящихся въ Барцелонѣ или Карѳагенѣ, и шесть военныхъ кораблей, стоящихъ въ Гаваннѣ". Уступить Тоскану, на которую не имѣли даже право завоеванія, въ обмѣнъ на Луизіану, — сдѣлка совершенно новаго рода со стороны правительства, называвшагося республиканскимъ; но продать независимую область за шесть кораблей и три фрегата — дѣло еще невиданное въ лѣтописяхъ міра.

Пока эти предпріятія оставались нерѣшенными, то ни въ Парижѣ, ни въ Лондонѣ никто не заблуждался относительно того, что конференціи Отто съ лордомъ Гоуксбэри могли имѣть только характеръ дипломатическихъ бесѣдъ, въ которыхъ съ обѣихъ сторонъ ощупывали почву скорѣе для переговоровъ, нежели для соглашенія. Если Франція значительно увеличилась въ Европѣ съ начала войны, то и Англія овладѣла всѣми почти колоніями какъ нашими, такъ и нашихъ союзниковъ. Завоеваніе менѣе блестящее, но болѣе удобное для сохраненія. У голландцевъ она взяла Цейлонъ, Мысъ Доброй Надежды, Гвіяну, у испанцевъ острова Св. Троицы и Минорку, у насъ Мартинику, Сентъ-Люси, индійскія владѣнія и наконецъ о. Мальту, пріобрѣтенный нами отъ рыцарей. Кромѣ того она завоевала обширную имперію въ Индіи. Конечно, въ теченіе этого времени Франція наложила руку почти на половину континента и отняла Египетъ у своей старинной союзницы Турціи; но непрочность этихъ завоеваній была такъ очевидна, что англійскій уполномоченный не поколебался предложить намъ, какъ принципъ будущаго соглашенія, *uti possidetis*, т. е. полное сохраненіе взаимныхъ завоеваній—принципъ, который французское правительство поспѣшило отвергнуть, мотивируя свой отказъ рвеніемъ къ интересамъ союзниковъ. Тогда принялись обсуждать *status ante bellum*, т. е. согласились принять исход-

ною точкою положеніе обѣихъ націй передъ войною. Вскорѣ не замедлили убѣдиться, что каждое изъ двухъ правительствъ старалось употребить статью въ свою пользу, и въ сущности остался принятымъ одинъ только принципъ вознагражденія: хлопотали только о соблюденіи равновѣсія. Первый Консулъ желалъ, чтобъ Франціи и ея союзникамъ возвратили всѣ колоніи, ибо онъ полагалъ, что для Англіи владѣніе Индіею было болѣе нежели достаточнымъ вознагражденіемъ за пріобрѣтенія, сдѣланныя Франціею въ Египтѣ, Италіи и на Рейнѣ. Англійскій кабинетъ не могъ принять этой системы, которая заставляла его преувеличивать собственныя претензіи, къ великому отчаянію Бонапарте. Послѣдній въ этихъ переговорахъ выказывалъ крутую и высокомѣрную волю, не знавшую границъ, и, безъ помощи ловкости, умѣренности и находчивости Талейрана, конференціи не продолжались бы и двухъ недѣль. Едва онѣ начались, какъ уже въ гнѣвѣ на препятствія, замедлявшія ходъ ихъ, онъ приказывалъ Талейрану сообщить лорду Гьюксбюри ноту, въ которой, выразивъ сожалѣніе о медленности англійскаго кабинета, медленности, о причинахъ которой не трудно было догадаться, онъ долженъ былъ написать ему: *„что касается небольшаго числа убійцъ, которые могли бы внутри республики дѣйствовать по наущенію Англіи, то они весьма мало опасны, и англійское правительство не должно возлагать особенныхъ надеждъ на ихъ помощь“* [110]). Такимъ образомъ Бонапарте понималъ дипломатію. Хотя онъ и былъ очень искусенъ въ хитрости, но неудержимая нетерпѣливость безпрестанно увлекала его. Какъ ни были смягчены подобныя оскорбленія гордому и щекотливому народу, пройдя чрезъ искусную и осторожную редакцію Талейрана, однако всетаки они имѣли печальное вліяніе на переговоры. Подобный языкъ былъ тѣмъ болѣе неполитиченъ, что Первый Консулъ

[110]) Бонапарте къ Талейрану, 28-го мая. *Прим. автора.*

съ кончиною императора Павла потерялъ свою главную точку опоры въ Европѣ и аргументъ, который могъ наиболѣе повліять на англійскій кабинетъ. Хотя онъ и писалъ въ томъ же письмѣ, „что въ Лондонѣ плохо понимали чувства императора Александра I и его кабинета, если думали, что онъ измѣнитъ дѣлу континентальныхъ державъ", однако англійскіе министры имѣли на этотъ счетъ свои свѣдѣнія и знали навѣрное, на сколько расположеніе Петербургскаго двора измѣнилось относительно Перваго Консула и его политики.

Дѣйствительно, Россія была гораздо ближе къ разрыву съ Франціею, нежели съ Англіею, ибо союзъ съ послѣднею представлялъ ей необходимость для процвѣтанія торговли и который готовъ былъ скрѣпиться взаимными уступками по поводу нейтральнаго права, а императоръ Александръ мало заботился о гроссмейстерствѣ Мальтійскаго ордена, изъ котораго императоръ Павелъ сдѣлалъ causus belli;* между тѣмъ, какъ союзъ съ Франціею представлялъ этой державѣ лишь рядъ грубыхъ обмановъ. Недавнее присоединеніе Пьемонта къ Франціи окончательно разоблачило эту мистификацію. Вступая на престолъ, императоръ Александръ нашелъ отношенія между Франціею и Россіею въ томъ состояніи пріязни, которое основано было на ошибкѣ и для превращенія котораго въ открытую войну достаточно было одного слова объясненія съ той и другой стороны. Онъ не внесъ въ свою политику непреложныхъ идей возстановленія прежняго правительства, но хотѣлъ въ нѣкоторой мѣрѣ сохранить роль покровительства, принятаго его отцомъ относительно государей, свергнутыхъ съ престола, или которымъ угрожала эта участь, какъ, напримѣръ, короли Сардинскій, Неаполитанскій, Баварскій. Намѣренія его въ этомъ отношеніи выражались въ такихъ живыхъ и высокомѣрныхъ нотахъ Колычева, что сдѣлалось невозможнымъ оставить этого дипломата въ Парижѣ. Въ одной изъ этихъ нотъ, отъ 26-го апрѣля 1801 г., онъ напомнилъ обѣщанія въ пяти параграфахъ, служившія основа-

ніемъ сближенія двухъ правительствъ; онъ показалъ, какимъ образомъ ихъ нарушили касательно Неаполитанскаго короля перемиріемъ, которое истребовано было Мюратомъ, и прибавилъ: „Нижеподписавшійся имѣетъ приказаніе объявить гражданину Талейрану, что если не получитъ увѣренія въ исполненіи пяти параграфовъ, принятыхъ французскимъ правительствомъ предварительно, то вовстановленіе согласія между двумя государствами существовать долго не можетъ“. Талейранъ протестовалъ противъ повелительнаго тона этого ультиматума, и даже настоялъ на нѣкоторомъ смягченіи выраженій; но тѣмъ не менѣе стало ясно настоящее состояніе отношеній нашихъ съ Россіею. Самое посольство Дюрока въ Петербургъ не измѣнило ничего въ этомъ порядкѣ вещей. Его приняли тамъ чрезвычайно любезно, но адъютантъ Бонапарте возвратился ни съ чѣмъ: Франція добилась отъ Россіи лишь холоднаго нейтралитета.

Второе средство, на которое разсчитывалъ Наполеонъ, съ цѣлью повліять на англійскихъ уполномоченныхъ, т. е. овладѣніе Португаліею съ помощью франко-испанской арміи, могло сильнѣе на нихъ подѣйствовать, нежели призракъ союза, похороненнаго въ могилѣ императора Павла I; но вещи измѣнились такимъ образомъ, вслѣдствіе недовѣрія, внушаемаго самимъ Первымъ Консуломъ, что онъ даже не могъ заручиться и этимъ владѣніемъ, на которомъ основывалъ столько надеждъ. Въ то время, когда съ англійскимъ кабинетомъ завязались самые жаркіе переговоры, вдругъ сдѣлалось извѣстнымъ, что Испанскій король вступилъ въ договоръ съ Португальскимъ, безъ обезпеченія, о которомъ болѣе всего хлопоталъ Бонапарте. Карлъ IV приступилъ къ этой войнѣ собственно изъ угожденія и по слабости, а любимецъ его согласился на это изъ разсчета и тщеславія; Португалія не питала ни малѣйшаго неудовольствія къ Испаніи, и родственныя узы, соединявшія оба двора, были болѣе нежели достаточны,

чтобъ нейтрализовать зародышъ неудовольствія, который Бонапарте усиливался эксплоатировать.

Изъ такого порядка вещей легко было предвидѣть развязку этой искусственной ссоры. Испанскій король и принцъ Мира питали весьма легкую личную непріязнь къ Португальскому двору, а потому должны были удовольствоваться самымъ наименьшимъ удовлетвореніемъ, какое условились потребовать, что и произошло на самомъ дѣлѣ. Занявъ послѣ легкихъ стычекъ, Оливенцу и провинцію Алентехо и достигнувъ этого успѣха безъ французовъ, водворенія которыхъ въ Португаліи онъ не желалъ также какъ и въ Испаніи, принцъ Мира поспѣшилъ пригласить короля и королеву въ Бадахоцъ, чтобъ раздѣлить его торжество и принять покорность побѣжденныхъ.

Португальцы, которые, благодаря сосѣдству нашихъ войскъ, знали, какая участь грозила имъ въ случаѣ сопротивленія, поспѣшили обезоружить Испанію, соглашаясь на всѣ ея требованія. Они обязались запереть свои порты англичанамъ, уступить Оливенцу Испаніи, наконецъ, дать двадцать милліоновъ вознагражденія Франціи, и Карлъ IV, который не могъ желать разоренія своихъ дѣтей, поспѣшилъ изъявить согласіе. Такое удовлетвореніе было болѣе нежели достаточно за проступки, сдѣланные противъ насъ этимъ маленькимъ королевствомъ, ибо въ той степени слабости, въ какую впало оно въ концѣ XVIII столѣтія, не отъ него зависѣло уклониться отъ англійскаго вліянія.

Договоръ этотъ былъ подписанъ Карломъ IV въ Бадахоцѣ, и самъ Люціанъ скрѣпилъ его своею подписью прежде отсылки на утвержденіе брата. Копія съ него пришла къ Первому Консулу 15-го іюня; подъ вліяніемъ страшнаго раздраженія, онъ немедленно написалъ къ Талейрану: „Договоръ этотъ противенъ договору, заключенному съ Испаніею, противенъ интересамъ республики и инструкціямъ, даннымъ Люціану; договоръ этотъ—самая вопіющая неудача,

какую только онъ испытывалъ во время своего консульства, и что онъ скорѣе готовъ потерять какую нибудь провинцію, нежели утвердить его, и что, наконецъ, было необходимо *нарушить этотъ договоръ немедленно*" [111]). Въ то же время онъ послалъ приказанія Леклерку и Сенъ-Сиру сосредоточить войска для занятія Оппорто и трехъ португальскихъ провинцій. Но принцъ Мира, въ виду возраставшихъ затрудненій французскаго правительства, принялъ очень дурно этотъ протестъ, объявилъ трактатъ ненарушимымъ, показалъ готовность сопротивляться, въ случаѣ надобности, силою оружія противъ притѣсненія, которое хотѣли сдѣлать его двору, и Люціанъ, попавши въ тиски, подалъ въ отставку. Извѣстія эти довели гнѣвъ Перваго Консула до высшей степени. „Пусть Люціанъ объявитъ королю, писалъ онъ: — что если принцъ Мира увлечетъ короля и королеву къ мѣрамъ, противнымъ интересамъ и чести республики, то немедленно пробьетъ послѣдній часъ Испанской монархіи" [112]). Но угроза эта въ то время была неосуществима, ибо Франція, договариваясь и выставляя свое мирное настроеніе, не могла разойдтись съ единственнымъ своимъ союзникомъ въ Европѣ, и представленія Талейрана, а болѣе необходимость заставили Перваго Консула измѣнить тонъ. Условіе относительно занятія португальскихъ провинцій не имѣло, впрочемъ, характера абсолютнаго и обязательнаго, какое онъ хотѣлъ придать ему со времени открытія переговоровъ съ Англіею; собственная его корреспонденція представляетъ тому весьма ясныя доказательства: „Если испанскій король, писалъ онъ Талейрану 2-го марта 1801 г.:—желаетъ устранить себя отъ занятія португальской провинціи, Люціанъ *можетъ согласиться*,

---

[111]) Бонапарте къ Талейрану, отъ 15-го іюня 1801.
Прим. автора.

[112]) Бонапарте къ Талейрану, 10-го іюля 1801 г.
Прим. автора.

съ условіемъ, чтобъ Португальскій король выдалъ намъ три корабля, которые блокировали меня въ Александріи".

Люціанъ также утверждалъ, что имѣлъ письмо Перваго Консула, которое уполномочивало его „*окончить это, съ единственнымъ условіемъ, чтобъ Португалія закрыла порты англичанамъ*" [113]).

Этотъ обманъ относительно Португаліи и охлажденіе къ Испаніи произошли въ одно время съ полученіемъ въ Парижѣ извѣстія о заключеніи лордомъ Сентъ-Еленсъ трактата между Англіею и Россіею, и объ интимномъ сближеніи послѣдней съ Пруссіею, которую мы льстили себя надеждою задобрить, дозволивъ ей занять Ганноверъ и маня надеждою, что она можетъ сохранить его. Такимъ образомъ смирилось непомѣрное честолюбіе, которое мечтало уже предписывать законы Европѣ. Послѣдняя попытка наша подкрѣпить Египетъ была также безплодна, какъ и предъидущія, и вѣсть о капитуляціи Каира достигла во Францію.

Убійство Клебера передало командованіе Египетской арміи въ руки неспособнаго Мену. Единственное право этого генерала на занятіе такого опаснаго поста было простое старшинство, и не смотря, что въ арміи онъ не пользовался уваженіемъ, не смотря на то, что сотоварищамъ его казалось унизительнымъ повиноваться подобному начальнику, никто не протестовалъ. Къ несчастью, Первый Консулъ счелъ обязанностью утвердить его въ этомъ званіи. Единственною заслугою въ его глазахъ начали уже казаться — только покорность и личная ему преданность. Мену былъ почти единственнымъ генераломъ, который одобрялъ безусловно все, сдѣланное Наполеономъ въ Египтѣ. Уваженіе свое онъ выражалъ тогда въ такихъ восторженныхъ выраженіяхъ, что одни приписывали это низкопоклонству, а другіе безумію. Онъ предупреж-

---

[113]) Записки Редерера: *Замѣтки для моихъ дѣтей.*
Прим. автора.

далъ даже самыя фантастическія желанія главнокомандующаго, принявъ исламизмъ и женясь на турчанкѣ; но примѣръ его не нашелъ подражателей. Однимъ словомъ, онъ усвоилъ всѣ мечты этого невозможнаго романа съ добросовѣстнымъ фанатизмомъ узкаго ума, который отвергалъ препятствія по недостатку способности замѣтить ихъ. При Клеберѣ, въ эпоху Эль-аришскаго трактата, онъ выказывалъ необыкновенное рвеніе къ сохраненію Египта и утверждалъ безусловную возможность этого сохраненія; но мнѣніе его, опровергнутое лучшими генералами арміи, за исключеніемъ Дезэ, болѣе повредило, нежели принесло пользы дѣлу. Храбрый офицеръ, но безъ военныхъ способностей, съ шаткимъ, фантастическимъ умомъ, что отнимало у него всякое вліяніе на солдата, человѣкъ характера непостояннаго и нерѣшительнаго, тучный и чрезвычайно косой, какъ физически, такъ и морально — таковъ былъ единственный остававшійся въ арміи сторонникъ занятія Египта; таковъ былъ генералъ, котораго Бонапарте предпочелъ Ланюсу и Ренье—людямъ въ высшей степени достойнымъ, но весьма мало склоннымъ къ раболѣпству; таковъ былъ, наконецъ, администраторъ, которому Первый Консулъ ввѣрилъ постъ, для коего было недостаточно и собственнаго его генія.

По вступленіи въ должность, Абдалла Мену, которому во что бы то ни стало хотѣлось дать неопровержимыя доказательства возможности основанія колоніи въ Египтѣ, счелъ первымъ дѣломъ разрушить все, сдѣланное до него, чтобъ начать по своему. Немедленно посыпались указы за указами, регламентаціи за регламентаціями, съ печальнымъ обиліемъ, свойственнымъ необузданному уму, который волненіе принимаетъ за дѣйствительность и думаетъ ошибки дѣла исправлять одними словами. Онъ все измѣнилъ какъ въ управленіи арміи, такъ и въ администраціи самаго края; онъ навязалъ почти полудикому населенію мелочную европейскую регламентацію, противную ихъ нравамъ, инстинктамъ, идеямъ;

онъ изгналъ національные обычаи, запретилъ нѣкоторые костюмы, измѣнилъ судебную часть и систему податей, ввелъ въ Египтѣ наше лѣсное управленіе и учредилъ таможни; однимъ словомъ, онъ взялъ изъ нашей административной системы все ошибочное и что должно было сдѣлать для туземцевъ гнуснымъ и невыносимымъ наше владычество [114]). Въ своей роли преобразователя онъ обнаружилъ родъ лихорадочной поспѣшности, словно предчувствовалъ кратковременность ея существованія. Онъ въ простотѣ души воображалъ, что разрѣшалъ столько затрудненій, сколько исписывалъ стопъ бумаги, которой расходовалъ огромное количество [115]), и что въ тотъ вѣкъ, обуреваемый маніею къ законодательству, заставило нѣкоторыхъ историковъ назвать Мену превосходнымъ администраторомъ. Въ дѣйствительности же онъ всюду вносилъ безпорядокъ и разстройство, существовавшія въ его разстроенномъ мозгу.

Пока спокойствіе не нарушалось никакою внѣшнею опасностью, странности этого чудака имѣли только послѣдствіемъ возникновеніе многихъ недовольныхъ въ арміи и лишеніе недостойнаго начальника всякаго обаянія. Но съ началомъ весны 1801 года начали появляться печальныя извѣстія: пронеслась молва о прибытіи въ Мальту, а потомъ въ Макри англійской арміи Магона; потомъ начали говорить о близкой высадкѣ его въ Абукирѣ и о вторженіи турецкой арміи, сформированной уже въ Сиріи. Мену не съумѣлъ принять никакой дѣйствительной мѣры къ защитѣ, что, впрочемъ, не представляло ничего необыкновеннаго въ томъ отчаянномъ положеніи, въ какомъ онъ находился. Генералы умоляли его со-

---

[114]) Мартэнъ: *Исторія Египетской экспедиціи*. Генералъ Ренье: *Египетъ послѣ сраженія при Геліополисѣ*. *Прим. автора.*

[115]) Приказы Мену (отчасти напечатанные въ Каирѣ, отчасти рукописные) составляютъ три тома in folio. Это масса риторики и несообразностей. *Прим. автора.*

средоточить войско вокругъ Александріи—позиція, съ которой удобнѣе всего было направлять силы на угрожаемую мѣстность; но онъ оставался въ Каирѣ, довольствуясь тѣмъ, что отправилъ въ Александрію генерала Фріана съ нѣсколькими тысячами человѣкъ, да разослалъ небольшіе отряды, слишкомъ разбросанные для помѣхи непріятелю — въ Раманіегъ, Даміетту и Бальбеиссъ. Предоставленный собственнымъ силамъ, Фріанъ напрасно старался воспрепятствовать высадкѣ англичанъ, произведенной 5-го марта на абукирскомъ берегу. Въ оправданіе Мену слѣдуетъ сказать, что предупредить эту высадку было положительно невозможно, ибо еслибы англичане встрѣтили на Абукирскомъ полуостровѣ серьезную оборону, то они высадились бы въ Даміеттѣ или Раманіегѣ. Армія наша была ограничена до такой степени, что невозможно было укрѣпить одинъ пунктъ безъ того, чтобъ не разстроить всѣхъ другихъ, а сохраненіе послѣднихъ представляло для насъ капитальную необходимость. Нуженъ былъ сильный гарнизонъ въ Каирѣ, населеніе котораго бунтовалось два раза въ теченіе трехъ лѣтъ; не менѣе сильный гарнизонъ потребенъ былъ въ Бальбеиссѣ для наблюденія за турецкою арміею, сосредоточенною на границѣ Сиріи; тоже самое предстояло въ Александріи, Даміеттѣ, Раманіегѣ, Абукирѣ: мы упоминаемъ лишь мѣста существенныя для нашей безопасности. За исключеніемъ этихъ гарнизоновъ, что же оставалось въ арміи, въ которой состояло не болѣе двѣнадцати, пятнадцати тысячъ человѣкъ, годныхъ къ строю?

Итакъ, было бы вопіющею несправедливостью возлагать на Мену отвѣтственность за неуспѣхъ, сдѣлавшійся неизбѣжнымъ. Поставленный точно въ такое же положеніе, Бонапарте не могъ воспрепятствовать высадкѣ турокъ въ Абукирѣ, хотя въ то время армія его была несравненно сильнѣе арміи Мену; конечно, онъ отбросилъ ихъ въ море; но могъ ли бы онъ сдѣлать это, еслибъ вмѣсто, какъ онъ называлъ, „турецкой сволочи“, онъ встрѣтился бы лицомъ къ

лицу съ осьмнадцатитысячнымъ англійскимъ войскомъ, подъ начальствомъ отличныхъ офицеровъ, и еслибъ, въ то же время, ему грозила съ фланговъ турецкая тридцатитысячная армія изъ Сиріи и шеститысячный корпусъ сипаевъ съ береговъ Чермнаго моря, и еслибъ, наконецъ, для всего этого у него была подъ рукою армія, уменьшенная на треть? Дѣйствительно, Мену былъ неспособный генералъ, но кто же его выбралъ и поддерживалъ, не смотря на ропотъ арміи? Съ какой бы точки ни смотрѣть, отвѣтственность за катастрофу должна всецѣло упасть на того, кто былъ ея главнымъ виновникомъ.

То же можно сказать и о безполезныхъ попыткахъ адмирала Гантома доставить подкрѣпленіе въ Египетъ. Гантомъ и Мену, въ силу общепринятой исторической рутины, были главною причиною неудачи экспедиціи. Еслибъ онъ успѣлъ, слава досталась бы другому, но такъ какъ онъ оборвался, то и вина должна падать на него одного: такова ужь справедливость человѣческая. По мнѣнію всѣхъ, Гантомъ былъ очень храбрый и весьма искусный морякъ; будучи чрезвычайно привязанъ къ Бонапарте, онъ спасъ его отъ англійскихъ крейсеровъ во время опаснаго возвращенія во Францію; онъ считалъ за честь успѣть въ какомъ нибудь трудномъ порученіи. Когда непріятельскій флотъ окружилъ его въ Брестѣ, онъ смѣло вышелъ въ море, благодаря страшной бурѣ, разсѣявшей его эскадру; онъ собралъ свои суда у береговъ Испаніи и прошелъ чрезъ Гибралтаръ столь же отважно, какъ и счастливо; но, будучи узнанъ въ Средиземномъ морѣ крейсерами адмирала Уаррена и не имѣя возможности со своими кораблями, переполненными дессантомъ и грузомъ, вступить въ сраженіе, вошелъ въ Тулонъ 13-го февраля. За это осыпали его горькими упреками. Но предположимъ, что онъ вступилъ бы въ бой и остался побѣдителемъ, что весьма невѣроятно, ибо хотя у него было однимъ или двумя кораблями болѣе, нежели въ англійской эскадрѣ,

но и суда и моряки его уступали во всѣхъ отношеніяхъ англійскимъ, которые не были стѣснены транспортомъ; допустивъ даже это предположеніе, онъ не въ состояніи былъ немедленно отправиться въ Египетъ, бывъ почти увѣренъ встрѣтиться тамъ съ дессантною эскадрою. Приводятъ, правда, въ примѣръ, что фрегатъ *Реженере* прибылъ въ Александрію 2-го марта; но одинокое судно можетъ рискнуть на подобную попытку, а конвой не можетъ, и если фрегату *Реженере* удалось ускользнуть отъ непріятельскихъ крейсеровъ, то вѣдь была же захвачена *Африканка*, отплывшая одновременно.

Когда Бонапарте узналъ о неудачѣ Гантома, онъ дошелъ до той степени бѣшенства, до которой доходилъ всегда, если сталкивался съ силою вещей. Возлагая на людей отвѣтственность за неудовлетворительность вещей, упреки свои онъ не разъ доводилъ до оскорбленія: безумныя его вспышки стоили жизни Вильнёву и многимъ храбрымъ морякамъ и были достойны азіатскаго деспота. Гантомъ, впрочемъ, не получилъ прямаго выговора, а былъ только немедленно отозванъ. Онъ могъ выйдти въ море не ранѣе 2-го марта. Въ это время англійская армія, высадившаяся въ Египтѣ уже двѣ недѣли назадъ, одержала во второй разъ кровопролитнѣйшую побѣду надъ Фріаномъ и Ланюсомъ 13-го марта и была наканунѣ битвы съ Мену при Канопѣ, битвы рѣшительной, происшедшей 23-го марта. Въ этомъ положеніи четыре или пять тысячь человѣкъ, находившихся на эскадрѣ Гантома, не могли уже ничего измѣнить въ исходѣ событій. Но эскадра Гантома испытала у сардинскихъ береговъ одну изъ тѣхъ морскихъ случайностей, которыхъ предвидѣть невозможно: два изъ его кораблей столкнулись ночью и такъ повредили другъ друга, что необходимо было немедленно возвратиться въ Тулонъ (5-го апрѣля). Въ это время деморализованныя войска наши, потерявшія при Канопѣ двѣ тысячи человѣкъ и нѣсколько лучшихъ офицеровъ, въ томъ числѣ Ланюса, от-

личнаго генерала, шагъ за шагомъ отступали предъ непріятельскими превосходными силами, о нападеніи на которыя они даже не смѣли и подумать [116]). Въ началѣ мая мы потеряли Розетту, а чрезъ нѣсколько дней и Раманіегъ. Въ нашихъ рукахъ оставались только двѣ крѣпости — Александрія и Каиръ, не имѣвшія ни малѣйшаго между собою сообщенія, и въ которыхъ войска наши должны были запереться безъ надежды на продолжительную оборону. Съ тѣхъ поръ Египетъ былъ потерянъ неизбѣжно.

Адмиралъ Гантомъ получилъ третій разъ приказаніе вступить подъ паруса. Мѣстомъ высадки ему назначили портъ Дернъ, небольшой городокъ на африканскомъ берегу, въ нѣсколькихъ переходахъ отъ Александріи и, кромѣ того, что отдѣленный отъ этой столицы обширною, безводною пустынею, но и защищенный чрезвычайно дикимъ населеніемъ, которое встрѣтило насъ убійственнымъ ружейнымъ огнемъ. Гантомъ, будучи принужденъ оставить въ пути часть своей эскадры, пораженной эпидеміею, имѣлъ съ собою всего двѣ тысячи человѣкъ, которые, по мнѣнію всѣхъ офицеровъ, неминуемо погибли бы при высадкѣ съ подобными условіями. Но будь его силы вдвое или втрое больше, онъ ничего не могъ измѣнить въ исходѣ войны, который съ тѣхъ поръ былъ неотвратимъ. Онъ не успѣлъ еще принять никакого рѣшенія, какъ появленіе англійской эскадры заставило его немедленно возвратиться.

Жалобы и упреки, предметомъ которыхъ былъ этотъ отважный морякъ въ описанныхъ обстоятельствахъ, для него непреодолимыхъ, относились также и къ Брюи, Дюмануару и Ланyа, ибо всѣ эти адмиралы въ то время получили одинаковое порученіе, котораго ни одинъ изъ нихъ не могъ исполнить по той же самой причинѣ. Брюи приказано было

---

[116]) Р. Уильсонъ: *History of the brittish expedition to Egypt.*
Прим. автора.

выйдти изъ Рошфора [117]) и, соединившись въ Кадиксѣ съ Дюмануаромъ и Ланауа, немедленно отправиться въ Египетъ; онъ не могъ исполнить даже первой части этого движенія. Болѣе счастливый Ланауа выдержалъ съ адмираломъ Сомарецомъ кровопролитное сраженіе въ Алджезирѣ, на которое смотрѣли какъ на побѣду, потому что потеря была почти равна съ обѣихъ сторонъ; но онъ провелъ въ Кадиксъ флотъ совершенно изувѣченный, который не могъ держаться въ морѣ. Въ это время генералъ Бельяръ подписалъ каирскую капитуляцію. Съ тѣхъ поръ Александрія осталась единственнымъ пунктомъ, который мы могли сохранить въ Египтѣ (27-го іюня 1801).

Различныя наши неудачи имѣли послѣдствіемъ облегченіе переговоровъ. Такъ какъ Египетъ былъ для насъ совершенно потерянъ, хотя Бонапарте и старался утверждать, „что лордъ Гъюксбюри былъ слишкомъ уменъ, чтобъ не понимать, что Египетъ заключался въ Александріи“ [118]). Французское правительство не дѣлало больше затрудненій въ возвращеніи его Портѣ. Первый Консулъ самъ составилъ для Отто и по адресу лорда Гъюксбюри ноту, которая, кромѣ этой уступки, заключала и другія пожертвованія, которыя онъ считалъ совмѣстимыми съ честью Франціи. До сихъ поръ онъ настаивалъ на отдачѣ Мальты Франціи, а Цейлона Голландіи: эти два условія, вмѣстѣ съ возвращеніемъ Египта Турціи, служили самымъ главнымъ препятствіемъ миру; онъ согласился, чтобъ Англія сохранила Цейлонъ, имѣвшій капитальную важность для ея индійскихъ владѣній, и на возвращеніи Мальты Ордену. Взамѣнъ онъ требовалъ возвращенія всего прежнимъ владѣльцамъ въ Америкѣ, на мысѣ Доброй Надежды и на Средиземномъ морѣ. Съ своей стороны онъ обязался очистить Португалію и всѣ занимаемые имъ

---

[117]) Приказъ 19-го мая 1801 г. *Прим. автора.*

[118]) Гражданину Колльяру, 29-го іюля 1801 г. *Прим. автора.*

порты, какъ во владѣніяхъ Неаполитанскаго короля, такъ и въ Папской области [119]). Онъ предписывалъ Отто прибавить, что если Англія возобновитъ коалицію, *„то это не будетъ имѣть другаго результата, какъ возобновленіе исторіи величія Рима“*.

Уступки эти подѣйствовали на неподвижность англійскаго кабинета; онъ согласился на большую часть этихъ сдѣлокъ, но отказался принять принципъ полнаго возвращенія американскихъ колоній Франціи и ея союзникамъ; ибо если пожертвованія въ другихъ частяхъ свѣта были до нѣкоторой степени уравнены его пріобрѣтеніями, то выгоды, которыхъ требовали отъ него въ Америкѣ, оставались, по его мнѣнію, безъ вознагражденія. Онъ предложилъ возвратить Антильскіе острова, съ сохраненіемъ голландской Гвіаны, или возвратить послѣднюю съ сохраненіемъ первыхъ. Первый Консулъ не хотѣлъ и слышать о подобныхъ условіяхъ; онъ высказалъ все негодованіе за то, что ему осмѣлились сдѣлать такія предложенія; онъ велѣлъ напечатать въ *Монитерѣ* самыя грозныя статьи, предписалъ своему уполномоченному говорить повелительнымъ тономъ, объявлялъ, что если его доведутъ до крайности, то онъ изъ самого Ганновера сдѣлаетъ предметъ обмѣна и вознагражденія и, наконецъ, придалъ необыкновенную гласность приготовленіямъ, дѣлавшимся до нѣкоторыхъ поръ противъ Англіи на булонскомъ берегу. По его приказанію Латушъ Тревилль снарядилъ флотилію канонирокъ, которую самъ Первый Консулъ въ душѣ считалъ болѣе способною служить пугаломъ, нежели дѣйствительною вооруженною силою. Гораздо уже позже онъ возъимѣлъ серьезную мысль о высадкѣ въ Англію. Въ странѣ, противъ которой направлялись эти угрозы, спеціальные люди очень мало безпокоились, журналисты дѣлали это предметомъ насмѣшки, но менѣе образованные классы ощутили нѣкоторую

---

[119]) Нота 23-го іюля 1801 г. *Прим. автора.*

тревогу. „Даже отправившись изъ фландрскихъ портовъ, высадка немыслима, писалъ Нельсонъ въ адмиралтейство.—Что же касается до переѣзда на веслахъ, то это положительно невозможно. Вы правы, принимая мѣры противъ безумія этого человѣка, но съ такими силами, которыми я могу располагать, я не допущу выполненія этого нелѣпаго проэкта" [120]). Однако, для успокоенія народнаго страха, были приняты нѣкоторыя оборонительныя мѣры, и Нельсонъ получилъ изъ адмиралтейства приказаніе уничтожить флотилію. Но, будучи принужденъ ограничиться бомбардированіемъ, за невозможностью напасть на флотилію, англійскій адмиралъ причинилъ ей лишь незначительный вредъ при этой первой попыткѣ; вторая же, затѣянная при лучшихъ условіяхъ, но разстроенная вѣтромъ и отливомъ, которые раздѣлили четыре его дивизіи гребныхъ судовъ и не дозволили имъ произвести нападеніе въ одно время, а лишь послѣдовательно, не удалась точно также при неустрашимомъ сопротивленіи нашихъ канонирокъ [121]).

Счастливый результатъ этихъ двухъ небольшихъ сраженій и упрямство Испаніи относительно Бадахоцкаго трактата, привели, наконецъ, къ желанному соглашенію между двумя кабинетами. Въ Лондонѣ уже настаивали только на сохраненіи въ Америкѣ острова св. Троицы—испанское владѣніе, котораго Наполеонъ не хотѣлъ уступить до тѣхъ поръ ни за какую цѣну и которое, по совѣту Талейрана, рѣшился отдать для наказанія Испаніи, какъ онъ говорилъ, за ея измѣну. По улаженіи этихъ затрудненій, послѣднее препятствіе, поднятое Первымъ Консуломъ, едва всего не уничтожило. Прикрывая уязвленную гордость искреннею преданностью интересамъ своихъ союзниковъ, онъ сперва настаивалъ на

[120]) Р. Сутей: Life of Nelson. *Прим. автора.*

[121]) Рапорты Нельсона отъ 4-го и 6-го августа 1801 г. *Прим. автора.*

томъ, чтобъ уступка Цейлона и острова св. Троицы была помѣщена въ секретныхъ статьяхъ, несовмѣстимыхъ съ гласностью, требуемою британскою конституціею, а потомъ требовалъ, чтобъ формула уступки была выражена въ томъ видѣ, что Франція *не будетъ противиться.* Въ случаѣ непринятія этой формулы, Отто получитъ приказаніе прекратить переговоры, ибо, говорилъ Бонапарте, что онъ не отступится, „еслибъ даже англійскій флотъ бросилъ якорь передъ Шалльо" [122]). Однако надобно было уступить и въ этомъ. Текстъ предварительныхъ статей, подписанныхъ въ Лондонѣ 1-го октября 1801 г., къ величайшей радости обѣихъ націй, гласилъ, что его британское величество уступитъ Французской республикѣ и ея союзникамъ всѣ ихъ колоніи, пріобрѣтенныя во время войны, за исключеніемъ острова св. Троицы и голландскихъ владѣній на Цейлонѣ, которые положительно оставляетъ за собою" [123]). Кромѣ того, предварительными лондонскими статьями опредѣлялось возвращеніе Египта Турціи, Мальты Ордену, цѣлость Португаліи, очищеніе французами римскихъ и неаполитанскихъ владѣній и англичанами островов и портовъ, какъ на Средиземномъ, такъ и на Адріатическомъ моряхъ. Ничего не говорилось ни о правѣ нейтральныхъ, ни о Пьемонтѣ, ни о Генуѣ, ни о Тосканѣ, ни о коммерческихъ затрудненіяхъ, столь тяжелыхъ для разрѣшенія между двумя странами. Съ обѣихъ сторонъ чувствовалась почти невозможность соглашенія по этимъ различнымъ вопросамъ, но какъ обѣ утомились отъ войны, то вслѣдствіе безмолвнаго согласія и обошли ихъ молчаніемъ. Но по этой самой причинѣ предварительныя Лондонскія статьи, подавшія поводъ къ такой радости и столь славныя для двухъ великихъ націй, пожертвовавшихъ своими завоеваніями

[122]) Бонапарте Талейрану, 17-го сентября 1801 г. *Прим. автора.*

[123]) Предварительныя лондонскія статьи, § 2. *Прим. автора.*

въ Европѣ и Индіяхъ, въ сущности были скорѣе перемиріемъ, нежели окончательнымъ миромъ. Подъ каждымъ пропускомъ, на который можно было тамъ указать, скрывалась война; и мира можно было достигнуть только при условіи строго избѣгать объясненія по поводу этихъ пропусковъ.

Благодаря побѣдамъ нашихъ армій, Франція находилась тогда въ Европѣ въ отличномъ положеніи, и не смотря на все, чего ей не доставало съ точки зрѣнія внутренняго ея достоинства, она легко упрочила бы этотъ нейтральный перевѣсъ, еслибъ Первый Консулъ удовольствовался вліяніемъ, вмѣсто того чтобъ стремиться къ владычеству. Справедливо ли, чтобъ исторія, дойдя до этой эпохи ослѣпленія, была обязана затыкать уши и завязывать глаза, чтобъ не предвидѣть будущаго, неизбѣжнаго тѣмъ болѣе, что уже дѣятельно работали для его приготовленія? Неужели для того, чтобъ быть справедливою, она должна держаться блестящихъ видимостей, обманувшихъ современниковъ [124])? Для чего же знать послѣдствія и сцѣпленія фактовъ, если не для того, чтобъ выводить изъ нихъ результаты ложныхъ системъ! И если взглянуть на сущность вещей, то какъ не замѣтить, что тамъ лишь были иллюзіи, способныя обмануть обыкновенныхъ людей, но не человѣка свѣтлаго и проницательнаго. Вслѣдствіе этой долговременной войны, Франція сдѣлала въ Европѣ извѣстныя пріобрѣтенія, которыхъ никто не имѣлъ ни желанія, ни власти у нея оспаривать: это были Бельгія и Са-

---

[124]) «Итакъ, устранимъ преждевременныя обвиненія! не будемъ смущать настоящаго счастья *несправедливымъ захватомъ будущаго*. Каждое время года приноситъ свои плоды. То, въ которое намъ придется срывать горькіе и кровавые плоды, наступаетъ всегда слишкомъ рано. Не станемъ же упреждать минуты». (Бильонъ: *Дипломатическая исторія*). «Возблагодаримъ премудрость Божію, которая закрыла отъ людей книгу судебъ. Мы, знающіе теперь и то, что происходило тогда, и то, что произошло съ тѣхъ поръ, *постараемся на минуту позабыть объ этомъ времени,* чтобъ понять и раздѣлить живыя и глубокія его ощущенія». (Тьеръ: *Исторія Консульства и Имперіи*). *Прим. автора.*

войя, отдавшіяся ей добровольно; кромѣ того, рейнскія провинціи, мало тогда привязанныя къ германскому отечеству и сохраненіе которыхъ намъ было важно вслѣдствіе безпрерывно возобновлявшихся нападеній коалиціи. При подобныхъ условіяхъ, при двойномъ оплотѣ Альповъ и Рейна, сильная и вмѣстѣ умѣренная политика создала бы намъ неприступное положеніе. Но надобно быть слѣпымъ, чтобъ не видѣть, что Бонапарте ни мало не располагалъ заключиться въ этихъ границахъ, единственныхъ, которыя совмѣстимы были съ европейскимъ миромъ. Если во время переговоровъ онъ такъ горячо защищалъ дѣло Голландіи, то потому, что разсчитывалъ остаться господиномъ Батавской республики и управлять ею посредствомъ чиновниковъ, противъ воли, законно высказанной этою страною; если онъ предоставилъ себѣ право вмѣшиваться въ распредѣленіе германскихъ вознагражденій, то потому, что надѣялся этимъ способомъ вліять на Германію. Онъ съ тою же цѣлью поддерживалъ въ Швейцаріи раздоры, притворяясь, что сожалѣетъ о нихъ. Ему хотѣлось сохранить Пьемонтъ и Генуу. Что касается до Цизальпины, то онъ не соглашался даже на состояніе зависимости, въ которомъ хотѣлъ держать ее; онъ претендовалъ здѣсь на прямое владычество подъ именемъ президента, и это нисколько не будетъ забѣгать впередъ, навязывая ему различные проекты, ибо они всѣ были рѣшены имъ и приводились въ исполненіе. Съ подобными видами миръ былъ только слово, которое бросалъ онъ, чтобъ удовлетворить усталость однихъ и легковѣріе другихъ.

Дополнительные договоры, которые поспѣшилъ онъ заключить съ различными державами, вслѣдъ за подписаніемъ Лондонскихъ предварительныхъ статей, чтобъ возвысить эффектъ столь важнаго результата, основывались большею частью на недоразумѣніяхъ подобнаго же рода. Договоръ съ Португаліею и Турціею былъ только утвержденіемъ бадахоцкаго трактата и александрійской капитуляціи. Извѣстіе о

послѣдней пришло въ Парижъ нѣсколькими часами позже извѣстія о счастливомъ исходѣ переговоровъ Отто; но его скрыли отъ турецкаго уполномоченнаго, который подписалъ договоръ съ убѣжденіемъ, что ему приносили великую жертву, ограничиваясь подчиненіемъ порядку вещей. Что касается до трактата съ Баваріею, то онъ обѣщалъ этой странѣ болѣе вознагражденій, нежели сколько могли дать ей, а договоръ съ Россіею (подписанный 8-го октября) заключалъ одну секретную статью относительно Пьемонта, доказывающую, что съ этой стороны рѣшено было продолжать скорѣе затрудненія, нежели разрѣшить ихъ. Хотя Россія и удовлетворена была возвращеніемъ Мальты Ордену, однако не отказывалась ни отъ одного своего патроната: она продолжала покровительствовать Неаполю, Виртембергу и Пьемонту. § 6-й гласилъ, „что Первый Консулъ и его величество императоръ Всероссійскій дружески займутся интересами его величества Сардинскаго короля, употребляя для этого всѣ старанія, сообразныя съ настоящимъ состояніемъ вещей“. Подъ этою неопредѣленною и запутанною редакціею каждая изъ двухъ державъ разумѣла устройство, какое будетъ для нея удобнѣе: Россія понимала возстановленіе Пьемонтскаго короля въ его государствѣ или возведеніе его на престолъ въ областяхъ, которыя имѣли ему быть предложены въ Италіи въ видѣ вознагражденія; Франція думала объ утвержденіи statu quo. Здѣсь видно, что договоры эти были чисто оттягивающіе и временные, они не рѣшали ничего и не оканчивали; они установляли только временное перемиріе, основанное лишь на двусмысленности.

Подъ неслыханнымъ блескомъ этого краткаго перемирія таилось будущее, полное грозы и усложненій; и эти опасности происходили не отъ задней мысли иностранныхъ кабинетовъ, значительно болѣе страшившихся, нежели желавшихъ возобновленія войны, не отъ естественнаго желанія націи, насытившейся тогда славою и жаждавшей спокойствія; оно

заключалось просто въ характерѣ одного человѣка, чудный геній котораго съ тѣхъ поръ пораженъ былъ неизмѣннымъ честолюбіемъ, погубившимъ его впослѣдствіи. Естественно, что колеблятся придать подобное качество уму, одаренному столь необыкновенными способностями; однако для того, кто изслѣдуетъ сущность глубоко, трудно допустить въ этомъ отношеніи различіе, какое хотятъ установить между временнымъ консульствомъ и эпохою имперіи.

Съ этого времени невозможно обозначить какой бы то ни было предѣлъ намѣреніямъ и желаніямъ этой ненасытной души, ибо она сама не желаетъ признавать никакой границы. Все могущество, пріобрѣтенное до тѣхъ поръ Бонапарте, было въ глазахъ его не болѣе какъ орудіе для достиженія еще большей власти, и выказываетъ еще менѣе желанія упрочить ее, сообразуясь съ законами природы вещей, нежели увеличить ее сверхъ всякой мѣры, рискуя сдѣлать ее невозможною.

Во всѣ времена отличительною чертою истиннаго политическаго генія была готовность основать прочное и продолжительное дѣло, приспособивъ его къ важнѣйшимъ нуждамъ народа и эпохи. Драгоцѣннѣйшіе элементы, которыми Бонапарте обладалъ для достиженія подобнаго результата, онъ употреблялъ лишь для удивленія и ослѣпленія людей. Онъ стремился лишь поразить ихъ воображеніе, а не удовлетворить ихъ умъ или интересы. Благоденствіе отечества у него предметъ второстепенный предъ апоѳеозомъ, о которомъ онъ мечталъ для самого себя. Внѣ этого идеала личнаго прославленія, у него трудно открыть какой нибудь постоянный, опредѣленный двигатель. Въ немъ замѣчается родъ невозможности преслѣдованія опредѣленной цѣли; не успѣлъ онъ сдѣлать шагъ впередъ, какъ уже стремится дальше, гораздо дальше, никогда не ожидая, чтобъ почва укрѣпилась подъ его ногами. Одно завоеваніе служитъ для него лишь поводомъ къ другому. Вотъ причина его торопливаго, лихорадочнаго характера, импровизаціи всѣхъ его политическихъ дѣйствій,

какъ внутри, такъ и внѣ отечества. Поэтому все у него выходитъ неоконченнымъ, все только приготовляется. Никогда онъ не дѣйствуетъ по окончательно принятой идеѣ; онъ до конца хочетъ остаться при своемъ правѣ измѣнить все согласно съ обстоятельствами, а въ особенности согласно съ съ прихотью ненасытной своей алчности. Онъ не заботится о продолжительности, но о количествѣ и блескѣ; величіе его не удовлетворяется, ему необходимы безпредѣльность и громадность, но за этою опасною областью его привлекаетъ нѣчто еще болѣе — неизвѣстное и чудесное. Подъ вліяніемъ этой неотразимой тревоги, онъ забываетъ и путь и цѣль— собственно для движенія. Онъ гораздо менѣе заботится объ окончательномъ результатѣ, чѣмъ объ искусствѣ, которое готовится показать, и о дивномъ эффектѣ, который намѣревается произвесть. Мало ему нужды, что дѣло непрочно, лишь бы найти въ немъ больше дѣятельности, больше шума и славы. Цѣль и средства къ ея исполненію въ глазахъ его— всегда второстепенныя сравнительно съ грандіозными приключеніями, для которыхъ они представляютъ случай или поводъ; головокруженіе тѣмъ болѣе опасное, что оно овладѣло холодною, положительною головою, самыя химерическія мечты которой укладывались въ строгія математическія формы и имѣли къ услугамъ безпримѣрный военный геній.

Блестящіе успѣхи, которыхъ достигъ Первый Консулъ, были ничто въ сравненіи съ тѣми, о которыхъ онъ мечталъ, и желанія его обнаруживались какъ въ его рѣчахъ, такъ и въ дѣйствіяхъ. Во время переговоровъ съ Англіею онъ нѣсколько разъ грозилъ британскому кабинету *возобновить величіе Рима*: и это не было пустою фразою, но точнымъ выраженіемъ его мыслей. Любимою его утопіею сдѣлалось достигнуть, какъ внутри, такъ и внѣ Франціи, всемогущества Цезаря. Внутри ему мало оставалось сдѣлать для приготовленія умовъ къ этому превращенію — для достиженія этой цѣли предстояло перемѣнить только слово. Внѣ отечества

дѣло было тоже на ходу; онъ царствовалъ фактически во Франціи, Бельгіи, Верхней Италіи, держалъ въ рукахъ Голландію, Италію, Португалію и Швейцарію и сильно вліялъ на дѣла Германіи; программа была исполнена болѣе чѣмъ на половину, а остальное предоставлялось его шпагѣ.

Въ іюлѣ 1801 года, онъ привлекъ въ Парижъ молодаго Пармскаго инфанта, котораго онъ сдѣлалъ королемъ Этрурскимъ. Подъ предлогомъ празднованія его восшествія на престолъ, онъ сыгралъ роль покровителя и сюзерена, какъ остроумно пишетъ геніальная женщина: „на этомъ королевскомъ ангцѣ, онъ сдѣлалъ попытку заставить короля дожидаться въ передней“ [125]). Ему нравилось, что онъ могъ выставить Бурбона на позорище своимъ придворнымъ и на жертву едва скрываемаго презрѣнія своихъ адъютантовъ, сказавъ: „что надобно показать молодымъ людямъ какъ дѣлаютъ королей и что этого было достаточно для отбитія охоты отъ королевскаго достоинства“ [126]); велѣвъ напечатать въ журналахъ „что онъ создалъ короля, не желая самъ носить этого званія.“

Его льстецы выставляли это рельефно не безъ основанія: эта была также римская идея, съ тою только разницею, что покровительствуемые или побѣжденные короли, приходившіе въ Римъ искать милостей или просить помилованія, склонялись передъ величіемъ римскихъ гражданъ, между тѣмъ какъ, являясь въ Парижъ, они унижались передъ однимъ человѣкомъ. Униженіе королей передъ его собственнымъ могуществомъ улыбалось ему не потому, что оно ставило его согражданъ на болѣе высокій уровень, но потому, что это уни-

---

[125]) Г-жа Сталь: *Десять лѣтъ въ Изгнаніи.* *Прим. автора.*

[126]) Тибодо: *Записки Государственнаго совѣтника.* «Съ грустью мы видѣли, говоритъ Савари:—красиваго взрослаго молодаго человѣка, предназначеннаго повелѣвать людьми, который дрожалъ при видѣ лошади, игралъ втихомолку или прыгалъ вамъ на плечи.» *Записки герцога Ровиго.* *Прим. автора.*

чиженіе старинной монархической іерархіи указывало ему самому болѣе высокое назначеніе. Этому творцу королей могло приличествовать одно только званіе—званіе императора.

Но хотя все споспѣшествовало этой развязкѣ, никто еще не произносилъ объ этомъ слова, и менѣе всѣхъ Первый Консулъ. Онъ хотѣлъ, чтобъ дѣло сдѣлалось само собою. Задача была тѣмъ труднѣе, или по крайней мѣрѣ разрѣшеніе ея тѣмъ медленнѣе, что надобно было ее угадать, а Бонапарте не имѣлъ ни одного довѣреннаго лица, да у него никогда ихъ и не было. Если существуетъ дѣйствительно поразительная характеристическая черта въ безчисленныхъ разговорахъ, оставленныхъ намъ людьми, наиболѣе къ нему близкими,—то это отсутствіе въ немъ всякой откровенности. Онъ ими старается проникнуть мысли своего собесѣдника, или вліять на его умъ, чтобъ довести до опредѣленной цѣли; напрасно стали бы вы искать хоть минутнаго увлеченія и невольной откровенности о себѣ и о другихъ. Даже въ то время, когда онъ находится въ припадкѣ кошачьяго ласкательства, обаяніе котораго столько разъ описано современниками, онъ не теряетъ изъ вида эффектности, и все въ немъ разсчитано даже до безразсудства рѣчи. Онъ не проницаемъ какъ для своихъ, такъ и для чужихъ. Наконецъ, прослѣдивши всю его жизнь, вы не найдете въ немъ ни одной философической насмѣшки надъ самимъ собою, какія восхищаютъ насъ въ Цезарѣ или въ Фридрихѣ, ибо показываютъ намъ господство человѣка надъ ролью, показываютъ намъ, что онъ судитъ самого себя и не обманывается своимъ счастьемъ. Послушайте какъ Фридрихъ объясняетъ поводы, заставившіе его овладѣть Силезіею: „Самолюбіе, говоритъ онъ: — интересъ и желаніе, чтобъ говорили обо мнѣ — подвинули меня на войну.“ Вотъ величіе! Наполеонъ, напротивъ, всегда на сценѣ, постоянно занятъ собственно особою; даже въ то время когда онъ предалъ Венецію или велѣлъ разстрѣлять герцога Энгіенскаго, онъ претендуетъ, что дѣйствовалъ въ

качествѣ благодѣтеля человѣчества; у него нѣтъ истиннаго величія человѣка, которое заключается въ томъ, чтобъ судить себя самого и давать себѣ настоящую цѣну; вслѣдствіе своего неизлѣчимаго тщеславія онъ остается на уровнѣ мелкихъ умовъ; у него даже нѣтъ этихъ превосходныхъ моментовъ умирающаго Августа, который съ улыбкою спрашиваетъ друзей: „Хорошо ли онъ, по ихъ мнѣнію, сыгралъ драму своей жизни?“ До самаго послѣдняго дня онъ не снимаетъ прибранной имъ маски, словно боялся много потерять, показавъ человѣка.

Къ своему временному примиренію съ европейскими державами Первый Консулъ захотѣлъ присоединить и окончательное примиреніе съ Римомъ. Конкордатъ былъ подписанъ 11 іюля 1801 года. Онъ думалъ здѣсь заключить не договоръ о мирѣ, болѣе или менѣе не прочный, но просто союзный трактатъ. Мысль объ этомъ занимала его еще со временъ Итальянской кампаніи, хотя онъ и не могъ еще предвидѣть развитія, предстоявшаго ей впослѣдствіи. Тамъ то онъ началъ понимать и исполнять искусство „ласкать поповъ,“ какъ онъ говорилъ самъ въ письмѣ къ Жуберу, очерчивая ему характеръ своего поведенія [127]). Вотъ тайна преувеличенныхъ любезностей, которыя расточалъ онъ папѣ и итальянскому духовенству, вознаграждая себя въ короткой бесѣдѣ самыми презрительными выраженіями, съ какими отзывался онъ объ уваженіи, оказываемомъ имъ публично. Тотъ, кого онъ громко называлъ „святѣйшимъ отцомъ,“ былъ, въ кругу приближенныхъ Бонапарте, не болѣе какъ „старая лисица“ [128]), а „достопочтенные прелаты“ назывались безъ церемоніи „поповствомъ“ или „глупыми болтунами.“ Впрочемъ разсчитанная эта пощада продолжалась лишь столько времени, сколько и интересъ, ее внушившій. Возвратив-

---

[127]) Письмо отъ 15 марта 1797 г. *Прим. автора.*

[128]) Письмо къ Коко (26 сентября 1796 г.). *Прим. автора.*

шись послѣ Итальянской кампаніи въ Парижъ и найдя, что философскій умъ достигъ такой силы, какой онъ не ожидалъ, онъ немедленно оставилъ своихъ недавнихъ кліентовъ и началъ льстить господствующему настроенію. Въ торжественномъ собраніи Директоріи и всѣхъ государственныхъ чиновъ, онъ на ряду съ ройялизмомъ и феодализмомъ поставилъ и *религію* въ числѣ *предразсудковъ, которые предстояло побѣдить французскому народу* [129]). Въ Египтѣ философъ становится мусульманиномъ. Онъ не довольствуетъ тѣмъ, что предписываетъ солдатамъ „оказывать муфтіямъ и имамамъ такое же почтеніе, какое оказывали въ Италіи раввинамъ и епископамъ" [130]), но говоритъ еще арабскому населенію: *„Развѣ не мы уничтожили папу, который говорилъ, что надо вести войну съ мусульманами"* [131])? Онъ хвастаетъ предъ ними тѣмъ, *что опрокинулъ крестъ;* онъ ободряетъ Мену принять магометанство.

Вотъ что говорилъ и дѣлалъ тотъ, кто назывался теперь *новымъ Карломаномъ*! Естественно, подобный человѣкъ долженъ былъ сдѣлаться католикомъ, въ то время когда этого требовала его выгода. Послѣ подобныхъ примѣровъ, было бы нѣсколько ребячествомъ желаніе, обнаруженное многими серьезными историками, признавать въ Бонапарте участье религіознаго чувства относительно заключенія Конкордата. Изъ приведенныхъ выходокъ каждый можетъ судить, на сколько заслуживаетъ вѣры столь часто проводимый знаменитый разговоръ Мальмэзона, въ которомъ Бонапарте, желая убѣдить своего собесѣдника въ возстановленіи офиціальнаго богослуженія, восклицаетъ: „звукъ рюэльскаго колокола коснулся моего слуха, *и я былъ растроганъ* [132]). Лишнимъ также бу-

---

[129]) Рѣчь, произнесенная въ Люксанбургѣ въ декабрѣ 1797 г. *Прим. автора.*

[130]) Прокламація 28 іюля 1798 г. *Прим. автора.*

[131]) Манифестъ 2 іюля 1798 г. *Прим. автора.*

[132]) Записки Государственнаго совѣтника. *Прим. автора.*

детъ доискиваться, находились ли, какъ говоритъ Тибодо, заимствуя у Наполеона, выраженія — „его нервы въ сочувствіи съ понятіемъ о существованіи Бога", или былъ ли Бонапарте, какъ говоритъ Тьеръ, „склоненъ къ религіознымъ идеямъ по своей нравственной организаціи." Его нервы и нравственная организація не имѣли ничего общаго съ Конкордатомъ. Во всякомъ случаѣ, не мѣшаетъ упомянуть объ этихъ мечтаніяхъ, столь мало согласовавшихся съ тѣмъ, кто служитъ ихъ предметомъ, ибо весьма характеристическая черта — что онъ могъ ихъ вдохнуть людямъ, надѣленнымъ извѣстною проницательностью.

Побудительныя причины Перваго Консула были здѣсь тѣ же самыя, какъ и во всякомъ другомъ случаѣ, а именно вытекали единственно изъ интересовъ его власти и политики. Какъ только онъ овладѣлъ диктатурою, то сталъ для церкви тѣмъ, чѣмъ былъ для нея въ Италіи, и постарался пріобрѣсть въ ней себѣ помощницу. Мѣры его относительно французскаго духовенства не имѣли съ тѣхъ поръ другой цѣли, какъ приготовить то, исполненіе чего могло ему дозволить одна лишь побѣда при Маренго. Стремясь къ неограниченной власти, ему естественно было воспользоваться дисциплиною и единствомъ католической церкви, но онъ считалъ ее не иначе какъ орудіемъ для господства; онъ смотрѣлъ на самого Бога какъ на средство къ владычеству. Онъ никогда не высказывался вполнѣ въ этомъ отношеніи, но оставилъ намъ полупризнанія, хотя и непонятныя, однако достаточныя для того, чтобъ опровергнуть, какъ старушечьи сказки, — всѣ поводы, приписываемые религіозности. Въ замѣткахъ, диктованныхъ Монтолону, онъ очень ясно мотивируетъ возникновеніе Конкордата: „желаніемъ привязать духовенство къ новому порядку вещей и разорвать послѣднюю нить, посредствомъ которой прежняя династія сообщалась еще со страною." Въ бесѣдахъ съ Лас-Казомъ онъ еще откровеннѣе. Разсматривая различныя рѣшенія, которыя онъ могъ принять,

онъ признаетъ, что отъ его произвола зависѣлъ выборъ между католицизмомъ и протестантизмомъ, и прибавляетъ: „что въ то время все говорило за протестантизмъ.“ Но тотчасъ же говорилъ: „Съ католицизмомъ я вѣрнѣе достигъ всѣхъ своихъ великихъ результатовъ. Извнѣ, католицизмъ сохранялъ мнѣ папу, и при моемъ вліяніи и при моихъ силахъ въ Италіи, я не отчаявался рано или поздно, тѣмъ или другимъ средствомъ — добиться господства надъ этимъ папою; а разъ достигнувъ этого—какой предстоялъ могущественный рычагъ вліянія на мнѣніе остальнаго міра!“ Переходя потомъ къ своимъ внутреннимъ проэктамъ, къ тому, что было его самою завѣтною мыслью и какъ бы идеаломъ его честолюбія, онъ говорилъ: „Еслибъ я возвратился побѣдителемъ Москвы, я сдѣлалъ бы папу идоломъ,—онъ жилъ бы возлѣ меня. Парижъ сталъ бы столицею христіанства, *и я управлялъ бы духовнымъ міромъ также какъ и политическимъ*. Это служило бы лишнимъ средствомъ для соединенія всѣхъ федеративныхъ частей имперіи и для удержанія въ мирѣ всего находящагося извнѣ. *Соборы мои* были бы представительствомъ христіанства, а папы не болѣе какъ президенты. Я открывалъ и закрывалъ бы эти собранія, одобрялъ и обнародовалъ ихъ постановленія, какъ это дѣлали Константинъ и Карломанъ“ [133]).

Сказать „мои соборы“, какъ онъ говорилъ *мой сенатъ*, и двигать духовнымъ міромъ какъ полкомъ,—таково дѣйствительно было послѣднее слово этого воспламененнаго генія, концепціи котораго соприкасались всегда съ мелочностью и ограниченностью, стремясь къ величественному и чрезмѣрному. Въ этомъ безумномъ мечтаніи, котораго самый Римъ не могъ осуществить въ древности, личность Наполеона становится рычагомъ міра и какъ бы единственною пищею и для духовной потребности умовъ и для матерьяльной дѣятельности націй.

[133]) Меморіалъ Лас-Каза. *Прим. автора.*

Единственнымъ возможнымъ завершеніемъ этой фантазіи—апоѳеоза. Ничего не будетъ невѣроятнаго допустить, что въ виду производимаго имъ фанатическаго обаянія, человѣкъ, который часто завидовалъ Александру въ томъ, что тотъ могъ заставить провозгласить себя сыномъ Юпитера Аммона, — не разъ мечталъ о божескихъ почестяхъ, какъ о послѣднемъ увѣнчаніи своей славы.

Когда Наполеонъ разбиралъ такимъ образомъ различныя рѣшенія, представлявшіяся ему въ эпоху Конкордата, объясняя ихъ съ точки зрѣнія собственныхъ интересовъ, было одно, обойденное имъ молчаніемъ, именно рѣшеніе, состоявшее въ томъ, чтобъ оставить вещи въ порядкѣ, въ какомъ онѣ находились. Справедливость требуетъ прибавить, что такъ какъ это состояніе заключалось лишь въ простой религіозной свободѣ, не представлявшей ему другой личной выгоды, кромѣ чести и удовольствія пожертвовать великимъ принципомъ, то и подобная мысль не могла придти ему въ голову. Имѣть подъ рукою обезпеченное средство къ могуществу и употреблять его единственно на общественную пользу, когда отъ него зависѣло располагать имъ лишь для своего личнаго владычества, показалось бы ему самою непростительною глупостью, еслибы даже ему и приходила подобная мысль. Въ эпоху начатія переговоровъ о Конкордатѣ, во Франціи по закону существовала полная свобода вѣроисповѣданій, какъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. За ссылками Конвенціональнаго правительства, за неопредѣленною и недовѣрчивою терпимостью Директоріи—послѣдовала полнѣйшая безопасность для всѣхъ вѣроисповѣданій, благодаря отмѣнѣ присяги, бывшей первою причиною нашихъ религіозныхъ раздѣловъ.

Отъ поповъ требовалось только *обѣщаніе* повиноваться законамъ, и знаменитое различіе между присягнувшими или конституціоналистами, и неприсягнувшими или ортодоксами, сдѣлалось неболѣе какъ доктринальнымъ вопросомъ, въ кото-

ромъ государству видѣть было нечего. Конституціоналисты, между которыми находилось много людей, выказавшихъ сильный характеръ во время революціонныхъ смутъ, соединяли и большое количество вѣрующихъ; у нихъ было пятьдесятъ епископовъ, десять тысячъ женатыхъ поповъ, и они занимали большую часть церквей, открытыхъ тогда въ тридцати четырехъ тысячахъ общинъ. Неприсягнувшее духовенство считало среди себя пятнадцать епископовъ, находившихся во Франціи; но если оно было менѣе многочисленно, за то отличалось большимъ рвеніемъ и большею неспокойностью. Рядомъ съ этими двумя категоріями католиковъ, самыя распри которыхъ представляли правительству скорѣе гарантію нежели опасность, мирно отправляли свое богослуженіе протестанты, евреи и наконецъ безвредная секта неофилантроповъ—остатки попытокъ религіозной пропаганды, предпринимаемой во время революціи.

Послѣдователи всѣхъ этихъ исповѣданій, питавшіе другъ къ другу непріязнь, неразлучную съ духомъ прозелитизма, но поддерживаемые этимъ самымъ соперничествомъ, и еще болѣе всеобщимъ индеферентизмомъ, который созданъ былъ философскимъ духомъ XVIII столѣтія, пользовались своимъ настоящимъ положеніемъ, какъ неожиданнымъ благодѣяніемъ. Едва избѣгнувъ кораблекрушенія, они заботились только о спокойствіи подъ безпристрастными законами. Не получая никакого вспомоществованія отъ государства, они жили единственно данью вѣрующихъ, и несмотря на всю недостаточность этихъ добровольныхъ приношеній, вмѣсто того чтобъ жаловаться на стѣснительность при такомъ порядкѣ вещей, они считали себя счастливыми и довольными. Собственно конституціоналисты отказывались даже отъ случайныхъ доходовъ за различныя требы [134]).

---

[134]) Прессансе: *Церковь и Революція.* *Прим. автора.*

Впрочемъ сторонники этой церкви должны были выказывать болѣе рвенія, потому что ихъ не преслѣдовали.

Расположеніе ихъ къ порядку вещей, о которомъ духовенство говорило съ тѣхъ поръ съ нѣкотораго рода ужасомъ, мы видимъ въ одномъ документѣ неоспоримой важности: это письмо о созваніи собора 1801 г., писанное епископомъ Лекозомъ, бывшимъ президентомъ перваго собора конституціоналистовъ. „Нѣкоторые изъ васъ, пишетъ онъ въ этомъ письмѣ:—встревожены тѣмъ, что церкви наши лишены имуществъ. Въ этомъ случаѣ возблагодарите Провидѣніе. Вы знаете, что нечестивые осмѣливались говорить, что религія Іисуса Христа поддерживалась только значительными имуществами, которыми пользовались ея служители. Издавна также, сама церковь жаловалась, что въ святилище ея вступали люди, влекомые лишь приманкою ея богатствъ. Господь захотѣлъ однимъ ударомъ поразить и хулы невѣрныхъ и неприличную жадность упомянутыхъ служителей церкви. *Религію, основанную имъ безъ помощи богатствъ, онъ хочетъ также и поддержать безъ этой недостойной ея помощи.* Для чего Іисусъ Христосъ созвалъ двѣнадцать апостоловъ? для пользованія земными благами, почестями? нѣтъ, онъ созвалъ ихъ для труда, для перенесенія разныхъ невзгодъ и стрададаній. Итакъ, когда мы, служители Іисуса Христа, приблизились къ апостольскому состоянію, то неужели мы должны роптать? О, возрадуемся скорѣе этому драгоцѣнному рѣшенію и возблагодаримъ Господа за то, что по своей божественной премудрости онъ воскресилъ этотъ древній порядокъ вещей, о которомъ не переставали сожалѣть—наиболѣе ревностныя его дѣти.“

Замѣчательный этотъ документъ и благородныя чувства, которыхъ онъ служитъ выраженіемъ, доказываетъ, что отдѣленіе церкви отъ государства было не только тогда возможно, но что оно чрезвычайно благопріятствовало нравственности духовенства, которое принуждено было такимъ образомъ строго

присматривать за собою. Слѣдствія, приписываемыя этому дѣйствію—раздраженіе религіозныхъ ненавистей, попы готовые возжечь факелъ междоусобной войны, или осаждающіе постель умирающаго—все это картины, созданныя чистѣйшею фантазіею. Акты собора 1797 и 1801 гг. свидѣтельствуютъ о самомъ мирномъ и благородномъ расположеніи конституціоналистовъ. Ортодоксы выказываютъ болѣе нетерпимости, но ничего нѣтъ легче какъ удовлетворить ихъ: вмѣсто того чтобъ поддерживать смятеніе, они сильно способствовали усмиренію Вандеи, съ тѣхъ поръ какъ Бонапарте дозволилъ имъ отправленіе богослуженія. Отмѣна обѣщанія присяги, амнистія, дарованная тѣмъ изъ нихъ, которые эмигрировали, и дозволеніе занять прежнія мѣста въ храмахъ—сдѣлали изъ нихъ преданныхъ служителей консульской политики, а признательность ихъ выразилась въ многочисленныхъ адресахъ.

Но и помимо этого—боязнь устранить все чрезмѣрными требованіями, конкуренція соперничествующаго духовенства, воздвигшаго алтарь противъ алтаря, страшное вліяніе XVIII вѣка — были достаточны для удержанія ихъ въ предѣлахъ обязанностей. Дѣйствительно, хотя и начали проявляться тогда первые признаки довольно явственно пробужденія религіознаго духа, однако вся просвѣщенная часть націи оставалась еще вольтеріанскою. Если разсмотрѣть характеръ этого пробужденія у людей, подавшихъ первый къ тому сигналъ, то увидимъ, что оно было весьма поверхностное и не заключало въ себѣ ничего, что могло бы мотивировать преувеличенное значеніе, которое даромъ возвратили католической церкви. Возвращеніе умовъ къ религіозному чувству обнаружилось сперва во времена Директоріи, но оно было тогда не болѣе какъ реакція гуманности, достаточно оправдываемая безчестными преслѣдованіями, которымъ подвергался тогда католицизмъ. Благородныя предстательства Ройе-Коллара и Камилла Жордана на трибунѣ Пятисотъ не имѣло другаго смысла: оба эти оратора требовали для церкви только общаго

права, свободы существованія, права возобновить свои церемоніи, и ничего больше. Они говорили скорѣе какъ политики нежели вѣрующіе, и доктрина ихъ объ отношеніяхъ церкви къ государству, въ сущности, мало касалась собственно религіозныхъ идей. Чувство ихъ сообщилось и много способствовало къ отмѣнѣ послѣднихъ крутыхъ мѣръ, но они не пошли далѣе. Эта реакція гуманности была нѣкоторымъ образомъ принята и продолжаема реакціею воображенія противъ доктринъ матеріалистовъ. Литераторы, какъ Лагарпъ, Сен-Мартенъ, Бональдъ, поэты—какъ Фонтанъ, Шендолле, Эменаръ и знаменитѣйшій всѣхъ Шатобріанъ — были истолкователями этого движенія умовъ. Главнымъ орудіемъ гласности для нихъ служилъ *Меркурій*, который уже однимъ своимъ именемъ доказываетъ, что тутъ было больше литературы, чѣмъ религіи. Поддерживаемые Journal des Débats и его критикомъ Жоффруа, они давали литературныя сраженія писателямъ *Плеяды*: Шенье, Андрье, Генгене, Гара. Возвратившійся незадолго до того во Францію, Шатобріанъ уже написалъ, но еще не напечаталъ свой *Духъ Христіанства (Génie du Christianisme)*, такъ что необыкновенный успѣхъ этой книги не можетъ быть приводимъ, какъ это дѣлаютъ часто, въ доказательство благовременности Конкордата. *Духъ Христіанства* появился лишь въ 1802 г., а въ эпоху Конкордата извѣстенъ былъ только одинъ эпизодъ *Атала*, а потому нельзя сказать, что благосклонность, съ которою было принято это блестящее сочиненіе, вдохновила или понудила Бонапарте обратить вниманіе на расположеніе Франціи относительно католицизма. Былъ ли этотъ поводъ самъ по себѣ хорошъ или дуренъ, его слѣдуетъ устранить, потому что онъ былъ непричастенъ къ дѣлу.

Но если вникнуть въ глубь вещей, то нельзя не видѣть, что не существовало самаго основанія, на которое онъ опирался. Дѣйствительное направленіе чувствъ и мнѣній не требовало ничего подобнаго. Книга Шатобріана останется всегда

неопровержимымъ доказательствомъ незначительности глубины религіознаго возрожденія, котораго онъ былъ единственнымъ представителемъ. Онъ разсказываетъ самъ [135]), какимъ образомъ явилась ему мысль этого сочиненія. Слѣдуя до тѣхъ поръ по совершенно противоположному пути и будучи весьма рѣшительнымъ свободнымъ мыслителемъ, авторъ *Опыта Революціи (Essai sur les Révolutions)* впадаетъ въ сильнѣйшую горесть о смерти матери, сдѣлавшей ему послѣднее благочестивое увѣщаніе, которое показалось ему какъ бы голосомъ изъ могилы, и онъ раскаялся не по убѣжденію, а по чувству, въ качествѣ поэта. Въ это быстрое превращеніе, которое не долженствовало быть послѣднимъ, онъ внесъ всю перемѣнчивость человѣка, отдающагося на волю воображенія. Къ католицизму привели его не свободный выборъ и сознательное чувство, но изнеможеніе больной и израненой души, которая ищетъ во что бы то ни было утѣшенія. Собственно говоря, все располагало его къ этому: и воспоминанія дѣтства и дворянскія, эмигрантскія воспоминанія, и сожалѣніе о прошломъ, и наконецъ безпокойное воображеніе, излишество котораго всегда стѣсняло другія его способности, и которое въ особенности было мало совмѣстимо со строгостью философскихъ ученій. Такимъ образомъ онъ въ качествѣ поэта написалъ свою христіанскую апологію, ибо, если разсмотрѣть ближе *Геній Христіанства*, то онъ окажется не болѣе какъ поэтическимъ произведеніемъ. Онъ относится не къ разуму, а къ воображенію, къ эстетическому чувству. Вмѣсто доказательства, авторъ представляетъ вамъ образы и картины; въ прекрасныхъ, хотя и немного однообразно цвѣтистыхъ описаніяхъ онъ выказываетъ передъ вами прелесть и поэзію христіанскихъ церемоній, патріархальность нравовъ прежняго времени, красоту соборовъ, увлекательность древнихъ легендъ, радушный пріемъ смиренной деревенской

[135]) *Посмертныя записки.* *Прим. автора.*

церкви и мелодическіе звуки ея колокола. Онъ заставляетъ васъ вѣровать въ эту церковь не потому, что она истинна, а потому, что она прекрасна и обильна поэтическими движеніями.

Будучи далека отъ требовательности, католическая церковь была слишкомъ смиренна, когда Бонапарте пробудилъ въ ней уснувшія, но непогасшія движенія честолюбія. Наконецъ, принимая во вниманіе духъ господства, который, повидимому, неразрывно связанъ съ ея ученіемъ и внушался недавними ея преданіями, ясно, что нетрудно было возвратить ей желаніе завладѣть снова своими привилегіями; но искуситель вскорѣ долженъ былъ раскаяться, что возбудилъ въ ней желанія, которыхъ не могъ или не хотѣлъ исполнить.

Воззваніе, обращенное къ миланскому духовенству за нѣсколько дней до Маренгской битвы, подало сигналъ для тѣхъ, которые умѣли понять перемѣну истиннаго значенія всевозможныхъ ласкъ, которыя Первый Консулъ расточалъ прежде передъ церковью. Не замедлили узнать, что на другой день послѣ побѣды, онъ послалъ къ папѣ кардинала Мартиньяна съ заявленіемъ желанія вступить въ переговоры съ св. Престоломъ. Вслѣдствіе этого предложенія, монсиньоръ Спина, архіепископъ Коринѳскій, прибылъ въ Парижъ въ качествѣ представителя римскаго двора; а Коко, прежній повѣренный въ дѣлахъ республики, возвратился въ Римъ. Нѣсколько проэктовъ и контръ-проэктовъ Конкордата было обсуждаемо аббатомъ Берлье и монсиньоромъ Спиною. Это была мастерская штука со стороны Перваго Консула поставить во главѣ этихъ переговоръ аббата, подстрекательство котораго такъ сильно способствовало къ поддержанію вандейскаго фанатизма,—по крайней мѣрѣ таково было его мнѣніе; онъ полагалъ, что въ Римѣ никогда не заподозрятъ человѣка, доказавшаго столько рвенія къ дѣлу католичества; но играя подобнымъ образомъ съ терпѣливою и проницательною политикою, онъ страшно ошибался. Въ Римѣ очень хорошо знали, что

аббатъ Берлье, охладѣвшій вандейскій фанатикъ, съ тѣхъ поръ какъ, по его мнѣнію, окончательно погибло королевское дѣло, былъ не болѣе какъ подкупленнымъ и рабскимъ орудіемъ Перваго Консула. Итакъ переговоры шли не съ тою быстротою, какой ожидалъ Бонапарте.

Неожиданное это замедленіе портило его планы. Въ Парижѣ всѣ, за исключеніемъ едва замѣтнаго меньшинства, которое мечтало о возвращеніи прежняго порядка, изъ интереса, по преданію или просто по фантазіи, относились враждебно къ мысли о Конкордатѣ. Странная мѣра относительно общественной пользы, полезность которой никто не сознавалъ и не чувствовалъ! Всѣ важнѣйшія государственныя учрежденія, какъ Сенатъ, Законодательный Корпусъ, Государственный Совѣтъ, Трибунатъ, Кассаціонная Палата, все, что имѣло въ націи представительную или индивидуальную цѣнность, генералы всей арміи, личные друзья Перваго Консула, его собственное семейство, однимъ словомъ все, отличавшееся какимъ нибудь значеніемъ—открыто высказывалось противъ этого проэкта. Одинъ онъ защищалъ дѣло Конкордата, ибо въ его присутствіи часто нападали на это дѣло, не только какъ на противное общественнымъ интересамъ, но — что должно было его сильнѣе затронуть—и опасное для его собственной власти.

Хотя подобная оппозиція не имѣла ничего страшнаго, при той зависимости, въ которой онъ держалъ всѣ публичныя власти, но такъ какъ она могла вызвать движеніе мнѣнія, послѣдствія котораго трудно было разсчитать, — явилась необходимость поторопиться. Вслѣдствіе этого Первый Консулъ рѣшился покончить съ медлительнымъ Спиною и обратиться прямо къ св. Престолу. Онъ велѣлъ отправить въ Римъ проэктъ Конкордата, къ которому присоединилъ Лореттскую Мадонну,—предметъ поклоненія, находившуюся уже нѣсколько лѣтъ какъ рѣдкость въ Библіотекѣ, посылка которой, какъ онъ полагалъ, должна была снискать ему благоволеніе папы.

По разсмотрѣніи троихъ совѣтниковъ св. Престола, проэктъ этотъ переданъ былъ въ Конгрегацію двѣнадцати кардиналовъ, которая и составила контръ-проэктъ, заключавшій въ себѣ всѣ уступки, какія римскій дворъ считалъ возможнымъ сдѣлать требованіямъ французскаго правительства. Претензіи этого двора возрастали съ его фортуною. Онъ уступилъ Первому Консулу во всемъ, чего этотъ требовалъ относительно новаго разграниченія епархій, освященія продажи національныхъ имуществъ, прощенія женатыхъ поповъ, назначенія епископовъ; но упорствовалъ предоставить ему смѣщеніе епископовъ, которые не захотѣли бы оставить своихъ мѣстъ по новому распредѣленію епархій, а въ особенности упорно требовалъ, чтобъ католицизмъ объявленъ былъ *господствующею религіею*.

Въ отвѣтъ на это, нетерпѣливый Бонапарте предписалъ Коко выѣхать изъ Рима, еслибъ его проэктъ не былъ принятъ въ первоначальномъ видѣ. Ничто не могло болѣе раздражать подобный характеръ, какъ эта клерикальная дипломатія, въ которой онъ встрѣчалъ тонкость, равнявшуюся по крайней мѣрѣ его собственной, и которая, при всей своей покорности и ласкательствахъ, — представляла между тѣмъ неодолимое упорство. Вотъ причина его быстрыхъ и постоянныхъ переходовъ отъ хитрости къ насилію въ сношеніяхъ съ римскою куріею. Онъ не замедлилъ увидѣть, что здѣсь могущественнѣйшимъ образомъ дѣйствовалъ страхъ на умы этихъ прелатовъ, посѣдѣлыхъ большею частью въ интригахъ и мелочныхъ сплетняхъ клерикальнаго правительства, но самое это открытіе заставило его отказаться отъ мѣръ убѣжденія. Въ виду подобнаго сопротивленія со стороны св. Престола, Коко долженъ былъ выѣхать изъ Рима, но онъ избѣгнулъ этого разрыва, добившись, чтобъ любимый министръ Пія VII, Консальви, отправился въ Парижъ попытаться войдти въ соглашеніе съ Первымъ Консуломъ (іюль 1801 г.).

Кардиналъ Консальви, человѣкъ ловкій и вкрадчивый, скрывавшій необыкновенную тонкость ума подъ видомъ простоты и добродушія, соединявшій неоспоримую отвагу духа съ почти жалкимъ малодушіемъ, которое развиваютъ мелочи клерикальнаго быта, отправился въ Парижъ, поручая Богу душу. Онъ имѣлъ неловкость открыть свою боязнь въ дружескомъ письмѣ къ кавалеру Актону, копія съ котораго была почти тотчасъ же доставлена Первому Консулу нашимъ министромъ въ Неаполѣ Алкье [136]). Свѣдѣніемъ этимъ воспользовался Бонапарте, по мнѣнію котораго было легко покончить съ римскимъ дипломатомъ посредствомъ устрашенія. Дѣйствительно все было разсчитано такъ, чтобъ этого впечатлительнаго человѣка, немедленно по прибытіи въ Парижъ, запугать и одолѣть, прежде нежели онъ успѣетъ одуматься. Въ своихъ запискахъ Консальви оставилъ намъ точный и подробный разсказъ перваго своего свиданія съ Бонапарте [137]). Въ малѣйшихъ подробностяхъ этой сцены видна искусная рука этого знатока сердца человѣческаго, и самый характеръ его отражается съ поразительною правдою. Консальви пріѣхалъ вечеромъ, а на утро назначена уже была аудіенція, не давъ ему ни отдохнуть отъ долгаго и утомительнаго путешествія, ни посовѣтоваться со Спиною, или съ своимъ совѣтникомъ и сотрудникомъ, богословомъ Казелли. На другой день рано Бертье проводилъ его въ Тюильри; его ввели въ небольшую комнату, служившую, повидимому, переднею кабинету Перваго Консула. Послѣ долгаго ожиданія ему указываютъ маленькую дверь; онъ входитъ, и вмѣсто частной аудіенціи, на какую разсчитывалъ, находитъ большой торжественный пріемъ, на который собрались — Сенатъ, Законодательный Корпусъ, Трибунатъ и генералы со своими шта-

---

[136]) Арто: *Исторія Пія VII.* *Прим. автора.*

[137]) *Записки кардинала Консальви*, изданныя Кретино Жоли. *Прим. автора.*

бами. На дворѣ множество полковъ ожидали смотра. Это былъ, по его собственному выраженію, неожиданный переходъ „изъ хижины во дворецъ.“ Все великолѣпіе и все обаяніе консульскаго могущества сосредоточились въ одной картинѣ, чтобъ лучше поразить его воображеніе. Онъ проходитъ залы, наполненныя важнѣйшими сановниками, и проникаетъ наконецъ до троихъ консуловъ, окруженныхъ блестящею свитою. Тогда Бонапарте подходитъ къ нему и говоритъ коротко и повелительно: „Я знаю причину, которая привела васъ сюда. Вамъ назначается пять дней для переговоровъ. Если въ теченіе этого времени договоръ не будетъ подписанъ,—все кончено.“

Все было отлично разсчитано въ этой театральной сценѣ для того, чтобъ ослѣпить и устрашить робкаго прелата, но упустили изъ вида и упрямство попа и хитрость итальянца. Консальви началъ переговоры съ того мѣста, на которомъ они остановились; онъ протестовалъ противъ навязываемой ему поспѣшности, которая мѣшала ему сообщаться съ его дворомъ; онъ шагъ за шагомъ оспаривалъ почву у Берлье и Крете — двухъ бойцовъ консульской политики, ибо Іосифъ участвовалъ только номинально. Немедленно почти пришли къ соглашенію о замѣнѣ слова „господствующая религія“ словомъ „религія большинства французовъ.“ Объявили равномѣрно, что консулы исповѣдуютъ *частнымъ образомъ* католицизмъ, но это не обязываетъ ихъ ни къ чему, и что епископскія епархіи назначаются въ количествѣ шестидесяти. Что же касается до смѣщенія тѣхъ изъ епископовъ, которые не захотятъ отказаться отъ мѣстъ, Консальви очень долго оспаривалъ. Онъ энергически представлялъ все, что въ этомъ было противнаго постановленіямъ галликанской церкви, всегда ревниво оберегающей преимущество епископской власти. Бонапарте дѣйствительно обнаруживалъ большое рвеніе къ галликанизму, но когда галликанизмъ противорѣчилъ его пла-

намъ, онъ не колебался растоптать его, какъ и все, что ему мѣшало.

Въ этомъ родѣ дипломатической войны, въ которой Бонапарте выказалъ всѣ средства своего лукаваго генія, онъ имѣлъ огромное преимущество предъ Консальви, заключавшееся въ томъ, что все то, что для него было дѣломъ честолюбія или еще сомнительной пользы, составляло для римскаго двора вопросъ жизни и смерти. Стоило только Куріи не согласиться съ нимъ, и для нее все было потеряно и по всѣмъ вѣроятіямъ навсегда. Къ этому преимуществу положенія, Первый Консулъ присоединялъ еще хитрости, которыми, по его мнѣнію, онъ могъ дѣйствовать на умъ уполномоченнаго. Онъ подавалъ ему надежду на возвращеніе св. Престолу Легатствъ, никогда не обѣщавъ этого формально, пользуясь такимъ образомъ щекотливостью прелата, который не могъ прямо приступить къ вопросу изъ боязни повредить этимъ дѣлу. Чрезъ Кобенцеля, находившагося тогда въ Парижѣ, онъ дѣлалъ ему безпрерывныя предостереженія: посланникъ этотъ при всякомъ случаѣ выставлялъ Консальви — какую послѣдній принималъ на себя отвѣтственность относительно католическихъ державъ, уничтожая этотъ опытъ къ соглашенію. Къ этой мѣрѣ Первый Консулъ присоединилъ стимулъ еще дѣйствительнѣе. Въ концѣ іюля 1801 г. онъ велѣлъ созвать соборъ конституціональной церкви. Въ описываемое время соборъ этотъ имѣлъ свои засѣданія, которыхъ онъ поощрялъ блескъ и торжественность; онъ даже показывалъ видъ, что намѣренъ потребовать у него планъ окончательнаго устройства церкви во Франціи [138]). Поэтому конституціональное духовенство шумно выражало ему свою признательность за покровительство, котораго не понимали ни цѣли, ни поводовъ. Дѣйствительно присяжная церковь была лучшимъ изъ золъ для Перваго Консула, и свобода, которую

---

[138]) *Записки* Грегуара. *Прим. автора.*

онъ предоставлялъ ей, служила лишь угрозою св. Престолу; онъ немедленно велѣлъ распустить соборъ по минованіи необходимости въ демонстраціяхъ. Но угроза произвела впечатлѣніе въ Римѣ, гдѣ видѣли уже безвозвратное торжество схизмы во Франціи, а можетъ быть даже и въ Италіи, ибо Сципіонъ Риччи имѣлъ многочисленныхъ послѣдователей въ Ломбардіи и Пьемонтѣ [139]). Этотъ страхъ съ одной стороны, а съ другой нетерпѣніе покончить скорѣе, привели наконецъ къ уступкамъ, необходимымъ для всякой мировой сдѣлки. „Кажется, дѣло идетъ хорошо, и мы устроимся съ кардиналомъ, писалъ Бонапарте Талейрану отъ 7 іюля.—Мнѣ положили вторично нарывной пластырь на руку; *состояніе больнаго благопріятствуетъ къ улаженію съ попами.*"

Между тѣмъ не все было кончено. Послѣдній сюрпризъ, необыкновеннѣе всего, что онъ видалъ до тѣхъ поръ, ожидалъ еще кардинала Консальви. По изготовленіи трактата и по снятіи съ него копій, онъ отправился къ Іосифу для подписанія. Послѣ обычныхъ привѣтствій, усѣлись за столомъ; подаютъ кардиналу актъ. Но каково же было удивленіе Консальви, который взялся уже за перо, когда, взглянувъ на бумагу, онъ увидѣлъ не только что актъ весьма различенъ отъ окончательной редакціи, но и тождественъ съ первоначальнымъ предложеніемъ французскаго правительства! Пораженный удивленіемъ, онъ выразилъ негодованіе; Іосифъ, не

---

[139]) К. Ботта: *Storia d'Italia dal 1789 et 1815.* *Прим. автора.*

Сципіонъ Риччи, епископъ Пистойи и Прато, род. во Флоренціи въ 1741 г., а умеръ въ 1810 г. Онъ благопріятствовалъ религіознымъ реформамъ великаго герцога Леопольда, въ Тосканѣ и императора Леопольда II въ Австріи. Съ цѣлью освятить ихъ онъ сзывалъ синодъ въ Пистойѣ въ 1789 г., и будучи осужденъ буллою *Auctorem fidei*, принужденъ былъ отказаться отъ епископства (1790). Въ 1799 г. онъ былъ заключенъ въ тюрьму тосканскимъ правительствомъ, какъ сторонникъ французской революціи. Въ 1803 г онъ отказался отъ своихъ богословскихъ заблужденій и примирился съ папою Піемъ VII. Поттеръ издалъ въ 1824—1825: *Жизнь и Записки Сципіона Риччи*, но книга эта была запрещена въ Римѣ. *Прим. перев.*

менѣе удивленный, протестовалъ и сказалъ, что ничего не знаетъ, такъ какъ недавно возвратился изъ деревни; Берлье, привезшій эту злополучную копію, утверждалъ, что получилъ ее отъ Перваго Консула, и на него сваливалъ всю отвѣтственность. Возникли пренія, продолжавшіяся послѣдовательно девятнадцать часовъ [140]), и проэктъ, доведенный до первоначальнаго содержанія, былъ представленъ Бонапарте, который, придя въ ярость, разорвалъ его въ клочки. На слѣдующей аудіенціи, онъ обратился съ гнѣвомъ къ кардиналу: „Если Генрихъ VIII, неимѣвшій и двадцатой доли моего могущества, воскликнулъ онъ: — могъ измѣнить религію своей страны, то конечно я съумѣю и смогу исполнить это! Я измѣню ее не только во Франціи, но и во всей Европѣ. Римъ заплачетъ кровавыми слезами.... но будетъ поздно, не найдется лѣкарства. Поѣзжайте, поѣзжайте.... Когда вы отправляетесь?“—„Послѣ обѣда, генералъ,“ холодно отвѣчалъ Консальви.

Въ сущности ни тотъ, ни другой не желали этого отъѣзда. Параграфъ, бывшій причиною всей этой исторіи—поучительная прелюдія соглашенія между церковью и государствомъ, былъ составленъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Вѣроисповѣданіе будетъ общественное сообразно съ постановленіями полиціи.“ По мнѣнію Консальви, распоряженіе это, дававшее обширный поводъ къ толкованіямъ, равнялось рабству церкви; и дѣйствительно, когда мечтали о возстановленіи церкви въ государствѣ со всѣми его послѣдствіями, паденіе было довольно тяжело. Рабство церкви не заключалось въ той или другой формулѣ, а въ цѣломъ актѣ. Кардиналу казалось, что онъ одержалъ большую побѣду, добившись прибавки къ этой статьѣ—слѣдующихъ словъ: „которыя правительство найдетъ необходимыми для общественнаго спокойствія“—ограниченіе болѣе кажущееся нежели дѣйствитель-

---

[140]) Консальви: *Записки*. *Прим. автора.*

ное. Вслѣдствіе этой незначительной уступки Консальви подписалъ наконецъ 15 іюля 1801 г. актъ, который приносилъ въ жертву независимость церкви, хотя правда и возвращалъ ей большія матеріальныя выгоды. Бонапарте подписалъ съ своей стороны въ убѣжденіи, что упрочилъ собственную власть, предоставляя такую значительную долю политическаго вліянія могуществу, которое въ большой степени обладало духомъ господства; ибо онъ самъ былъ только тираномъ по обстоятельствамъ, а оно предоставляло самое воплощеніе теократическаго принципа. Онъ льстилъ себя безумною надеждою, что могущество, которое онъ возвращалъ церкви, въ то время, когда ему было такъ легко удерживать ее въ предѣлахъ общаго закона, она употребитъ въ его пользу. Предавшись подобнымъ мечтамъ политическаго Эпименида, онъ уже при всякомъ случаѣ цитировалъ Карломана, и упалъ съ высоты, когда замѣтилъ, что римскій дворъ началъ цитировать Григорія VII, какъ будто бы анахронизмъ былъ нелѣпѣе съ одной стороны, нежели съ другой.

Такимъ образомъ состоялось это искусственное возстановленіе, возвратившее мертвымъ идеямъ господство, сперва не слишкомъ страшное, но вскорѣ поглощающее. Въ эпоху заключенія Конкордата, католицизмъ не существовалъ болѣе какъ политическое вліяніе; благодаря положенію, которое онъ завоевалъ въ то время, онъ снова могъ овладѣть молодымъ поколѣніемъ и приготовить намъ долгіе и безплодные раздоры, въ продолженіе которыхъ ультрамонтанскій абсолютизмъ подвергалъ опасности всѣ пріобрѣтенія новѣйшаго духа. Аббатъ Прадтъ увѣряетъ, что слышалъ какъ Бонапарте часто повторялъ, „что Конкордатъ былъ одною изъ величайшихъ ошибокъ его царствованія [141]).“ Справедливо это или нѣтъ, но нельзя не согласиться, что Бонапарте плохо достигъ цѣли, какая бы она ни была.

---

[141]) Прадтъ: *Четыре Конкордата.* *Прим. автора.*

Дѣйствительно онъ равномѣрно ошибся, — старался ли онъ уравнять отношенія между церковью и государствомъ, или прежде всего желалъ въ церкви имѣть помощницу и орудіе. Несмотря на дружескія увѣренія, несмотря на этотъ обѣтъ покорности, который по наивному выраженію панегириста Конкордата [142]) *дѣлалъ изъ духовенства освященную жандармерію*, мирный договоръ этотъ, въ которомъ обѣ стороны старались только обмануть другъ друга, былъ не болѣе какъ началомъ войны. Когда ратификація достигла Рима, папа ощутилъ раскаяніе, почти укоры совѣсти. Ему подложили № *Монитера*, заключавшій въ себѣ знаменитую египетскую прокламацію. Чтеніе это наполнило его робкую душу страхомъ и недовѣріемъ. Его постарались убѣдить, что *Монитеръ* этотъ былъ поддѣльный, и папа принялъ объявленіе съ поспѣшностью, свойственною людямъ, которые какъ бы желаютъ, чтобъ ихъ обманывали. Въ Парижѣ быстро обнаружили намѣреніе овладѣть церковью, какъ овладѣли государствомъ. На другой день подписанія Конкордата, Бонапарте пригласилъ къ себѣ Консальви и сказалъ ему небрежно, какъ бы дѣло шло о вещи рѣшенной: „Я право нахожусь въ затрудненіи, будучи поставленъ между конституціоналистами и неконституціоналистами, относительно назначенія на епархіи.“ Первый Консулъ сто разъ обѣщалъ Консальви отказаться отъ конституціоналистовъ, и что о нихъ не будетъ и рѣчи въ дѣлѣ епископій.

Такъ началось открытіе непріязни, но огорченіе это было ничто въ сравненіи съ тѣмъ, какое ожидалъ римскій дворъ. Консальви хлопоталъ, чтобъ конституціоналисты, по крайней мѣрѣ, пользовались епископскими правами только послѣ формальнаго распредѣленія, но не добился и этого. Капраро, преемникъ Спины, утвердилъ многихъ изъ нихъ, объ отреченіи

---

[142]) Биньонъ: *Дипломатическая исторія.* *Прим. автора.*

которыхъ Берлье далъ ложныя свѣдѣнія, и они послѣ протествовали противъ безчестнаго дѣйствія, которое имъ приписывали. Одинъ парижскій попъ отказался похоронить танцовщицу, и узналъ изъ офиціальнаго журнала, что его на три мѣсяца лишили права священнодѣйствія, чтобъ онъ вспомнилъ, что Іисусъ Христосъ молился даже за своихъ враговъ [143]).

Около того же времени римскій дворъ волею-неволею принужденъ былъ выслать изъ Рима кардинала Мори, имѣвшаго несчастье огорчить консульское правительство. Повелительная политика Перваго Консула сдѣлалась еще требовательнѣе. Но св. Престолъ выражалъ свое неудовольствіе только медленностью, съ которою исполнялъ свои обязательства относительно смѣщенія упрямыхъ епископовъ. Онъ надѣялся, онъ даже именно требовалъ возвращенія прежнихъ своихъ провинцій. Папа писалъ къ Бонапарте: „Мы обращаемся къ вашему великодушію, мудрости и справедливости съ просьбою о возвращеніи трехъ легатствъ и о вознагражденіи за утрату Авиньона и Карпантра“ (24 октября 1801 г.). Требовать этого какъ цѣну за Конкордатъ было бы святокупствомъ, попросить въ качествѣ добровольнаго вознагражденія — не считалось предосудительными. Таковы были во всѣ времена — отличія клерикальной морали. Первый Консулъ однакожъ не отдалъ провинцій, но возвратилъ римскому двору бренные останки Пія VI—благочестивый даръ, принятый съ выраженіемъ чрезвычайной признательности, который однакожъ не слишкомъ способствовалъ къ установленію дружескаго согласія между двумя державами.

Чувство, преобладавшее въ обществѣ при извѣстіи о заключеніи Конкордата, было—удивленіе, въ арміи презрѣніе, въ политическихъ собраніяхъ—холодное неудовольствіе или притворное равнодушіе. Когда Бонапарте сообщилъ новость

---

[143]) *Монитеръ* отъ 20 ноября 1801 г. *Прим. автора.*

своему вѣрному Государственному совѣту,—единственнымъ отвѣтомъ было ледяное молчаніе, а когда чрезъ нѣсколько времени въ немъ прочли папскую грамату, которою Пій VII возвращалъ къ гражданской жизни „своего любезнаго сына Талейрана,“ послышался сдержанный смѣхъ и большинство отказалось вотировать. Это возстановленіе духовной власти представляло такую противоположность съ нравами и мнѣніями, введенными во Францію революціею, что никто не хотѣлъ этому вѣрить: невѣроятность была вопіющая.

Самъ Бонапарте тогда едва могъ съ трудомъ выдерживать свою серьезность. Въ тотъ день, когда Консальви, облаченный въ свою пурпурную мантію, вручалъ ему на публичной аудіенціи копію трактата, Первый Консулъ расхохотался до такой степени, что привелъ въ тупикъ всѣхъ присутствовавшихъ. Главнѣйшею заботою въ то время оффиціальныхъ дѣйствующихъ лицъ при духовныхъ церемоніяхъ было—выдерживать серьезность. „Стоило только засмѣяться кому нибудь, писалъ одинъ изъ нихъ по поводу церемоніи мvропомазанія:—и мы рисковали разразиться гомерическимъ хохотомъ.“ И это говоритъ не мірянинъ, но одинъ изъ важнѣйшихъ сановниковъ церкви [144]).

Первый Консулъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ присылки буллы относительно распредѣленія епархій и назначенія епископовъ; онъ безпрерывно торопилъ римскій дворъ покончить съ этимъ и не принималъ его легата Капроры до тѣхъ поръ, пока не получилъ удовлетворенія; но его рвеніе, столь новое для религіозныхъ интересовъ, ничего тутъ не значило. Въ постоянныхъ поискахъ за эффектами и стараясь вліять на воображеніе, онъ придумалъ новый планъ театральнаго характера, родъ дипломатическаго Маренго, предназначеннаго ослѣпить миромъ тѣхъ, кого до тѣхъ поръ ослѣплялъ войною. Онъ пожелалъ, чтобъ всѣ мирные договоры, заключен-

---

[144]) *Это былъ Мехельнскій архіепископъ.* *Прим. автора.*

ные имъ послѣдовательно съ европейскими державами, были объявлены въ одинъ день и въ одинъ часъ на празднествѣ, данномъ въ годовщину 18 брюмэра, и ко всѣмъ этимъ договорамъ онъ хотѣлъ присоединить Конкордатъ, „чтобъ миръ церкви и миръ Европы были обнародованы въ одно время на всемъ пространствѣ республики [145]). Онъ заказалъ огромныя приготовленія для этого торжества и велѣлъ вдѣлать *Регента* [146]) въ эфесъ своей шпаги,—символическое перемѣщеніе знаковъ власти, перешедшей съ тѣхъ поръ отъ короны къ мечу. Но несмотря на всѣ хлопоты и разсчеты, затѣя эта не удалась, благодаря вѣчнымъ оттягиваніямъ римскаго двора, который отговаривался тѣмъ, что не имѣлъ времени получить отвѣта отъ епископовъ, удалившихся въ Германію. И чтобъ окончательно обрисовать чувство, внушившее эти знаменитые переговоры, и степень важности имъ придаваемой, довольно сказать, что новый Карломанъ пришелъ въ такую досаду по поводу неудавшагося празднества, что онъ сдѣлался совершенно равнодушенъ къ миру церкви, и объявленіе Конкордата отложено было *почти на годъ*.

---

[145]) Бонапарте къ Порталису 15 октября 1801 г. *Прим. автора.*

[146]) Извѣстный драгоцѣнный камень. *Прим. перев.*

ГЛАВА VIII.

Ліонская консульта.—Амьенскій трактатъ.—Санъ-Доминго.

Предполагать, что, занявъ такое высокое положеніе и довольствуясь необыкновенными успѣхами, обозначавшими конецъ 1801 года, Первый Консулъ готовился на нѣкоторое время, если не пользоваться мирно плодами своей славы, то по крайней мѣрѣ стараться упрочивать добытые результаты — значило имѣть ложное понятіе, какъ о характерѣ Бонапарте, такъ о его планахъ и способностяхъ этого роковаго генія. Онъ былъ до такой степени осыпанъ почестями, внѣ отечества пользовался неоспоримымъ перевѣсомъ, а внутри такою неограниченною властью, имѣлъ такое обаяніе надъ современниками, въ глазахъ которыхъ всѣ его дѣянія принимали легендарный колоритъ, что отъ него зависѣло дать толчекъ внутреннему благосостоянію и сдѣлаться болѣе великимъ въ мирное время, нежели онъ былъ въ военное. Но онъ былъ очень далекъ отъ подобныхъ мыслей; онъ уже весь предался новымъ приключеніямъ. Великолѣпныя достигнутыя имъ дипломатическія преимущества, миръ подписанный со всѣми европейскими державами, рѣшившимися съ тѣхъ поръ предоставить нашей странѣ не только полную независимость, но и значительное вліяніе на внѣшнія дѣла,— всѣ эти успѣхи, добытые цѣною такого количества крови,

были въ его глазахъ — не болѣе какъ личная его собственность, созданная для новыхъ его спекуляцій и долженствовавшая служить въ исключительную пользу его собственнаго величія.

Предварительныя лондонскія статьи, предметъ веселія народовъ—едва были подписаны, какъ, рискуя затормозить заключеніе окончательнаго мира, о которомъ шли переговоры въ Аміэнѣ, Бонапарте съ обычною ему лихорадочною энергіею, затѣялъ уже три или четыре различныхъ предпріятія, правда осуществимыя въ этотъ первый моментъ изумленія, благодаря временному истощенію державъ, но каждое изъ которыхъ было достаточно для неизбѣжнаго возбужденія войны въ данное время. Онъ пользовался успѣхомъ для ускоренія окончанія своихъ замысловъ, разсчитывая на изумленіе однихъ, на слабость другихъ, принимая молчаніе за знакъ согласія, и будучи готовъ обнажить мечъ въ тотъ день, когда начнутъ ему противиться. Онъ дѣйствительно осуществилъ окончательную конфискацію всѣхъ маленькихъ державъ, которыя со времени революціи впали къ намъ въ зависимость, но, какъ говорилось временно, въ видахъ собственной ихъ пользы и вслѣдствіе необходимости войны, какъ напримѣръ— Голландіи, Швейцаріи, Генуэзской республики и Цизальпины. Владѣнія эти, съ которыми освободители обращались чаще какъ съ завоеванными, приняли принципы нашей революціи, усвоили учрежденія, подобныя нашимъ, и всѣ тягости, которыми мы ихъ обременили, въ надеждѣ цѣною этихъ пожертвованій — выкупить свою свободу. Надежду ихъ ободряли Еще такъ недавно Люнневильскій трактатъ освятилъ ихъ независимость. IX § этого трактата, сочиненіе самого Бонапарте, гласитъ: „Договаривающіяся стороны обезпечиваютъ другъ другу взаимно *независимость* республикъ Баттавской, Лигурійской, Цизальпинской и Гельветической, и *свободу народамъ ихъ населяющимъ избирать такую форму правленія, какую они сочтутъ удобною.*" Параграфъ этотъ давалъ Ав-

стріи право — вступаться за нихъ. Трудно было предположить — какимъ образомъ подобная гарантія могла внушить этимъ народамъ усвоить копію консульской диктатуры, или правительство, исходящее изъ послѣдней. А между тѣмъ это наша политика объясняла подобнымъ образомъ. Не только было опасно продолжать, увеличивая, зависимость, обременявшую эти республики, въ виду справедливаго негодованія, которое могло возбудиться въ Европѣ подобнымъ притязаніемъ, но и безполезно въ отношеніи беззащитныхъ странъ, привязанныхъ къ намъ интересомъ, нуждавшихся въ нашемъ покровительствѣ и желавшихъ только жить въ мирѣ подъ нашимъ вліяніемъ. Но роковые эти замыслы находились уже на пути исполненія; кромѣ того Первый Консулъ задумалъ возстановить наше прежнее колоніальное могущество посредствомъ экспедиціи въ Сенъ-Доминго—затѣя, основанная на однихъ основаніяхъ съ Египетскою экспедиціею и которая должна была повести къ большимъ еще бѣдствіямъ.

Итакъ Амьенскій миръ не былъ еще заключенъ, а Бонапарте рѣшился уже пустить въ ходъ все, что должно было помѣшать продолжительности этого мира. Онъ компрометировалъ будущее, прежде нежели успѣлъ обезпечить настоящее. И всѣ эти замыслы увеличенія, на первомъ планѣ которыхъ онъ предполагалъ мѣсто не Франціи, но собственной особѣ, съ цѣлью покрыться новымъ блескомъ—должны были служить лишь къ возрастанію его собственнаго могущества внутри отечества: они были необходимымъ и разсчитаннымъ предисловіемъ новаго захвата. Тотъ, кто рѣшался создать себѣ настоящую королевскую власть въ Италіи подъ именемъ президента Цизальпины, тотъ могъ ли довольствоваться временною диктатурою во Франціи? Если его то презрительныя, то яростныя ругательства противъ каждаго, кто сохранилъ хоть какую нибудь привязанность къ свободѣ, если его послѣдовательные захваты всюду—не обнаруживали достаточно ясно его намѣреній, то это всемогущество, основывае-

мое за границею,—не носило ли въ сущности знаменательнаго требованія, обращаемаго къ страху и раболѣпству? Нанести послѣдній ударъ этой ненавистной оппозиціи, ропотъ которой, раздававшійся даже вполгососа, былъ ему невыносимъ, уничтожить тѣнь законодательной власти, которую онъ терпѣлъ еще — такова долженствовала быть цѣль этого увеличенія могущества за границею.

Необходимо было произвести быстро всѣ эти перемѣны, чтобъ имѣть возможность противопоставить англійскому уполномоченному совершившіеся факты. Лордъ Корнуэльсъ неуспѣлъ еще прибыть въ Амьенъ, какъ новая конституція для Цизальпины была уже написана и такая же для Голландіи представлена. Въ Батавской республикѣ онъ ограничился перемѣною учрежденій, которая дозволила бы ему господствовать тамъ въ лицѣ его креатуръ; но ему хотѣлось, чтобъ эта перемѣна была какъ будто бы вызвана самими голландцами. Правительство Батавской республики состояло изъ директоріи и двухъ законодательныхъ палатъ. Первый Консулъ, по соглашенію съ голландскимъ посланникомъ Шиммельпеннинкомъ представилъ на одобреніе этихъ двухъ палатъ новую конституцію, предназначенную имъ для Голландіи. По смыслу этой конституціи президентъ *избирался на три мѣсяца* — обстоятельство ясно показывавшее характеръ власти, предоставляемой этого рода чиновнику. Обѣ палаты, въ покорности которыхъ не сомнѣвались, сочли своимъ достоинствомъ отвергнуть конституцію: но онѣ были разогнаны директоріею при помощи Ожеро. „Событіе это, говоритъ *Монитеръ* отъ 26 сентября 1801 г., разсказывая о государственномъ переворотѣ: — совершилось вполнѣ спокойно. Директорія по *своей мудрости*, приняла это рѣшеніе съ одобренія президентовъ обѣихъ палатъ и *единственно для того, чтобъ дать народу время воспользоваться своими правами.*“. Вслѣдствіе этого новая конституція была подвергнута всенародной подачѣ голосовъ. Изъ 416,419 гражданъ, имѣвшихъ право голосова-

нія, подали голоса 52,219 человѣкъ,—остальные молчали Молчаніе это истолковали какъ знакъ согласія, и провозгласили новую конституцію. Такимъ образомъ была принесена въ жертву независимость Батавской республики (17 октября 1800 г.).

Въ своемъ *объясненіи положенія республики*, представленномъ чрезъ нѣсколько дней послѣ этого во французскій Законодательный Корпусъ, Бонапарте осмѣлился поздравлять Голландію съ событіемъ, котораго она была свидѣтельницею и жертвою, и выразился слѣдующимъ образомъ: „*Батавія находила свои учрежденія созданными не для нее*.... Принципъ правительства заключается въ томъ, что ничего нѣтъ гибельнѣе для народовъ какъ непостоянство въ учрежденіяхъ, и батавская директорія была всегда призываема къ этому принципу. *Но наконецъ батавскій народъ пожелалъ измѣнить и принялъ новую конституцію. Правительство признало ее и должно было признать, потому что такова была воля независимаго народа.*“

Вотъ искренность этихъ знаменитыхъ отчетовъ, гдѣ факты подобраны столь правдоподобнымъ и блестящимъ образомъ. Можно вообразить съ какимъ чувствомъ принимали подобное заявленіе народы, которые знали очень хорошо суть дѣла. Однако этотъ спокойный и терпѣливый народъ удержался отъ всякихъ демонстрацій, зная, что жалобы были безполезны, а сопротивленіе невозможно. Лондонскій кабинетъ, осаждаемый въ то самое время просьбою принца Оранскаго, но не желавшій начинать вновь войну, ограничился только вопросомъ: „Желала ли Франція присоединить къ себѣ Голландію, какъ присоединила Бельгію?“ На это Отто отвѣчалъ: „Что каждое государство въ правѣ устраиваться какъ ему угодно, что свободная, совершенно свободная Голландія имѣла въ Парижѣ своего представителя, какъ и всякая другая держава.“

Съ подобною же заднею мыслью, Первый Консулъ вмѣшивался во внутреннія распри Швейцаріи, относительно ко-

торыхъ столько разъ прославляли безпристрастіе и безкорыстіе его вмѣшательства. Съ тѣхъ поръ какъ патріоты кантона Во, ослѣпленные ненавистью противъ тираніи бернцевъ, по его подстрекательствамъ, имѣли несчастье прибѣгнуть къ иностранному занятію, и съ тѣхъ поръ какъ Директорія предала Швейцарію грабежу для покрытія издержекъ Египетской экспедиціи, эта республика узнала вмѣстѣ все зло рабства и анархіи, такъ какъ французское господство находило выгоднымъ, для своего продленія, поддерживать внутренніе раздоры въ Швейцаріи. Коалиціонныя арміи не замедлили вступить въ ея предѣлы и подъ предлогомъ освобожденія внесли въ нее всѣ злоупотребленія войны. Подпавъ нашей зависимости въ слѣдствіе побѣды при Цюрихѣ, будучи тревожима борьбою партій, которыя, то во имя федеральнаго принципа, то во имя единства, старались удовлетворить свое мщеніе или возстановить привилегію, — она въ обѣщаніяхъ Люневильскаго трактата видѣла надежду на возвращеніе спасительнаго нейтралитета, такъ долго ее охранявшаго.

Но французскія войска не очищали швейцарской территоріи. Первый Консулъ не могъ думать обращаться съ швейцарцами такъ безцеремонно какъ съ итальянцами. Ни гордость, сохраненная въ нихъ республиканскими нравами, ни подозрительность тревожной Европы не позволяли ему въ Швейцаріи присвоить себѣ открыто власть, какъ онъ сдѣлалъ это въ Цизальпинѣ; но онъ постарался достигнуть той же цѣли подъ другимъ именемъ и болѣе скрытыми средствами. Относительно Швейцаріи онъ усвоилъ весьма простую политику, состоявшую въ томъ, чтобъ сдѣлать въ этой странѣ невозможнымъ никакое правительство, пока сами кантоны не отдадутся въ его распоряженіе. Рядомъ съ этимъ главнымъ предметомъ вмѣшательства его во внутреннія дѣла Швейцаріи, онъ преслѣдовалъ и второстепенную цѣль, а именно—къ двумъ департаментамъ *Монъ-Террибль и Леманъ*,

которые Франція выкроила уже изъ владѣній Союза, онъ хотѣлъ присоединить еще и Валисскій кантонъ, удобный для болѣе свободнаго сообщенія съ Италіею черезъ Симплонъ.

Подъ вліяніемъ его искусно скрытой, но упорной и постоянной дѣятельности, правительство за правительствомъ возникали въ Швейцаріи, но никакъ не могли утвердиться. Пользуясь несогласіями партій, склоняя поочередно чашку вѣсовъ на сторону партій противоположныхъ, преслѣдуя съ особенною ненавистью фракцію единства, какъ болѣе способную дать восторжествовать идеямъ независимости, онъ при всякомъ случаѣ высказывалъ участье къ швейцарской свободѣ, тщательно заботясь не выходить изъ этихъ общихъ увѣреній, которыя каждый могъ перетолковывать сообразно со своими желаніями. Каждый разъ, когда ему предлагали проэктъ организаціи, онъ одобрялъ или критиковалъ его, но въ выраженіяхъ темныхъ и неопредѣленныхъ подобно оракулу, и присоединялъ весьма разумныя мнѣнія, заявляя, что не хочетъ ни во что мѣшаться; но вскорѣ, новое правительство, подтачиваемое тайною болѣзнью, погибало словно дерево, подрѣзанное у корня. Быстрота, съ которою эти правительства слѣдовали одно за другимъ, была загадкою для современниковъ; часто историки ссылались на нее какъ на доказательство необходимости, призывавшей Бонапарте играть въ Швейцаріи роль Провидѣнія. Но тайна легко можетъ быть разоблачена, если справиться съ фактами, вмѣсто того чтобъ довольствоваться лживыми вѣроятностями, которыми иныя правительства столь легко прикрываютъ свои самыя гнусныя дѣйствія. Для возстановленія истины здѣсь будетъ достаточно сопоставить краснорѣчивые вымыслы *объясненія о положеніи республики* съ тайными инструкціями, которыя Бонапарте давалъ своимъ агентамъ.

„Часто, сказано въ объясненіи, читанномъ въ Законодательномъ корпусѣ:—Гельвеція представляла Первому Консулу проэкты организаціи, *и онъ всегда напоминалъ ей о ея неза-*

висимости." „Вспоминайте только, говорилъ онъ иногда: — объ отвагѣ и дѣяніяхъ вашихъ предковъ. Учредите такую же простую организацію какъ ихъ нравы.... Въ особенности для назиданія европейскихъ народовъ, сохраните равенство и свободу этой націи, которая первая научила ихъ быть независимыми и свободными." *Это были только совѣты*, и ихъ не очень-то слушались. Гельвеція осталась безъ кормчаго среди бури. *Глава республики оказался лишь безсильнымъ примирителемъ между раздраженными партіями.*"

А вотъ и инструкціи, которыя онъ велѣлъ послать къ этому примирителю, гражданину Вернинаку, нашему представителю въ Гельвеціи. Упомянутое выше объясненіе — отъ 22 ноября, а инструкціи отъ 30.

„Гражданинъ Вернинакъ *не долженъ дѣйствовать открыто*, но заявить конфиденціально, что я очень недоволенъ духомъ реакціи, который повидимому управляетъ ландаманами и малымъ совѣтомъ; что я не потерплю оскорбленія людямъ революціи и всѣмъ, кто показывалъ привязанность къ республикѣ; что я съ грустью видѣлъ, что уже правительство позабыло принципы умѣренности.... *что это правительство незаконно, ибо Законодательный Корпусъ не имѣлъ права уничтожать сеймъ*, что при томъ Законодательный Корпусъ состоитъ лишь изъ шестнадцати членовъ, *и что значило бы странно забавляться надъ націями — вѣрить, что Франція признаетъ волю шестнадцати идивидуумовъ за желаніе гельветійскаго народа и проч.*"

Разборчивость эта, столь новая у человѣка, создавшаго 18 брюмэра, относилась къ управленію Алоиза Рединга — патріота, съ благороднымъ и рыцарскимъ характеромъ, который отстаивалъ независимость родины и въ то время пользовался огромною популярностью.

„Гражданинъ Варнинакъ, продолжалъ Бонапарте: — долженъ при всѣхъ обстоятельствахъ публично *говорить, что настоящее правительство можетъ быть считаемо не иначе*

какъ временнымъ, и дать почувствовать, что французское правительство не только не одобряетъ его, но недовольно ни его составомъ, ни дѣйствіями. *Это должно происходить не путемъ письма, не путемъ печати, а безъ огласки*" [147]).

Такова была въ дѣйствительности воздержная и примирительная политика *миротворца* Вернинака. Редингъ пріѣзжалъ въ Парижъ для соглашенія съ Первымъ Консуломъ, но добился только общихъ увѣреній относительно свободы и счастья соотечественниковъ, съ обѣщаніемъ поддержки, что все объяснялось хотя глухими, однако постоянными нападеніями со стороны Вернинака [148]). „Правда, писалъ ему Бонапарте: — что вы безъ организаціи, безъ правительства, безъ народной воли. *Отчего же соотечественникамъ вашимъ не постараться?*" [149]). Редингъ не могъ понимать этого *старанія* въ смыслѣ желаній Перваго Консула, а потому его вскорѣ устранили, и такова была судьба всѣхъ его послѣдователей до тѣхъ поръ, пока Бонапарте, недовольный медленностью этого народа, нечувствительнаго къ преимуществамъ его верховнаго посредничества, не началъ дѣйствовать посредствомъ собственныхъ креатуръ.

Гораздо менѣе осторожности требовалось въ Италіи, гдѣ умы давно уже были пріучены къ покорности, и на этой-то почвѣ Бонапарте рѣшился совершить событіе, предназначенное остеречь и подстрекнуть Францію. Для болѣе удобнаго достиженія цѣли, онъ нарочно удерживалъ, въ качествѣ временныхъ, учрежденія Цизальпины, такъ что всѣ желали болѣе прочнаго положенія. Когда пришло время, распустили во всей миланской области слухъ, что Цизальпина получитъ

---

147) Бонапарте къ Талейрану, 30-го ноября 1801 г.
Прим. автора.

148) *Исторія Швейцарской конфедераціи*, Ивана Мюллера, т. XVII.
Прим. автора.

149) Бонапарте къ Алоизу Редингу, 6-го февраля 1802 г.
Прим. автора.

болѣе прочное и постоянное устройство, что для итальянцевъ настанутъ наконецъ лучшіе дни, и они будутъ поставлены въ возможность доказать своимъ патріотизмомъ, что они достойны названія свободнаго народа, что Первый Консулъ старается, вмѣстѣ съ наилучшими ихъ согражданами, довершить свое предпріятіе, давъ законы этой республикѣ — порожденію его генія, что онъ желаетъ исполнить свои давно уже задуманныя намѣренія, клонящіяся къ ихъ независимости. Подобные же слухи распространились и въ Генуѣ, гдѣ равно Бонапарте старался помѣшать устройству чего-нибудь окончательнаго. Онъ дѣйствительно призвалъ въ Парижъ четыре или пять наиболѣе вліятельныхъ лицъ въ Цизальпинѣ, какъ, напримѣръ, Мельци, Сербеллони и Марескальки. Онъ для формы предъявилъ имъ новую конституцію, предназначенную для ихъ республики. Конституція эта, составленная Талейраномъ, подъ диктовку Бонапарте, въ теченіе сентября 1801 г., была 30-го ч. того же мѣсяца отправлена съ нарочнымъ въ миланскую консульту, долженствовавшую обсудить ее *секретно* [150]), и которая поспѣшила принять ее. Чрезъ нѣсколько дней Цизальпина узнала, что у нее наконецъ были учрежденія.

Новая конституція, блѣдное отраженіе консульскаго правительства, установляла, какъ основаніе всей системы, избирательный корпусъ, состоящій изъ трехъ коллегій, possidenti, dotti и commercianti, считая всего семьсотъ избирателей. Весь составъ цизальпинскаго избирательнаго корпуса занималъ только полторы страницы *Монитера* [151]). На этой тѣни подачи голосовъ учредили общественныя власти, не менѣе слабыя и жалкія. Цензурная коммиссія, обязанная поддерживать конституцію и назначать чиновниковъ на нѣкото-

---

[150]) Бонапарте къ Талейрану, 29-го сентября 1801 г. *Прим. автора.*

[151]) Монитеръ, 31-го января 1802 г. *Прим. автора.*

рыя мѣста, смутно напоминала французскій Сенатъ; консульта почти соотвѣтствовала Государственному Совѣту, законодательный совѣтъ Трибунату, а цизальпинскій законодательный корпусъ былъ также безгласенъ, какъ и его французскій соименникъ. Но дѣйствія этихъ различныхъ собраній были гораздо больше ограничены въ пользу исполнительной власти. Послѣдняя всецѣло находилась въ рукахъ президента, которому приданъ былъ вице-президентъ—чиновникъ еще болѣе незамѣтный, нежели второй консулъ [152]). Это упрощеніе, окончательно уничтожившее всякіе слѣды либеральнаго элемента, было тождественно съ тѣмъ, какое Первый Консулъ предполагалъ осуществить во французскихъ учрежденіяхъ. Говоря объ Италіи, цизальпинскій Солонъ желалъ въ особенности быть услышаннымъ во Франціи.

По принятіи конституціи, само собою требовалось назначеніе властей, и этотъ-то моментъ Бонапарте избралъ, чтобъ появиться какъ *deus ex machina*. Когда цизальпинское правительство умоляло его самого сдѣлать эти назначенія [153]), онъ отвѣчалъ, выражая свое замѣшательство: „Какимъ образомъ желаютъ, чтобъ онъ могъ на память назначать достойнѣйшихъ людей, болѣе нежели на тысячу шесть сотъ мѣстъ? Онъ не въ состояніи сдѣлать этого иначе, какъ узнавъ желаніе всѣхъ классовъ республики. Пусть же они найдутъ средства къ сближенію [154]).

Ничего не могло быть естественнѣе, какъ путешествіе Перваго Консула въ Миланъ; но потребовать представителей всѣхъ классовъ Цизальпины во Францію среди зимы показалось ему болѣе удобнымъ средствомъ, которое могло бы дать

---

[152]) *Протоколъ дѣйствій консульты*, въ *Монитерѣ*, отъ 31-го января 1802 г. *Прим. автора.*

[153]) Отъ 8-го октября. *Прим. автора.*

[154]) Бонапарте въ цизальпинскій комитетъ, 31-го октября 1801 г. *Прим. автора.*

понятіе о его могуществѣ и поразить умы новостью зрѣлища. Какъ ни была покорна ему Франція, однако она не принимала еще передъ нимъ положенія и тона завоеванной націи; поэтому онъ не преминулъ воспользоваться случаемъ сообщить французамъ заразу итальянской льстивости. Цизальпинскому агенту нашему Петье приказано было внушить кому надлежало, мысль, что городъ Ліонъ, лежащій на половинѣ пути между Миланомъ и Парижемъ, представлялся наиболѣе удобнымъ для подобнаго собранія, и это скромное приглашеніе было принято какъ приказъ республиканцами, давно уже привыкшими понимать полуслова.

Въ силу этого рѣшенія, вліятельнѣйшія личности Цизальпины, болѣе четырехсотъ пятидесяти человѣкъ, направились чрезъ Альпы, среди суровой зимы, на свиданіе, назначенное имъ Первымъ Консуломъ. Все, что въ Верхней Италіи отличалось познаніями, извѣстностью и богатствомъ, было собрано въ Ліонѣ въ первыхъ числахъ января 1802 г. Самъ Бонапарте прибылъ 11-го ч., не преминувъ заставить подождать себя, какъ подобало монарху. Будучи восторженно встрѣченъ ліонцами и принятъ цизальпинцами съ королевскими почти почестями, онъ старался сперва расположить послѣднихъ простотою своихъ манеръ, благосклонностью пріема и любезнымъ вниманіемъ, съ которымъ выслушивалъ ихъ замѣчанія о конституціи и о выборѣ властей. На второстепенные посты вскорѣ послѣдовали назначенія; одна только вакансія оставлена была имъ нарочно—это мѣсто президента. Бонапарте съ самаго начала предназначилъ его себѣ, но, по всегдашней скрытности, не хотѣлъ его явно требовать; онъ надѣялся, что оно ему будетъ предложено внезапно вслѣдствіе восторженнаго настроенія цизальпинцевъ. Послѣдніе, принявъ серьезно его обѣщанія и не зная совершенно тайныхъ его желаній, остановились на графѣ Мельци — личности, наиболѣе уважаемой и вліятельной въ Ломбардіи. Наивные уполномоченные долго не понимали постоянныхъ про-

тиводѣйствій своему выбору, наконецъ надобно же было снять маску и показать имъ, что они прибыли въ Ліонъ не только для устройства собственнаго благоденствія, но и для славы и величія своего законодателя. Довѣренныя лица Перваго Консула — Талейранъ, Петье, Марескальки — взялись вразумить недогадливыхъ, и цизальпинцы, благодаря открытію, явившемуся такъ кстати на помощь ихъ энтузіазму, могли, наконецъ, порѣшить со своею судьбою. Они явились къ Бонапарте съ адресомъ, въ которомъ, клевеща сами на себя, объявили, что не могли найдти въ отечествѣ гражданина, который по своему имени и по характеру былъ бы достоинъ управлять ихъ республикою и способенъ ее поддерживать. Они умоляли его почтить Цизальпину, принявъ на себя верховное управленіе ею, и не позабыть о ея дѣлахъ во время занятія дѣлами Франціи [155]).

На другой день Бонапарте явился торжественно объявить имъ о своемъ согласіи, не давъ себѣ излишняго труда отъ нихъ скрыть ихъ униженіе: „*Я не нашелъ никого между вами*, сказалъ онъ имъ грубо:—*кто имѣлъ бы довольно силы въ общественномъ мнѣніи, кто былъ бы независимъ отъ мѣстныхъ вліяній, кто, наконецъ, оказалъ бы довольно важныя услуги отечеству, чтобы ввѣрить ему верховное управленіе*“. Потомъ онъ далъ имъ нѣсколько совѣтовъ, увѣрилъ въ своемъ покровительствѣ и, наконецъ, объявилъ нѣсколько назначеній, и въ томъ числѣ о назначеніи графа Мельци вице-президентомъ. Тогда многіе ораторы начали осыпать его похвалами: „Если рука, *создавшая насъ*, сказалъ Прина: — удостоиваетъ руководить нами, никакое препятствіе не можетъ остановить насъ, и довѣріе наше должно равняться уваженію, какое внушаетъ намъ герой, которому мы одолжены нашимъ бла-

---

[155]) Рапортъ трентской коммисіи, подписанный Стрегелли.—Протоколъ дѣйствій консульты. *Монитеръ*, 30-го и 31-го января 1802 г.

Прим. автора.

гополучіемъ“. Это то же самое, что *Divus Augustus* Италіи относительно Цезарей. Послѣ этого окончилось призваніе консульты. Этотъ странный договоръ за границею, напоминавшій скорѣе плѣнъ или эмиграцію, нежели гражданскій трактатъ, служилъ печальнымъ предзнаменованіемъ для будущности Цизальпины; онъ окончился весьма неожиданнымъ образомъ для большинства тѣхъ, которые начали его съ такою радостью, но обманъ прикрытъ былъ ласкательствами. Такимъ образомъ Италія, столь долго попираемая нами и доводимая до рабства, отмстила намъ, давъ урокъ раболѣпства.

Одно слово, лишенное, впрочемъ, всякаго дѣйствительнаго примѣненія, утѣшило однако же итальянскихъ патріотовъ за ихъ униженіе въ послѣднемъ засѣданіи консульты—это была замѣна названія *цизальпинской* республики *итальянскою*, хотя, конечно, на словахъ, такъ какъ Бонапарте не слишкомъ заботился подтвердить это серьезными дѣйствіями. Ему было легко, еслибъ только онъ захотѣлъ, дать прочный залогъ надеждамъ итальянскаго возрожденія, но онъ дозволялъ имъ обнаруживаться только по мѣрѣ того, какъ онѣ могли быть полезны ему самому. У него было въ рукахъ все для основанія великой монархіи въ Верхней Италіи: Генуа обратилась къ нему съ такою же просьбою, какъ и Цизальпина; равномѣрно онъ располагалъ и луккскою республикою, которую предлагалъ Испаніи за нѣсколько кораблей и гдѣ агентъ его Моро де-Сенъ-Мери былъ полновластнымъ господиномъ; наконецъ, смерть Пармскаго герцога не подлежала сомнѣнію, и онъ готовился уже овладѣть этимъ герцогствомъ—всѣ эти элементы, соединенные въ Цизальпинѣ, были достаточны для учрежденія великой и могущественной республики, учрежденіе которой, конечно, вызвало бы много возраженій въ Европѣ, которыя все-таки были бы менѣе рѣзки, нежели тѣ, какія мотивировались присоединеніемъ этихъ земель къ Франціи. Подобная республика имѣла бы дѣйствительно постоян-

ное стремленіе къ независимости, что успокоивало бы Европу, но эта перспектива нисколько не соблазняла Бонапарте.

Онъ бросилъ только слово въ пищу мечтателямъ цизальпинцевъ, когда дозволилъ ихъ республикѣ украситься именемъ итальянскаго отечества. Будучи далекъ отъ ихъ видовъ, онъ занимался тогда мелкими государствами Италіи лишь для того, чтобъ держать ихъ разрозненными и окончательно подчинить французскому владычеству. Онъ поступалъ точно такимъ же образомъ относительно этрурскаго королевства, которое такъ странно уступилъ Испаніи „въ полное владѣніе", и гдѣ онъ царствовалъ неограниченно въ лицѣ Кларке и Мюрата, подъ предлогомъ направленія первыхъ шаговъ юнаго короля. Изъ его корреспонденціи видно, что онъ располагалъ тамъ всѣмъ, назначалъ на важнѣйшія мѣста въ администраціи и въ арміи, утверждалъ жалованье и составъ войскъ и даже занимался опредѣленіемъ количества орудій, долженствовавшихъ сохраняться въ каждой крѣпости [156]).

Съ тѣхъ поръ Тоскана была не болѣе какъ французское владѣніе, завоеваніе которой не казалось столь очевиднымъ лишь потому, что болѣе было замаскировано.

Чтобъ судить о дѣйствіи, какое должны были эти захваты произвести въ Европѣ, необходимо не терять изъ вида, что они были не—какъ представляютъ ихъ обыкновенно—послѣдовательны, а одновременны. Если они и не всѣ совершились въ одинъ моментъ, что казалось бы черезчуръ явнымъ, если, напримѣръ, батавская реорганизація предшествовала гельветической, мнимая цизальпинская конституція генуэзской, то все это было начато, преслѣдуемо и объявлено въ одно время весьма недвусмысленными манифестаціями, которыя представляли странную противоположность съ нашими,

---

[156]) Бонапарте къ Талейрану, 25-го сентября; къ Бертье ibid.

Прим. автора.

безпрерывно возобновляемыми обѣщаніями—уважать независимость этихъ республикъ.

Впрочемъ Первый Консулъ такъ хорошо понималъ, что эта политика не въ состояніи выдержать обсужденія, что когда открылись конференціи въ Амьенѣ между Іосифомъ и лордомъ Корнуэльсомъ, первою его заботою было устранить всѣ эти вопросы отъ переговоровъ. Съ открытіемъ конференцій онъ велѣлъ написать Іосифу: „Вы должны считать положительнымъ, что французское правительство не хочетъ слышать ни о Сардинскомъ королѣ, ни о Штатгальтерѣ, *и ни о чемъ, касающемся внутреннихъ дѣлъ Батавіи, Германіи, Гельвеціи и итальянскихъ республикъ.* Все это совершенно постороннее нашимъ обсужденіямъ съ Англіею, и немногое, что высказано было по этому поводу въ продолженіе предварительныхъ переговоровъ, достаточно доказываетъ, что въ настоящее время не должно быть объ этомъ рѣчи ни въ какомъ случаѣ“ [157]).

Это значило, другими словами, что до всего происходившаго въ Европѣ не было болѣе дѣла Англіи, и было странною мечтою надѣяться отъ нее подобнаго самоотреченія. Впрочемъ этотъ систематическій пропускъ былъ равно удобенъ и для Англіи, имѣвшей нужду въ выигрышѣ времени и временномъ отдыхѣ; поэтому, не противорѣча тому, что французское правительство совершило въ различныхъ этихъ государствахъ подъ своею отвѣтственностью, она согласилась обойдти молчаніемъ предполагаемыя перемѣны, будучи убѣждена, что въ то время не могла ни одобрить ихъ, ни воспрепятствовать имъ. Благодаря этимъ недоразумѣніямъ относительно настоящаго смысла, въ которомъ нельзя было сомнѣваться ни съ той, ни съ другой стороны, почва была тотчасъ же очищена отъ единственныхъ настоящихъ препятствій къ заключенію мира. Не имѣя возможности придти къ

[157]) Талейранъ къ Іосифу, 20-го ноября 1801 г. *Прим. авт.*

соглашенію по этимъ усложненнымъ вопросамъ, рѣшились ихъ игнорировать, словно они и не существовали; ибо невозможно было скрыть, что въ тотъ день, когда убѣдятся въ ихъ существованіи, необходимо взяться за оружіе. Таково было значеніе амьенскихъ конференцій. Публикѣ хотѣли бросить эти формулы мира, котораго она столь жадно ожидала, но съ внутреннимъ убѣжденіемъ, что на подобныхъ основаніяхъ можно подписать только перемиріе.

Вслѣдствіе принятаго рѣшенія не говорить въ данную минуту ни о чемъ, что могло вести къ разногласію и раздраженію, предметъ переговоровъ сдѣлался весьма ограниченнымъ. Съ тѣхъ поръ дѣло шло лишь объ опредѣленіи условій относительно права рыболовства, о вознагражденіи за продовольствіе плѣнныхъ и, наконецъ, о возстановленіи Мальтійскаго ордена—единственнаго обстоятельства, имѣвшаго существенную важность. Дѣло Мальты, хотя и второстепенное предъ вопросами, о которыхъ умалчивалось, показало, однакожъ, всю глубину недовѣрія, раздѣлявшаго обѣ державы не смотря на ихъ миролюбивыя увѣренія. Бонапарте первый подалъ мысль о протекторатѣ Россіи въ пользу возстановленнаго Ордена; но съ тѣхъ поръ, какъ потерялъ надежду имѣть такое же вліяніе надъ императоромъ Александромъ, какое оказывалъ на императора Павла, онъ весьма охладѣлъ къ этой мысли. Теперь онъ предложилъ помѣстить Мальту подъ покровительство Неаполитанскаго короля, которымъ онъ надѣялся овладѣть, такъ какъ былъ дѣйствительнымъ повелителемъ остальной Италіи. Будучи убѣжденъ опытомъ, что при тогдашнемъ состояніи флота онъ могъ смѣлымъ нападеніемъ завладѣть островомъ, но не былъ бы въ состояніи удержать его, онъ требовалъ, чтобъ укрѣпленія были срыты и замѣнены магазинами и лазаретомъ. Англичане, съ своей стороны, настаивали на простомъ возстановленіи Ордена подъ покровительствомъ Русскаго царя, съ тѣмъ только, чтобъ изъ статута было вычеркнуто все отжившее и къ существую-

щимъ въ немъ языкамъ прибавленъ былъ англійскій, для уравновѣшиванія французскаго вліянія [158]). Съ обѣихъ сторонъ понимали, что всѣ эти улаживанія не болѣе какъ временныя, и упрямо держались задней мысли—при первомъ же случаѣ захватить столь драгоцѣнный стратегическій пунктъ или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать его безполезнымъ для противника.

Въ то же время, какъ Бонапарте манилъ Европу Амьенскимъ трактатомъ и, такъ сказать, закабаливалъ народы, бывшіе до тѣхъ поръ только просто связанными съ нашею системою, скорѣе покровительствуемые нами, нежели намъ подвластные, онъ преслѣдовалъ въ Парижѣ еще дѣятельнѣе и ревностнѣе планы, задуманные имъ для увеличенія власти, которая въ глазахъ его была ничто, до тѣхъ поръ, пока онъ не подчинитъ себѣ всего окружающаго. Со времени обсужденія спеціальныхъ трибуналовъ и заключенія Конкордата, намѣренія Перваго Консула ни для кого не составляли тайны. Какъ доказывали всѣ его дѣйствія, онъ стремился болѣе нежели когда-нибудь къ возстановленію монархіи. Въ этомъ отношеніи нельзя было уже сомнѣваться, и люди, наиболѣе извѣстные своею умѣренностью, отказались защищать политику, цѣль которой угадывалась безъ труда. Вслѣдствіе оскорбительной выходки Франсэ де-Нантъ въ Трибунатѣ, миролюбивый Дону оставилъ собраніе, объявляя, „что не вступитъ въ него до тѣхъ поръ, пока не прекратится тиранія“. Неудовольствія эти, раздѣляемыя большимъ числомъ членовъ Трибуната и Законодательнаго Корпуса, но заявляемыя лишь весьма малою фракціею этихъ двухъ собраній, проникли, наконецъ, и въ самый Сенатъ, хотя въ интересѣ его было прикрывать все своимъ неизмѣннымъ одобреніемъ. Президентъ сената Сьё, соскучившійся своимъ великолѣпнымъ бездѣй-

[158]) Конференція 28-го декабря: *Переговоры, относящіеся къ Амьенскому трактату. Дю-Коссъ.* *Прим. автора.*

ствіемъ, униженный ролью, почести которой не прикрывали ничтожества, не совсѣмъ приготовившійся къ своей преждевременной смерти, хотя и получившій за это плату заранѣе, и съ нимъ всѣ сенаторы, которые сохранили еще какое-нибудь достоинство характера или привязанность къ свободѣ, какъ Детю, Траси, Вольней, Кабанисъ, Ланжюине, Гора, Ламбрехтъ, вознаграждали себя за закрытыя свои засѣданія, порицая въ частныхъ собраніяхъ ходъ правительства, которому воспрепятствовать они были не въ состояніи. Заговоръ этой безвредной группы заключался лишь въ салонной болтовнѣ, происходившей большею частью въ отелѣ у госпожи Гельвеціусъ или у госпожи Кондорсе. Да и что, впрочемъ, могло сдѣлать это меньшинство идеалоговъ, еслибъ даже и соединилось съ недовольными Законодательнаго Корпуса и Трибуната. Добиться назначенія одного вмѣсто другаго кандидата, измѣнить или отвергнуть проэктъ какого-нибудь закона—вотъ и все. Партія эта была далеко не разрушительна и не мятежна, а думала только о легальномъ сопротивленіи, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова: желанія ея не шли дальше какъ сохранить остатки существующей гарантіи и, если можно, помѣшать новой узурпаціи.

Что же касается до оппонентовъ Законодательнаго Корпуса и Трибуната, то видно достаточно изъ фактовъ, что хотя они и пользовались уваженіемъ этихъ собраній, однако мало имѣли вліянія на ихъ мнѣніе. Они были слишкомъ слабы и слишкомъ безоружны, чтобъ думать о нападеніи, а потому всѣ ихъ стремленія заключались въ томъ, чтобъ удержать хоть тѣнь контроля въ Республикѣ. Они не думали ни о захватѣ власти, ни о парализаціи ея, а о поддержаніи; они не желали навязывать ей новыхъ законовъ, а хотѣли заставить ее уважать прежніе, которые она сама издала и которымъ присягнула. Между этими недовольными, если исключить Барра, тогда одинокаго, безсильнаго, лишеннаго довѣрія, не было ни одного, который мечталъ бы о ниспроверженіи кон-

сульской власти. Даже армейскіе оппоненты, которые, по характеру своему, легче переходятъ отъ мысли къ дѣлу, не мечтали ни о чемъ подобномъ. Жалобы ихъ были совершенно другой натуры. Чуждые по большей части самаго понятія о свободѣ, военные готовы были привѣтствовать диктатуру, имѣвшую въ ихъ глазахъ заслугу — примѣненіе къ государству армейской дисциплины. Товарищи Бонапарте восторженно рукоплескали 18 брюмэра, въ которомъ видѣли залогъ собственнаго возвышенія; но болѣе дальновидные изъ нихъ не замедлили убѣдиться, какое разстояніе этотъ успѣхъ положилъ между ними и Первымъ Консуломъ. Они льстили себя надеждою удержать прежнее равенство и не безъ грусти разстались съ этою мечтою. Изъ всѣхъ актовъ, наиболѣе способствовавшихъ ихъ разочарованію, былъ Конкордатъ, который и огорчилъ ихъ сильнѣе по этому случаю. Зная въ совершенствѣ религіозныя убѣжденія Бонапарте, привыкнувъ разсуждать съ нимъ объ этомъ съ полною откровенностью, они не могли не видѣть въ Конкордатѣ задней мысли чисто личнаго честолюбія. Нѣкоторые изъ нихъ громко выражали ему свое неудовольствіе; это были прежніе его сотрудники по Итальянской арміи, какъ Ланнъ и Ожеро, люди мало опасные. Ланнъ, котораго третировали какъ избалованнаго ребенка, получилъ посольство въ Португаліи, и его полу-немилость произвела нѣкоторый шумъ.

Рейнская армія была очагомъ болѣе серьезныхъ, хотя и менѣе шумныхъ неудовольствій. Офицеры ея отличались бо́льшимъ образованіемъ отъ офицеровъ Итальянской арміи и либеральнымъ духомъ. Они искренно были преданы республиканскимъ учрежденіямъ и съ грустью смотрѣли на ихъ разрушеніе; но только недовольство свое обнаруживали съ большою осторожностью. Начальникъ ихъ Моро, менѣе и менѣе удовлетворяясь ходомъ дѣлъ, но не желая, чтобъ недовольство его приписывали поводамъ соперничества или личнаго честолюбія, ограничивался тѣмъ, что держался въ сторонѣ,

пренебрегая милостями, которыхъ добивались многіе, рѣдко высказывая порицаніе, которое было болѣе вѣско по этому случаю, противополагая, наконецъ, простое и гордое достоинство своей жизни заимствованному великолѣпію новаго двора.

Если прибавить къ этимъ различнымъ элементамъ оппозиціи слабыя стремленія старинныхъ членовъ якобинской партіи, присоединившихся, впрочемъ, къ правительству, какъ Реаль, Фуше, Трюге, Тибодо, которые чувствовали отвращеніе не къ диктатурѣ, которыхъ не пугало никакое сосредоточеніе власти, лишь бы оно искало покровительства въ воспоминаніяхъ революціи, но къ формамъ и названію, напоминавшимъ королевство, то вотъ и всѣ препятствія, какихъ могла опасаться власть Перваго Консула. Между всѣми этими элементами не было не только никакой связи, которая могла бы дѣлать ихъ опасными, но они даже не были воодушевлены систематическою враждою, и отъ него зависѣло согласить ихъ, отказавшись отъ намѣреній, которыя, весьма естественно, ему приписывали. Но онъ старался избавиться отъ нихъ съ помощью силы и хитрости. Онъ рѣшился воспользоваться первымъ предлогомъ, чтобъ поразить оппозицію Трибуната, раскассировавъ ли его, или отнявъ у него проэкты законовъ, оставляя ее уничтожаться въ бездѣйствіи, ибо онъ еще не придумалъ окончательной мѣры. Что же касается до оппозиціи Рейнской арміи, то онъ отдѣлался отъ нее посредствомъ Сенъ-домингскаго похода.

Здѣсь необходимо предостеречь себя отъ ложной и ошибочной оцѣнки. Разсказывали и повторяли, что Бонапарте отправилъ въ Сенъ-Доминго Рейнскую армію, съ убѣжденіемъ, что она не возвратится. Извѣтъ этотъ требуетъ самыхъ неоспоримыхъ доказательствъ, а между тѣмъ онъ основывается только на подозрѣніяхъ, весьма недостаточныхъ не только для установленія увѣренности, но даже и вѣроятности. Что онъ думалъ удалить Рейнскую армію—это весьма очевидно, фактъ говоритъ самъ за себя; притомъ же онъ и

самъ высказываетъ, хотя и замаскированно, однако выразительно о своихъ намѣреніяхъ, въ прокламаціи, объявлявшей о Сенъ-домингскомъ походѣ: „Если остаются еще люди, говоритъ онъ:—тревожимые желаніемъ ненавидѣть своихъ соотечественниковъ, или огорченные воспоминаніемъ своихъ потерь, ихъ ожидаютъ громадныя страны; пусть они отправляются туда искать богатства и забвенія своихъ невзгодъ и страданій. Отечество будетъ слѣдить за ними и содѣйствовать ихъ отвагѣ“ [159]). Итакъ, эта экспедиція была, въ его глазахъ, въ родѣ отвода для честолюбія и рвенія, которыхъ онъ не хотѣлъ удовлетворить во Франціи. Что, кромѣ этого, онъ зналъ губительное дѣйствіе климата и другія затрудненія при покореніи острова — тоже не подлежитъ сомнѣнію; въ этомъ отношеніи онъ получилъ всевозможныя свѣдѣнія отъ полковника Винцента, который даже попалъ въ немилость за свою откровенность. Но хотя онъ и считалъ это предпріятіе труднымъ и опаснымъ, однако оно казалось ему осуществимымъ; въ душѣ его оно соединялось съ пріобрѣтеніемъ Луизьяны и съ похвальнымъ намѣреніемъ поднять наши колоніи.

Итакъ, вопреки утвержденіямъ, онъ *не посылалъ* Рейнской арміи на гибель, а видѣлъ только въ этомъ случай — разрушить вдали очагъ безпокойнаго сопротивленія. Но эта славная армія тѣмъ не менѣе погибла вслѣдствіе ошибки Бонапарте, погибла вслѣдствіе его недальновидности и упрямства, погибла въ предпріятіи, безчестномъ по своей цѣли, гнусномъ по своимъ средствамъ, гибельномъ и постыдномъ по своимъ результатамъ. Сенъ-Доминго, едва оправившись отъ смятеній, сопровождавшихъ его освобожденіе, только что начиналъ подыматься изъ развалинъ, руководимый однимъ умнымъ и энергическимъ *чернымъ*, въ которомъ европейцы, къ величайшему удивленію, должны были признать человѣка. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Туссэнъ Лувертюръ то кро-

---

[159]) Прокламація въ годовщину 18-го брюмэра. *Прим. автора.*

тостью, то строгими мѣрами возстановилъ всѣ элементы цивилизованнаго общества между этими мятежными невольниками, которые сдѣлались непокорными и готовы были возвратиться къ дикому состоянію. Онъ положилъ конецъ гражданской войнѣ, призвалъ къ новой жизни промышленность и торговлю, возвратилъ прежнимъ колонистамъ ихъ имѣнія, преобразовалъ юстицію и администрацію. Въ видахъ независимости своей республики, онъ изгналъ англійскія и испанскія войска. Представители наши на островѣ, со временъ Сантона-де-Гедувиля, были только безсильными зрителями этихъ счастливо-окончившихся несогласій; господство наше надъ Сенъ-Доминго осталось чисто-номинальнымъ; Туссэнъ поспѣшилъ признать его, но съ весьма законнымъ намѣреніемъ—удерживать его въ качествѣ почетнаго. Въ послѣднее время онъ отправилъ къ Бонапарте конституцію своей республики, съ цѣлью получить консульское утвержденіе. Жить въ независимости подъ покровительствомъ Франціи, давать своимъ плантаторамъ, купцамъ и морякамъ всевозможныя привилегіи, совмѣстимыя со свободою и безопасностью острова— вотъ тогдашнія мечты этой республики, которую Туссэнъ Лувертюръ поднялъ на высшую степень благосостоянія въ столь короткое время.

Таково было положеніе этой колоніи въ моментъ, когда единственно съ цѣлью покоренія и противъ убѣжденія всѣхъ компетентныхъ людей, Бонапарте рѣшился низринуть на нее снова всѣ опустошенія разрушительной войны. Для ближайшаго ознакомленія съ видами, внушившими ему эту мысль, предъ которыми перипетіи экспедиціи не болѣе какъ предметъ второстепенный, необходимо взглянуть ближе на всѣ данныя этого процесса. Прежде всего приложили стараніе разувѣрить англичанъ относительно цѣли экспедиціи. Талейранъ получилъ приказаніе объяснить имъ въ нотѣ [160]), что

---

[160]) Что не мѣшаетъ Наполеону писать въ своихъ Мемуарахъ съ обыч-

въ этомъ предпріятіи французское правительство руководствовалось менѣе финансовыми и торговыми условіями, нежели необходимостью задушить во всѣхъ частяхъ свѣта всякій зародышъ смутъ и мятежей [161]); теперь сказали бы—необходимостью *возрожденія* Сенъ-Доминго. Для совершеннаго ихъ успокоенія онъ прибавлялъ, „что въ случаѣ, еслибъ мы признали организацію Сенъ-Доминго, то *скипетръ Новаго свѣта непремѣнно впалъ бы въ руки черныхъ*". Надобно считать англійскій кабинетъ дошедшимъ до крайней степени глупости, чтобъ предполагать, что онъ могъ раздѣлять подобныя опасенія, и они, конечно, не имѣли никакого вліянія на его рѣшеніе. Но, не преувеличивая до такой степени опасности владѣнія черныхъ, англійскій кабинетъ имѣлъ много неудовольствій противъ Туссэнъ Лувертюра, примѣръ котораго, рано или поздно, нашелъ бы подражателей; притомъ же они не безъ удовольствія видѣли, какъ мы затѣвали борьбу, опасности которой были имъ гораздо лучше знакомы. Поэтому они ни мало не противились экспедиціи и ограничивались наблюденіемъ надъ нею почти съ оскорбительнымъ, но справедливымъ недовѣріемъ. Въ приведенной выше нотѣ Бонапарте прямо заявлялъ свое намѣреніе „уничтожить правительство черныхъ"; для полученія согласія на свои проэкты англичанъ, онъ прибавлялъ, „что *если правительство признаетъ и узаконитъ на Сенъ-Доминго правительство черныхъ*, то это будетъ служить точкою опоры для республики въ Новомъ Свѣтѣ"; вслѣдствіе этого онъ рѣшился также уничтожить эту свободу, ибо онъ заранѣе зналъ, что подобная мысль сочтется ему заслугою въ глазахъ англійскаго кабинета, который въ то время весьма благопріятствовалъ невольниче-

---

ною правдивостью: «*что относительно Сенъ-домингской экспедиціи не было ни нотъ, ни переговоровъ, ни сношеній съ Англіею*». Замѣтка и смѣсь, диктованныя Монтонону. *Прим. автора.*

[161]) Бонапарте къ Талейрану, отъ 13-го ноября. *Прим. автора.*

ству. Но какая разница заключалась въ его письмѣ, адресованномъ въ то же самое время къ Туссэнъ-Лувертюру: „Мы питаемъ къ вамъ уваженіе, писалъ онъ ему:—и съ удовольствіемъ заявляемъ о важныхъ услугахъ, оказанныхъ вами французскому народу. Если французское знамя развѣвается на Сенъ-Доминго, то этимъ обязаны мы вамъ и вашимъ храбрымъ неграмъ. Призванные вашими способностями и силою обстоятельствъ къ главному начальству, вы уничтожили гражданскую войну, положили конецъ преслѣдованію нѣсколькихъ свирѣпыхъ личностей, возстановили честь религіи и Бога, отъ котораго все зависитъ. Созданная вами конституція, заключая въ себѣ много хорошаго, имѣетъ также и недостатки, противные достоинству и господству французскаго народа... Обстоятельства, въ которыхъ вы находились, узаконивали иныя статьи; но теперь, когда все измѣнилось къ лучшему, вы первый воздадите дань уваженія владычеству націи, которая считаетъ васъ въ числѣ своихъ знаменитѣйшихъ гражданъ за оказанныя ей услуги, и за способности и силу характера, которыми надѣлила ихъ природа. Противоположное поведеніе было бы недостойно мнѣнія, какое мы составили о васъ... Чего вы можете еще желать? *Свободы черныхъ*? Вамъ извѣстно, что во всѣхъ странахъ мы даровали ее народамъ, которые не пользовались ею“ [162]).

Итакъ, здѣсь дѣло шло не объ уничтоженіи правительства черныхъ, ни о нарушеніи ихъ свободы, а только объ измѣненіи нѣкоторыхъ параграфовъ Сенъ-домингской конституціи и о возстановленіи верховнаго владычества Франціи. Правда, письмо это доставлялъ генералъ Леклеркъ во главѣ двадцати или двадцатипятитысячной арміи — обстоятельство достаточно знаменательное. Въ другомъ мѣстѣ Бонапарте, *выставляя положеніе республики*, говоритъ: „Нѣтъ болѣе невольниковъ ни на Сенъ-Доминго, ни въ Гваделупѣ. Все тамъ

---

[162]) Бонапарте къ генералу Туссэнъ Лувертюру, 18-го ноября 1801 г. *Прим. автора.*

свободно и останется свободнымъ. Мартиника другое дѣло. Тамъ осталось невольничество и оно будетъ сохранено.“

Въ виду этихъ противоположныхъ объясненій, которыя, однакожъ, имѣютъ далеко неравную цѣну, для болѣе яснаго освѣщенія вопроса естественнѣе всего обратиться къ инструкціямъ генерала Леклерка. Конечно, эти инструкціи не были обнародованы по весьма понятнымъ причинамъ. Объ этомъ извѣстно только то, что Леклеркъ, несмотря на необыкновенно суровыя мѣры, принятыя имъ на Сенъ-Доминго, дѣйствовалъ далеко мягче, нежели ему было приказано. Наполеонъ формально упрекаетъ его въ этомъ въ своихъ Запискахъ; упрекая его въ ослушаніи, онъ тщательно старается скрыть истинную его причину. Онъ увѣряетъ, что Леклерку было приказано взять и отправить въ Европу всѣхъ черныхъ офицеровъ, выше батальоннаго командира; Туссэнъ Лувертюръ, прибавляетъ онъ, служилъ бы во Франціи *въ рангѣ дивизіоннаго генерала*, а прочіе начальники были бы утверждены въ ихъ чинахъ. Безполезно объяснять невѣроятность послѣдняго увѣренія; что же касается перваго, то оно приподымаетъ только уголокъ завѣсы. Къ счастью, можно въ нѣкоторой мѣрѣ пополнить это упущеніе. Въ перепискѣ своей съ Леклеркомъ, Бонапарте нѣсколько разъ упоминаетъ объ этихъ инструкціяхъ и, несмотря на незначительность этихъ данныхъ, можно составить уже себѣ идею о нихъ, кто изучалъ этотъ характеръ. Чрезъ нѣсколько времени по отплытіи экспедиціи, 16-го марта 1802 г., Первый Консулъ писалъ Леклерку: „Слѣдуйте въ точности моимъ инструкціямъ, и *какъ только отдѣлаетесь отъ Туссэна, Краффа, Дессалина и главнѣйшихъ разбойниковъ*, и когда массы черныхъ будутъ обезоружены, присылайте на континентъ всѣхъ негровъ и цвѣтныхъ, которые могли бы играть роль въ гражданскихъ смутахъ“ [163]).

---

[163]) «Генералу Леклерку пишетъ по этому поводу Тьеръ:—приказано

Вотъ какую участь готовилъ онъ въ этихъ инструкціяхъ *знаменитому гражданину*, которому выказывалъ такое уваженіе, и вотъ какъ онъ понималъ „измѣненіе нѣсколькихъ параграфовъ въ конституціи". Фраза „отдѣлаться отъ Туссэна", смыслъ которой очень ясенъ въ корреспонденціи, превращается въ Запискахъ въ чинъ дивизіоннаго генерала.

Что касается до вопроса о невольничествѣ, то о немъ можно судить по выводамъ. Ни для кого не тайна, что онъ спѣшилъ возстановлять его вездѣ, гдѣ только достигалъ власти; но это, говорятъ, не доказываетъ, чтобъ онъ возъимѣлъ о немъ мысль при началѣ экспедиціи [161]). Чрезвычайно трудно предположить, чтобъ тотъ, кто возвращалъ невольничеству, уничтоженному нашимъ законодательствомъ, его прежнее законное существованіе не только въ Мартиникѣ, но въ Тобаго, Сентъ-Люсси, въ Гвіянѣ, на Иль-де-Франсѣ и на островѣ Соединенія, рѣшился бы на опасное исключеніе для нашихъ колоній на Сенъ-Доминго и въ Гваделупѣ. Но скажемъ больше: пріемъ, съ которымъ онъ исполнилъ это обязательство относительно Гваделупы, достаточно доказываетъ, что онъ никогда не думалъ исполнять обѣщаній во всемъ, что касалось Сенъ-Доминго. Возстановленіе невольничества было имъ рѣшено тотчасъ же, но онъ считалъ необходимымъ приводить его постепенно въ исполненіе. Экспедиція въ Гваделупу совершилась только въ концѣ 1802 г. Послѣ тщетныхъ усилій навязать начальство надъ нею проницательному Бернадотту, назначенъ былъ начальникомъ Ришпансъ, помощникъ Моро, отличный офицеръ, славная жизнь котораго заслуживала менѣе гибельной кончины, нежели та, причиною которой такъ скоро сдѣлалась желтая лихорадка. Вотъ ру-

---

было *щадить Туссэна,* предложить ему роль намѣстника Франціи, утвержденіе чиновъ и имѣній, пріобрѣтенныхъ его офицерами, гарантію свободы негровъ». *Прим. автора.*

[164]) Биньонъ. *Прим. автора.*

ками какого человѣка Бонапарте рѣшился возстановить невольничество въ Гваделупѣ, въ противность торжественнымъ заявленіямъ.

Но онъ считалъ удобнымъ дождаться прибытія Ришпанса на островъ, чтобъ ознакомить его съ назначенною ему ролью. Черезъ полтора мѣсяца послѣ его отъѣзда, 13-го іюля 1802 г., онъ приказалъ морскому министру Декре написать ему:

„Присоединивъ къ даннымъ распоряженіямъ наибольшую дѣятельность, въ передвиженіи военной помощи изъ одной колоніи въ другую въ случаѣ необходимости, можно быть увѣреннымъ въ совершенномъ спокойствіи, и мы даже будемъ въ состояніи принять всѣ мѣры, какія окажутся нужными для колоній. *Важнѣйшею изъ нихъ учрежденіе въ Гваделупѣ невольничества, какъ было на Мартиникѣ, но только надобно держать эту мѣру въ строжайшей тайнѣ, предоставивъ генералу Ришпансу избрать удобнѣйшій моментъ для ея объявленія*“.

Если сопоставить это приказаніе съ нотою, посланною англійскому кабинету—коварные, жестокіе акты, позорящіе нашу экспедицію въ Сенъ-Доминго, то дѣлается ясно, каковы должны быть инструкціи, данныя генералу Леклерку относительно невольничества. Подчинить островъ посредствомъ силы или страха, обезоружить негровъ, погубить ихъ главныхъ вождей, а другихъ сослать—вотъ было начало плана, необходимымъ вѣнцомъ котораго служило невольничество. Разсчеты эти не удались: никогда болѣе гибельные результаты не отвѣчали болѣе извращенной политикѣ, но, какъ случается обыкновенно, одни орудія понесли на себѣ тяжесть искупленія грѣха—непреложный историческій законъ, который долженъ былъ бы предостеречь людей отъ неисчерпаемой угодливости къ тѣмъ, которые такъ легко распоряжаются ихъ судьбою. На Сенъ-Доминго отправили около тридцати пяти тысячъ человѣкъ, а возвратилось оттуда лишь тысячъ нѣсколько. Что касается до героя чернаго племени,

то извѣстно, какимъ образомъ, будучи завлеченъ въ ловушку генераломъ Леклеркомъ, который съ отвращеніемъ дѣйствовалъ въ силу повторенныхъ приказаній Бонапарте, знаменитый негръ былъ схваченъ, отправленъ во Францію и засаженъ въ холодные казематы форта Жу, гдѣ и умеръ по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Туссэнъ Лувертюръ могъ умереть, ибо онъ доказалъ міру, что негры—люди, и люди, способные къ самоуправленію—способность, въ которой имъ до тѣхъ поръ было отказано. *Естественная смерть!* стараются восклицать наши историки, упоминая о слухахъ, поводомъ къ которымъ послужила эта преждевременная кончина, словно продолжительныя мученія, которымъ подвергался этотъ сынъ тропиковъ, не были несравненно жесточе юридической казни. Но что значитъ эта темная агонія бѣднаго негра для чувствительныхъ повѣствователей условнаго мученичества на островѣ св. Елены? Правда, что справедливое будущее, можетъ быть, скажетъ, кто изъ этихъ двухъ человѣкъ былъ искупителемъ, а кто бичемъ своего племени.

ГЛАВА IX.

Очищеніе Трибуната. — Орденъ Почетнаго легіона. — Пожизненное консульство.

Время разсказать, какимъ образомъ Первый Консулъ, освободившись отъ недовольныхъ Рейнской арміи, отдѣлался также и отъ наиболѣе безпокоившей его оппозиціи; я хочу сказать объ оппозиціи Трибуната и Законодательнаго Корпуса. Что онъ давно рѣшился покончить съ нею, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, потому что онъ нѣсколько разъ громко заявлялъ свое намѣреніе, а что касается до способовъ привести его въ исполненіе, то онъ долженъ былъ согласоваться съ обстоятельствами. Сессія X года (1801—1802) открылась 22-го ноября, въ то самое время, когда Рейнская армія отплывала на Сенъ-Доминго. Этому открытію придали нѣкоторое торжество: раздавались артиллерійскіе выстрѣлы, и министръ внутреннихъ дѣлъ, предшествуемый двумя герольдами, лично явился въ залу засѣданій Законодательнаго Корпуса. Необычайная эта обстановка ни въ какомъ случаѣ не была данью уваженія представителямъ націи; хотѣли только придать больше блеска тому, что министръ называлъ „закрытіемъ храма Януса“, т. е. внесенію въ списокъ мирныхъ договоровъ, заключенныхъ правительствомъ съ европейскими державами, ибо хотя Первый Консулъ и отрицалъ въ Зако-

нодательномъ Корпусѣ право утвержденія, однако не рѣшился не представлять ихъ ему по крайней мѣрѣ для формы. На другой день Тибодо прочелъ въ собраніи *Отчетъ о положеніи республики*, изъ котораго мы уже приводили нѣсколько отрывковъ — обширная, но обманчивая картина, гдѣ всѣмъ было пожертвовано эффекту, гдѣ самыя извѣстныя событія были передѣланы самымъ дерзкимъ образомъ каждый разъ, когда въ этомъ заключался какой нибудь интересъ. Нельзя отрицать, чтобъ результаты въ цѣломъ не были внушительны, но какъ въ нихъ не имѣлось никакой гарантіи ни на прочность, ни на продолжительность, то нельзя было не видѣть въ нихъ величія болѣе фиктивнаго, нежели дѣйствительнаго, и обстановки, болѣе разсчитанной для удовольствія глазъ. Правительство объявляло въ своемъ отчетѣ о заключеніи договоровъ и представленіи Конкордата, гражданскаго кодекса, наконецъ, проэкта закона относительно преобразованія народнаго просвѣщенія—великолѣпная программа, свидѣтельствующая о дѣятельности геніальнаго человѣка, но дѣятельности торопливой и ревнивой, не терпящей ни сотрудничества, ни контроля, и относящей все собственно къ себѣ, отчего всѣ работы ея вышли безплодны.

Законодательный Корпусъ избралъ въ президенты Дюпюи, автора книги „О происхожденіи всѣхъ богослуженій“, и въ этомъ избраніи увидѣли признакъ оппозиціи Конкордату. Депутація, назначенная привѣтствовать консуловъ по поводу отчета, избрала ораторомъ аббата Грегуара, что было сочтено за равномѣрно знаменательную манифестацію. Оба были чрезвычайно умѣренны, и Грегуаръ въ своей рѣчи ограничился, присовокупивъ къ обычнымъ поздравленіямъ весьма законныя желанія въ пользу миролюбивой политики. „Народы, утомленные кровавыми распрями, сказалъ онъ:—образумѣвшись на счетъ ложныхъ идей о величіи, ощущающіе необходимость взаимной любви, соединенія, протягиваютъ другъ другу братскія руки. Горе тому изъ нихъ, который

попытается основать собственное благополучіе на бѣдствіи другихъ“. Въ слѣдующихъ засѣданіяхъ правительство представило послѣдовательно первыя главы гражданскаго кодекса и различные договоры, заключенные съ державами. Всѣ эти договоры, за исключеніемъ одного, были одобрены почти единогласно и, такъ сказать, безъ противорѣчій. Договоръ же съ Россіею вызвалъ довольно живую оппозицію среди Трибуната. Одинъ изъ его параграфовъ, впрочемъ, дурно составленный, заключалъ слѣдующее: § 3. „Обѣ договаривающіяся стороны обѣщаютъ взаимно нетерпѣть, чтобъ кто нибудь изъ *ихъ подданныхъ* позволялъ себѣ поддерживать какую бы то ни было переписку съ внутренними врагами настоящаго правительства обоихъ государствъ, распространять принципы, противные ихъ учрежденіямъ, и посѣвать смуты, и вслѣдствіе этого соглашенія, каждый подданный одной изъ договаривающихся державъ, который, проживая въ другой, покусится на ея безопасность, будетъ немедленно удаленъ изъ означенной страны и вывезенъ за границу, безъ возможности ни въ какомъ случаѣ обращаться къ покровительству своего правительства“.

Параграфъ этотъ, вопервыхъ, былъ очень теменъ, ибо онъ, повидимому, относился то къ проискамъ резидентовъ за границею противъ правительства страны, въ которой они находились — и въ такомъ случаѣ былъ безполезенъ; то къ проискамъ выходцевъ противъ изгнавшаго ихъ правительства—и въ такомъ случаѣ онъ былъ невеликодушенъ. Кромѣ этого онъ заключалъ въ себѣ формальное нарушеніе всѣхъ прецедентовъ республиканской политики, и слишкомъ важное, чтобъ его не приняли въ разсчетъ. Французская республика никогда не допускала употребленія слова подданный для обозначенія французскихъ гражданъ. Во всѣхъ нужныхъ договорахъ выраженіе это оно замѣнило формулою *граждане* и *подданные*, и само консульское правительство сообразовалось съ этимъ обычаемъ въ прочихъ своихъ сношеніяхъ.

Итакъ, когда трибунъ Тибодо прервалъ чтеніе договора, для замѣчанія этого нововведенія, прибавивъ, что „французы были граждане, а не подданные“, ему отвѣчали его товарищи почти единогласно, „что это была ошибка переписчиковъ“ [165]). Другіе просили его отложить замѣчаніе ко времени преній. Здѣсь не было ни волненія, ни замѣшательства, а простое замѣчаніе, заявленное съ приличіемъ и выслушанное съ спокойствіемъ.

Чрезъ нѣсколько дней Костазъ представилъ донесеніе отъ имени комиссіи, назначенной разсмотрѣть договоръ. Онъ признавалъ, что употребленіе слова подданный было необычно, что Французская Республика навсегда исключила его изъ своихъ протоколовъ, что названіе это было неприлично и неблагозвучно, хотя по академическому словарю можно назвать подданнымъ республики, точно также какъ и подданнымъ монархіи. Но онъ получилъ, по его словамъ, объясненія правительства, изъ которыхъ явствовало, что упомянутый параграфъ былъ составленъ главнѣйше въ предупрежденіе случая, *„когда какой нибудь эмигрантъ, принятый въ русскую службу, воспользовавшись прикрытіемъ иностраннаго мундира, явился бы во Францію какъ русскій подданный, вопреки начальству*. Обстоятельство это могло повести между двумя правительствами къ всегда непріятнымъ объясненіямъ, которыя очень часто служатъ зародышемъ недоразумѣній“ [166]).

Невѣроятность этой случайности, противъ которой, впрочемъ, излишне было и предостерегать, обращала объясненіе въ насмѣшку. Дѣло въ томъ, что подъ намѣренною неясностью въ редакціи параграфа скрывался довольно неблаговидный договоръ, вслѣдствіе котораго Бонапарте обѣщалъ, при удобномъ случаѣ, выдавать Россіи польскихъ выходцевъ, съ

---

[165]) *Парламентскіе архивы.* Засѣданіе 30-го ноября. *Прим. автора.*

[166]) Засѣданіе 6-го декабря. *Прим. автора*

тѣмъ, чтобъ послѣдняя поступала точно также относительно французскихъ эмигрантовъ. Костазъ сознался, что параграфъ былъ составленъ отчасти противъ тѣхъ изъ французскихъ эмигрантовъ, которые, живя въ Россіи, поддерживали переписку съ внутренними врагами французскаго правительства, и вотъ почему не должно было, по его мнѣнію, называть ихъ гражданами. Онъ пошелъ далѣе и утверждалъ, что договоръ не былъ взаимнымъ, „ибо, говоритъ онъ: — въ Россіи имѣлись французы, враждебно организованные противъ правительства республики. Но видѣли ли мы во Франціи русскихъ, которые стремились бы къ уничтоженію своего правительства?“ Такимъ образомъ, докладчикъ притворился непонимающимъ, что параграфъ имѣлъ въ виду тѣ тысячи польскихъ изгнанниковъ, которые бились въ нашихъ рядахъ, въ ожиданіи случая завоевать свое отечество; но тѣмъ не менѣе это было и низостью и неблагодарностью. Вслѣдствіе этого, комиссія Трибуната предложила *единодушно* одобрить договоръ [167]).

На другой день, Жардъ Панвильеръ, „въ виду необходимости соблюдать крайнюю осторожность въ дѣлѣ такой важности“, предложилъ частную конференцію между трибунами. „Я требую, сказалъ онъ:—чтобъ мы сперва объяснились товарищески по занимающему насъ предмету, а потомъ будемъ обсуждать публично“. Предложеніе было принято. Эти–то бесѣды, лишенныя всякой публичности, часто служили предметомъ обвиненія противъ Трибуната. Это желаніе бесѣдовать втайнѣ, чтобъ пощадить щекотливость правительства, которое Трибунатъ обязанъ былъ контролировать, представ-

[167]) Тьеръ, который безпрерывно говоритъ о *буйствѣ* Трибуната, буйствѣ, слѣдовъ котораго, однакожъ, не находимъ ни въ одномъ протоколѣ этого собранія, пишетъ здѣсь, „что договоръ былъ предметомъ самыхъ *буйныхъ преній* въ коммиссіи Трибуната“. Между тѣмъ она вотировала единодушно столь добродушный докладъ Костаза. *Прим. автора.*

ляло уже излишнюю осторожность, мало достойную свободнаго собранія, ибо гласность была первою изъ его обязанностей къ націи; но эта слабость, внушенная духомъ чрезмѣрнаго миролюбія, достаточно доказываетъ, на сколько трибуны были далеки отъ умышленныхъ—уничиженія и враждебности, которыя долго имъ продолжали приписывать по краснорѣчивымъ увѣреніямъ того, кто клеветалъ на нихъ съ цѣлью погубить ихъ.

Въ закрытомъ засѣданіи мнѣнія могли подаваться свободнѣе, но со всею безсвязностью и смятеніемъ частнаго разговора. Все высказанное въ двухъ тайныхъ засѣданіяхъ было извѣстно въ публикѣ лишь неопредѣленными, неточными, противорѣчивыми отрывками, большею частью лишенными достовѣрности; поэтому, неосновательнѣе всего утверждать, что „засѣданія эти произвели тягостное впечатлѣніе въ Парижѣ“ [168]), ибо они не произвели никакого. И въ настоящее время[169]) извѣстно только, что преніе меньше касалось основанія самаго параграфа, нежели открытаго въ немъ неудобнаго выраженія. Это не болѣе какъ слово говорю, и это правда; но подобныя-то вещи и придаютъ цѣну словамъ, а все, что совершилось съ 18 брюмэра, придавало послѣднему оскорбительный смыслъ для душъ республиканскихъ. Слово это послужило лучемъ свѣта, озарившимъ готовое уже положеніе, о которомъ еще заблуждались; оно придавало ему настоящее его имя, освященное прежнимъ раболѣпіемъ, и всѣ эти великодушные люди, согласившіеся на временную диктатуру, но сохранившіе въ душѣ всѣ великія стремленія 1789 г., отступили въ ужасѣ и негодованіи предъ неожи-

---

[168]) Тьеръ. *Прим. автора.*

[169]) Засѣданіе это извѣстно лишь по словамъ, сказаннымъ Станиславомъ Жирарденомъ, который самъ объявилъ Первому Консулу послѣ засѣданія, «что принятіе трактата *не было ни минуты подвержено сомнѣнію.* *Прим. автора.*

даннымъ вызовомъ старинныхъ монархическихъ суевѣрій. Напрасно протестовали они противъ тайны, навязываемой имъ боязливымъ меньшинствомъ, которое хотѣло, чтобъ его только вотировка была извѣстна Франціи; но несмотря на всѣ старанія, ударъ, которымъ Шенье заключилъ преніе, прогремѣлъ снаружи какъ бы слово свободы; онъ даже останется рѣшеніемъ будущаго объ этомъ періодѣ нашей исторіи: „*Арміи наши*, сказалъ онъ:—*бились въ теченіе десяти лѣтъ для того, чтобъ мы были гражданами, а мы сдѣлались подданными! И вотъ исполнилось желаніе двойной коалиціи*".

Слово это, произнесенное въ четырехъ стѣнахъ и выражавшее индивидуальное мнѣніе, было единственнымъ осужденіемъ, которое позволилъ себѣ Трибунатъ относительно не-нравившагося ему договора. Онъ возобновилъ свои публичныя засѣданія собственно для вотировки, и вотировка его—единственное законное свидѣтельство его воли—заключалась въ одобреніи семидесятью семью голосами противъ *четырнадцати*. Вотъ что Бонапарте и его панегиристы называли возбужденіемъ Трибуната, вотъ тотъ родъ оппозицій, который Первымъ Консуломъ объявленъ былъ какъ несовмѣстимый съ его собственною властью; вотъ что, наконецъ, заставило его выразиться: „Трибуны — это собаки, которыхъ я встрѣчаю всюду" [170]). Что же, впрочемъ, удивительнаго? Онъ готовился тогда совершить переворотъ даже противъ самихъ сенаторовъ, ибо даже колѣнопреклоненная оппозиція Сената казалась ему невыносимою и покушающеюся на его верховное владычество. Въ Сенатѣ имѣлось три вакантныхъ сенаторскихъ мѣста и, по закону Конституціи, учрежденіе это должно было избирать изъ кандидатовъ, представленныхъ Трибунатомъ, Законодательнымъ Корпусомъ и Первымъ Консуломъ. Трибунатъ представилъ на первую вакансію Де-

---

[167]) Журналъ Станислава Жирардена. *Прим. автора.*

менье, вотировавшаго обыкновенно съ большинствомъ; Законодательный Корпусъ Грегуара, человѣка съ безупречнымъ характеромъ. Что же касается Перваго Консула, то онъ представилъ разомъ троихъ кандидатовъ — военныхъ: Журдана, Ламортилльера и Беррюйе, и для того чтобъ придать этому представленію болѣе повелительный характеръ, онъ мотивировалъ его посланіемъ. Всеобщій миръ, говорилъ онъ, представляетъ случай „дать арміямъ доказательство національнаго удовольствія и признательности".

Сенатъ, руководимый слабымъ желаніемъ не сопротивленія, но предостереженія, осмѣлился назначить Грегуара. Прежній блоасскій епископъ не отличался никакимъ оппозиціоннымъ дѣйствіемъ противъ консульскаго правительства; онъ недавно еще отказался отъ своего кресла съ почтеннымъ безкорыстіемъ, чтобъ облегчить переговоры съ Римомъ. Самъ Первый Консулъ прибѣгалъ къ его объясненіямъ по этому поводу; онъ даже постарался обмануть его, испрашивая совѣтовъ, которымъ никогда не намѣревался слѣдовать. Тѣмъ не менѣе выборъ этотъ показался ему настоящимъ бунтомъ со стороны собранія, до тѣхъ поръ столь покорнаго. Онъ разразился угрозами противъ Сье, которому приписывалъ это назначеніе. Оставалось еще два вакантныхъ мѣста. Законодательный Корпусъ и Трибунатъ одновременно представили Дону—человѣка необыкновенно либеральнаго и чрезвычайно твердаго, безукоризненной честности и пользовавшагося всеобщимъ уваженіемъ. Двойное представленіе давало Дону большія преимущества, и назначеніе его не казалось сомнительнымъ. На этотъ разъ Бонапарте не могъ удержаться отъ гнѣва и, обратясь къ Сенату въ полномъ собраніи, сказалъ: „Объявляю вамъ, сенаторы, что если вы назначите Дону, то я сочту это личнымъ себѣ оскорбленіемъ, а вы знаете, что я не потерплю этого". Онъ напустился потомъ на старика Келлермана и обошелся съ нимъ какъ съ школьникомъ, захваченнымъ на мѣстѣ преступленія. „Между вами есть

люди, прибавилъ онъ, устремивъ взоръ на Сье: — которые желаютъ намъ дать великаго избирателя и мечтаютъ о принцѣ изъ орлеанскаго дома; но правительство слѣдитъ за ними“ [171]). Ничего не было несправедливѣе этого обвиненія, и никто не зналъ этого лучше Бонапарте; но Сье, будучи поставленъ въ невозможность протеста, молча проглотилъ пилюлю.

Таковы были притѣсненія, претерпѣнныя Сенатомъ за то, что онъ осмѣлился назначить Грегуара, человѣка безвреднаго, но который совершилъ преступленіе тѣмъ, что обнаружилъ независимость. Никогда Тиверій не обходился такъ презрительно съ римскимъ Сенатомъ. Сенаторы не хотѣли подвергаться во второй разъ сценѣ, которая говорила довольно ясно, на что способенъ ея авторъ, и Дону былъ принесенъ въ жертву; но понятно, какая страшная ненависть за подобное смертельное оскорбленіе должна была возникнуть въ душѣ этихъ людей, осужденныхъ на неизмѣнную лесть, и которыхъ менѣе унижало оскорбленіе, чѣмъ благодѣяніе! И этихъ-то людей Бонапарте позже упрекалъ въ неблагодарности,— что можно бы назвать наивнымъ, еслибъ здѣсь не было цѣли обмануть потомство, вырывая состраданіе великодушныхъ сердецъ.

Законодательный Корпусъ и Трибунатъ дополнили мѣру своей виновности, отвергнувъ, большинствомъ нѣсколькихъ голосовъ, первыя главы Гражданскаго Кодекса.

Великое дѣло преобразованія нашихъ гражданскихъ законовъ, предписанное Конституціоннымъ собраніемъ, осуществленное въ большей части, но не оконченное Конвентомъ, отложенное Директоріею, вышло, наконецъ, въ видѣ полнаго и окончательнаго проэкта, счастливо выдержавъ самое строгое испытаніе. Коммисія, назначенная въ іюнѣ 1800 г., привела въ строгій логическій порядокъ наши законы, заимство-

---

[171]) *Журналъ и воспоминанія* Станислава Жирардена.

Прим. автора.

ванные то у римлянъ, то изъ старыхъ обычаевъ, то, наконецъ, изъ декретовъ различныхъ нашихъ собраній. Она устранила изъ нихъ все, несовмѣстное съ новыми принципами, заявленными революціею. Сочиненія Дома́ и Потье, декреты Конституціоннаго собранія, два проэкта Конвента, составленные одинъ въ 1793, а другой въ 1795 г., третій эскизъ, написанный Камбассересомъ для Совѣта Пяти Сотъ—вотъ изъ чего состояли первые элементы этой амальгамы, заслуга которой заключалась въ особенности въ томъ, чтобъ соединить въ одно цѣлое акты, до тѣхъ поръ разбросанные, и въ которыхъ трудно было отличить то, что должно было сохранить силу закона, отъ того, что отжило свое время. Первая эта редакція была сообщена кассаціонному Трибуналу и всѣмъ аппелятивнымъ трибуналамъ республики, и проэктъ, обогатившись ихъ замѣчаніями, возвратился въ законодательное отдѣленіе Государственнаго Совѣта. Разсмотрѣнный снова въ этомъ отдѣленіи, онъ былъ, наконецъ, представленъ на обсужденіе Государственнаго Совѣта. Первый Консулъ въ этомъ собраніи принималъ участье только въ преніяхъ. Желая приписать себѣ честь предпріятія, онъ хотѣлъ, чтобъ на немъ видѣли его руку. Вмѣшательство его въ пренія ознаменовалось пылкими и оригинальными выходками, въ которыхъ было бы несправедливо отрицать силу и ораторскій блескъ, но успѣхъ которыхъ въ особенности заключался въ противоположности ихъ съ серьезными и умѣренными рѣчами юрисконсультовъ. Познакомясь съ этими предметами, какъ, напримѣръ, съ каноническимъ правомъ съ помощью прочтенныхъ наскоро книжекъ, или посредствомъ частыхъ бесѣдъ съ Камбассересомъ и Порталисомъ, обращаясь къ публикѣ, состоявшей изъ его угодниковъ и близкихъ лицъ, встрѣчая противорѣчія лишь въ той мѣрѣ, въ какой они способствовали выставлять его самого и возбуждать его краснорѣчіе, то казалось, что онъ направлялъ пренія, которымъ въ сущности только слѣдовалъ, то вдругъ вмѣшивался вспышками,

состоявшими изъ рѣзкихъ и поучающихъ выраженій; рѣшеніе его, подобное тѣмъ ударамъ, какіе обыкновенно оставлялись на турнирахъ государямъ, часто наклоняло чашку вѣсовъ, хотя во второстепенныхъ обстоятельствахъ и допускались противорѣчія, а это дополняло иллюзію, и наивные слушатели ослѣплялись его поверхностною эрудиціею и благоговѣли предъ его всезнаніемъ. На другой день Локре прилаживалъ эти импровизаціи для потомства, прежде отсылки ихъ въ редакцію *Монитера*. Тибодо увѣряетъ, что ихъ ослабляли эти передѣлки; конечно, это вѣрно относительно живописности и энергичности нѣкоторыхъ выраженій, но взамѣнъ Локре придавалъ имъ правильность языка, которою никогда не отличался Бонапарте, и вычеркивалъ эксцентричности, которыя могли бы повредить неопытному законодателю.

Легко, впрочемъ, благодаря сохранившимся протоколамъ, опредѣлить существенную долю участья, принятаго Первымъ Консуломъ въ обработкѣ Гражданскаго Кодекса. Сознавая, что вмѣшательство его было полезно относительно иныхъ подробностей, какъ, напримѣръ, при обсужденіи актовъ гражданскаго состоянія арміи въ военное время, при опредѣленіи формальностей, сопровождающихъ бракъ [172]), соглашаясь, что онъ явилъ себя болѣе благосклоннымъ, чѣмъ были въ то время относительно расширенія свободы завѣщателей, необходимо сказать, что виды его на тѣ предметы законодательства, гдѣ вмѣшательство его наиболѣе знаменательно, внушались ему чаще личными интересами или политическими соображеніями, которыя должны быть чужды законодателю. Такимъ образомъ положенія, дозволившія столь легко и часто прибѣгать къ разводу, восторжествовали по его вліянію надъ чувствами большинства, которое хотѣло создать только возможность, но

---

[172]) Локрé, *Законодательство Франціи*, т. III.—Локрé, Протоколы Государственнаго Совѣта, т. I. Засѣданія 16 и 24 фруктидора, годъ IX.
Прим. автора.

помѣшать злоупотребленію. Онъ даже дошелъ до требованія, чтобъ разводъ совершался не только по просьбѣ *одного изъ супруговъ*, но даже по поводу *недоказанныхъ фактовъ*, „въ томъ вниманіи, говорилъ онъ:— что рѣшеніе, провозглашающее разводъ, было бы оскорбительно, еслибъ было основано на доказанныхъ фактахъ“ [173]). Однѣ только личныя заднія мысли могли внушить подобную безразсудную доктрину. Дѣйствительно, онъ въ то время задумалъ развестись съ Жозефиною, отъ которой не надѣялся болѣе имѣть сына, и послѣдняя, разгадавъ его, слѣдила съ понятною тоскою за этими преніями. Около того же времени замѣчается, что онъ заставилъ освятить церковнымъ бракомъ чисто гражданскія супружества многихъ членовъ своего семейства, устраняя заботливо самого себя отъ исполненія этой церемоніи, недостававшей его собственному браку съ Жозефиною. Разрывъ этотъ, впрочемъ, не былъ окончательно рѣшенъ въ его умѣ, онъ подумывалъ иногда и объ усыновленіи. Вотъ причина странной измѣнчивости въ его словахъ по этому поводу въ Государственномъ Совѣтѣ. Сперва онъ намѣревался придать усыновленію необыкновенное торжество, сдѣлать изъ него актъ, освященный законодательною властью и окруженный священнымъ обаяніемъ: „Актъ этотъ долженъ былъ нисходить сверху *какъ громовая стрѣла!* Законодатель явится какъ первосвященникъ, окруженный самыми торжественными церемоніями“,—слова, выражающія его страсть къ чудесному и театральному, изъ которыхъ однако же видно, что онъ думалъ о себѣ самомъ, и если любилъ эффектъ, то не для другихъ. Но на слѣдующій годъ, при новыхъ занятіяхъ кодексомъ, мимолетная фантазія эта исчезла и усыновленіе было только „простою передачею имени и состоянія“, не имѣя болѣе въ глазахъ его интереса.

---

[173]) Локрé: *Протоколы Государственнаго Совѣта*, т. I. Засѣданіе 14-го вандемьера, годъ X. *Прим. автора.*

Надобно сказать правду, что подобные капризы были недостаточными поводами, чтобъ сдѣлать изъ него великаго юрисконсульта. Было то же самое по поводу поддержки гражданской смерти относительно эмигрантовъ, которую Транше хотѣлъ помѣстить между административными мѣрами, а Бонапарте усиливался ввести въ кодексъ, хотя и былъ почти наканунѣ объявленія амнистіи эмигрантамъ. Во всемъ и всегда интересъ его власти или даже его личности равнялся для него интересу общественному, и какъ первый измѣнялся очень часто, то изъ этого слѣдовало, что и законъ долженствовалъ находиться въ безпрерывной метаморфозѣ.

Вообще, когда Первый Консулъ касается предметовъ чисто практическихъ, натурально доступныхъ человѣку, который много работалъ, видѣлъ и сравнивалъ, нельзя не признать превосходства его генія; но безполезно прибавлять, что онъ не въ состояніи былъ справиться съ познаніями спеціальными. Когда онъ хочетъ приняться за разрѣшеніе задачъ чистаго законодательства, юридическія познанія его походятъ немного на греческій языкъ и на латынь „*Лѣкаря по неволѣ*". Такимъ образомъ онъ предлагаетъ вотировать въ Государственномъ Совѣтѣ, что даръ есть актъ, а не контрактъ, потому что, говоритъ онъ, контрактъ предписываетъ обязательство обѣимъ сторонамъ [174]) и никто не протестуетъ, напоминая о существованіи одностороннихъ контрактовъ. Еслибъ онъ имѣлъ возвышенные виды, какіе приписываютъ ему по преданію, вліяніе его нашло бы широкое поприще для противодѣйствія преувеличеннымъ стремленіямъ его времени, а именно во всемъ, что относится къ собственности и устройству семейства; но онъ сдѣлалъ болѣе для укрѣпленія

---

[174]) Локре: *Протоколы*, т. II, засѣданіе 7 плювіоза, XI г.: «Первый Консулъ сказалъ, что контрактъ налагаетъ взаимныя обязательства на обоихъ договаривающихся, и потому выраженіе это не можетъ относиться къ дару». *Прим. автора.*

этихъ предразсудковъ, нежели для ихъ уничтоженія. Онъ съ большимъ удовольствіемъ видѣлъ разъединеніе всѣхъ натуральныхъ группъ, будучи увѣренъ, что власть его встрѣтитъ менѣе сопротивленія, дѣйствуя на этой болѣе гладкой поверхности. Онъ смотрѣлъ на семейство какъ и на всѣ другія роды ассоціацій, которыя систематически разсѣвалъ въ пользу государства. Относительно женщинъ онъ проповѣдывалъ турецкія мнѣнія съ грубымъ, солдатскимъ позитивизмомъ, слѣды котораго слишкомъ явственны въ теоріи кодекса, и странно! въ то же время онъ полагалъ, что ихъ морализируетъ, унижая ихъ положеніе! Онъ усилилъ ихъ зависимость, но не въ пользу семейства, ибо онъ поразилъ ее преувеличенною легкостью развода. Такимъ образомъ, мало заботясь о правахъ родительской власти и о прочности и продолжительности узъ супружества, онъ пошелъ къ преждевременной эмансипаціи дѣтей; онъ здѣсь, какъ и вездѣ, ввелъ руку государства, которая разстраивала подъ предлогомъ покровительства. Онъ поставилъ въ зависимость отъ себя собственность, уже истощенную чрезмѣрнымъ дѣленіемъ, заботливо поддерживая право конфискаціи, подвергая ее не только узкой, мелочной, безпокойной регламентаціи, но и отчужденію, устранивъ предварительную плату вознагражденія—главнѣйшую гарантію лишеннаго собственности, и когда впослѣдствіи онъ самъ испугался причиненныхъ имъ разореній и захотѣлъ помочь бѣдѣ, то не могъ найдти ничего лучше, какъ возстановленіе майоратовъ. Во всемъ этомъ онъ былъ далекъ отъ возможности привести въ свое оправданіе необходимость щадить мнѣнія своихъ современниковъ, ибо во многихъ изъ этихъ обстоятельствъ стоитъ скорѣе ниже общаго уровня идей эпохи, что доказываютъ и тогдашнія пренія, и проэктъ Конвента, столь превосходящій въ нѣкоторыхъ чертахъ компиляцію Государственнаго Совѣта.

Такимъ образомъ, мало-по-малу Бонапарте дошелъ до того, что началъ считать себя главнымъ товарищемъ коллективной

работы, которой онъ придалъ только свое имя и которая, вѣроятно, выиграла бы гораздо больше, еслибъ въ качествѣ человѣка дѣйствія и власти онъ не вмѣшивался въ виды непремѣнно болѣе безкорыстные, широкіе и гуманные знаменитыхъ юрисконсультовъ, которыхъ онъ хотѣлъ предвосхитить славу. Участье, если не очень дѣйствительное, по крайней мѣрѣ весьма замѣтное и преувеличенное, которое онъ принималъ въ редакціи кодекса, объясняетъ отчасти ту невѣроятную досаду, какую причинила ему первая критика Трибуната, когда онъ рѣшился, конечно не безъ отвращенія, представить свой проэктъ на законодательную санкцію. Болѣе нежели когда нибудь стараясь овладѣть умами, заявить какъ извнѣ, такъ и внутри великую идею о своемъ могуществѣ, онъ, новый Моисей, хотѣлъ обнародовать свои заповѣди съ вершины Синая, окруженный громами и молніями; и вмѣсто этого пришлось вызвать разборъ дѣла, которое не всегда могло его выдержать, выслушивать хорошія и дурныя замѣчанія и терпѣть противорѣчія, которыя онъ считалъ какъ бы направленными лично противъ него. Невозможно было, чтобъ онъ дозволилъ подобную свободу собранію, которому не хотѣлъ даже оставить свободнаго выбора кандидатовъ.

Для того, чтобъ оцѣнить поведеніе Трибуната и Законодательнаго Корпуса во время обсужденія Гражданскаго Кодекса, необходимо припомнить, что оба эти собранія не имѣли ни малѣйшаго права исправлять представляемые имъ проэкты: они могли только выбирать между принятіемъ и отверженіемъ. Умышленные недостатки Конституціи VIII года доходили здѣсь до чудовищнаго нонсенса. Невозможность исправленія равнялась дѣйствительному уничтоженію законодательнаго контроля. И въ виду этого труднаго, необыкновенно сложнаго дѣла, требовавшаго всесторонней помощи, близко касавшагося будущихъ поколѣній, какъ бы хотѣли связать руки народнымъ представителямъ, не допуская ихъ

ввести какое нибудь улучшеніе, или одно слово въ гражданскіе законы ихъ отечества. Какова бы ни была заслуга редакторовъ кодекса, множество несовершенствъ и темныхъ мѣстъ по необходимости вкралось въ столь обширный трудъ, въ особенности принимая во вниманіе быстроту, съ какою онъ былъ оконченъ. Огромное количество спорныхъ вопросовъ, оставшихся въ нашей юриспруденціи, свидѣтельствуютъ еще о двусмысленностяхъ и недостаткахъ редакціи нашихъ кодексовъ, несмотря на введенныя въ нихъ улучшенія. Поэтому никогда разсмотрѣніе не было болѣе необходимо, никогда содѣйствіе Законодательнаго Корпуса яснѣе не указывалось самою силою вещей; но все было разсчитано такъ, чтобъ контроль этотъ не имѣлъ ничего существеннаго.

Не взирая на этотъ грустный порядокъ вещей, Трибунатъ считалъ свою законодательную задачу патріотическою обязанностью и рѣшился довести ее до конца. Будучи лишенъ права поправокъ, онъ принялъ одно рѣшеніе, совмѣстимое съ его совѣстью и достоинствомъ, а именно—отвергать различныя главы кодекса до тѣхъ поръ, пока онѣ не будутъ доведены до той степени совершенства, какой должно было требовать для законодательства великой страны. Въ подобномъ настроеніи онъ разсматривалъ первыя главы гражданскаго кодекса. Предварительная глава, состоявшая изъ нѣсколькихъ параграфовъ, касалась *обнародованія, дѣйствія и примѣненія законовъ.* Это былъ родъ объясненія принциповъ, какъ недостаточнаго по редакціи, нелогичнаго по нѣкоторымъ послѣдствіямъ, такъ наконецъ неполнаго и неумѣстнаго. Многія изъ этихъ заключеній были вѣрны, въ особенности относившіяся къ принятому способу для обнародованія законовъ; они не были опровергнуты, но нельзя сказать, чтобъ ихъ диктовало уничиженіе. Въ этомъ обсужденіи прославлялась на всѣ лады „неутомимая и плодотворная дѣятельность правительства... драгоцѣнные труды плодотворнаго генія... дивныя соображенія, удивлявшія толпу, но въ которыхъ наблю-

датель узнаетъ руку генія, покоряющаго событія". Конечно, это не была рѣчь *безумнаго и яраго* оппонента, какъ выражается одна исторія по поводу Трибуната. Послѣ продолжительнаго и всесторонняго обсужденія, заключенія Андрье, поддержанныя Шозалемъ и Тиссе, получили перевѣсъ въ этомъ собраніи; и Законодательный Корпусъ принялъ ихъ, равномѣрно отвергнувъ, въ свою очередь, эту предварительную главу, несмотря на усилія Порталиса и Булай де-Мёртъ.

Неудача не заключала въ себѣ особой важности. Будучи представлена въ болѣе полной и болѣе отчетливой редакціи, глава эта была принята немедленно, ибо противники ея имѣли въ Законодательномъ Корпусѣ только три голоса большинства. Двѣ другія главы кодекса находились на обсужденіи. Одна касалась *пользованія гражданскими правами и ихъ лишенія*, другая относилась къ *актамъ гражданскаго состоянія.* Симеонъ, докладывавшій первую, старался оправдать Трибунатъ за строгость его разбора: „Кодексъ, сказалъ онъ:— другое дѣло, нежели законъ, издаваемый въ силу обстоятельствъ. Когда послѣдній необходимъ, если онъ не вредитъ народному интересу, Трибунатъ принимаетъ его, хотя онъ и могъ бы быть лучше. Но кодексъ долженъ быть совершенъ на столько, на сколько это возможно. Въ его редакціи все важно и нѣтъ ничего мелочнаго. Надобно работать для потомства и представить ему трудъ такой же чистый, какъ золото, и прочнѣе мѣди". Проэктъ заключалъ въ себѣ возстановленіе права на наслѣдство отъ чужеземцевъ (*le droit d'aubaine*), т. е. взаимности договора относительно иностранцевъ—положеніе грустное и негостепріимное, разбитое Монтескье, уничтоженное отчасти прежнимъ правительствомъ и окончательно вычеркнутое изъ нашихъ законовъ Конституціоннымъ собраніемъ. Несмотря на этотъ грустный поворотъ къ обычаямъ, вышедшимъ изъ употребленія, коммиссія, сказалъ Симеонъ, вотировала бы проэктъ закона, еслибъ болѣе серьезные недостатки не обезображивали другой его части.

Недостатки эти заключались въ драконовскихъ жестокостяхъ, которыми окружили *гражданскую смерть*, т. е. конфискація, разрывъ брака противъ воли обоихъ супруговъ, разореніе и безчестье дѣтей. Они были выставлены Тиссе весьма энергически и краснорѣчиво, и время тысячу разъ оправдало его вѣрныя замѣчанія. „Трибуны, сказалъ онъ:—пусть слово конфискація нынѣ не встрѣчается ни въ одномъ изъ нашихъ законовъ— этого требуютъ интересы несчастныхъ дѣтей, семействъ, и скажу ли? всѣхъ французовъ. Долгое время провинціи государства считали самымъ высшимъ преимуществомъ то, что не боялись конфискаціи. Провозгласимъ же эту вольность, какъ неразлучную съ каждымъ французскимъ гражданиномъ... Имѣніе преступника принадлежитъ его дѣтямъ, кредиторамъ и служитъ залогомъ и исправленіемъ вреда, имъ причиненнаго. Вотъ вѣчные принципы всякаго правосудія, каждой эпохи, обезпеченія общественнаго блага, каждаго частнаго интереса. Но подъ предлогомъ возмездія отнимать имѣніе преступника, значитъ ограбить трупъ, умертвивъ человѣка".

Трибунатъ сдѣлалъ себѣ честь, отвергнувъ это безчеловѣчное законодательство, которому правительство хотѣло еще придать прибавленіе, а именно возстановить клеймо, равномѣрно отмѣненное Конституціоннымъ собраніемъ. Право наслѣдства отъ иностранцевъ, конфискація и клеймо—вотъ были странныя усовершенствованія, которыми въ самомъ началѣ отличался новый законодатель. Всѣ благородные люди громко высказались противъ возобновленія каръ, наиболѣе запрещенныхъ прежнимъ правительствомъ: Боасси д'Англа, Ганильгъ, Шазаль, Шенье и большое число другихъ ораторовъ опровергали съ убѣдительнымъ жаромъ предложеніе, но ни на минуту не выходя изъ умѣренности, которую вмѣняли себѣ въ обязанность. Проэктъ былъ отвергнутъ Трибунатомъ, въ засѣданіи 1-го января 1802 г. За нѣсколько дней предъ тѣмъ, онъ, въ доказательство добраго расположенія, вотировалъ значительнымъ большинствомъ проэктъ относительно *актовъ*

гражданскаго состоянія, несмотря на двѣ великолѣпныя рѣчи Бенжамэнъ-Констана, который хотя и соглашался съ нимъ въ цѣломъ, однако отвергалъ по причинѣ очевиднаго недостатка, который впослѣдствіи и уничтожили, какъ только не трибунъ предложилъ его отмѣну [175]).

Итакъ Трибунатъ, что касается Гражданскаго Кодекса, отвергнулъ два и принялъ одинъ проэктъ закона. Кромѣ того онъ вотировалъ множество трактатовъ и массу менѣе важныхъ законовъ. Это не были пріемы мятежнаго собранія. Въ двухъ отрицательныхъ вотировкахъ оно повиновалось суровымъ условіямъ, налагаемымъ на него Конституціею, „ставя его безпрерывно, какъ выразился Бенжамэнъ-Констанъ: — въ печальное положеніе, или отвергнуть за одну главу проэкта закона, всѣ другія части котораго были разумно составлены, или допустить родъ замѣны, вслѣдствіе которой онъ принималъ гуртомъ проэкты закона, содержавшіе болѣе полезныхъ, нежели недостаточныхъ положеній“ [176]). Что касается до Законодательнаго Корпуса, то онъ отвергъ одинъ только проэктъ, такъ какъ второй не былъ еще ему представленъ; но Первый Консулъ даже не хотѣлъ ожидать этого вторичнаго испытанія. На другой же день непринятія Трибунатомъ, прибылъ посланный и заявилъ, что правительство беретъ назадъ всѣ проэкты закона, въ томъ вниманіи, „что не настало еще время, въ которомъ господствовало бы согласіе и спокойствіе, необходимыя при столь важныхъ обсужденіяхъ“ (2-го января 1802 г.).

Первый Консулъ рѣшился, наконецъ, исполнить свои угрозы и приступалъ къ этому, подвергнувъ, какъ выражался онъ часто, „Законодательный Корпусъ діэтѣ законовъ“. Но этого было ему недостаточно; онъ хотѣлъ отдѣлаться навсегда отъ этой неслыханной оппозиціи и, въ случаѣ нужды,

---

[175]) Эдуардъ Лабулэ: ***Бенжаменъ-Констанъ***. *Прим. автора.*

[176]) Засѣданіе 25-го декабря. *Прим. автора.*

готовъ былъ вторично прибѣгнуть къ помощи своей шпаги. Онъ разражался страшными ругательствами среди Государственнаго Совѣта. То хотѣлъ онъ ограничиться уничтоженіемъ Трибуната: „Невозможно было ничего дѣлать съ подобнымъ разстраивающимъ учрежденіемъ, говорилъ онъ: — необходимо разбить Трибунатъ на отдѣленія и сдѣлать обсужденія тайными—пускай себѣ болтаютъ сколько угодно". То желалъ онъ отмѣнить его совсѣмъ: „Не нужно оппозиціи. Въ Англіи она не представляетъ никакой опасности. Люди, составляющіе ее тамъ, не мятежники. Они имѣютъ законное вліяніе таланта, *и только ищутъ быть купленными правительствомъ*. У насъ другое дѣло. У насъ эти люди домогаются не только мѣстъ и денегъ — однимъ необходимо господство клубовъ, другимъ прежнее правительство" [177]). Желаніе наивное, но ясно выражающее суть дѣла; главная вина оппозиціи Трибуната, дѣйствительно, въ томъ, что она не была подкупна. Она не представляла Бонапарте другаго исхода, какъ согласиться съ нею или уничтожить ее силою.

Первый Консулъ рѣшился уже на послѣднее, когда тотъ, кого называли *мудрымъ* Камбасересомъ, потому что онъ умѣлъ употреблять вмѣсто ударовъ подкупъ, обходить затрудненія, противъ которыхъ нельзя было дѣйствовать прямо, избѣгать скандала, хитрить съ закономъ, находить мягкіе пріемы при грубомъ употребленіи силы, прикрывать маскою законности тиранію, внушилъ ему блистательную мысль воспользоваться Конституціею для того, чтобъ убить послѣднюю гарантію, которую самая эта Конституція оставила въ нашихъ политическихъ законахъ. 38-й параграфъ постановлялъ, чтобъ члены Трибуната и Законодательнаго Корпуса ежегодно возобновлялись выходомъ одного изъ пяти, начиная съ X года. Что касается правила назначенія выходящихъ членовъ, дѣло до такой степени ясно говорило за себя, что никому и въ

---

[177]) Тибодо. *Прим. автора.*

голову не приходило опредѣлять его. Когда насталъ срокъ этого возобновленія, то, по словамъ мудраго Камбасереса, явилось болѣе простое средство выгнать оппозицію, избѣгая вреднаго скандала, а именно предоставленіемъ Сенату назначить *пятаго* выходящаго, вмѣсто того, чтобъ предоставить это жребію, который обыкновенно бросали въ подобныхъ случаяхъ. Страшная эта оппозиція, дѣйствительно, заключалась не болѣе какъ въ пятнадцати-двадцати голосахъ въ Трибунатѣ, но она постоянно усиливалась способностями и познаніями своихъ членовъ, пользовавшихся всеобщимъ уваженіемъ. Гнусная мѣра эта была принята Первымъ Консуломъ, но какъ ему въ то время настояла необходимость переѣхать на Ліонскую Консульту, то исполненіе ея онъ и предоставилъ двумъ своимъ товарищамъ. Послѣдніе легко достигли согласія Сената, который и приступилъ немедленно къ очищенію Трибуната и Законодательнаго Корпуса. Такимъ образомъ были исключены изъ этихъ обоихъ собраній люди, заслужившіе ненависть новаго деспотизма и возвышенностью ума и независимостью характера и мнѣній, какъ Дону, Бенжамэнъ-Констанъ, Шенье, Бэльель, Ганильгъ, Тиссе, Генгене, Шазаль, Инаръ и, однимъ словомъ, всѣ, кто смѣлъ еще провозглашать въ своемъ отечествѣ ненавистное имя свободы. Оппозиція эта, столь твердая и вмѣстѣ столь умѣренная, была задушена безъ шума въ ловушкѣ, хитро устроенной законникомъ. Но не погибнетъ воспоминаніе о ея отважной борьбѣ, и непопулярность, которая такъ долго служила наградою за всѣ ея усилія, будетъ нѣкогда для нее самымъ лучшимъ вѣнцомъ славы. Съ нею пали послѣднія наши гарантіи. Съ этихъ поръ изъ нашихъ учрежденій исчезъ даже слѣдъ представительнаго правительства.

Послѣ этого Сенатъ приступилъ къ назначенію новыхъ членовъ въ Сенатъ и Законодательный Корпусъ. Все это, почти безъ исключенія, были креатуры Перваго Консула. Между лицами, согласившимися занять мѣсто изгнанныхъ

членовъ, встрѣчается, къ удивленію, знаменитое имя Карно. Это былъ единственный республиканецъ, котораго могли внести въ этотъ списокъ, и онъ согласился по своей обычной слабости, можетъ быть, даже не понимая печальнаго употребленія, какое хотѣли сдѣлать изъ его имени. Въ числѣ шестидесяти новыхъ членовъ Законодательнаго Корпуса считалось *пятнадцать генераловъ или высшихъ офицеровъ, и двадцать пять чиновниковъ* [178]) всѣхъ классовъ, что даетъ весьма достаточное понятіе о духѣ, въ какомъ былъ сдѣланъ этотъ выборъ.

Пока совершался этотъ лицемѣрный государственный переворотъ, болѣе гнусный, нежели самый захватъ брюмэра, происходившій по крайней мѣрѣ открыто, Первый Консулъ издалека наблюдалъ за его исполненіемъ; ему хотѣлось однимъ ударомъ поразить и трепетную оппозицію Сената; но она заслужила въ его глазахъ снисхожденіе своимъ безсиліемъ и раболѣпіемъ. „Сье, писалъ онъ изъ Ліона Камбасересу: — долженъ поставить большую свѣчу Богородицѣ за то, что отдѣлался столь счастливо и неожиданно“ (18-го января). Когда онъ явился подъ двойнымъ обаяніемъ ліонскихъ овацій и почти королевскихъ почестей, которыми осыпали его цизальпинцы, всѣ государственныя учрежденія были у ногъ его. Онъ немедленно поспѣшилъ воспользоваться своею побѣдою, заставивъ вотировать въ двухъ собраніяхъ, въ покорности которыхъ не сомнѣвался, проэкты закона, какихъ онъ не смѣлъ предложить имъ до тѣхъ поръ и которые были предисловіемъ или обязательнымъ сопровожденіемъ великаго переворота, затѣяннаго имъ въ пользу собственной власти.

Эти проэкты законовъ относились къ Конкордату, къ контрибуціямъ XI года, къ амнистіи эмигрантовъ, къ преобразованію народнаго просвѣщенія, наконецъ къ Амьенскому

---

178) *Сенатскіе списки*, сообщенные Законодательному Корпусу въ засѣданіи 5-го апрѣля 1802 г. *Прим. автора.*

договору и ордену Почетнаго Легіона. Бонапарте, очистивъ Трибунатъ, открылъ законодательную сессію 2-го апрѣля 1802 г.

Со времени заключенія Конкордата, война, которая не могла не вспыхнуть между столь самовластными и требовательными державами, не переставала готовиться глухо подъ весьма неискренними демонстраціями, которыми обмѣнивались папа съ Первымъ Консуломъ. Надежда извлечь большія выгоды изъ этого договора сохранялась съ обѣихъ сторонъ еще въ довольно сильной степени, для того, чтобъ переносить поводъ къ неудовольствіямъ. Римскій дворъ, находясь, по своему положенію, слабѣйшимъ, долженъ былъ терпѣть и горечь и униженіе, которыми грустно расплачивался за свое торжество. Мало было, защищая себя, пожертвовать двѣнадцатью конституціональными епископами, ему пришлось выслушать, какъ Порталисъ громко, въ своемъ знаменитомъ рапортѣ, заявилъ, что религія была *пружиною, вліяніемъ*, и что въ этомъ качествѣ правительство должно было употребить ее въ свою пользу; онъ обязанъ былъ, къ удивленію своему, видѣть незаконное обнародованіе органическихъ статей, напечатанныхъ сперва вмѣстѣ съ Конкордатомъ, какъ бы съ его согласія, и потомъ поддерживаемыхъ противъ его воли. Онъ даже не имѣлъ утѣшенія видѣть отпирательство диссидентовъ, ибо кажущееся непризнаніе, полученное Капрарою у Бернье, было немедленно опровергнуто тѣми, которые считались его виновниками. Что касается до законодательной санкціи, то она была родомъ оскорбленія для Рима, столь она казалась актомъ пассивной и машинальной покорности. Конкордатъ и статьи были представлены, обсужены и вотированы въ двухъ засѣданіяхъ. Это была быстрота и точность военнаго маневра, приложенныя къ законодательной операціи. Никогда между тѣмъ проэктъ не былъ болѣе непопуляренъ; одна армія осмѣлилась заявить слово оппозиціи. Ожеро явился отъ имени многихъ своихъ товарищей про-

сить позволенія не присутствовать на молебствіи, имѣвшемъ совершиться въ соборѣ Богоматери въ день пасхи, по поводу соглашенія церкви съ государствомъ. Въ отвѣтъ ему приказано было повиноваться. Когда Первый Консулъ спросилъ у Дельма, какъ онъ нашелъ церемонію: „Очень хорошо, генералъ, отвѣчалъ послѣдній:—только недоставало милліона людей, которые лишились жизни, уничтожая то, что вы теперь возстановляете.“ Дельма былъ сосланъ.

Амнистія эмигрантовъ послужила Бонапарте новымъ случаемъ выказать родъ конституціонной власти, которою облекъ онъ Сенатъ и изъ которой онъ рѣшился сдѣлать вскорѣ болѣе широкое употребленіе. Такъ какъ учрежденіе спеціально предназначалось къ *объясненію Кконституціи*, то подъ этимъ предлогомъ можно было преобразовать ее путемъ *сенатусъ-консультъ*. Съ помощью толкованій подобнаго рода онъ уже добился ссылки якобинцевъ по дѣлу адской машины, а потомъ очищенія Законодательнаго Корпуса и Трибуната. Параграфъ Конституціи, который нужно было истолковать на этотъ разъ, составленъ былъ слѣдующимъ образомъ: „Французская нація объявляетъ, что ни въ какомъ случаѣ не потерпитъ возвращенія французовъ, которые, покинувъ отечество съ 14-го іюля 1789 г., не вошли въ исключенія, внесенныя въ законы противъ эмигрантовъ... Имѣнія эмигрантовъ будутъ непремѣнно отобраны въ пользу республики“. Таковъ былъ текстъ, изъ котораго онъ вздумалъ извлечь возможность возвращенія эмигрантовъ, будучи убѣжденъ, что послѣ подобнаго маневра онъ будетъ въ состояніи заставить Конституцію сказать все, что ей угодно. Еще съ начала консульства Бонапарте принялъ мѣры къ нарушенію этого параграфа, а потому ничто не мѣшало ему нарушить его снова; но ему хотѣлось поставить постепенно Сенатъ выше Конституціи, для того, чтобъ, благодаря этимъ прецедентамъ, услуга, которую онъ имѣлъ вскорѣ отъ него потребовать, показалась весьма обыкновенною. Сенатъ, ко-

торый видѣлъ усиленіе собственныхъ преимуществъ, съ готовностью согласился на этотъ новый *сенатусъ-консультъ*, принимая во вниманіе, какъ говоритъ онъ, „что мѣра эта была *сообразна съ духомъ Конституціи*“. Вслѣдствіе этого рѣшено было дозволить эмигрантамъ возвратиться, за исключеніемъ коноводовъ, и что имъ возвратятъ непроданныя еще имѣнія, исключая лѣсовъ — громадныя имущества, которыя Бонапарте предоставлялъ въ свое распоряженіе, какъ источникъ для вознагражденій за обращеніе и преданность.

Проэктъ закона о налогахъ заключалъ въ себѣ то же самое нарушеніе Конституціи, какъ и въ предшествующіе годы, и даже еще большее, потому что въ немъ на этотъ разъ не было ни росписи полученія, ни росписи расходовъ, и это повтореніе явно обозначало умыселъ, котораго не потерпѣли бы ни Законодательный Корпусъ, ни Трибунатъ до своего очищенія; „но, сказалъ имъ Дефермонъ:—не слѣдовало останавливаться на буквѣ Конституціи; она могла требовать только *простаго перечня* каждаго рода расходовъ и каждаго рода полученій... да и какимъ образомъ правительство было въ состояніи исчислить приходы и расходы XI года, когда могло только съ трудомъ свесть балансъ X года [179]). Удобная эта теорія не вызвала никакого протеста, а финансовый контроль присоединился къ прочимъ конституціоннымъ гарантіямъ. Съ тѣхъ поръ правительство составляло свои бюджеты по своему, утверждая сдѣланные расходы и представивъ Законодательному Корпусу лишь то, что находило удобнымъ для обнародованія. Трибунатъ однако же осмѣлился еще заявить нѣкоторые робкіе совѣты по поводу закона о народномъ просвѣщеніи.

Законъ этотъ, служившій первымъ шагомъ къ учрежденію огромной университетской монополіи, преобразовалъ народное просвѣщеніе, по классификаціи, существующей и по-

---

[179]) Рѣчь Дефермона, засѣданіе 3-го мая 1802 г. *Прим. автора.*

нынѣ, въ первоначальныя и второстепенныя школы, въ лицеи и наконецъ въ спеціальныя училища. Онъ былъ большею частью произведеніемъ Фуркроа, подъ руководствомъ Перваго Консула. Это былъ настоящій типъ централизаціи, примѣненной къ педагогіи: все для центра и ничего для оконечностей. Наверху оффиціальное просвѣщеніе, внизу невѣжество. Оставивъ въ сторонѣ, какъ роскошь, благородные виды Конституціоннаго Собранія и Конвента, желавшихъ даровaго первоначальнаго обученія для того, чтобъ оно было доступно каждому, проэктъ жертвовалъ первоначальнымъ обученіемъ, предоставляя его недостаточной опекѣ общинъ и ненадежнымъ средствамъ семействъ. Онъ отымалъ помощь государства у народнаго просвѣщенія — единственной отрасли воспитанія, которая не можетъ обойдтись безъ правительственной поддержки, и расточалъ даже до излишества эту же самую помощь высшему образованію. Это было чисто бюрократическое созданіе, по которому государство, считая просвѣщеніе своею креатурою и своимъ орудіемъ, задушало въ немъ систематически все, что не исходило отъ него. Редереръ, отличавшійся способностью изысканія правилъ на всякій случай, выразилъ это превосходно, сказавъ: „Предлагаемое вамъ учрежденіе не только нравственное, но также *политическое*.... цѣль его соединить съ правительствомъ и начинающее и отживающее поколѣнія,... привязать къ правительству отцовъ посредствомъ дѣтей и дѣтей посредствомъ отцовъ, и установить родъ *общественнаго родства*.“ Это было чиновничество, начинавшееся со школьной скамейки. Кромѣ того здѣсь были „методы освященные правительствомъ, правительственная литература, наука, утвержденныя и не утвержденныя правительствомъ. Такимъ образомъ изъ программы преподаванія вычеркнули исторію и философію — знанія, наиболѣе возвышающія разумъ человѣческій, но которыя правительство считало излишними или опасными. Въ замѣну въ лицеяхъ учредили „профе-

соровъ военныхъ экзерцицій.“ „Изъ исторіи, говорилъ Редереръ: — перестали дѣлать предметъ особеннаго обученія, *такъ какъ собственно исторіи можно научиться изъ чтенія* [180]). Вотъ до какой нелѣпости дошло вмѣшательство политическихъ тенденцій въ просвѣщеніе. Впрочемъ логика была оставлена какъ предметъ менѣе подозрительный въ соблазнѣ. Въ слѣдствіе этого же самаго принципа, т. е. мнимой пользы государства, въ то же время сократили число центровъ образованія, ибо тридцать лицеевъ далеко не равнялись сотнѣ центральныхъ училищъ, и ограничили преподаваніе, „ибо, сказалъ еще Редереръ: — необыкновенно важно для государства, важно для частныхъ лицъ, необходимо для самихъ знаній, чтобъ эти послѣднія распространялись только по числу гражданъ, пропорціональному состоянію общества.“

Итакъ въ этой новой организаціи все подчинялось дѣйствительнымъ или мнимымъ интересамъ государства. Въ немъ не имѣлось никакого положенія относительно женскаго образованія, да и что было нужды до этого правительству? Изъ дѣвушки нельзя вѣдь сдѣлать ни администратора, ни солдата. Фуркроа не отрицалъ этого пробѣла, но увѣрялъ, что сами семейства поспѣшатъ пополнить его. Одинъ изъ защитниковъ проэкта, Шалланъ, былъ болѣе откровененъ: „Скажемъ прямо, воскликнулъ онъ: — что прекрасная половина общества должна готовиться преимущественно къ хозяйственнымъ занятіямъ.“ Матери семейства достаточно было этого воспитанія, въ которое и нечего вмѣшиваться правительству [181]) Если проэктъ убивалъ процвѣтавшее тогда свободное преподаваніе, оставивъ ему доступъ лишь къ второстепенному образованію и подчиняя его предварительному утвержденію — что

---

[180]) Рѣчь въ Законодательномъ Корпусѣ засѣданіе 1 мая 1802 г.
Прим. автора.

[181]). Рѣчи въ Трибунатѣ, засѣданіе 25 апрѣля.
Прим. автора.

не позволяло ему занимать казенныхъ мѣстъ, и если первоначальное обученіе доведено было до уничижительной крайности, то потому что государство не видѣло никакой, покрайней мѣрѣ, непосредственной пользы въ посвященіи низшихъ классовъ въ тайны интеллектуальной культуры; въ то время когда оно считало для себя огромнымъ преимуществомъ отливать въ свою единообразную форму и класть свое клеймо на всѣ умы, болѣе развитые. Пріучивъ націю къ правительственнымъ милостямъ, можно было быть увѣрену, что всѣ отцы семейства протянутъ руки за шестью тысячами четырьмя стами стипендій. „Что можетъ быть отраднѣе, сказалъ Редереръ: — какъ видѣть, что эти дѣти нѣкоторымъ образомъ усыновляются государствомъ въ минуту, когда дѣло идетъ о средствахъ къ ихъ помѣщенію.“ Дѣйствительно, ничего отраднѣе, кромѣ развѣ чтобъ ихъ усыновляли съ колыбели, какъ часто мечтали наши утописты, и чтобъ государство превратилось въ огромный *воспитательный домъ.* Государство устанавливало этимъ огромное соревнованіе завистничества между родителями, а между дѣтьми обезпечивало разсадникъ смиренныхъ и преданныхъ агентовъ. Это было ниспроверженіе—натуральнаго порядка вещей; ибо если бы доступъ къ образованію былъ легокъ и открытъ всѣмъ съ самой низшей ступени, то оно выигрывало бы только по мѣрѣ возвышенія и становилось бы цѣлью труда свободнаго и предпріимчиваго.

Неизбѣжнымъ результатомъ всей системы были рутина въ методахъ, застой въ преподаваніи, инерція въ наставникахъ; ибо обученіе не можетъ обойтись безъ побужденія свободной дѣятельности; ему необходимо оживляться и возобновляться постоянно посредствомъ соревнованія индивидуальныхъ энергій, а монополія всегда производила въ немъ лишь безсильную и безплодную неподвижность. Тортонъ замѣтилъ нѣкоторые пробѣлы въ планѣ Фуркроа; онъ потребовалъ „учительскихъ семинарій,“ какъ въ Англіи, каѳедръ политической экономіи и хозяйства, какъ въ Миланѣ. Дюшенъ

доказалъ весьма основательно, что съ деньгами, асигнованными на шесть тысячъ четыреста стипендій, можно немедленно учредить безплатное первоначальное обученіе, конечно ограничивъ его лишь крайне необходимымъ. По его вычисленію, расходы превышали не болѣе четырехъ милліоновъ франковъ. Но Симеонъ поспѣшилъ отвергнуть этотъ „романъ дароваго обученія." Народъ, сказалъ онъ, не желалъ его ни мало: пришлось бы принуждать родителей къ подчиненію этому обязательству, какъ въ прежнія времена было съ *барщиною*. Фуркроа подтвердилъ это опроверженіе, преувеличивъ потребные расходы, которые, по его мнѣнію, доходили до двадцати милліоновъ. Такимъ образомъ опровергнуты были всѣ замѣчанія; но я считалъ себя обязаннымъ напомнить о нихъ собственно для показанія, что если эти дурныя системы и одержали тогда верхъ, то не по невѣдѣнію и не по ошибкѣ, но въ силу логичнаго плана, вполнѣ отвѣчавшаго всей Консульской политикѣ.

Аміэнскій договоръ былъ подписанъ въ концѣ марта 1802 г., но представленіе его въ Законодательный Корпусъ отложили въ виду огромной манифестаціи, о которой разскажу вскорѣ. Послѣ долговременныхъ преній, происходившихъ отъ взаимнаго недовѣрія, Іосифъ и Корнуэльсъ согласились наконецъ относительно двухъ наиболѣе явныхъ затрудненій при переговорахъ, т. е. по вопросу о Мальтѣ и плѣнныхъ; но Первый Консулъ, не смотря на всѣ свои усилія, не могъ склонить Англійскій кабинетъ къ признанію республикъ Лигурійской, Цизальпинской и Этрурскаго королевства. Корнуэльсъ предложилъ признать послѣднее, но съ условіемъ объявить Пьемонтъ свободнымъ, въ чемъ Бонапарте отказалъ положительно. Во всемъ этомъ мало было утѣшительнаго для будущаго, и Первый Консулъ заявилъ, какимъ образомъ онъ рѣшился дѣйствовать· „Такъ какъ его Британское величество, пишетъ онъ въ нотѣ, адресованной Іосифу: — отказалъ признать эти три державы, и если онѣ будутъ искать убѣ-

жища въ присоединенiи къ великой континентальной державѣ, то его Британское величество потеряетъ право жаловаться на это." Странное заключенiе — равняющееся мысли — что отказъ признать начало присоединенiя — былъ принятiемъ полнаго присоединенiя! Не менѣе тревожна была и другая претензiя по своей крайней требовательности: Iосифу приказано было домогаться, чтобъ выдача убiйцъ и фальшивыхъ монетчиковъ распростанялась и на „пасквилянтовъ" *(libbellistes)*, т. е. на писателей-изгнанниковъ, которые изъ Англiи нападали на Консульскую политику. „Удивительно, писалъ Талейранъ въ нотѣ къ Iосифу: — что правительство, *которое гордится своимъ преуспѣяньемъ въ цивилизацiи*, потворствуетъ на своей территорiи такимъ отвратительнымъ пасквилямъ и ихъ жалкимъ авторамъ" [182]).

Поэтому, значитъ. цивилизацiя заключалась въ томъ, чтобъ нарушать англiйскую конституцiю, освящавшую свободу печати, и въ выдачѣ изгнанниковъ вопреки народному праву для угожденiя Первому Консулу. Требованiя эти были отвергнуты, но возникновенiе ихъ служило грознымъ предвѣстьемъ для будущаго мира. Общество, обрадованное при видѣ обезпеченнаго спокойствiя, не знало объ этихъ прискорбныхъ симптомахъ; въ глазахъ его миръ съ Англiею былъ миромъ со всею Европою, и оно наслаждалось имъ съ восторгомъ. Этою-то признательностью безъ всякой примѣси, но не безъ иллюзiй, Бонапарте захотѣлъ воспользоваться, оставляя въ запасѣ утвержденiе Амiэнскаго договора, чтобъ совершить какъ бы увѣнчанiе законодательной сессiи

Внѣшнiе враги были побѣждены также какъ и внутреннiе, оппозицiя была уничтожена, связанная печать безмолствовала; и вотъ для Перваго Консула настала минута собирать плоды отъ этого длиннаго ряда предварительныхъ актовъ, восходящихъ до обнародованiя *параллели между Кромвелемъ*,

---

[182]) Талейранъ къ Iосифу, 2 февраля 1802 г. *Прим. автора.*

Цезаремъ и Бонапарте. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что съ этихъ поръ въ немъ зародилась мысль о пріобрѣтеніи власти не временной, но пожизненной, а въ случаѣ надобности и наслѣдственной. Такъ какъ все-таки публика выказала болѣе удивленія, нежели поспѣшности, явиться на приглашеніе, то проэктъ и былъ отложенъ, но всѣ дѣйствія Перваго Консула съ тѣхъ поръ стремились къ этой единственной цѣли. Въ виду этого любимаго плана онъ заключилъ и Конкордатъ, — вѣрное средство овладѣть мятежнымъ орудіемъ поповъ; призвалъ и ласкалъ эмигрантовъ, естественныхъ распространителей монархическихъ идей и нравовъ; показалъ Франціи короля своего образца въ лицѣ короля Этрурскаго, постановилъ власть *сенатусъ-консульты* выше Конституціи; вызвалъ въ Ліонѣ раболѣпныя оваціи цизальпинцевъ, и выгналъ въ Парижѣ изъ Трибуната и Законодательнаго Корпуса всѣхъ людей, свобдные голоса которыхъ могли еще раздаваться въ отечествѣ. Кто не видитъ ни прогресса и связи этихъ дѣйствій, оправдывающихъ блестящимъ образомъ оппозицію, которая старалась остановить роковое ихъ развитіе, тѣ недостойны браться за перо историка. Когда была приготовлена подобнымъ образомъ почва, настало время дать этимъ дѣяніямъ естественное ихъ заключеніе, смѣло протянувъ руку къ верховной власти. Но когда настала минута дѣйствовать, Бонапарте поколебался, конечно оттого, что не смотря на всѣ усилія его развратить общественное мнѣніе и увлечь чувства, онъ почти одинъ желалъ этого критическаго преобразованія. За исключеніемъ его братьевъ и нѣсколькихъ приближенныхъ, отъявленныхъ монархистовъ, какъ Талейранъ, Редереръ, Ренье де-Сенъ-Жанъ-д' Анжели, Камбасересъ, личностей впрочемъ заинтересованныхъ, никто не имѣлъ надобности въ усиленіи уже подавляющей власти человѣка, который менѣе дальновиднымъ людямъ казался страшнымъ по своему характеру и по своей неукротимой гордости. Давно уже эти его желанія перестали быть тайною, потому что

все шло къ предвидѣнной развязкѣ; но какъ осуществленія его боялись, не смѣя ему препятствовать, то, значитъ, вмѣстѣ споспѣшествовали и сопротивлялись: вотъ все, чего можно было ожидать отъ этого бездѣйственнаго утомленнаго поколѣнія.

Это нейтральное пассивное расположеніе, которое Первый Консулъ встрѣчалъ даже среди своихъ окружающихъ, чрезвычайно его затрудняло, ибо онъ хотѣлъ повторить здѣсь комедію, такъ хорошо сыгранную на ліонской Консультѣ, и притвориться, что онъ противъ воли покоряется единодушному желанію націи. Не встрѣчая болѣе матерьяльныхъ препятствій, онъ сознавалъ однако же нравственную обязанность прикрыть свои эгоистическіе виды правдоподобными предлогами общественныхъ интересовъ и народной воли, и вмѣстѣ чувствовалъ въ послѣднія минуты, что ему не доставало даже этого предлога. — Вотъ причина его смятенія и робости въ то время, когда надобно было дѣйствовать и высказаться. Давно уже было рѣшено заключить сессію требованіемъ увеличенія власти Перваго Консула; но когда пришлось рѣшить, въ какой мѣрѣ и въ какомъ видѣ власть эта должна быть увеличена, Камбасересъ, бывшій тогда самымъ приближеннымъ и довѣреннымъ его лицомъ, не могъ добиться отъ него ни слова, которое объясняло бы тайныя его желанія. Камбасересу не удалось узнать, хотѣлъ ли онъ обыкновеннаго продолженія власти? Хотѣлъ ли онъ быть пожизненнымъ консуломъ, протекторомъ, президентомъ, королемъ или императоромъ? Все, чего онъ добился вслѣдствіе самыхъ усиленныхъ настояній, было заявленіе, что онъ съ признательностью приметъ всякое вознагражденіе, какимъ удостоятъ его великія государственныя учрежденія. Съ нѣкоторыми государственными совѣтниками, желавшими знать его мысли, онъ былъ еще гораздо скрытнѣе: онъ говорилъ имъ, что доволенъ своими почестями и не видитъ надобности увеличивать ихъ. Приготовивъ все для исполненія сво-

ихъ намѣреній, онъ хотѣлъ, чтобъ надъ нимъ совершили насиліе и навязали ему то, что онъ захватить самъ желалъ такъ пламенно. Онъ былъ увѣренъ, что Сенатъ понималъ его, и поэтому не допускалъ мысли, чтобъ осмѣлились ему не повиноваться. Ему казалось невозможнымъ, чтобъ дерзнули предложить ему часть, когда отъ него зависѣло взять все.

Такъ какъ рѣшеніе цѣли предоставлялось добровольному рвенію сенаторовъ, то средствомъ избрали предложеніе Трибуната. Чрезвычайно искусная и жестокая утонченность— подвинуть на подобную инціативу учрежденіе, которое только что искалѣчили; ему нанесли послѣдній ударъ, злоупотребивъ его старинною репутаціею неподкупности и обезчестивъ его память. Въ день внесенія въ это собраніе Аміэнскаго договора, 6 мая 1802 г., президентъ его Шабо де л'Алльс, немедленно по окончаніи чтенія, предложилъ Трибунату заявить желаніе, „чтобъ генералу Бонапарте, Первому Консулу, дано было блистательное доказательство національной признательности.“ Замѣчательная черта этой интриги то обстоятельство, что Шабо ничего не подозрѣвалъ: его увѣрили, что здѣсь дѣло шло не болѣе какъ о простомъ почетномъ засвидѣтельствованіи [183]). Предложеніе тотчасъ же вотировали, и Симсонъ во главѣ депутаціи отправился къ Бонапарте съ желаніемъ Трибуната. Изобразивъ великія дѣянія героя въ иперболической рѣчи, Симсонъ сказалъ: „Я боюсь, чтобъ не сочли похвалою того, что составляетъ лишь выраженіе справедливости. Мы ожидаемъ, чтобъ первое учрежденіе націи истолковало то общее чувство, выраженіе котораго дозволено Трибунату только желать и вотировать.“ Первый Консулъ оставался вѣренъ своему загадочному положенію. „Онъ желалъ одной лишь славы — исполненія своей обязанности. Онъ не стремился къ другой наградѣ кромѣ любви своихъ согражданъ. Жизнь для него была дорога

---

[183]) *Журналъ* Станислава Жирардена. *Прим. автора.*

только въ томъ отношеніи, что онъ могъ оказать услуги отечеству, и смерть для него не была бы тягостна, еслибъ послѣдній взоръ его могъ увидѣть счастье республики столь же упроченнымъ, какъ ея слава."

Тѣмъ не менѣе Сенатъ готовился заставить Перваго Консила измѣнить этимъ скромнымъ и безкорыстнымъ намѣреніямъ. Не смотря однакоже на свою угодливость, вошедшую въ пословицу, сенаторы желали бы по большей части казаться глухими, ибо если они были и малодушны, то вмѣстѣ были осторожны и не безъ ужаса видѣли безумный ходъ этого необузданнаго честолюбія. Но, будучи не въ состояніи даже подумать объ отступленіи въ виду такого прямаго заявленія какъ предложенье Трибуната, они притворились, что принимали серьезно безкорыстье Перваго Консула. Вопреки увѣреніямъ Камбасереса, они выразили, что предложить Бонапарте пожизненную власть—значило бы дѣйствительно перейдти за предѣлъ его желаній, можетъ быть даже оскорбить его республиканскія чувства, а потому и предложили простое продолженіе власти на десять лѣтъ. Предложеніе это было принято, въ особенности благодаря Троншѐ, тогдашнему президенту Сената, человѣку разумному и дальновидному, который хотя и не былъ враждебенъ новому Цезарю, но справедливо страшился его смѣлости. Вслѣдствіе этого Сенатъ издалъ *сенатусъ-консульту*, въ силу которой гражданинъ Наполеонъ Бонапарте оставался Первымъ Консуломъ еще на десять лѣтъ, по истеченіи десятилѣтняго срока, на который былъ назначенъ. Протестовалъ одинъ только голосъ, и это былъ Лонжюине, одинъ изъ послѣднихъ остававшихся въ живыхъ жирондистовъ, достойныхъ протестостовать во имя преданій этой благородной партіи.

Узнавъ о результатѣ этой вотировки, Бонапарте пришелъ въ неописанную ярость. Почести, о которыхъ онъ заявлялъ, что приметъ ихъ съ признательностью, какія бы онѣ ни были, казались ему теперь въ родѣ оскорбленія. Сенатъ не имѣлъ

никакого права предлагать ихъ ему — съ его стороны это было захватомъ правъ народныхъ; таковъ былъ смыслъ отвѣта, написаннаго имъ въ первыя минуты, и кто знаетъ какъ далеко зашелъ бы гнѣвъ его на то, что онъ пойманъ въ собственную же ловушку и людьми, на которыхъ болѣе всего разсчитывалъ, еслибы не вмѣшался Камбасересъ со своими хитрыми выдумками. Если Сенатъ выказывалъ такъ мало добраго расположенія и столь плохо понималъ свое назначеніе, то почему не обратиться къ самой націи, которая и менѣе тонка и менѣе скупа на благосклонность? Верховластный народъ могъ еще на что нибудь быть полезенъ. Онъ былъ рѣшительно безгласенъ и уничтоженъ со времени учрежденія избирательскихъ списковъ; но на этотъ разъ можно было даровать ему слово, конечно съ тѣмъ, чтобъ послѣ заставить его замолчать снова.

Благодаря этой хитрости, Первый Консулъ могъ въ одно и тоже время и скрыть свое неудовольствіе и отомстить за неудачу, причиненную ему Сенатомъ. „Сенаторы, сказалъ онъ въ отвѣтъ депутату:—народный голосъ облекъ меня верховною властью. *Я не считалъ бы себя обезпеченнымъ относительно довѣрія, еслибы актъ, уполномочивающій меня на это, не былъ еще разъ утвержденъ народомъ.* Въ три протекшіе года фортуна улыбалась республикѣ, но фортуна не постоянна, и сколько людей, которыхъ осыпала она своими милостями, теряли послѣ ея расположеніе.... Вы полагаете, что я обязанъ принести народу *новую жертву:* и я это сдѣлаю, народная воля прикажетъ мнѣ то, на что вы изъявляете согласіе.“

Въ этой рѣчи античнаго стиля, онъ умолчалъ однакоже, что *новая жертва*, по поводу которой онъ хотѣлъ посовѣтоваться съ народомъ прежде нежели приступить къ ней, будетъ гораздо больше той, которую хотѣлъ навязать ему Сенатъ; ибо вмѣсто продолженія власти на десять лѣтъ онъ хотѣлъ просить себѣ пожизненнаго консульства. Невозможно

было далѣе простирать жажды къ самопожертвованiямъ. Варiантъ этотъ, введенный въ предложенiе Сената, совершался при помощи Государственнаго Совѣта, большинство котораго хотя въ глубинѣ души было такъ же дурно расположено какъ и сенаторы, однако не могло не повиноваться приказанiю. Префектъ полицiи Дюбуа донесъ, что публика очень не довольна тѣмъ, что Бонапарте не назначили пожизненнымъ консуломъ, вслѣдствiе чего и рѣшили почти безъ обсужденiя спросить у народа относительно пожизненнаго избранiя. Редереръ въ припадкѣ излишняго рвенiя предложилъ прибавку, что Бонапарте имѣетъ право *назначить себѣ наслѣдника*. Но послѣднiй, который съ нѣкоторыхъ поръ много говорилъ противъ наслѣдственности — вѣрный признакъ, что онъ думалъ о немъ относительно себя и хотѣлъ подать мысль объ этомъ другимъ, вычеркнулъ это мѣсто, какъ посягавшее на право народа. Вслѣдствiе этого въ Мониторѣ отъ 11-го мая 1802 г. было объявлено, что списки будутъ открыты во всѣхъ мэрiяхъ, во всѣхъ регистратурахъ трибуналовъ и у нотарiусовъ для принятiя голосовъ по вопросу „*о пожизненномъ консульствѣ Наполеона.*“

Тогда всѣ государственныя учрежденiя начали восхвалять уступчивость Бонапарте народной волѣ, и между чиновниками вызвано было огромное движенiе поздравительныхъ адресовъ съ цѣлью дать толчекъ народу. Какъ типъ этихъ манифестацiй, можно привести адресъ Бѣньо, префекта Нижней Сены: „Каждый гражданинъ, писалъ онъ:—сочтетъ, что сдѣлалъ все для отечества, выразивъ желанiе, чтобъ власть ваша окончилась только вмѣстѣ съ вашею жизнью. Еслибъ она могла быть столь же продолжительна какъ ваша слава, судьбы Францiи были бы упрочены. Но природа считаетъ и оканчиваетъ дни того, кто болѣе всего имѣетъ права на безсмертiе.“

Въ продолженiе этого какъ бы трехнедѣльнаго междуцарствiя Бонапарте велѣлъ вотировать въ Законодательномъ

Корпусѣ два закона или скорѣе два учрежденія, которые въ глазахъ его служили началомъ новаго правленія: однимъ возстановлялось невольничество въ нашихъ колоніяхъ, другимъ учреждался орденъ Почетнаго Легіона. Первое изъ нихъ было прикрыто осторожнымъ заглавіемъ: „*Проэкта относительно колоній, возстановляемыхъ по Амьенскому трактату и другихъ французскихъ колоній*"; оно возстановляло не только невольничество, но и торговлю неграми, какъ до 1789 г.

Ничто еще не было рѣшено касательно Сенъ-Доминго, поэтому заботливо избѣгали упоминать объ этой колоніи, и на нее, повидимому, не распространялась мѣра, согласно съ торжественными обѣщаніями Бонапарте, уже нарушенными относительно Гваделупы. Но пробѣлъ этотъ пополнялся особенною статьею, которою постановлялось „что, не смотря на прежніе законы, управленіе колоніями въ теченіе десяти лѣтъ будетъ подчинено правиламъ, изданнымъ правительствомъ." Мѣсто темное, которое государственный совѣтникъ, докладчикъ Дюпюи, растолковалъ очень ясно, сказавъ „что въ колоніяхъ, гдѣ были въ дѣйствіи революціонные законы (т. е. на Сенъ-Доминго), постараются *обольстительныя теоріи* замѣнить *примирительною* системою, комбинаціи которой, имѣющія сообразоваться съ обстоятельствами, будутъ ввѣрены мудрости правительства." Въ этомъ отношеніи прошедшее отвѣчало за будущее; но не во власти правительства было осуществить свои благодѣтельныя намѣренія, и негры, будучи освобождены съ помощью желтой лихорадки отъ своихъ спасителей, продолжали къ своему счастью жить подъ игомъ того, что защитники закона называли „жестокою филантропіею."

Орденъ Почетнаго Легіона былъ чисто созданіемъ Перваго Консула; онъ его пережилъ, ибо былъ основанъ какъ на интересѣ правительства, такъ и на суетности частныхъ лицъ, и онъ остался столь дорогъ для самолюбія, что необходима нѣкоторая независимость духа, чтобъ говорить о

немъ не стѣсняясь. Это изъ всѣхъ его изобрѣтеній, можетъ быть, болѣе всего было ему по сердцу. Дѣйствительно, тому, кто отдалъ въ руки правительства всѣ интересы, всю свободу, всѣ состоянія и всѣ существованія, слѣдовало туда же помѣстить если не честь гражданъ, что повидимому выражалось названіемъ учрежденія, то, по крайней мѣрѣ, ихъ право на почетъ и уваженіе. Что правительство старалось вознаграждать, по своему усмотрѣнію, оказанныя ему заслуги — въ этомъ нѣтъ ничего естественнѣе и законнѣе, ибо оно уплачиваетъ лишь свой долгъ въ этомъ случаѣ; но что оно принимало на себя верховной судъ относительно талантовъ и добродѣтелей во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности, что оно намѣревалось распредѣлить заслуги и назначить каждому долю его почета,— означало уже мысль, могущую зародиться лишь въ головѣ деспота, и которая можетъ нравиться только людямъ, лишеннымъ благородной гордости. Никогда народъ, дѣйствительно гордящійся собою, не призналъ бы за нимъ подобной компетенціи, болѣе оскорбительной, чѣмъ самыя преимущества рожденія, ибо случай не имѣетъ по крайней мѣрѣ претензіи на судъ. Но такъ какъ тщеславіе было несравненно болѣе развито, нежели благородная гордость, то задача Бонапарте оказалась вѣрно разсчитанною. Учрежденіе, спекулирующее на подобныя слабости, всегда можетъ надѣяться на успѣхъ; но развиваемый имъ способъ соревнованія не можетъ поднять нравственнаго уровня націи. Если хорошая система общественныхъ наградъ вещь чрезвычайно рѣдкая и щекотливая, то что же подумать о томъ, кто съ перваго же раза возбуждалъ жажду отличій, духъ интриги и раболѣпія въ подсудныхъ, не компетенцію въ судьѣ? Пока государство награждаетъ чисто въ общественныхъ интересахъ, оно находится въ своей роли и исполняетъ свою обязанность; но съ той минуты когда оно преобразовывается въ великаго судью генія, добродѣтели и

чести, оно принимаетъ на себя задачу не по силамъ, ибо свойство чести заключается въ томъ, чтобъ не признавать другаго судьи кромѣ себя самой, а геній и добродѣтель ускользаютъ отъ оффиціальной оцѣнки. Это впрочемъ только нравственная сторона вопроса: мѣра эта имѣла еще бо́льшее неудобство съ точки зрѣнія политической—она присоединяла могущественнѣйшее орудіе господства къ власти, которую правительство имѣло уже надъ націею. Сила его и безъ того была непреодолима, какою же должна была она сдѣлаться при помощи подобнаго средства вліянія, дѣйствуя не посредствомъ принужденія, но посредствомъ всеобщаго и непрерывнаго искушенія?

Этотъ коренной и неизгладимый недостатокъ учрежденія, болѣе достойный Китая, нежели Франціи 1789 года, менѣе всего портилъ умы. На проэктъ этотъ смотрѣли неблагопріятно, чему служитъ доказательствомъ фактъ, что его съ живостью оспаривали въ Государственномъ Совѣтѣ, не весьма склонномъ къ оппозиціи, и что онъ прошелъ лишь съ большинствомъ нѣсколькихъ голосовъ въ очищенныхъ уже Трибунатѣ и Законодательномъ Корпусѣ; но противники его, Матьё Дюма, Тибодо, адмиралъ Трюге съ одной стороны, и Савой-Ролленъ и маркизъ Шовленъ съ другой — отвергли его потому, что онъ благопріятствовалъ аристократическимъ предразсудкамъ. Они не замѣтили, или, можетъ быть, не осмѣлились замѣтить, что онъ еще болѣе благопріятствовалъ деспотизму, ибо отличія, раздачу которыхъ приняло на себя правительство, предоставляли послѣднему могущественнѣйшее средство вліять на классы, наиболѣе независимые по своему положенію. Наконецъ, никто лучше не характеризовалъ учрежденія какъ самъ авторъ, когда, истощивъ всѣ софизмы для его оправданія, онъ чисто на чисто объяснилъ духъ и цѣль его въ порывѣ нетерпѣнія. Извѣстенъ отвѣтъ его Бертье и Трюге во время преній въ Государственномъ Совѣтѣ: „это называютъ *погремушками*, воскликнулъ онъ:—

ну, такъ чтожъ? людей и ведутъ только съ помощью погремушекъ. *Я не сказалъ бы этого съ Трибуны*, но въ совѣтѣ мудрыхъ и государственныхъ людей должно высказывать все. Я не вѣрю, что французы любятъ свободу и равенство; они не измѣнились въ теченіе десяти лѣтъ революціи; они тоже чѣмъ были Галлы, имъ необходимы отличія. Смотрите, какъ народъ падаетъ ницъ передъ орденами иностранцевъ.“ Довольно сказать, что онъ не хотѣлъ перечить вкусу французовъ, и что учрежденіе не благопріятствовало ни свободѣ, ни равенству, хотя его постановленія и требовали отъ легіонеровъ присяги защищать то и другое. Онъ не могъ лучше опровергнуть своихъ собственныхъ заявленій „о необходимости создать учрежденія, посредствующія между правительствомъ и народомъ, бросить нѣсколько глыбъ гранита среди всѣхъ этихъ песчинокъ, составлявшихъ народъ французскій.“ Дѣйствительно, онъ поступалъ совершенно противоположнымъ образомъ, еще усиливая власть правительства, предоставляя ему рычагъ неизобразимаго могущества. Дѣло въ томъ, что онъ видѣлъ, по его же словамъ, въ Почетномъ Легіонѣ лишнее средство *вести людей*, т. е. употреблять въ свою пользу ихъ страсти и слабости, обманывать ихъ, унижать и порабощать.

Впродолженіе этого времени списки были посланы въ Сенатъ для повѣрки. Утвердительныхъ голосовъ оказалось болѣе трехъ съ половиною мильоновъ, отрицательныхъ же едва нѣсколько десятковъ тысячъ. Но малое это количество объяснялось очень просто — увлеченіемъ, запугиваньемъ, отсутствіемъ всякаго контроля. Ла-Файетъ мотивировалъ свой отказъ тѣмъ, что написалъ на спискѣ „что онъ не могъ вотировать подобной должности до тѣхъ поръ, пока не будетъ обезпечена политическая свобода.“ Онъ развилъ эту мысль въ письмѣ къ Первому Консулу. Выразивъ свою признательность за оказанную услугу, онъ говоритъ: „Невозможно, генералъ, чтобъ вы, принадлежа къ разряду геніевъ,

пожелали бы, чтобъ подобная революція, столько побѣдъ и пролитой крови, столько бѣдствій и чудесъ — не имѣли для васъ другаго результата какъ самодержавное правленіе!" Совѣтъ этотъ, который не былъ выслушанъ, положилъ конецъ ихъ отношеніямъ, и Ла-Файеттъ удалился въ отставку, въ которой и находился до самаго паденія имперіи. Бываютъ безотрадныя эпохи, когда цѣлая нація устремляется къ рабству. Тогда мнѣніе одного человѣка, осмѣливающагося идти напротивъ теченія, вѣсче мнѣнія всего народа. Франція, настоящая Франція 1789 г., вѣчно живущая, не смотря на временный заворотъ головъ, вся заключалась въ Ла-Файеттѣ. Онъ могъ сказать съ поэтомъ: „Весь Римъ тамъ, гдѣ я."

Но не все заключалось въ побѣдѣ, необходимо было воспользоваться ею, а этимъ искусствомъ въ особенности отличался Бонапарте. Мы уже видѣли, какимъ образомъ изъ Аміэнскаго договора онъ успѣлъ извлечь, вопреки желанію сенаторовъ, продолженіе власти на десять лѣтъ, потомъ какъ изъ этой десятилѣтней отсрочки, посредствомъ нѣкотораго рода фокуса, достигъ пожизненнаго консульства. Теперь онъ собирался воспользоваться вотировкою пожизненнаго консульства для сходственнаго дѣйствія. Люди, считавшіе, что онъ удовлетворился этимъ новымъ успѣхомъ, по крайней мѣрѣ на время, могли убѣдиться, какъ мало они знали это ненасытное честолюбіе. Пытаясь утолить его, только болѣе его возбуждали.

Въ тотъ день, когда Сенатъ поднесъ ему результатъ повѣрки голосовъ (2-го августа 1802 г.), Франція изъ рѣчи Перваго Консула узнала, что, пожелавъ пожизненнаго правителя, она вотировала также новыя учрежденія, и что онъ истолковывалъ плебисцитъ, также свободно какъ и сенатусъ-консульту: „Сенаторы! сказалъ онъ: — жизнь каждаго гражданина принадлежитъ отечеству. Французскій народъ желаетъ, чтобъ моя была посвящена ему вполнѣ. Давая мнѣ новое, неизмѣнное доказательство своего довѣрія, *онъ налагаетъ на*

меня обязанность подкрѣпить предусмотрительными учрежденіями систему его законовъ."

Планъ этихъ предусмотрительныхъ учрежденій былъ уже составленъ вполнѣ. Главная ихъ цѣль состояла въ томъ, „чтобъ свободу и равенство поставить внѣ произвола судьбы и неизвѣстности будущаго". Всѣ акты угнетенія, всѣ тираническія мѣры были прикрыты этою магическою формулою; можно было сказать, что она имѣла свойство очищать самыя беззаконныя дѣйствія, и не только не удивлялись оскорбительной насмѣшкѣ, которой она была постояннымъ предметомъ, но продолжали въ ней видѣть дань, отдаваемую принципамъ революціи — обольщеніе, которое было бы необъяснимо, еслибъ не знали, что демократія того времени, равнодушная къ свободѣ, привязана была лишь къ собственнымъ интересамъ, которыхъ Бонапарте представлялъ еще торжество и обезпеченіе. Измѣненія, введенныя въ Конституцію VIII г., совершенно уничтожили въ ней и тѣ слабые слѣды контроля и гарантіи, какіе были въ ней оставлены. Избирательскіе списки были замѣнены кантонскими собраніями, назначавшими кандидатовъ какъ для мировой юстиціи, такъ и для муниципальныхъ совѣтовъ, и избирательными окружными и департаментскими коллегіями. Окружныя коллегіи, состоящія много что изъ *двухсотъ членовъ*, избирали кандидатовъ въ Трибунатъ, — департаментскія коллегіи, состоявшія неболѣе какъ изъ *трехсотъ членовъ*, представляли кандидатовъ въ главные совѣты, въ Сенатъ и Законодательный Корпусъ. Всѣ эти избиратели назначались пожизненно кантонскими собраніями. Трибунатъ, число членовъ котораго ограничивалось пятьюдесятью, раздѣленъ былъ на отдѣленія и разсуждалъ въ тайныхъ засѣданіяхъ возлѣ Государственнаго Совѣта, которому служилъ вспомогательнымъ учрежденіемъ. Послѣдній самъ съ явнымъ неудовольствіемъ видѣлъ уменьшеніе своихъ правъ вслѣдствіе учрежденія тайнаго совѣта, которому поручено было подавать мнѣніе о догово-

рахъ и приготовлять сенатусъ-консульты. Государственный Совѣтъ, при всей своей покорности, все таки походилъ еще на свободное собраніе, и Бонапарте встрѣчалъ въ немъ иногда подобіе противорѣчія. Одинъ Сенатъ выигрывалъ въ огромномъ усиленіи власти. Онъ могъ отмѣнять на время Конституцію, кассировать постановленія трибуналовъ, истолковывать Конституцію посредствомъ сенатусъ-консультъ, распустить Законодательный Корпусъ и Трибунатъ; но всѣ эти, столь великолѣпныя по наружности преимущества, уничтожало то, что все это могъ онъ совершать лишь по *инициативѣ правительства* [184]) — распоряженіе, показывающее въ чью пользу Сенатъ получилъ такое громадное расширеніе власти. Первый Консулъ, столь щедрый къ этому собранію, пожелалъ предоставить себѣ болѣе скромную долю; онъ принялъ только право помилованія и назначенія себѣ наслѣдника — умѣренность, дѣйствительно достойная уваженія, еслибъ она не объяснялась приведеннымъ мною мѣстомъ изъ его рѣчи. Кромѣ того онъ предоставилъ себѣ, не смотря на право избирательныхъ коллегій, назначить сорокъ новыхъ сенаторовъ, не представляя предварительной кандидатуры. Благодаря этому праву и учрежденію сенаторской должности, Сенатъ очутился въ безопасности отъ мятежнаго духа.

Нѣкоторые старинные члены Конституціоннаго Собранія 1791 г., которыхъ Камиллъ Журданъ сдѣлался органомъ, стремились къ измѣненію учрежденій; они дошли даже до требованія возстановленія монархіи въ пользу Бонапарте, надѣясь получить отъ него въ замѣну конституціонныя формы и гарантіи. Камиллъ Журданъ краснорѣчиво высказалъ свои благородныя мечтанія въ брошюрѣ, пользовавшейся большимъ успѣхомъ [185]). Отдавъ самую лестную дань

---

[184]) 56 параграфъ органической сенатусъ-консульты и Конституціи. *Прим. автора.*

[185]) *Vrai sens du vote national sur Consulat à vie,* безъ имени автора. *Прим. автора.*

заслугамъ и способностямъ Бонапарте, онъ утверждалъ, что послѣдній былъ все въ нашихъ учрежденіяхъ; онъ напомнилъ, что порядокъ ничего не значитъ безъ свободы. Онъ потомъ спрашиваетъ себя — что же Первому Консулу остается дѣлать изъ своей власти? „Онъ пожалъ, говоритъ Журданъ: — всѣ военные лавры; онъ очутился на вершинѣ могущества; онъ исчерпалъ хвалу, расточаемую побѣдителямъ; что же можетъ оставаться для этой пламенной души, жаждущей новыхъ ощущеній, томимой необходимостью великихъ дѣяній, какъ не воспользоваться единственнымъ въ лѣтописяхъ міра положеніемъ, чтобъ улучшить судьбы человѣчества, этой громадной власти, которою онъ облеченъ, назначить самому предѣлъ, требуемый справедливостью, и безъ страха, съ помощью народныхъ законовъ, вести великій народъ по блестящему пути, указанному просвѣщеніемъ вѣка? Вотъ чего Европа ожидаетъ отъ него; вотъ что дастъ его истинная умѣренность."

Бонапарте не заставилъ себя дожидаться съ отвѣтомъ на это благонадежное увѣщаніе: онъ приказалъ конфисковать брошюру Камилла Журдана, какъ мятежную.

„Я предоставилъ имъ высказаться, говорилъ онъ въ Государственномъ Совѣтѣ: — я получилъ ихъ планы, и пошелъ своимъ путемъ.... Ла-Файеттъ и Латуръ Мобургъ писали мнѣ, что они скажутъ *да* съ условіемъ, что будетъ возстановлена свобода печати. Чего можно ожидать отъ людей, преданныхъ всецѣло своей метафизикѣ 1789 г.? Свобода печати! Не успѣлъ бы я возстановить ее, какъ появилось бы тридцать журналовъ роялистскихъ, столько же якобинскихъ, и мнѣ пришлось бы снова управлять съ *меньшинствомъ!*"

ГЛАВА X.

Нарушеніе Аміэнскаго трактата.

Аміэнскій трактатъ, подписанный 25 марта 1802 г., послѣ долгихъ переговоровъ, оставилъ между Англіею и Францісю много нерѣшенныхъ вопросовъ. Вопросы эти, которые были затрогиваемы во время переговоровъ, — Іосифомъ или лордомъ Корнуэльсомъ, оставлялись вслѣдствіе очевидной невозможности къ соглашенію, а при окончаніи договора —ихъ обошли молчаніемъ. Самымъ серьезнымъ изъ этихъ затрудненій было значительное усиленіе могущества, пріобрѣтеннаго Франціею, даже въ то самое время, когда въ Лондонѣ и Аміэнѣ вырабатывались условія мира. Въ эту-то нерѣшительную минуту ни войны, ни мира, когда Англія не могла еще сослаться на неподписанные договоры, а Бонапарте поспѣшилъ осуществить болѣе или менѣе скрытое порабощеніе Голландіи посредствомъ батавской конституціи, порабощеніе Цизальпины съ помощью Ліонской Консульты—Генуи, посредствомъ измѣненія учрежденій, Пьемонта посредствомъ присоединенія, которое считалось не болѣе какъ временнымъ. Онъ полагалъ, что кабинетъ Аддингтона, при своемъ неумѣренномъ желаніи заключить миръ, не станетъ противиться, и въ томъ онъ не ошибся. Англійское правительство смотрѣло сквозь пальцы на дѣйствія, которымъ не могло помѣшать, разсчиты-

вая во всякомъ случаѣ, что дѣйствія эти были только временны, по крайней мѣрѣ относительно Голландіи и Пьемонта, ибо Голландія поставлена была въ Аміэнѣ какъ независимая держава, а относительно Пьемонта не послѣдовало еще никакого окончательнаго рѣшенія. Первый Консулъ пошелъ однакожс дальше и старался получить отъ англійскаго министерства форменное подтвержденіе всѣхъ этихъ дѣйствій насилія и захвата. Но, на этотъ разъ, ему не удалось. Англійскій кабинетъ упорно отказывался признать подобіе правительства, введеннаго Бонапарте въ эти различныя страны. Не имѣя въ тогдашнемъ своемъ положеніи никакого средства противиться этимъ перемѣнамъ, англійскій кабинетъ смотрѣлъ на нихъ какъ на факты, болѣе сильные, нежели его воля, но не хотѣлъ признать ихъ. Довольно уже, что онъ соглашался, не смотря на свое отвращеніе, терпѣть положеніе вещей тревожное для его независимости и вредное для его интересовъ, но не желалъ его еще усиливать. Положеніе Англіи говорило ясно: „Изъ желанія мира мы терпѣли все сдѣланное вами до сихъ поръ, но если вы ступите еще одинъ шагъ впередъ, — въ такомъ случаѣ война.“ Бонапарте изъ этого отказа вывелъ совершенно другое заключеніе: „Такъ какъ Англія, говоритъ онъ въ своей нотѣ, прочтенной Іосифомъ Корнуэльсу 21 февраля: — отказывается признать эти новыя государства, то она теряетъ право вмѣшиваться въ ихъ дѣла и жаловаться на ихъ полное присоединеніе къ Франціи.“ И едва только Аміэнскій трактатъ былъ подписанъ, какъ онъ уже дѣйствительно располагалъ дѣйствовать сообразно съ этимъ непомѣрнымъ объясненіемъ принциповъ.

Другой предметъ спора, совершенно новый въ дипломатической исторіи народовъ, составляла почти безразличная свобода, которою печать пользовалась въ Англіи. Проступки, совершаемые путемъ печати, соединялись тамъ съ проступками, совершенными другими путями, были подчинены общимъ законамъ, и за нихъ отвѣчали только предъ трибуна-

лами. И вотъ правительство, вышедшее изъ французской революціи, осмѣливалось занести жалобу, о которой и не думало прежнее правительство. Ни одинъ фактъ не свидѣтельствовалъ болѣе жестокимъ образомъ объ униженіи, до какого дошла нація 1789 г. Во время переговоровъ Бонапарте требовалъ, чтобъ *пасквилянты*, т. е. писатели, осмѣливавшіеся хулить его особу или порицать его политику, были сравнены съ убійцами и фальшивыми монетчиками и подобно последнимъ подлежали закону выдачи. Притязаніе это было отвергнуто, правда, очень мягко, кабинетомъ Аддингтона, который, не смотря даже на всѣ усилія, стѣснялся предложить эту мѣру Парламенту; но Первый Консулъ, будучи ободренъ умѣренностью, въ которой онъ полагалъ видѣть доказательство слабости, ни мало не отказывался отъ надежды навязать свою волю Англіи. Онъ не имѣлъ даже ни малѣйшаго понятія о правительствѣ, основанномъ на общественномъ мнѣніи, и потому снисходительность англійскаго правительства къ печати считалъ трусостью, а въ его щекотливости видѣлъ лицемѣріе. Итакъ онъ сохранилъ заднюю мысль побѣдить упорство Аддингтона — запугиваньемъ.

Къ этимъ глубокимъ или, лучше сказать, непримиримымъ несогласіямъ, присоединялось противорѣчіе промышленныхъ и торговыхъ интересовъ, которое, по своей натурѣ, не было ни въ какомъ случаѣ опасно для мира, но становилось таковымъ, благодаря требованіямъ и претензіямъ Перваго Консула. Ведя переговоры объ Аміэнскомъ трактатѣ, онъ формально отказался отъ заключенія торговаго договора между Франціею и Англіею. Онъ сберегалъ вопросъ какъ вѣрное средство вліять на рѣшенія англійскаго кабинета. Если бы вслѣдствіе этой политики онъ довольствовался тѣмъ, что запретилъ бы ввозъ англійскихъ товаровъ во всѣ порты и на всѣ французскіе рынки подъ болѣе или менѣе благовиднымъ предлогомъ охраненія нашей промышлености, онъ воспользовался бы только правомъ, хотя и вреднымъ для

обоихъ народовъ, но точнымъ, и которое могло быть защищаемо, а онъ намѣревался закрыть имъ доступъ во всѣ страны, зависѣвшія отъ насъ — въ Голландію, Итальянскую республику, Генуу, Пьемонтъ, Швейцарію и даже въ Испанію, которую онъ болѣе и болѣе привыкалъ считать завоеванною провинціею. Онъ чисто формулировалъ различныя эти претензіи на Амьенскихъ конфереціяхъ [186]). Запрещеніе, наложенное въ такихъ размѣрахъ, имѣло характеръ настоящей блокады Англіи, осуждавшей послѣднюю на голодную смерть среди ея сокровищъ.

Послѣднее затрудненіе естественно повліяло на самое исполненіе статьи Амьенскаго договора относительно очищенія Мальты. Очищеніе это подчинялось гарантіи великихъ державъ, предоставленной имъ договоромъ, и англійскій кабинетъ съ благородною поспѣшностью потребовалъ этого согласія, въ то время какъ наша дипломатія обнаруживала необъяснимую небрежность въ этомъ отношеніи; но вскорѣ оказалось, что Россія мало была расположена согласиться на гарантіи, и что для этого предъявляла не весьма удобныя условія [187]). Отъ этого неизбѣжно замедлилось исполненіе статьи относительно о. Мальты, вслѣдствіе чего и возникли новыя причины несогласій.

Таковы были зародыши несогласій, существовавшихъ между Англіею и Франціею, въ то время когда былъ заключенъ Амьенскій трактатъ. Какъ ни увеличились они въ самое короткое время, но было легко на первыхъ порахъ не допустить до этого увеличенія. Министерство Аддингтона желало мира, для него необходимаго, и старалось сдѣлать его продолжительнымъ; оно съ гордостью противопоставляло его своимъ многочисленнымъ противникамъ какъ собственное

---

[186]) Протоколъ 23 февраля. *Прим. автора.*

[187]) Депеша лорда Сентъ-Эленъ къ лорду Гьюксбюри, апрѣль и май 1802 г. *Прим. автора.*

произведеніе и какъ право на признательность страны; фактъ этотъ съ такою очевидностью исходитъ изъ тогдашнихъ преній, особенно изъ британскихъ парламентскихъ преній, что его можетъ не признать одно тупое невѣжество, Франція не менѣе Англіи была заинтересована миромъ, можно даже сказать, что французы желали его, не смотря на склонность, которую съ недавнихъ поръ получили они къ завоеваніямъ и приключеніемъ. Франція нуждалась въ немъ для своей коммерціи, для своихъ едва возродившихся мануфактуръ, для обезпеченія своихъ недавнихъ колоніальныхъ предпріятій, и для исправленія всѣхъ золъ, причиненныхъ ей десятилѣтнею войною. Французы насытились военною славою, удовлетворились успѣхами, жаждали, — столь долго откладываемыхъ благъ внутренняго благосостоянія. Самъ Первый Консулъ, какъ ни мало были совмѣстимы его тайные виды съ сохраненіемъ мира, казалось сначала, желалъ его искреннимъ образомъ. Онъ занялся изысканіемъ способовъ поднять нашу промышленость; онъ далъ живой толчокъ внутреннимъ работамъ; снарядилъ экспедицію для принятія во владѣніе Луизьяны, уступленной намъ Испаніею въ замѣнъ Этрурскаго королевства; согласился даже, по настоянію британскаго кабинета, послать въ Англію уполномоченнаго для переговоровъ о торговомъ трактатѣ; но сдѣлка, предложенная этимъ уполномоченнымъ, была составлена до такой степени нелѣпо, что порученіе его не могло быть признано серьезнымъ. Бонапарте надѣялся до конца купить этотъ договоръ у Англіи цѣною соглашенія послѣдней съ его политикою.

Среди этихъ мечтаній, вдругъ, въ началѣ іюля 1802 г., не много болѣе какъ черезъ два мѣсяца послѣ подписанія Аміэнскаго трактата, Мерри, англійскій повѣренный въ Парижѣ, донесъ своему правительству о жалобахъ, снова заявленныхъ Первымъ Консуломъ по поводу нападеній, которыхъ онъ былъ предметомъ со стороны англійской печати, и по поводу происковъ эмигрантовъ. Англійская печать дѣй-

ствительно порицала его политику съ тѣмъ болѣе замѣчательною живостью, что она одна осмѣливалась возвышать голосъ среди молчанія остальной Европы. Нападенія ея были однакоже гораздо умѣреннѣе тѣхъ, какія помѣщались въ нѣкоторыхъ листкахъ, издаваемыхъ въ Лондонѣ французскими выходцами, въ особености въ *Ambigu* Пельтье, прежняго редактора *Actes des apôtres*. Мерри приказано было отвѣчать относительно печати, что она въ Англіи пользовалась полнѣйшею свободою, гарантированною конституціею; касательно же эмигрантовъ объявилъ, что *дѣйствія* ихъ обуздаютъ, но идти дальше этого и принять противъ нихъ предварительныя мѣры, было бы не совмѣстимо съ честью и законами гостепріимства [188]). Французское правительство не считало однакоже себя побѣжденнымъ; оно возобновило немедленно свои настоянія и потребовало на этотъ разъ во имя *народнаго права* [189]), чтобъ были изгнаны или наказаны Пельтье, Коббе и ихъ сообщники.

Это вмѣшательство во внутреннія дѣла свободной націи имѣло что-то странное, возмутительное; со стороны Бонапарте оно обнаруживало болѣе знаменательный и тревожный характеръ, если припомнить чего стоило дозволеніе подобнаго вмѣшательства Венеціи, Голландіи, Швейцаріи и Испаніи при другомъ министерствѣ оно было бы отвергнуто съ самаго начала такимъ образомъ, что онъ не рѣшился бы обращаться съ вторичнымъ требованіемъ. Но слабый Аддингтонъ такъ боялся повредить миру, что лордъ Гьюксбюри свой отвѣтъ представилъ въ черезчуръ мягкой формѣ, способной возбудить надежды, которыхъ онъ не могъ удовлетворить. Въ подкрѣпленіе, Отто сообщилъ ему № *Ambigu*, наполненный оскорбленіями противъ Бонапарте; онъ

---

[188]) Депеша лорда Гьюксбюри, 10 іюня 1802. — *Papers laid before both Houses — Hansus Parliamentary history, vol. XXXVI.*

Прим. автора.

[189]) Отто къ Гьюксбюри, 25 іюля. *Прим. автора.*

согласился, что они достойны наказанія, но основательно замѣтилъ, что англійское правительство само подвергалось подобнымъ нападеніямъ, и хотя авторы ихъ находились подъ его непосредственною властью, оно не обращало на нихъ ни малѣйшаго вниманія. Относительно же эмигрантовъ онъ напомнилъ, что когда Яковъ II скрылся во Францію, англійскій кабинетъ не дѣлалъ ни одной попытки, чтобъ требовать его изгнанія [190]); однако онъ обѣщалъ Отто перевести въ Англію выходцевъ съ острова Джерси, и намекнулъ на возможность отправки Жоржа и главныхъ коноводовъ Шуанеріи въ Канаду, не принимая впрочемъ на себя формальнаго обязательства.

Но онъ плохо зналъ своего противника, если полагалъ удовлетворить его подобною предосторожностью и полу-уступками. По настоянію Перваго Консула, Отто возразилъ 17 августа нотою, болѣе рѣзкою, чѣмъ все, что онъ заявлялъ до тѣхъ поръ англійскому кабинету. Документъ этотъ [191]) скорѣе походилъ на ультиматумъ, нежели просьбу: „Положимъ, законы и особенная англійская конституція потворствовали порицанію внутреннихъ дѣйствій его правленія, но выше этой конституціи *были общіе принципы народнаго права, передъ которыми умолкаютъ законы государства*. Если въ Англіи законъ допускалъ самую широкую свободу печати, то законъ общественный образованныхъ народовъ и строгая обязанность правительствъ, требовали предупрежденія, обузданія и наказанія всѣхъ нападеній, сдѣланныхъ этимъ путемъ, на законы, интересы и честь иностранныхъ державъ. *Это право народнаго права никогда не нарушалось безъ того,*

---

[190]) Лордъ Гьюксбюри къ Отто 22 іюля 1802 г. *Прим. автора.*

[191]) Онъ открываетъ рядъ весьма небольшаго количества документовъ, отчасти передѣланныхъ, которые Бонапарте счелъ умѣстнымъ представить въ Законодательный Корпусъ по поводу разрыва съ Англіею (Засѣданіе 20 мая 1803 г.) *Прим. автора.*

чтобы не привести къ гораздо большимъ раздорамъ." Отто потомъ возобновилъ свои жалобы на пасквилянтовъ и всевозможныхъ выходцевъ, не обвиняя впрочемъ послѣднихъ ни въ чемъ другомъ, кромѣ „сходокъ, стачекъ и гнусныхъ заговоровъ" — неопредѣленное обвиненіе, которое никогда не могло быть принято правительствомъ, заботящемся о собственномъ достоинствѣ; онъ ссылался на одну статью Аміэнскаго трактата, въ которой сказано, что обѣ націи не окажутъ никакого покровительства людямъ, которые вздумаютъ нанести имъ вредъ или обиду;" онъ ссылался на вышедшій изъ употребленія законъ объ иностранцахъ (Alien-bille [192]), потомъ и заключилъ, резюмируя требованія Перваго Консула въ слѣдующихъ шести пунктахъ: „1) употребленія дѣятельныхъ мѣръ для обузданія возмутительныхъ сочиненій, журналовъ и другихъ изданій въ Англіи; 2) удаленіе выходцевъ изъ Джерси; 3) удаленіе бывшихъ епископовъ Арра, Сен-Поль де Леона и другихъ имъ подобныхъ; 4) переселеніе въ Канаду Жоржа и его сторонниковъ; 5) удаленіе всѣхъ принцевъ Бурбонскаго дома; 6) высылка всѣхъ французскихъ эмигрантовъ, которые позволяли себѣ носить ордена прежняго правительства."

Читая подробности этого страннаго требованія, обращеннаго къ гордому народу, который только что вложилъ мечъ въ ножны послѣ десятилѣтней войны, спрашивается, что Бонапарте могъ здѣсь прибавить, еслибъ, вмѣсто министра свободной Англіи, Аддингтонъ былъ делегатомъ высшей консульской полиціи! Грозная настойчивость французскаго правительства поставила его въ странное затрудненіе, и нѣтъ сомнѣнія, что онъ считалъ бы за счастье удовлетворить эти требованія, но власть его не простиралась на столько. Безпре-

---

[192]) *Alien-bill.* Такъ называется въ Англіи каждый законъ относительно управленія иностранцами. Первый былъ изданъ въ 1789 г.

Прим. перевод.

рывно тревожимый разсчитанными нападеніями самой пылкой Фракціи тори и наиболѣе вліятельной партіи виговъ, министръ Аддингтонъ находилъ поддержку только въ пристрастномъ предпочтеніи короля и въ презрительной сдержанности Питта. При первомъ же обнаруженіи наклонности къ уступкамъ, которыхъ отъ него требовали, онъ не удержался бы на мѣстѣ. Поэтому онъ всѣми силами старался уговорить Перваго Консула. Нападенія, на которыя жаловался Бонапарте, были неразлучны съ свободою печати, и правительство не могло обуздать ихъ Но преступленія, совершенныя этимъ путемъ, какъ и всякія другія, были судимы въ надлежащихъ учрежденіяхъ, и онъ могъ жаловаться суду наравнѣ со всѣми частными лицами. Наконецъ выходки англійскихъ журналовъ по крайней мѣрѣ равнялись съ выходками французскихъ и *Монитера*, который извѣстенъ всѣмъ за журналъ *официальный*, „а между тѣмъ Е. В. считалъ унизительнымъ для своего достоинства приносить какую либо жалобу по этому поводу [193]).“ Единственный журналъ въ Англіи, имѣвшій официальный характеръ, былъ *London-gasette*, но его нельзя было упрекнуть ни въ чемъ подобномъ. Что же касается до другихъ претензій французскаго правительства, то ему обѣщали удалить выходцевъ изъ Джерси, которыхъ дѣйствительно удалили, но отказали положительно во всемъ, что касалось принцевъ Бурбонскаго дома и эмигрантовъ, носившихъ прежніе ордена.

Указанія лорда Гьюксбюри на *Монитеръ* были совершенно вѣрны. Въ каждомъ № этого журнала содержались противъ Англіи статьи, которыя по своей рѣзкости и оскорбительности могли не безъ успѣха стать на ряду со статьями Пельтье; но британскій министръ еще не зналъ, что статьи эти всегда почти внушались Первымъ Консуломъ, и

---

[193]) Депеша лорда Гьюксбюри къ Мерри, 28-го августа..
Прим. автора.

иногда выходили изъ-подъ его собственнаго пера. Они заключали въ себѣ недовѣріе и обидныя выходки противъ правительства и оскорбленіе для націи: „Какого результата, говорилось въ одномъ №: — можетъ ожидать англійское правительство, которое посѣваетъ раздоры въ церкви, принимаетъ и снова изрыгаетъ на нашу территорію разбойниковъ Котъ дю-Норъ Морбигана, обагренныхъ кровью богатѣйшихъ и главнѣйшихъ землевладѣльцевъ этихъ несчастныхъ департаментовъ. *Извѣстно ли ему, что французское правительство нынѣ прочнѣе англійскаго?* Неужели думаютъ, что взаимность будетъ трудна для французскаго правительства и какой будетъ конецъ изъ этого обмѣна оскорбленій, *изъ этого ободренія и покровительства, оказываемаго убійцамъ?*" [194]) Въ другомъ № говорится по поводу выборовъ: „Жанъ Жакъ написалъ, что англичане были свободны только одинъ разъ въ семь лѣтъ, когда избирали своихъ представителей въ парламентъ, но на эту свободу, какъ и на многое другое, онъ смотрѣлъ сквозь призму своего воображенія. *Еслибъ онъ могъ быть свидѣтелемъ этого великаго акта, онъ увидѣлъ бы только сцены подкупа, своеволія и пьянства.*" [195]).

Чтобъ придать вѣроятіе этимъ словамъ, онъ велѣлъ мнимымъ англичанамъ писать къ нему изъ Лондона письма, исполненныя грубою клеветою на британскую націю: „Ничто не можетъ сравниться съ злоупотребленіями при нашихъ выборахъ. По этому случаю было убито болѣе сорока человѣкъ въ различныхъ частяхъ королевства. Выборы наши похожи на сатурналіи, но на сатурналіи кровавыя.... У кого больше денегъ, тотъ можетъ быть увѣренъ въ большинствѣ голосовъ, и проч." [196]) Въ томъ же журналѣ помѣщались этюды объ англійскомъ правительствѣ, имѣвшіе цѣлью показать, что оно

---

[194]) Монитеръ 8 августа. *Прим. автора.*
[195]) Монитеръ 23 іюля. *Прим. автора.*
[196]) Монитеръ 30 іюля. *Прим. автора.*

не имѣло другаго основанія кромѣ подкупа [197]). Онъ разсматриваетъ англійскій бюджетъ для доказательства разоренія и близкаго банкротства этой страны: „Какая разница, восклицаетъ онъ въ видѣ заключенія:—между народомъ, *который дѣлаетъ завоеванія изъ любви къ славѣ и народомъ-купцомъ, который становится завоевателемъ.*"

Бонапарте организовалъ спеціальную прессу, которой было поручено исключительно оскорблять Англію и громить ея правительство. Онъ употреблялъ для этого и жалкаго Баррера, снизошедшаго до роли полицейскаго шпіона, и Фьеве, присылавшаго ему статьи для *Меркурія*, независимо отъ мрачныхъ, неопредѣленныхъ, хотя иногда и не лишенныхъ остроумія писемъ. Онъ употреблялъ для этого также эксцентрическихъ и заблудшихъ людей какъ Монлозье, людей на все способныхъ, какъ Меге или Бовоазенъ, котораго посылалъ въ Англію писать пасквили и вмѣстѣ тайные доносы объ эмигрантахъ, наконецъ ренегатовъ какъ Гольдсмитъ, который, убѣжавъ во Францію отъ кары закона, издавалъ на англійскомъ языкѣ *Argus*, и за деньги извергалъ оскорбленіе и позоръ на свою родину. Но этихъ мѣръ не достаточно было Первому Консулу, онѣ не уменьшали его гнѣва, ибо статей этихъ не читали, а публика, жадная до всѣхъ нападеній на его власть, не обращала ни малѣйшаго вниманія на эти подкупленные отвѣты. Въ Европѣ былъ единственный уголъ, гдѣ могли свободно критиковать его дѣйствія и его особу — и что невыносимѣе самыхъ оскорбленій, говорить ему правду, ему, *передъ которымъ*, по выраженію брошюры Фонтана, *безмолвствовала вся вселенная;* въ цѣломъ мірѣ онъ не видѣлъ ничего кромѣ этого единственнаго уголка, гдѣ осмѣливались еще бравировать его, и онъ не могъ отвести глазъ отъ этого мѣста. Онъ хотѣлъ уничтожить его. Кто желаетъ

---

[197]) Монитеръ 1 сентября, извлеченіе изъ Меркурія.

Прим. автора.

имѣть понятіе о его отчаяніи, тотъ пусть только вспомнитъ страшный припадокъ гнѣва, въ который повергли его парижскіе журналы во время запроса Дюмоляра по поводу занятія Венеціи въ 1797. А съ тѣхъ поръ сколько выиграно сраженій, какой сдѣланъ исполинскій шагъ не только къ верховной власти, но и къ господству надъ цѣлою Европою. Онъ считалъ теперь себя какъ бы накануне овладѣнія всѣмъ континентомъ, ему казалось, что можно только протянуть руку, и онъ захватитъ скипетръ старинной За́падной имперіи; и всѣ эти, столь хорошо задуманные планы для достиженія желанной развязки — подвергались обсужденію, анализу и выводились на свѣтъ бдительною, дѣятельною прессою, кото-ра́я проникала всюду. Его гнусныя продѣлки съ слабыми народами, лицемѣрные захваты, прикрытые ложью *Монитера*, насилія надъ Голландіею, Италіею, Швейцаріею, Испаніею, — его искусныя ухищренія, наконецъ всѣ неожиданности, совершенныя имъ до сихъ поръ и которыя онъ разсчитывалъ совершить въ будущемъ, все это должно было обнаружиться, разоблачиться и объясниться тысячами неумолимыхъ свидѣтелей, проницательные взоры которыхъ неустанно были устремлены на него и голосъ которыхъ могъ быть услышанъ тѣмъ успѣшнѣе, что его нельзя было заглушить громомъ оружія. Здѣсь надобно сказать правду, что, порицая англійскую печать, онъ повиновался не только влеченію непомѣрной гордости, но и логической необходимости; онъ былъ только послѣдователенъ. Политика, которой Бонапарте слѣдовалъ со времени своего консульства, была несовмѣстима съ существованіемъ свободной печати не только во Франціи, но и въ Европѣ. Предположимъ, что писатели каждый день свободно выставляли бы дѣйствія его вступленія въ эти страны, даже не обсуждая ихъ, развѣ дѣйствія эти были бы возможны? Для поддержанія этихъ добытыхъ результатовъ и для достиженія приготовлявшихся, ему необходимо было безмолвіе.

Да, ему необходимо было безмолвіе, и съ тѣхъ поръ какъ онъ убѣдился, что запугиваніемъ онъ не могъ наложить его на Англію, онъ пришелъ къ мысли объявить ей войну. Безъ сомнѣнія онъ не рѣшилъ момента, ибо у него на рукахъ были еще разныя предпріятія, недозволявшія ему немедленнаго разрыва; но со времени неудачи предложеній Отто, проэктъ возобновить войну очевиденъ, и бросая вызовы своему противнику, онъ заблаговременно принимаетъ мѣры предосторожности, предвидя этотъ разрывъ. Съ 26 апрѣля *Мониторъ* заявляетъ, что Первый Консулъ никогда не имѣлъ намѣренія заключить торговый трактатъ съ Англіею; это было только удовлетвореніе за первоначальныя неудачи Отто. Не успѣлъ совершиться послѣдній отказъ лорда Гьюксбюри, онъ обнародуетъ декретъ объ окончательномъ присоединеніи къ Франціи Пьемонта и о. Эльбы (начало сентября), и такъ мало скрываетъ послѣдствія этой мѣры, что, говоря, „что державы не принимаютъ въ этомъ никакого участія,“ онъ пишетъ къ Сенъ-Марсану, „что въ случаѣ надобности онъ готовъ поддерживать войну для обезпеченія владѣнія.“ Тотчасъ же онъ поспѣшилъ упрочить свое господство посредствомъ военныхъ поселеній (17 сентября) — и которое дѣлало завоеваніе болѣе нестерпимымъ, ибо отдавало часть земли иностранцамъ, которые селились насильно среди побѣжденныхъ народовъ. Но мало было конфисковать страну и присоединить народъ, требовалось еще убѣдить Европу, что послѣдніе восторгались этою перемѣною судьбы, и нельзя обойдти молчаніемъ средствъ, употребляемыхъ имъ для распространенія этого мнѣнія. Онъ самъ обратился къ депутатамъ съ о. Эльбы, которымъ поручилъ пріѣхать благодарить его за то, что удостоилъ овладѣть ихъ страною. Бѣдные эти люди, по прибытіи въ Парижъ, весьма стѣснялись назначенною имъ ролью. „Депутаты съ о. Эльбы, писалъ онъ по этому поводу: — будутъ представлены военному министру, который дастъ имъ обѣдъ, представитъ ихъ министрамъ, ге-

нераламъ и проч. *Военный министръ велитъ выдать каждому по три тысячи франковъ*; онъ сообщитъ имъ, что при представленіи 15 числа (Консулу) *они могутъ произнести небольшую рѣчь, въ которой скажутъ объ удовольствіи, ощущаемомъ обитателями о. Эльбы по поводу присоединенія къ Франціи* [198]).

Первый Консулъ не могъ, ни въ какомъ случаѣ не знать, какъ Англіи должно было сильно ненравиться присоединеніе о. Эльбы и Пьемонта; англійскіе уполномоченные нѣсколько разъ объяснялись по этому поводу; но, зная какъ пламенно британское правительство желало сохраненія мира, онъ въ этомъ опасномъ узаконеніи факта, уже существующаго, но еще не получившаго законной силы, видѣлъ лишнее средство устрашать постоянно Англію пугаломъ войны. Ударъ былъ весьма рискованный, ибо это значило уже смѣшивать министерство Аддингтона съ самымъ англійскимъ народомъ, болѣе гордымъ и болѣе щекотливымъ. Къ этой косвенной угрозѣ, которая какъ бы говорила Англіи, что съ этихъ поръ послѣдней нечего мѣшаться въ дѣла континента, Бонапарте присоединялъ еще и тайныя приготовленія, яснѣе выражавшія его намѣренія. Онъ наводнилъ Англію массами всевозможныхъ агентовъ, инженеровъ, статистиковъ, публицистовъ, которые, подъ видомъ агентовъ торговыхъ и подъ предлогомъ положить основанія трактату, — о нежеланіи заключить который онъ уже объявилъ, — изслѣдовали мѣстности, оцѣняли рессурсы, колесили въ особенности по Ирландіи, приготовляя тамъ элементы для возстанія, вскорѣ долженствовавшаго вспыхнуть подъ предводительствомъ Роберта Эмме и Томаса Росселя, изслѣдовали приморскіе берега, замѣчали мѣста, удобныя къ высадкѣ, снимали планы укрѣпленій, промѣряли порты, опредѣляли, при какомъ вѣтрѣ удобнѣе проникнуть въ нихъ военнымъ кораблямъ, и когда

---

[198]) Бонапарте къ Бертье 22 августа 1802 г. *Прим. автора.*

впослѣдствіи англійскій кабинетъ захватилъ и опубликовалъ инструкціи Талейрана одному изъ этихъ агентовъ, Фовеле, консульское правительство упорно поддерживало предъ Европою, что инструкціи эти носили на себѣ характеръ чисто коммерческій и были въ обычаѣ со временъ Кальберта.“ Съ подобною же искренностью онъ намѣренъ былъ объяснить порученіе Себастьяни въ Левантъ, порученіе не менѣе знаменательное и которое относится также къ сентябрю мѣсяцу. Этотъ коммерческій агентъ новаго рода получилъ приказаніе отправиться въ Триполи, гдѣ долженъ былъ склонить на свою сторону бея, потомъ въ Египетъ и Сирію. Въ Александріи поручалось ему „осмотрѣть въ портѣ всѣ военныя англійскія и турецкія суда, опредѣлить ихъ силу, обозрѣть состояніе укрѣпленій.“ Оттуда долженъ былъ отправиться въ Каиръ, повидаться съ главными шейками, замѣтить положеніе окрестныхъ укрѣпленій, состояніе каирской цитадели, говорить всѣмъ, что Бонапарте любилъ египтянъ, желалъ имъ счастья и часто говорилъ о нихъ, и все это, стараясь не скомпрометировать себя. „Ему вмѣнялось предложить *посредничество* Бонапарте между пашою и беями.“ Продолжая это коммерческое путешествіе, Себастьяни имѣлъ отправиться въ Яффу, осмотрѣть тамъ состояніе крѣпостныхъ стѣнъ также какъ въ Газѣ и Іерусалимѣ. Онъ долженъ былъ увидѣться съ Джеззаромъ въ Сенъ-Жанъ-д'Акрѣ, освѣдомиться какія возвелъ онъ укрѣпленія, обойдти ихъ самому и проч.“ [196]) Если изъ подобныхъ инструкцій, сличенныхъ съ тѣми, какія были даны нашимъ агентамъ въ Ирландіи, если изъ словъ французскаго правительства въ его депешахъ и въ *Монитеръ*, если изъ поведенія его относительно Пьемонта, не усматривается задняя мысль начать снова войну, то надобно отказаться отъ самыхъ законныхъ и наиболѣе принятыхъ ис-

---

[199]) Бонапарте къ Себастіани 5 сентября 1802 г.

Прим. автора.

торическихъ выводовъ. Если же Бонапарте, принимая столь открыто угрожающее положеніе, имѣлъ въ виду поддержку мира, то въ такомъ случаѣ пришлось бы отрицать въ немъ всякую политическую способность. Онъ хотѣлъ разрыва, приготовлялся къ этому издалека; но онъ предполагалъ возможность предоставить себѣ выборъ удобной минуты, онъ разсчитывалъ на внушаемый имъ страхъ, чтобы оставаться до конца въ состояніи удерживать бурю или дать ей свободу. Обстоятельство, сильно способствовавшее этому обольщенію, и не мало подвинувшее его на столь смѣлый поступокъ относительно Пьемонта, заключалось въ томъ невѣроятномъ состояніи зависимости, въ какомъ держалъ онъ континентальныя государства посредствомъ улаженія германскихъ вознагражденій.

Люнневильскій трактатъ, уступая намъ Рейнскія провинціи, отнимая Тоскану у Австрійскаго дома для отдачи ее дому Бурбонскому, опредѣлилъ, чтобъ государи, лишившіеся по этому случаю владѣній, были вознаграждены въ Германіи на счетъ церковныхъ владѣній. Операцію эту легко было произвести, такъ какъ духовные владѣтели были избирательны и многіе изъ нихъ умерли въ промежутокъ этого времени: стоило воспротивиться только замѣщенію вакансій. Чрезвычайно было важнымъ и жизненнымъ условіемъ какъ для Германіи, такъ и для самихъ государей, чтобъ раздѣлъ этотъ совершился семейнымъ и дружелюбнымъ образомъ, вмѣсто того, чтобъ прибѣгать къ иностранному вмѣшательству. Но страшная жадность Пруссіи и Австріи, не терпѣливыхъ захватить лучшую часть этой добычи, отчаяніе второ и третьестепенныхъ государей, увѣренныхъ, что ими пожертвуютъ хищности этихъ двухъ державъ, наконецъ положительное отупѣніе, въ которое германскіе дворы пришли отъ подобной алчности — привели къ необходимости посредничества для улаженія всего этого, и германскіе дворы единодушно обратили взоры на Бонапарте, чтобъ ввѣрить ему эту без-

корыстную роль; одна Австрія, будучи лучше руководима опытомъ, стоившимъ ей такъ дорого, предпочитала посредничество Россіи. Бонапарте поспѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ показать свою преданность Германіи. Для того чтобъ усилить довѣріе государей, онъ немедленно постарался пріобрѣсть содѣйствіе императора Александра. Молодость и неопытность послѣдняго ясно говорили, что этотъ монархъ не могъ оказывать господствующаго вліянія въ дѣлѣ подобнаго рода. Благодаря этому могущественному содѣйствію и сообщничеству Пруссіи, которой онъ рѣшился отдать лучшую часть, и, не боясь никакой помѣхи, Первый Консулъ работалъ съ необыкновеннымъ искусствомъ, ловко посѣвалъ раздоры, усиливалъ вражду, возбуждалъ самолюбіе и алчность, говоря безпрерывно о своемъ безкорыстіи, о своемъ рвеніи къ величію и благоденствію Германіи, о своемъ искреннемъ желаніи согласія и единенія. Миротворныя намѣренія его увѣнчались такимъ успѣхомъ, что въ половинѣ августа 1802 г., среди полнѣйшаго мира, при началѣ даже засѣданій Германскаго Сейма, собравшагося въ Регенсбургѣ, Австрія, доведенная до отчаянія, обнажила на половину мечъ и силою заняла Пассау.

Это неопредѣленное и смущенное состояніе Европы, соперничество Пруссіи и Австріи, снисходительная уступчивость Россіи, наконецъ полное одиночество Англіи, естественное послѣдствіе всѣхъ этихъ фактовъ, дозволили Первому Консулу — окончательно присоединить Пьемонтъ, не опасаясь протестовъ, которые во всякое другое время возникли бы по поводу такого дѣла. Успѣхъ, съ какимъ совершилось это присоединеніе, совершенное равнодушіе германскихъ державъ, занятыхъ исключительно раздѣломъ церковныхъ владѣній, подвинули его воспользоваться этимъ счастливымъ обстоятельствомъ для осуществленія своихъ намѣреній относительно Швейцаріи.

Съ уничтоженіемъ правленія Алоиза Рединга, которое пало преимущественно вслѣдствіе низкихъ происковъ нашего повѣреннаго въ дѣлахъ Вернинака [200]), несчастная эта страна, внутренніе раздоры которой систематически поддерживались нашими агентами съ помощью значительнаго вліянія, какое придавало намъ пребываніе нашего оккупаціоннаго корпуса, раздираема была самыми плачевными междуусобицами. Ландманнъ Дольдеръ, котораго Бонапарте допустилъ временно восторжествовать, не по превосходству его политики, но собственно изъ желанія взволновать болѣе Швейцарію, имѣлъ за собою меньшинство націи; онъ былъ неспособенъ продержаться ни одной минуты собственными силами. Даже при нашей тайной помощи онъ едва могъ бороться со своими противниками. Едва онъ успѣлъ утвердиться, какъ у него уже и отняли эту помощь, что впрочемъ случалось со всѣми его предшественниками; но на этотъ разъ — странная вещь!—было объявлено (въ концѣ іюля 1802 г.) объ очищеніи Швейцаріи французскими войсками. Всѣ предлоги, которыми прежде оправдывали мы наше занятіе, имѣли болѣе нежели когда нибудь силы, существенности, правдоподобія; Швейцарія была болѣе нежели когда нибудь раздѣлена, и противники Дольдера открыто подняли противъ него небольшіе кантоны. Столь неожиданное, не предвидѣнное рѣшеніе и столь мало сходное съ прецедентами консульской политики, должно было дать понять швейцарскимъ патріотамъ — что́ затѣвалось противъ ихъ отечества. Первый Консулъ дѣйствительно хотѣлъ прежде нанесенія рѣшительнаго удара, имѣть возможность сказать, что онъ сдѣлалъ все для удовлетворенія и умиротворенія Швейцаріи. Могло ли быть въ этомъ сомнѣніе? Онъ даже рѣшился вывести свои войска. Какимъ образомъ требовать болѣе очевиднаго дока-

---

[200]) *Исторія швейцарской конфедераціи,* Ж. Мюллера, придаетъ этому факту характеръ очевидности. Т. XVII. *Прим. автора.*

зательства его добрыхъ намѣреній? Онъ постарался заявить всей Европѣ эту черту умѣренности. Но онъ не сказалъ въ своемъ заявленіи, что удалялся въ моментъ, когда всѣ партіи были въ сильнѣйшей степени возбуждены другъ противъ друга, благодаря маслу, которое пролилъ онъ на огонь для потушенія пожара, и что онъ оставлялъ власть въ рукахъ партіи, не способной ее сохранить, хотя она и была достаточно сильна чтобъ чинить препятствія. Немедленно по удаленіи нашихъ войскъ, ландманнъ Дольдеръ былъ изгнанъ изъ Берна, а его мѣсто занялъ Мюллиненъ; Дольдеръ поселился въ Лозаннѣ, и въ Швейцаріи вмѣсто одного оказалось два правительства. Демонстрація совершилась, и съ тѣхъ было доказано, что безъ насъ Швейцарія не могла управляться.

Событія эти произошли въ теченіе того же самаго сентября 1802 г., который видѣлъ превращеніе Пьемонта въ шесть французскихъ департаментовъ. Едва прошло два мѣсяца, какъ войска наши получили приказаніе очистить Швейцарію. Немедленно послѣ совершенія предвидѣнныхъ фактовъ, Первый Консулъ приказать Мюлинену, который поспѣшилъ пріѣхать къ нему: „Что пребываніе его въ Парижѣ безполезно, что необходимо принять посредничество Франціи, и что если его принудятъ, тогда Ней вступитъ въ Швейцарію съ тридцатитысячною арміею, а *въ такомъ случаѣ не станетъ Швейцаріи,* что наконецъ пора покончить и что онъ не видитъ средины между швейцарскимъ правительствомъ, дружественнымъ Франціи, или уничтоженіемъ Швейцаріи [201]).

Черезъ нѣсколько дней онъ обратился къ самимъ швейцарцамъ съ прокламаціею, въ которой объявляетъ свою волю спасти ихъ при помощи посредничества: „Правда, говорилъ онъ имъ: я рѣшился не мѣшаться въ ваши дѣла.... но я не долженъ оставаться нечувствительнымъ къ вашимъ злополучіямъ и

---

201) Бонапарте къ Талейрану 23 сентября 1803 г.
Прим. автора.

беру свое рѣшеніе назадъ." Онъ тотчасъ же приказалъ немедленно обезоружить сходки, созвать Сенатъ въ Бернѣ, учредить съѣздъ въ Парижѣ, подъ именемъ совѣщательнаго собранія депутатовъ Сената и всѣхъ гражданъ, занимавшихъ три года высшія мѣста въ центральномъ управленіи, и потомъ прибавилъ: „Жители Гельвеціи! Возродитесь къ надеждѣ! Отечество ваше на краю пропасти, но оно будетъ спасено.... Нѣтъ умнаго человѣка, который не видѣлъ бы, что посредничество, принимаемое мною на себя, — благодѣяніе Провидѣнія.....; пора наконецъ вамъ увидѣть, что патріотизмъ и согласіе вашихъ предковъ основали вашу республику, но что ее непремѣнно погубитъ злой духъ вашихъ партій [202])." Это была почти слово въ слово рѣчь, которую говорилъ онъ испанцамъ въ 1808 году, когда послѣ болѣе гнусной хитрости онъ сдѣлалъ нашествіе на ихъ территорію: „Испанцы! ваша нація погибала, я видѣлъ ваши бѣдствія и явился къ вамъ на помощь... я хочу пріобрѣсти вѣчное право на вашу любовь и признательность... Испанцы, сохраняйте полную надежду и довѣріе, и помните — чѣмъ были ваши отцы [203]). Изъ этого видно, что пріемы этой политики мало разнообразились: въ обоихъ случаяхъ одно и то же насиліе, одно и тоже лицемѣріе; но, къ несчастью, Швейцарія въ 1802 г. не имѣла тѣхъ средствъ сопротивленія, какія имѣла въ 1808 г. Испанія.

Ней стоялъ на границѣ съ трицатьютысячною арміею. Такъ какъ ожидалось покореніе Швейцаріи, то онъ получилъ приказаніе вступить на территорію Союза, сосредоточивая войска и дѣйствуя массами такимъ образомъ, чтобъ быстро раздавить все, что могло противиться его походу. Кромѣ того, ему вмѣнялось въ обязанность издать прокламацію, въ которой онъ долженъ былъ высказать, что „малые кантоны просили

---

[202]) Прокламація 30 сентября 1802 г. *Прим. автора.*
[203]) Прокламація 25 мая 1808 г. *Прим. автора.*

посредничества Перваго Консула, что Сенатъ просилъ его о томъ же, и что Первый Консулъ, будучи тронутъ бѣдствіями, ихъ удручавшими, *уступилъ* просьбамъ швейцарской націи" [204]). Дѣйствительно важно было это засвидѣтельствовать, но легче сказать, нежели увѣрить въ этомъ Европу. Бонапарте не хотѣлъ приводить этого рѣшительнаго аргумента въ своемъ собственномъ манифестѣ. Сами швейцарцы сомнѣвались въ своемъ вкусѣ къ иностранному вмѣшательству, хотя незначительное меньшинство продажныхъ личностей и заблудшихъ демократовъ дѣйствительно призвало этотъ бичъ на свое отечество. Но какимъ образомъ допустить сомнѣніе, въ заявленіе, опирающееся на тридцати тысячахъ штыковъ! Они впрочемъ протестовали, взывали къ державамъ во имя европейскаго равновѣсія, во имя стариннаго гельветическаго нейтралитета, столько разъ гарантированнаго трактатами. Но, какъ и предвидѣлъ Бонапарте, Австрія и Пруссія, оспаривая другъ у друга въ Регенсбургѣ лоскутья нѣмецкой земли, не сказали объ этомъ ни слова, а императоръ Александръ, будучи польщенъ ролью втораго посредника, заставилъ молчать Маркова, хотя послѣдній лучше зналъ опасность и ничтожество этого насмѣшливаго почета. Протестовала одна Англія, хотя и неизмѣримо менѣе была заинтересована въ вопросѣ, нежели континентальныя державы, безопасность которыхъ такъ громко требовала поддержки нейтралитета Швейцаріи. Мерри сообщилъ французскому правительству ноту лорда Гьюксбюри отъ 10-го октября. [205]) Англійскій кабинетъ напоминалъ, что основаніе швейцарскаго нейтралитета было тѣсно связано съ европейскимъ равновѣсіемъ, что Люнневильскій трактатъ, подписанный въ предшествовавшемъ году, торжественно призналъ и гарантировалъ его; что не взирая на все,

[204]) Бонапарте къ Бертье, 15 октября 1802. *Прим. автора.*
[205]) Papers laid before both hauses. *Прим. автора.*

происшедшее въ этой странѣ, англійскій кабинетъ не хотѣлъ вѣрить порабощенію свободнаго народа.

Въ отвѣтъ на эту ноту, все еще весьма умѣренную по формѣ, но болѣе твердую по тону, чѣмъ всѣ бывшія до тѣхъ поръ сообщенія кабинета Аддингтона, Первый Консулъ приказалъ Талейрану написать къ Отто декларацію, неслыханный тонъ которой [206]) доказывалъ, какъ уже Бонапарте былъ увѣренъ въ своемъ вліяніи на Европу, и какое онъ намѣренъ былъ сдѣлать изъ него употребленіе. Такъ какъ англійскій агентъ Муръ, для ободренія швейцарцевъ, сказалъ, что Англія не позволитъ нарушить независимость ихъ страны, Отто имѣлъ приказаніе объявить, что если британское министерство прибѣгнетъ къ какому нибудь заявленію, изъ котораго можно будетъ заключать, что Первый Консулъ не сдѣлалъ того или другаго, потому что ему воспрепятствовали, *то онъ сдѣлаетъ это въ ту же минуту;* касательно же Швейцаріи, что бы тамъ ни говорили — рѣшеніе его неизмѣнно, что Отто никогда не долженъ упоминать о войнѣ, но и не долженъ терпѣть, чтобъ и ему о ней говорили. Наконецъ, какою угрожали намъ войною? Морскою! но коммерція наша представляла еще мало цѣнную добычу. Конечно, порты наши были бы блокированы, но Англія очутилась бы въ блокадѣ въ свою очередь, ибо всѣ европейскія побережья были бы для нея заперты. Ее заставили бы пребывать въ тревогѣ и въ постоянномъ страхѣ нападенія. Безъ сомнѣнія, она будетъ искать союзниковъ въ Европѣ, но если и нашла бы ихъ, то это привело бы къ одному лишь результату — *понудить насъ къ завоеванію Европы.* Первому Консулу было

---

[206]) Отъ 23 октября. Безъ всякаго сомнѣнія, нота эта, какъ и многія другія, была пропущена въ собраніи актовъ, представленныхъ Бонапарте Законодательному Корпусу. Недостаетъ ее также и въ *Корреспонденціи*, въ силу странной системы издателей относительно правъ и обязанностей исторіи. Полагаемъ, что Тьеръ первый познакомилъ съ нею публику. *Прим. автора.*

всего тридцать три года, *онъ уничтожилъ только второстепенныя державы! Кто знаетъ сколько ему нужно времени, чтобъ вновь измѣнить карту Европы и воскресить Западную имперію?*

Слова эти были неосторожнымъ, но точнымъ объясненіемъ его мыслей, которыя давно уже наполняли душу Перваго Консула. Если смотрѣть на нихъ съ дипломатической точки зрѣнія, они были чистымъ безуміемъ, потому что, будучи обращены не къ слабымъ и дрожащимъ отъ страха народамъ, но къ сильной и гордой державѣ, они равнялись немедленной войнѣ, а онъ не хотѣлъ такого скораго разрыва; если же на нихъ смотрѣть какъ на преждевременное выраженіе его будущихъ замысловъ, то они обличали человѣка, чрезвычайно увѣреннаго въ своихъ силахъ, и который преувеличивалъ свое могущество сверхъ всякой мѣры. Правда, къ его услугамъ были два талисмана: одинъ — заключался въ его рѣдкомъ военномъ геніѣ, вспомоществуемомъ націею солдатъ, которой удалось ему привить горячку, пожиравшую его самого; другой заключался въ живомъ еще обаяніи, производимомъ на прочіе народы принципами нашей революціи. Революція не доставляла имъ болѣе свободы, въ чемъ они могли убѣдиться; но она приносила имъ еще нѣкоторыя гражданскія улучшенія, она уничтожала привилегіи, сдѣлавшіяся невыносимыми. Вотъ причина легкости, съ какою Бонапарте могъ уничтожить правительства, существованіе большей части которыхъ было не искусственно. Даже въ Швейцаріи занятіе наше соединяло неоспоримыя блага, съ разнаго рода бѣдствіями, его сопровождавшими; оно уничтожило нѣкоторыя злоупотребленія, напримѣръ господство нѣсколькихъ кантоновъ надъ другими. Но со стороны Бонапарте было страннымъ обольщеніемъ думать, что ему будетъ также легко поработить народъ, какъ опрокинуть правительства, неимѣвшія прочныхъ основаній. Съ удовлетвореніемъ жалобы подданныхъ на монарха и съ уничтоже-

ніемъ злоупотребленій, — оканчивается благодѣяніе; остается только одно иностранное господство со всѣмъ позоромъ, который оно пораждаетъ, и вотъ когда единственно должно начаться истинное затрудненіе, т. е. борьба не съ дряхлыми и легкомысленными правительствами, но съ самыми народами. Слѣдовательно, неизбѣжную эту борьбу надобно было предвидѣть, и еслибы Бонапарте ее предвидѣлъ, онъ никогда не говорилъ бы о завоеваніи Европы, онъ никогда не обольстился бы возможностью льстить себя надеждою совершить въ десять лѣтъ то, что римляне съ трудомъ осуществили въ теченіе многихъ столѣтій между народами древняго міра, не имѣвшими ни малѣйшей солидарности.

Отто былъ умный человѣкъ и чрезвычайно смутился, получивъ подобную ноту; тотчасъ же онъ предусмотрѣлъ гибельныя ея послѣдствія и принялъ на себя отвѣтственность въ непредставленіи ея англійскому правительству, которому вручилъ лишь ея краткое содержаніе въ весьма смягченномъ вкусѣ. Но Британскій кабинетъ тѣмъ не менѣе ясно увидѣлъ, что въ Парижѣ рѣшились не обращать ни малѣйшаго вниманія на его представленія, и вслѣдствіе этого началъ предусматривать случайность разрыва. Лордъ Гьюксбюри выразилъ свой отвѣтъ Отто такою формулою: Состояніе Европы въ эпоху Амьенскаго трактата, и ничего болѣе. Бонапарте приказалъ заявить, что съ того времени ничто не измѣнилось, что мы и тогда, какъ и теперь, занимали Пьемонтъ и Швейцарію. Отказавшись признать республики Итальянскую и Гельветическую, Англія потеряла право вмѣшиваться въ ихъ дѣла. Наконецъ она сама сдѣлала новыя пріобрѣтенія въ Индіи, вслѣдствіе чего окончательно лишалась права жаловаться, и ни въ какомъ случаѣ мы не допустили бы ея вмѣшательства въ пользу Швейцаріи [207]).

Дѣйствительно ничто не измѣнилось, кромѣ того, что мы

---

[207]) Бонапарте къ Талейрану, 4 ноября 1802 г. *Прим. автора.*

привели въ окончательный видъ положеніе вещей, которое предполагалось быть только временнымъ. Депутаты Гельветической республики, избранные подъ покровительствомъ нашихъ штыковъ, т. е. указанные и назначенные Первымъ Консуломъ [208]), прибыли въ Парижъ въ первыхъ числахъ декабря для сообщенія необходимыхъ свѣдѣній своему законодателю.

Относительно ихъ страны Бонапарте давно уже принялъ рѣшеніе. Не будучи въ состояніи вновь начать здѣсь комедію, разыгранную съ Ліонскою Консультою, онъ вознамѣрился удовольствоваться уничтоженіемъ Швейцаріи, какъ независимаго государства. Такъ какъ онъ оказывалъ совершенное равнодушіе къ двумъ мнѣніямъ, раздѣлявшимъ швейцарскихъ патріотовъ, то ему было легко показаться, какъ онъ говорилъ, безпристрастнымъ въ ихъ спорахъ. Лишь бы только Швейцарія была зависимою отъ Франціи и ей покорною, а объ остальномъ онъ мало заботился. Но и самое это обстоятельство натурально склоняло его на сторону федералистовъ, вслѣдствіе стариннаго правила, которое гласитъ, что надобно раздѣлять, чтобъ властвовать. Онъ видѣлъ швейцарскихъ депутатовъ, старался имъ понравиться, принялъ ихъ съ такою любезностью, которая тѣмъ благопріятнѣе повліяла на нихъ, что они пріѣхали въ смущеніи и страхѣ отъ бѣдствій, поразившихъ отечество ихъ; наконецъ онъ нѣсколько часовъ бесѣдовалъ съ ними о перемѣнахъ, необходимыхъ въ ихъ учрежденіяхъ. Въ этой рѣчи, въ продолженіе которой онъ удивлялъ ихъ знаніемъ швейцарскихъ дѣлъ, обиліемъ и силою мыслей, а болѣе еще легкостью, съ какою онъ проникалъ и отвергалъ мысли другихъ, онъ старался въ особенности показать имъ, что географія, исторія и нравы Швейцаріи настоятельно требовали отъ нихъ нѣсколькихъ правительствъ. „Каждый кантонъ долженъ имѣть свою осо-

---

[208]) Ж. Мюллеръ, *Исторія Союза.* Т. XVII. *Прим. автора.*

бенную конституцію и управляться по своему; что же касается до центральнаго правительства, недавніе раздоры доказали его невозможность; необходимо довести его до минимума, если не совсѣмъ уничтожить [209]).

Таковъ былъ смыслъ вводимыхъ имъ измѣненій въ гельветическую конституцію, съ помощью этихъ патриціевъ, которымъ онъ расточалъ столько оскорбленій, пока имѣлъ причины жаловаться на ихъ послушаніе. Онъ далъ имъ понять, что сопротивленіе было безполезно, что если они хотѣли сдѣлать ему необходимыя уступки, то онъ желалъ раздѣлить ихъ съ ними, и большинство приняло предложенныя имъ условія. Они уступили ему устарѣлыя привилегіи верховной власти надъ ленниками, кромѣ того предоставили главное вѣдѣніе надъ центральнымъ правительствомъ, которое было слишкомъ слабо для того, чтобъ отказать ему съ тѣхъ поръ въ чемъ либо; въ замѣнъ, онъ оставилъ имъ вліяніе въ ихъ кантонахъ. Это былъ, за исключеніемъ упомянутыхъ ограниченій, чистый и прямой поворотъ къ старинной конституціи Швейцарскаго Союза. Валисскій кантонъ, раздѣленный на двое нашею военною Симплонскою дорогою, не былъ присоединенъ къ Франціи; хотѣли, чтобъ онъ оставался постояннымъ доказательствомъ нашего уваженія къ принципамъ, и его возвели на степень *независимой республики*. Въ Европѣ ожидали вообще, что Бонапарте въ послѣднюю минуту устроитъ такъ, что ему предложатъ президентство въ Союзѣ, но ничего этого не было. Онъ самъ назначилъ на эту должность гражданина Луи д' Аффри, служившаго Франціи предъ 10 августа. Новая эта почесть, отданная швейцарской независимости, должна была зажать ротъ тѣмъ, которые настаивали, что независимость эта скомпрометирована. Надобно однакоже прибавить, что 2 февраля 1803 г., когда д'Аффри вступилъ въ отправленіе своей должности, главный судья

---

[209]) Рѣчь 11 декабря 1802 г. *Прим. автора.*

Ренье получилъ приказаніе выдать ему 31,000 франковъ. „Сумма эта, писалъ Бонапарте: — *имѣетъ быть взята изъ секретнаго полицейскаго фонда*“ [210]). Въ тотъ же день онъ писалъ къ самому д' Аффри: „Я приказалъ выдать вамъ сумму, которую вы требовали. Я приказалъ также о возобновленіи вамъ пенсіона въ 1000 франковъ, который вы получали. При каждомъ случаѣ я постараюсь доставить вамъ удовольствіе“. Подобныя письма слишкомъ ясно говорятъ о независимости новаго Союза. Впрочемъ съ самими депутатами Бонапарте былъ чрезвычайно откровененъ: онъ объяснялъ имъ прямо, что хотѣлъ быть обладателемъ ихъ страны, потому что это согласовалось съ его политикою. „Европа признала, сказалъ онъ имъ: —что Испанія, Голландія и Швейцарія находятся въ распоряженіи Франціи [211]).“ Въ послѣднее свиданіе онъ заключилъ, какъ и всегда на прощанье, указывая на свою шпагу: „я никогда не потерплю въ Швейцаріи другаго вліянія кромѣ моего, *хотя бы это стоило мнѣ ста тысячъ человѣкъ!*“ [212]) Дѣйствительно, цифра весьма скромная, сравнительно съ двумя мильонами человѣкъ, которыхъ должно было стоить намъ это знаменитое посредничество!

Англійскій Парламентъ открылся 16 ноября 1802 г., когда факты эти еще не совершились, но когда смыслъ ихъ былъ очень ясенъ, ибо Швейцарію наводняли наши войска, а Бонапарте объявилъ, что не потерпитъ вмѣшательства Англіи въ это дѣло. Аддингтонъ не могъ еще отказаться отъ надежды на сохраненіе мира, но видѣлъ, что противъ воли вовлекался въ войну, и тронная рѣчь ясно обнаруживала это расположеніе. Король прямо заявилъ, что, не взирая на все свое мирное настроеніе, онъ не могъ оставаться равно-

---

[210]) Бонапарте къ гражданину Ренье, 2-го февраля 1803 г. *Корреспонденція.* *Прим. автора.*

[211]) Конференція 29-го января 1803 г. *Прим. автора.*

[212]) Ж. Мюллеръ. *Прим. автора.*

душнымъ къ политикѣ государствъ, интересы которыхъ всегда находились въ связи съ интересами Англіи, „и что онъ долженъ заботиться обо всѣхъ перемѣнахъ, какія происходили относительно ихъ условій и обоюдныхъ силъ.“ Вслѣдствіе этого онъ представилъ необходимость принятія мѣръ обезпеченія, даже въ интересахъ самаго мира. Рѣчь эта, хотя и твердая при своей умѣренности, далеко не отвѣчала пылкости и враждебности чувствъ всей націи, которая понимала вызовъ и начинала вносить въ этотъ споръ сосредоточенную, но сильную, глубокую и устойчивую страсть, свойственную англійскому характеру. Въ Палатѣ Лордовъ говорилъ первымъ человѣкъ, который былъ тогда правою рукою и знаменитымъ щитомъ Англіи, Нельсонъ, какъ тотъ, кто пріобрѣлъ наиболѣе правъ поднять перчатку. Онъ говорилъ просто, съ достоинствомъ, и ограничился тѣмъ, что въ краткой и энергической рѣчи высказалъ и необходимость поддержать союзниковъ Англіи, и обязанность сохранить нерушимо честь націи. „Я мирный человѣкъ, сказалъ онъ:—и боюсь бѣдствій войны; но честь наша дороже нашихъ интересовъ — ей мы обязаны уваженіемъ континентальныхъ народовъ, и значило бы купить миръ слишкомъ дорогою цѣною, утративши хоть одинъ атомъ англійской чести [213]).“ Всѣ старинные противники кабинета Аддингтона встали послѣ него въ обѣихъ Палатахъ, для того чтобъ потѣшиться надъ смущеніемъ министра и его неудачею. Вотъ къ чему привелъ этотъ миръ, которымъ онъ такъ гордился, этотъ миръ, подписанный вопреки ихъ предсказаніямъ. Теперь послѣ столькихъ лестныхъ обѣщаній онъ самъ заявилъ о необходимости начать снова войну. Но на чемъ онъ могъ основывать свои фантазіи? Развѣ министры имѣли основаніе надѣяться, что Первый Консулъ каждый день будетъ измѣнять и характеръ и систему? Не сбылись ли ихъ предостереженія? Не ви-

---

213) Гангардъ: *Parliamentary history.* *Прим. автора.*

дѣли ль они во время Лондонскихъ и Аміэнскихъ переговоровъ, какъ онъ утвердился въ Голландіи, овладѣлъ Цизальпинскою республикою, продалъ за хорошія деньги Тоскану и простеръ руку на Пьемонтъ? Могли ли они думать, что присоединеніе Пьемонта не сдѣлается окончательнымъ? Но еще не высохли чернила, которыми былъ подписанъ трактатъ, не остылъ еще сургучъ, которымъ его припечатали [214]), а уже Бонапарте поторопился докончить то, что его такъ снисходительно допустили начать; онъ захватилъ Пьемонтъ и о. Эльбу, овладѣлъ Швейцаріею, упрочилъ свое владычество въ Голландіи, перевернулъ вверхъ дномъ Германскую конфедерацію; недавно еще онъ конфисковалъ Пармское герцогство для того, чтобъ располагать имъ по своему произволу. Неужели во всемъ этомъ не было ничего угрожающаго англійской независимости? Неужели же хотѣли ожидать, пока онъ завладѣетъ всѣмъ континентомъ, и тогда дѣйствовать противъ него? Бонапарте, воскликнулъ Шериданъ, заключилъ договоръ съ французами, они согласны повиноваться ему, но съ условіемъ, чтобъ онъ подчинилъ вселенную ихъ владычеству!

Естественнымъ заключеніемъ этихъ жалобъ было то, что министерство и неспособно и должно выйдти въ отставку, уступивъ мѣсто одному человѣку, который могъ спасти Англію въ этомъ затруднительномъ положеніи. Это былъ — Питтъ. Какъ всѣ истинно великіе характеры, онъ казался еще болѣе великимъ во время общественной опасности, столь роковой для посредственностей, и всѣ взоры начали искать его на мѣстѣ, на которомъ онъ обыкновенно сидѣлъ. Но онъ имѣлъ великодушіе избавить отъ своего присутствія тоѳ пошатнувщееся министерство. Аддингтонъ и друзья его жестоко платились за свои ошибки, во всякомъ случаѣ весьма извинительныя, ибо за желаніе поддержать миръ нечего было имъ краснѣть, и никто не могъ оспорить ни ихъ прямоты,

---

[214]) Рѣчь Гренвиля. *Прим. автора.*

ни ихъ добрыхъ намѣреній. Лордъ Гьюксбюри, лордъ Пельгэмъ и самъ Аддингтонъ защищали кабинетъ: они менѣе старались отрицать законность этихъ жалобъ, какъ показатъ опасность разрыва въ томъ состояніи, въ какомъ находилось ихъ отечество. Англія не должна была начинать войны по поводу континентальныхъ дѣлъ, если самъ континентъ отказывался въ нихъ вмѣшиваться: замѣчаніе весьма справедливое и которое имѣло доказательство въ безполезныхъ усиліяхъ ихъ дипломатіи и въ особенности агента ихъ Мурри склонить Австрію и Россію вступиться за Швейцарію; за всѣмъ тѣмъ они заявляли, что, сохраняя миръ, необходимо было готовиться къ случайностямъ разрыва, сдѣлавшимся возможными.

Единственный вліятельный ораторъ принялъ на себя защиту мира, если не министерства; но это былъ Чарльзъ Фоксъ, который стоилъ цѣлой арміи. Человѣкъ глубоко образованный съ замѣчательными способностями, великодушнаго характера, готовый на все доброе, Фоксъ еще въ началѣ войны Англіи съ Франціею поддерживалъ дѣло французской революціи противъ слѣпой ненависти партіи тори. Даже въ эпоху Террора онъ настаивалъ на этой защитѣ, хоть и сожалѣлъ о злоупотребленіяхъ, запятнавшихъ это дѣло; онъ однакоже оставался вѣренъ ему, не смотря на всѣ странныя перемѣны, съ нимъ совершавшіяся, и теперь вопреки опроверженій, сдѣланныхъ событіями, вопреки предостереженій и отступничества его друзей, которые, какъ Шериданъ, покаялись публично въ своихъ заблужденіяхъ, онъ упорствовалъ, въ силу самаго страннаго обольщенія, видѣть революцію въ Бонапарте. Еще недавно, въ концѣ іюля 1802 г., онъ былъ во Франціи, подобно многимъ знатнымъ англичанамъ [215]). Первый Консулъ, часто не любезный съ иностран-

---

[215]) Тьеръ чрезвычайно интересно разсказываетъ путешествіе Фокса въ Парижъ въ 1801 г. Изъ корреспонденціи Фокса, а также и Лафайет-

цами, которыхъ ему представляли, до такой степени, что обратился къ Эрскину съ наглымъ почти вопросомъ: „Вы *правовѣдъ*, г. Эрскинъ?“—старался, напротивъ, понравиться могущественному вождю виговъ; онъ развернулъ передъ нимъ всю вкрадчивую любезность своего итальянскаго добродушія. Фоксъ однакоже убѣдился въ необыточности нѣкоторыхъ надеждъ, когда присмотрѣлся вблизи къ этому мнимому республиканскому правительству; но онъ затаилъ эту неудачу въ себѣ, ибо ему дорого стоило разстаться съ своими обольщеніями: нѣтъ ни одного письма, которое относилось бы къ его пребыванію въ Парижѣ. Онъ угадалъ глубокую ненависть Бонапарте къ Англіи и малую долю разборчивости, съ какою тотъ судилъ о ней, и напрасно старался разубѣдить Бонапарте въ дѣйствительномъ или мнимомъ предубѣжденіи относительно предполагаемаго сообщничества Питта съ виновниками адской машины — предположенія, столь нелѣпаго въ глазахъ всякаго, кто хоть сколько нибудь зналъ истинный характеръ этой гордой и стоической души.

Несмотря на всѣ эти неудачи, Фоксъ съ упорствомъ продолжалъ быть адвокатомъ Франціи, хотя сдѣлался и не столь щедръ на похвалы Консульскому правительству. Онъ старался въ своей рѣчи показать, что всѣ перемѣны, на которыя жаловались, были необходимо смѣшаны съ тѣми, которыя имѣли мѣсто во время переговоровъ, и слѣдовательно потеряно право—имъ противиться. Никто, прибавилъ онъ, съ большею чѣмъ онъ грустью, не смотрѣлъ на увеличеніе Франціи, но увеличеніе это большею частью совершилось до Аміэнскаго трактата, и не представлялось еще возможности оправдывать войну. Вся его пылкая, сильная рѣчь, но намѣренно не выхо-

---

та, что Фоксъ не выѣзжалъ изъ Англіи до конца іюля 1801 г. *Мониторъ* упоминаетъ о его представленіи Первому Консулу только 2-го сентября того же года. *Прим. автора.*

дившая изъ области общихъ мѣстъ, явно выказывала намѣреніе избѣгать точнаго и строгаго разбора фактовъ. Впрочемъ великій этотъ ораторъ, симпатичная душа котораго сохранила всѣ филантропическія обольщенія XVIII столѣтія въ эпоху столь различную, хотя и столь близкую, былъ мало способенъ управлять людьми, ибо зналъ ихъ очень мало; онъ былъ скорѣе человѣкъ воображенія, нежели дѣла, ему недоставало связи и постоянства, и блестящія способности его были скорѣе литературныя, чѣмъ политическія. Корресподенція его наполнена цитатами изъ древнихъ поэтовъ. Видъ изящнаго произведенія искусства, чтеніе какого нибудь изъ его любимыхъ греческихъ классиковъ — заставляли его въ одно мгновеніе забывать пренія, которыми онъ болѣе всего увлекался. Между тѣмъ его знаменитый соперникъ, работавшій даже во время отдохновенія, лелѣявшій единственную мысль, неспускавшій ни на минуту глазъ съ театра, на которомъ дѣйствовали народы, представлялъ не въ столь блестящемъ и обаятельномъ видѣ, но съ несравненно большею силою — олицетвореніе политическаго ума. Въ основаніи доводовъ Фокса имѣлся только преднамѣренный оптимизмъ, поддерживать который становилось труднѣе и труднѣе. Весь вопросъ заключался въ томъ — было или нѣтъ во всѣхъ послѣднихъ дѣйствіяхъ Бонапарте покушеніе на независимость европейскихъ народовъ, и Фоксъ, оспаривавшій этотъ фактъ съ трибуны, не замедлилъ признать его въ своей корреспонденціи. „Можетъ быть, писалъ онъ Дж. Грею, чрезъ нѣсколько времени послѣ произнесенія своей рѣчи: — можетъ быть я могъ бы дойдти до соглашенія съ вами, что дѣло Швейцаріи — *настоящая причина войны*; но согласитесь со мною, что это не болѣе какъ низкій и лицемѣрный предлогъ невнушительный ни для кого, и что ваша побѣда имѣла бы послѣдствіемъ пріобрѣтеніе Мальты, Капа, Мадраса, однимъ словомъ чего бы то нибыло другаго, а не независимости Швей-

царіи“ [216]). Изъ этого видно, что законность войны онъ оспаривалъ менѣе нежели прямоту намѣреній людей, которые желали ее.

Рѣчь Фокса имѣла огромный успѣхъ на трибунѣ, но не весьма нравилась въ публикѣ. Онъ самъ писалъ своему племяннику около того же времени, что въ Лондонѣ считали его „агентомъ Перваго Консула“ [217]). Это неудовольствіе англійской публики на человѣка, долго бывшаго ея любимцемъ, показываетъ, до какой степени была возбуждена нація. Однако же, потому ли что она удовольствовалась болѣе достойнымъ положеніемъ, которое праняло правительство, потому ли что неудовольствія утишились, движеніе это скоро уступило мѣсто относительному спокойствію. Въ это же время, т. е. къ началу декабря 1802 г., посланникъ Перваго Консула Андреосси прибылъ въ Англію, а англійскій посланникъ, лордъ Уайтвортъ, отправился въ Парижъ. Лордъ Уайтвортъ былъ знатный вельможа, немного холодный и осторожный, но умный, прозорливый, — чему служитъ доказательствомъ его политическая переписка, и человѣкъ испытанной честности.

Хотя, вслѣдствіе всего, что дѣлалось и говорилось съ той и съ другой стороны, обѣ націи и стояли другъ противъ друга на сторожѣ и нѣкоторымъ образомъ съ оружіемъ въ рукахъ, однако оба посланника и въ Лондонѣ и въ Парижѣ были приняты съ необыкновенною любезностью. Въ теченіе декабря и января съ обѣихъ сторонъ существовало молчаливое согласіе не затрогивать раздражительныхъ вопросовъ. Франція не говорила ни объ англійской прессѣ, ни объ очищеніи Мальты, не совершившемся еще по поводу условій

---

[216]) *Memorials and correspondence of Charls Iames Fox*, изд. лордомъ Дж. Росселемъ. Т. III. *Прим. автора.*

[217]) Ibid. Письмо Фокса къ лорду Голланду, 19-го декабря 102 г. *Прим. автора.*

представленныхъ Россіей относительно ея гарантіи, ни объ очищеніи Египта, уже начатомъ, но еще неоконченномъ; Англія въ свою очередь не говорила ни о Голландіи, ни о Пьемонтѣ, ни объ о. Эльбѣ, ни о Пармѣ, ни о Швейцаріи, участь которой впрочемъ находилась въ нерѣшимости. Съ обѣихъ сторонъ, казалось, хотѣли пребывать въ беззаботности, чтобъ воспользоваться послѣдними отблесками мира. Первый Консулъ, который имѣлъ важныя основанія предвидѣть близость разрыва, отрядъ за отрядомъ посылалъ на Сенъ-Доминго въ замѣну экспедиціонной арміи, уничтоженной желтою лихорадкою. Пятнадцать тысячъ человѣкъ отправились въ ноябрѣ и декабрѣ и вскорѣ должны были послѣдовать столько же; онъ способенъ былъ скорѣе погубить десять армій, нежели отказаться отъ завоеванія. Внутри государства онъ никогда не былъ болѣе увѣренъ въ своемъ могуществѣ. Подача голасовъ о пожизненномъ консульствѣ навела на его враговъ столбнякъ и нѣмоту. Воспользовавшись этимъ увеличеніемъ власти, онъ отдѣлался отъ Фуше, полезнаго человѣка, имѣвшаго слабость считать себя необходимымъ, и обнаруживавшаго въ нѣкоторыхъ случаяхъ болѣе проницательности, нежели отъ него требовалось. Деспоты не любятъ орудій, которыя разсуждаютъ. Фуше нанимался, но никогда не отдавался весь, и этого-то въ особенности не могли ему простить. Редереръ, сдѣлавшійся требовательнымъ въ силу самыхъ заслугъ, подвергся немилости въ одно время, также какъ и Бурріеннъ, котораго обвиняли въ продажности— преступленіе, ставшее капитальнымъ только съ тѣхъ поръ— какъ захотѣли отдѣлаться отъ человѣка: настоящая вина его заключалась въ томъ, что онъ часто показывалъ прежнее равенство военной школы и былъ свидѣтелемъ дней юности и бѣдности. Бонапарте былъ много обязанъ этимъ людямъ, но это не могло имѣть вліянія на его рѣшеніе; любимцы его впрочемъ знали объ этомъ. Для утѣшенія себя имъ стоило взглянуть — что дѣлалось въ его собственомъ семействѣ.

Жозефина, которой, несмотря на ея мольбы, онъ отказалъ въ церковномъ бракѣ, и которая имѣла уже серьезные поводы опасаться развода, проводила время въ слезахъ и отчаяніи; Люціанъ находился въ открытой враждѣ съ братомъ за то, что сдержалъ слово, данное испанскому королю; Іосифъ горько жаловался другу своему Міо на поступки Перваго Консула [218]); наконецъ Людовикъ, женатый насильно съ 4 января 1802 г., убивался своимъ печальнымъ приключеніемъ о которомъ самъ разсказываетъ слѣдующимъ образомъ: „Никогда брачная церемонія не была болѣе печальна! Никогда супруги яснѣе не предчувствовали всѣхъ ужасовъ насильственнаго брака!... Въ продолженіе этого союза причинившаго несчастіе всей ихъ жизни, супруги провели вмѣстѣ едва четырѣ мѣсяца! [219]).

Бонапарте былъ тогда въ цвѣтѣ лѣтъ, и крѣпкое сложеніе, хотя и казавшееся слабымъ, но какъ бы поврежденное болѣзнью, полученною еще съ осады Тулона, восторжествовало надъ этимъ недостаткомъ, благодаря искусству Корвизари. Способности его вмѣсто того, чтобъ ослабѣть подъ бременемъ такой обширной власти, нашли въ ней стимулъ, удвоившій ихъ силу и въ особенности усилившій ихъ дѣятельность до ужасающей степени. Эта потребность дѣйствовать во что бы то ни стало, дѣйствовать безъ отдыха, которая преслѣдовала его день и ночь, будила его отъ сна, сдѣлалась съ тѣхъ поръ замѣчательною чертою его природы и стала для него опасною, въ силу стремительности, придаваемой имъ всѣмъ своимъ дѣйствіямъ и въ силу многочисленности предпріятій, къ которымъ онъ прилагалъ ее. Тутъ были всѣ симптомы маніи геніальнаго человѣка, но маніи злой, не излѣчимой, и тѣмъ болѣе страшной, что ничѣмъ

---

[218]) *Записки* Міо де Мелито. *Прим. автора.*

[219]) *Историческіе документы о Голландскомъ правительствѣ*, Людовика-Бонапарте. *Прим. автора.*

нельзя было отвлечь ее отъ него, ибо Бонапарте мало былъ склоненъ къ удовольствіямъ, даже умственнымъ. Онъ имѣлъ необыкновенную способность управлять людьми, возбуждать страсти и внушать чувства, которыхъ самъ не испытывалъ. Этою мощью, равнявшеюся почти околдованію, онъ обязанъ силѣ разсчета и притворства, которою онъ одинъ былъ вооруженъ среди народа самаго безпечнаго и неосмотрительнаго въ мірѣ, который, не смотря на свой умъ, способенъ на быстрыя перемѣны и готовъ даться въ обманъ, не по недостатку проницательности, а по недостатку послѣдовательности въ идеяхъ; среди народа тѣмъ менѣе впрочемъ могшаго разгадать Бонапарте, что онъ не находилъ въ немъ ни малѣйшаго сходства съ нашимъ прежнимъ національнымъ типомъ, у котораго даже самое лукавство всегда соединялось съ нѣкоторымъ благородствомъ и рыцарскимъ великодушіемъ, какъ у Генриха IV, столь популярнаго во Франціи. Все было въ немъ чужое, и его происхожденіе, и способъ видѣть и чувствовать, и характеръ, столь отличный отъ характера его современниковъ, управляемыхъ страстями и общими идеями, которыя не имѣли на него никакого вліянія. Поэтому, для большей части изъ нихъ онъ оставался неразрѣшимою загадкою. Поколѣніе XIX столѣтія не могло ничего понимать въ этомъ современникѣ Цезаря Борджіа. Вотъ откуда присходятъ заблужденія и ошибки, предметомъ которыхъ онъ былъ при жизни, и непонятная ошибочность въ сужденіи о немъ послѣ его смерти. Встрѣчались люди, которые, употребивъ двадцать лѣтъ на изученіе этого характера, такъ же мало понимали поводы, имъ руководившіе, какъ бы они изучали какого нибудь Фараона двадцатой династіи, Онъ болѣе неузнаваемъ подъ этою добродушною, буржуазною маскою, которую они наложили на его умное и строгое лице. Личность его, безъ сомнѣнія, выигрываетъ отъ этого преобразованія, съ точки зрѣнія морали, но много теряетъ съ точки зрѣнія искусства. Такимъ образомъ у этой физіономіи

отымаютъ всѣ оригинальныя и глубокія черты, для того чтобъ придать ей нѣчто посредственное и безвкусное, которое страшно уменьшаетъ въ ней злое величіе; и не говоря уже о слишкомъ попранныхъ правахъ истины, есть нѣчто унизительное для свободныхъ умовъ въ этомъ вѣчномъ, на половину добровольномъ обманѣ.

Какъ ни были чудесны способности этого удивительнаго генія, ему во всякомъ случаѣ не доставало дополненія, безъ котораго самыя великолѣпныя способности приводятъ лишь къ безпорядочнымъ дѣйствіямъ, а именно мѣры — этого великаго регулятора ума человѣческаго, этой высшей гармоніи, въ силу которой владѣетъ собою—вещь въ особенности необходимая для управленія другими — мѣры, высшаго дара, которымъ небо наградило человѣка. По нѣкоторымъ признакамъ, можно уже было видѣть, что этому дивному уму недоставало равновѣсія. Въ немъ преобладала необузданная наклонность стремиться за предѣлы истиннаго, умѣреннаго, возможнаго. Отъ успѣха къ успѣху онъ дошелъ до самаго критическаго момента своей карьеры; онъ достигъ его съ невообразимою быстротою, натягивая пружины до нельзя, насилуя вещи и людей, надрывая свою судьбу; но было ему еще время остановиться на скатѣ, одуматься, умѣрить себя, обратиться къ болѣе вѣрной, болѣе разумной политикѣ. Передъ нимъ лежали двѣ открытыя дороги: отъ него зависѣло избрать или ту, которая вела къ прочной и ровной карьерѣ, или ту, которая вела къ прочности путемъ преслѣдованія безумнаго величія, и этотъ окончательный, неизбѣжный выборъ былъ въ полной зависимости отъ поведенія его относительно Англіи.

Можетъ быть, этому смутному чувству о важности подобнаго рѣшенія, слѣдуетъ приписать страшное молчаніе, послѣдовавшее за грознымъ уже и раздраженнымъ переговоромъ Бонапарте съ англійскою дипломатіею. Какъ бы то ни было, промежутокъ этотъ длился весьма не долго. Въ концѣ

января 1803 г., Талейранъ, по настоянію Перваго Консула, снова запросилъ лорда Уайтворта по поводу нападеній англійской печати — жалоба, принявшая наступательный характеръ по одной уже причинѣ своей настойчивости. Лордъ Уайтвортъ довольствовался на этотъ разъ отвѣтомъ, что буйство этихъ нападеній покрайней мѣрѣ равнялось наглости печати французской, и когда Талейранъ началъ это отрицать съ своимъ холоднымъ и невозмутимымъ безстыдствомъ, которое характеризовало его, англійскій дипломатъ возразилъ ему, что для удостовѣренія стоило раскрыть первый попавшійся французскій журналъ, что и было справедливо [220]). Талейранъ потомъ началъ настоятельно требовать у англійскаго кабинета объявленія намѣреній относительно Мальты. Не смотря на всѣ поводы неудовольствія и недовѣрія къ намъ, правительство это еще было расположено очистить Мальту немедленно, какъ только ему позволятъ преобразованія Ордена и согласіе Россіи съ условіями трактата, но чрезъ три дня послѣ свиданія Талейрана съ Уайтвортомъ, случилось событіе, совершенно измѣнившее эти расположенія. 2 января въ *Монитерѣ* появился рапортъ Себастіани по поводу порученія, даннаго ему Первымъ Консуломъ на Востокѣ.

Рапортъ этотъ, наполненный оскорбительными обвиненіями Англіи и ея арміи, представлялъ родъ весьма явнаго и полнаго исчисленія всевозможныхъ источниковъ и элементовъ, представляемыхъ Востокомъ для вторичнаго завоеванія Египта. Онъ занялъ восемь столбцовъ *Монитера*. Здѣсь имѣлось все для полноты картины—и расположеніе къ намъ народа, и состояніе портовъ, арсеналовъ, крѣпостей, мостовъ и даже *пороховыхъ заводовъ*, и экономическое состояніе страны, и чувство шеиковъ относительно Франціи, и увѣренія и обѣщанія Перваго Консула. Не было ни одной строчки

---

[220]) Лордъ Уайтвортъ къ Гьюксбюри 27-го января 1803 г.

Прим. автора.

въ этомъ рапортѣ, которая не обнаружила бы намѣренія возобновить Египетскую экспедицію. Себастіани не преминулъ даже донести, что генералъ Стюартъ хотѣлъ подвергнуть его убійству, ибо сообщилъ пашѣ прежнюю прокламацію Бонапарте, діаметрально противоположную тѣмъ чувствамъ, какія выражалъ Первый Консулъ. „Я пришелъ въ негодованіе, писалъ онъ по этому случаю:—что военный изъ наиболѣе образованныхъ націй Европы, *унизился до такой степени, что изыскивалъ средство къ убійству подобными способами.*" Онъ приводилъ точныя цифры англійскихъ силъ, а также и турецкихъ, опредѣляя численность обѣихъ этихъ армій въ 16,000 слишкомъ, и увѣривъ, „что это была не армія, а масса людей, дурно вооруженныхъ, дурно дисциплинированныхъ и ослабѣвшихъ, вслѣдствіе злоупотребленія дебошей, сказалъ въ заключеніе: *„Для завоеванія вновь Египта теперь достаточно шести тысячъ французовъ.*"

Вотъ статья, которую съ тѣхъ поръ принято у насъ называть *коммерческимъ рапортомъ* Себастіани. Грозный манифестъ этотъ, обнародованный въ моментъ, когда обѣ державы были глубоко раздражены другъ противъ друга, служилъ военнымъ кликомъ. Онъ сильно подѣйствовалъ на весь англійскій народъ, и министерство Аддингтона, увлеченное всеобщимъ чувствомъ, рѣшительно отказалось отъ своей системы мира во что бы то ни стало. У него потребовали объясненій, и оно само обратилось за объясненіями по поводу обнародованія этого вызывающаго и высокомѣрнаго документа. Оно не старалось болѣе извиняться за неочищеніе Мальты. Теперь само французское правительство должно было объявить, почему оно не очищало ни Голландіи, ни Швейцаріи, ни Пьемонта. Основаніемъ Аміэнскаго трактата служило состояніе владѣній каждой страны въ моментъ подписанія этого договора; онъ былъ основанъ на принципѣ

вознагражденій, и каждое увеличеніе территоріи съ одной стороны, требовало такого же съ другой [221]).

Изъ этой знаменательной перемѣны тона Первый Консулъ могъ судить, что, продолжая запугиванье, онъ достигалъ совершенно противоположной цѣли. Онъ однако же не отказался отъ системы застращиванья, а рѣшился присоединить къ ней методу убѣжденія, и пожелалъ имѣть съ лордомъ Уайтвортомъ личное свиданіе, въ которомъ надѣялся воспользоваться всею силою и всѣмъ обаяніемъ своего ума. Пригласивъ посланника въ Тюильри, вечеромъ 18 февраля, онъ принялъ его весьма радушно и послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ словъ прямо приступилъ къ вѣчнымъ своимъ жалобамъ на Англію, относительно неочищенія Мальты и Александріи, безнаказанности прессы, покровительства Жоржу и другимъ эмигрантамъ. Каждый вѣтеръ, дувшій изъ Англіи, не приносилъ ему, по его словамъ, ничего кромѣ вражды. Онъ не желалъ войны, но не соглашался ни за какую цѣну видѣть дальнѣйшее пребываніе англичанъ въ Мальтѣ; скорѣе допустилъ бы ихъ овладѣть Сентъ-Антуанскимъ предмѣстьемъ. Что касалось Египта, то ему легко было бы завоевать его, но это не стоило труда рисковать войною, потому что рано или поздно онъ долженъ достаться Франціи, вслѣдствіе ли паденія Оттоманской имперіи, или вслѣдствіе какой нибудь сдѣлки съ послѣднею. Потомъ въ чрезвычайно длинномъ монологѣ, которые были ему свойственны, онъ распространился объ опасностяхъ войны съ Англіею, о затрудненіяхъ высадки, о естественной силѣ обѣихъ странъ, онъ сознавался, что относительно этого проэкта было сто шансовъ противъ одного, но что тѣмъ не менѣе онъ былъ готовъ на попытку, если бы его къ тому принудили. Если же, напротивъ, Англія захотѣла бы присоединиться къ нему, то какое счастье ожидало бы ее! Она

---

[221]) Гьюксбюри къ Уайтворту, февраль 1804 г. *Прим. автора.*

вступала въ союзъ съ правительствомъ міра; она имѣла бы все, что льститъ ея самолюбіе: раздѣлъ добычи, раздѣлъ вліянія, коммерческіе трактаты. Для осуществленія этой мечты достаточно было двухъ вещей: обуздать если не англійскую прессу, то покрайней мѣрѣ французскіе журналы, выходившіе въ Лондонѣ, и отказать въ покровительствѣ Жоржу и его сторонникамъ [222]).

Лордъ Уайтвортъ, которому едва удалось сказать нѣсколько словъ во время этого пылкаго и краснорѣчиваго отступленія, отвѣчалъ относительно преимуществъ и увеличенія, упомянутыхъ Первымъ Консуломъ, что Е. Бр. Величество — склоненъ былъ скорѣе къ сохраненію, нежели къ пріобрѣтенію, опровергъ нѣкоторые упреки, напомнилъ поводы недовѣрія и неудовольствія своего кабинета, и какъ онъ началъ говорить о нашемъ недавнемъ увеличеніи территоріи, Первый Консулъ перебилъ его: „*Вы хотите сказать о Пьемонтѣ и Швейцаріи? Но это пустяки! Надобно было предвидѣть это во время переговоровъ; въ настоящее время вы не имѣете права жаловаться...*“ Грозныя эти слова, свидѣтельствующія о слѣпомъ упорствѣ того, кто ихъ произносилъ, были написаны по французски въ депешѣ лорда Уайтворта и выдѣлялись въ ней огненными чертами. Дѣйствительно, остальной разговоръ былъ лишь пустою болтовнею: изъ него остается лишь одно: приглашая Англію къ примиренію, Бонапарте началъ съ заявленія, что съ своей стороны не намѣревался отступиться ни отъ одного изъ своихъ притязаній. Можно изъ этого заключить, что два важные, приведенные факта, были въ его глазахъ не болѣе какъ пустяками. Что же онъ замышлялъ въ будущемъ?

---

[222]) Вотъ вѣрный анализъ отчета, написаннаго Уайтвортомъ въ тотъ же вечеръ и отправленаго на другой день въ Лондонъ. Омеара и Разсказы на о. св. Елены — оспариваютъ, но безуспѣшно точность этого любопытнаго донесенія, каждое слово котораго носитъ на себѣ несомнѣнный отпечатокъ истины. *Прим. автора.*

Какая гарантія возможна была съ нимъ? Фраза „это пустяки“ нѣсколько разъ была повторена во время преній въ англійскомъ парламентѣ, и каждый разъ производила новое впечатлѣніе.

Чрезъ два дня послѣ этого разговора новая неожиданность, болѣе серьезная, чѣмъ всѣ предшествовавшія, упала на англійскаго посланника [223]). *Монитёръ* напечаталъ ежегодные отчеты о положеніи Республики Законодательному Корпусу. Бонапарте восхищался въ немъ по обыкновенію всѣми знаменитыми дѣлами, совершенными имъ въ теченіе года, потомъ, переходя къ внѣшнимъ нашимъ сношеніямъ, объявлялъ о концѣ нашего посредничества въ Германіи и о распредѣленіи вознагражденій, сдѣланномъ въ видахъ удовлетворенія всѣхъ державъ. Послѣ онъ останавливается на Англіи:

„Въ Англіи, говоритъ онъ: — власть оспаривается двумя партіями: одна заключила миръ и, повидимому, рѣшилась поддерживать его; другая поклялась въ неумолимой ненависти къ Франціи. Вотъ причина колебанія въ мнѣніяхъ и совѣтахъ, и этого положенія въ одно и тоже время мирнаго и угрожающаго. Пока продолжится эта борьба партій, *есть мѣры, которыя благоразуміе предписываетъ правительству республики; пятьсотъ тысячъ человѣкъ должны быть и будутъ готовы для ея защиты и отмщенія!* Странная необходимость, навязываемая жалкими страстями двумъ націямъ, которыхъ склоняютъ къ миру и одинаковый интересъ и одинаковое желаніе. *Каковъ бы ни былъ въ Лондонѣ успѣхъ интриги, онъ не увлечетъ другіе народы въ новые заговоры, и правительство говоритъ это съ истинною гордостію: Англія*

---

[223]) Тьеръ увѣряетъ, что Первый Консулъ въ концѣ бесѣды съ Уайтвортомъ предупредилъ его о томъ, что имѣло послѣдовать. Но нѣтъ ни малѣйшаго слѣда о подобномъ существенномъ фактѣ въ столь точныхъ и подробныхъ донесеніяхъ посланника. *Прим. автора.*

одна никогда не въ состояніи бороться съ Франціею" (20 февраля 1803).

Никогда набатъ, призывающій къ оружію, не производилъ волненія, какое вызвано было въ Англіи этими высокомѣрными и наглыми словами. Здѣсь уже задѣто было не британское правительство, но вся англійская нація получила ударъ въ лицо. Неслыханная вещь, чтобъ, среди мира, глава государства въ публичномъ и торжественномъ актѣ принялъ такой тонъ относительно великой европейской державы, слывшей наиболѣе гордою и наиболѣе щекотливою. Бонaпарте третировалъ ее какъ одну изъ тѣхъ жалкихъ республикъ, которыя по своей слабости отдались въ его распоряженіе; онъ критиковалъ ея правительство, ея устройство, борьбы, составлявшія ея гордость, величіе, жизнь. Наконецъ онъ осмѣлился угрожать ей открыто, устрашать полмильоннымъ войскомъ, недовѣрять возможности ея начать войну, и это недовѣріе, выраженное въ этой грубой и варварской формѣ, собственно для того, чтобъ выказать свои силы, онъ обращалъ прямо къ англійскому народу.

Съ этихъ поръ война сдѣлалась неизбѣжна. Англійскій кабинетъ на угрозы *Отчета* отвѣчалъ посланіемъ короля Георга отъ 8 марта 1803 г., которое извѣщало Палату Общинъ, „что въ виду приготовленій, происходившихъ въ портахъ Франціи и Голландіи, онъ считалъ обязанностью принять новыя мѣры предосторожности для безопасности своихъ владѣній. Правда, что приготовленія эти Франція объясняла какъ цѣль колоніальныхъ экспедицій, но въ силу того, что между его величествомъ и правительствомъ французскимъ существовали очень важныя несогласія, результатъ которыхъ оставался неопредѣленнымъ, его величество рѣшился обратиться къ своимъ вѣрнымъ общинамъ и разсчитывалъ на ихъ содѣйствіе при употребленіи мѣръ, какихъ потребуютъ честь и интересъ англійскаго народа."

Изъ этого видно, что министерство Аддингтона сохранило еще слабую надежду на поддержку мира, котораго нація болѣе не желала, и вмѣсто того чтобъ прямо приступить къ основанію преній, оно взялось только за предлогъ къ нимъ и приняло оборонительное положеніе. Вооруженіе, о которомъ оно говорило, дѣйствительно происходило; экспедиція, готовая къ отплытію въ Луизьяну, снаряжена была въ портѣ Гельветлуи въ Голландіи, и которую Бонапарте могъ безспорно употребить противъ Англіи, и кромѣ того около двадцати судовъ строилось въ голландскихъ военныхъ гаваняхъ [224]). Но не менѣе справедливо, что это былъ только побочный вопросъ предъ взаимными неудовольствіями обѣихъ странъ. Во всякомъ случаѣ можно судить по тону этого посланія, правда ли, что этотъ манифестъ былъ *вызовомъ*, какъ повторяли нѣсколько разъ вслѣдъ за Бонапарте? Онъ объявлялъ о необходимости принять „мѣры предосторожности“ и быть готовымъ къ нѣкоторымъ случайностямъ, но не должно забывать, что это былъ отвѣтъ, и что значитъ подобный тонъ противъ консульскаго манифеста, гласившаго, *что пятьсотъ тысячъ человѣкъ должны быть и будутъ готовы для защиты и отмщенія республики?* Кто былъ причиною подобныхъ демонстрацій? На чьей сторонѣ были осторожность и благоразуміе въ поведеніи, умѣренность и достоинство въ разговорѣ? Если подобный вопросъ долженъ быть разрѣшенъ не по принципамъ безпристрастнаго и просвѣщеннаго ума, а въ силу гнусной рутины народныхъ страстей и предразсудковъ, то надобно молчать и отказаться отъ объявленія исторической истины.

На третій день королевское посланіе было извѣстно въ Парижѣ, и когда въ воскресенье, 13 марта, 1803 г., лордъ Уайтвортъ явился на аудіенцію въ Тюильри, Первый Кон-

---

[224]) Бонапарте къ испанскому королю, 11-го марта 1803 г.

Прим. автора.

сулъ принялъ его со всѣми наружными признаками сильнѣйшаго волненія:—„Итакъ, сказалъ онъ ему:—вы наконецъ рѣшились объявить намъ войну.“—„Нѣтъ, отвѣчалъ посланникъ: — мы весьма чувствительны къ преимуществамъ мира.“—„Мы вели уже войну десять лѣтъ, прервалъ Бонапарте съ возрастающимъ жаромъ:—вы хотите воевать еще пятнадцать лѣтъ, вы меня къ тому принуждаете.“ И, обратившись къ Маркову и Азарѣ [225]), онъ продолжалъ: „Англичане желаютъ войны, но они первые обнажаютъ мечъ, а я послѣдній вложу его въ ножны. Они не уважаютъ трактатовъ, необходимо покрыть ихъ чернымъ крепомъ.“ Онъ возвратился къ Уайтворту. „Зачѣмъ вооруженія? воскликнулъ онъ. — Противъ кого это мѣры предосторожности? У меня нѣтъ ни одного линейнаго корабля въ портахъ! Вы хотите борьбы, я буду биться въ свою очередь. Вы можете убить Францію, но никогда не испугаете ее!“—„Не хотятъ ни того, ни другаго, отвѣчалъ посланникъ:—а желали бы только жить въ добромъ согласіи съ нею.“—„Слѣдовательно, необходимо уважать трактаты! воскликнулъ онъ: — *горе тѣмъ, кто не уважаетъ трактатовъ!*“ [226]).

Нельзя не придти въ крайнее изумленіе, когда подумаешь, что дѣлалъ до сихъ поръ человѣкъ, который съ такою увѣренностью взывалъ къ святости трактатовъ! И это осмѣливался говорить тотъ, кто нарушалъ ихъ одною рукою въ то время, когда другою подписывалъ! Невозможно было сильнѣе кричать: горе мнѣ самому! Эта неприличная выходка, поразившая всѣхъ изумленіемъ, происходила въ присутствіи двухсотъ человѣкъ. До тѣхъ поръ Англія соблюдала выжидательное, пассивное положеніе; 15 марта, резюмируя свои прежнія ноты, она формулировала еще свою политику

---

[225]) Испанскій посланникъ. *Прим. автора.*

[226]) Депеша лорда Уайтворта 14-го марта 1803 г. Всѣ слова Бонапарте приведены по французски. *Прим. автора.*

въ принципѣ состоянія владѣній въ эпоху трактата, но не дѣлая изъ этого абсолютнаго закона, и ни мало не намѣрена была оставлять Мальту за собою, а хотѣла только удержать ее до полученія удовлетворительныхъ объясненій [227]. Андреосси съ своей стороны отвѣчалъ, „*что Франція не только не возрасла въ могуществѣ со времени Аміэнскаго трактата*, но очистила многія страны, *и не пріобрѣла ни малѣйшаго* увеличенія“. Потомъ онъ далъ требуемое объясненіе по поводу рапорта Себастіани, и объясненіе это ограничилось заявленіемъ, что обнародованіе служило отвѣтомъ „на книгу, наполненную страшною клеветою на французскую армію; что Себастіани долженъ былъ думать, что Англія желала объявить войну, ибо не исполняла условій трактата“.

Дипломатическія сношенія обѣихъ державъ нѣкоторое время держались въ этой области повтореній, взаимныхъ жалобъ и безполезныхъ или насмѣшливыхъ объясненій, которыя ничего не могли измѣнить въ развязкѣ, сдѣлавшейся неотвратимою и гибельною. Какъ только Бонапарте прочелъ королевское посланіе, онъ увидѣлъ неизбѣжность войны и принялъ соотвѣтственныя мѣры. Съ 11 марта онъ писалъ ко всѣмъ государямъ съ цѣлью заинтересовать ихъ въ своей распрѣ; онъ послалъ своихъ адъютантовъ Дюрока и Кольберга къ Александру I и Прусскому королю для привлеченія ихъ къ общему съ нимъ дѣлу; онъ издалъ декретъ о сооруженіи флотиліи въ пятьсотъ судовъ и канонирокъ и почти продалъ Луизьяну Соединеннымъ Штатамъ за двадцать четыре мильона. Онъ хотѣлъ поднять весь міръ противъ Англіи, что̀ не мѣшало ему доносить постоянно о стараніяхъ Англійскаго кабинета, съ цѣлью расположить къ себѣ континентальныя державы. Видя малоуспѣшность оскор-

---

[227]) Лордъ Гьюксбюри къ Андреосси, 15-го марта 1803 г.

Прим. автора.

бительныхъ ругательствъ Монитера и своей подкупленной прессы, онъ понуждалъ слабыя государства, считавшіяся независимыми, осыпать проклятіями англійскій народъ для того, чтобъ менѣе подозрительно было оскорбленіе, такъ какъ оно исходило отъ людей безвредныхъ. Такъ по поводу захвата агента Рейнара, Гамбургскій Союзъ долженъ былъ согласиться, вслѣдствіе приказанія, напечатать въ газетѣ этого города статью, присланную изъ Парижа и наполненную самыми оскорбительными выраженіями по поводу посланія англійскаго короля и обращенными къ Парламенту. „Нельзя было сказать объ этомъ актѣ—произведеніе ли онъ безумія, слабости или измѣны... Готовы были спросить себя— не шутка ли посланіе Англійскаго короля, и достоинъ ли подобный фарсъ величія правительства; наконецъ, нѣтъ никакой достаточной причины, которою можно бы оправдать этотъ актъ, и здѣсь могутъ быть только недовѣріе, заклятая ненависть къ Франціи, коварство, желаніе открыто нарушить торжественный трактатъ. При чтеніи этого посланія такъ и переносишься въ тѣ времена, когда вандалы договаривались съ выродившимися римлянами, когда сила замѣняла законъ, и когда призывомъ къ оружію оскорблялись тѣ, кого хотѣли атаковать!“

Дѣйствіе, произведенное этою реторическою статьею, было гораздо сильнѣе, чѣмъ ожидалъ Бонапарте, ибо всѣ немедленно почти узнали, что она была по принужденію напечатана въ Гамбургской газетѣ и прямо исходила отъ Французскаго правительства. Дипломатія, ежедневно почти отличавшаяся подобными продѣлками, неминуемо должна была ускорить срокъ. Англійскій кабинетъ, колебавшійся до того времени, вынужденъ былъ замѣнить чѣмъ нибудь болѣе точнымъ и категорическимъ — неопредѣленныя требованія объясненій, на какія въ отвѣтъ представляли только причины, по которымъ не слѣдовало удовлетворенія. Онъ въ шести слѣдующихъ пунктахъ резюмировалъ свои требованія:

1) Уступка о. Лампедузы [228]), котораго пріобрѣтеніе отъ короля Обѣихъ Сицилій онъ принималъ на себя; 2) занятіе Мальты въ продолженіе десяти лѣтъ въ видахъ гарантіи; 3) очищеніе Батавской республики; 4) очищеніе Швейцаріи; 5) вознагражденіе Сардинскаго короля; 6) при этихъ условіяхъ Англія признаетъ королевство Этрурское и Цизальпинскую республику.

Таковъ былъ результатъ, достигнутый французскимъ правительствомъ посредствомъ устрашеній. Ультиматумъ этотъ былъ объявленъ 26 апрѣля съ твердостью, совершенно неожиданною, послѣ многочисленныхъ доказательствъ долготерпѣнія, представленныхъ министерствомъ Аддингтона; къ этой рѣшимости оно пришло, истощивъ уже всѣ отлагательныя средства и израсходовавъ весь запасъ терпѣнія, дозволеннаго людямъ, заботящимся о чести своего отечества. Оно ни минуты долѣе не могло сохранять власть, неудовлетворивъ національнаго чувства. Посланникъ получилъ приказаніе выѣхать изъ Франціи, если въ теченіе семи дней не будутъ приняты эти условія.

Эта быстрая перемѣна тона произвела неожиданную и полнѣйшую перемѣну ролей. Первый Консулъ, желавшій во что бы то ни стало выиграть время, началъ высказывать „свои миролюбивыя намѣренія.“ Онъ увѣрялъ, „что безъ малѣйшаго затрудненія очиститъ Голландію, какъ только будутъ исполнены условія Аміэнскаго трактата.“ Что же касается Лампедузы, то она никогда не принадлежала Франціи, и не отъ него зависѣла ея уступка [229]). Но такъ какъ онъ не упоминалъ о другихъ пунктахъ ультиматума, то Уайтвортъ отвѣчалъ требованіемъ своихъ паспортовъ. Угрожающее это обстоятельство еще болѣе смягчило Французское

---

[228]) Островъ на Средиземномъ морѣ, близъ Тунисскихъ береговъ, 35 километровъ въ окружности, съ хорошею гаванью.

Прим. перев.

[229]) Талейранъ къ Уайтворту, 2-го мая 1803. *Прим. автора.*

правительство, столь до тѣхъ поръ раздражительное. „Менѣе нежели когда нибудь непонятно, пишетъ ему немедленно Талейранъ, притворившійся, что видитъ во всей этой распрѣ одну лишь Мальту:—какимъ образомъ великая, могущественная и разумная нація можетъ предпринимать войну, послѣдствіями которой будутъ огромныя бѣдствія и причина которой столь маловажна, ибо дѣло идетъ о жалкой скалѣ... Первый Консулъ, привыкшій въ теченіе двухъ мѣсяцевъ ко всякаго рода пожертвованіямъ для поддержанія мира, не откажется отъ способа, который согласовался бы съ интересами и достоинствомъ обѣихъ странъ [230])."

Такимъ образомъ о. Мальта, который недавно, въ глазахъ Бонапарте равнялся овладѣнію Сентъ-Антуанскимъ предмѣстьемъ, былъ теперь не болѣе какъ *жалкая скала!* Предложенный способъ заключался въ мировой сдѣлкѣ относительно Мальты, на которую посланникъ отвѣчалъ, предлагая невозмутимо шесть выше упомянутыхъ пунктовъ (10 мая) и требуя своихъ паспортовъ. Онъ выѣхалъ изъ Парижа 12 мая и дѣлалъ небольшіе переходы, чтобъ предоставить послѣдній шансъ соглашенія, на которое болѣе не надѣялся. Первый Консулъ постарался еще 13 мая найдти средства, которыя дозволили бы отложить дѣло въ долгій ящикъ; онъ поручилъ Андреосси предложить одновременно занятіе Мальты англичанами, и Тореиты французами въ продолженіе десяти лѣтъ: „Чрезвычайно важно, велѣлъ онъ написать ему:—въ случаѣ неудастся это предложеніе, чтобъ Андреосси не дѣлалъ никакого сообщенія, которое оставило бы слѣды, *для того, чтобъ можно было всегда отвергать здѣсь, что правительство могло согласиться на это предложеніе* [231]).

Безполезныя продѣлки! Бонапарте не хотѣлъ слушать о единственныхъ условіяхъ, которыя могли предотвратить раз-

---

[230]) Талейранъ къ Уайтворту, 4-го мая 1803 г. *Прим. автора.*

[231]) Бонапарте къ Талейрану, 19-го мая. *Прим. автора.*

рывъ. Онъ отвергалъ какъ безчестье великодушную, справедливую, умѣренную политику, которая освобождала бы, а не угнетала, замѣнила бы систему завоеваній уваженіемъ къ праву, и господствовала бы вліяніемъ, а не управляла бы съ помощью силы. Онъ одинъ возбудилъ войну изъ мелочнаго мщенія къ неизвѣстнымъ писателямъ, которыхъ покровительствовало благородное гостепріимство англійской націи; онъ возбудилъ ее вопреки мнѣніямъ своихъ совѣтниковъ, не смотря на воспоминаніе о стольскихъ бѣдствіяхъ, еще не заглаженныхъ, не смотря на волю націи, жаждавшей благодѣяній мира... И для отмщенія ничтожной его обиды, милліонамъ людей предстояло болѣе десяти лѣтъ биться, умирать всевозможными смертями, на всѣхъ континентахъ, на всѣхъ моряхъ, и днемъ и ночью, въ пустыняхъ, по горамъ, среди льдовъ, въ пылающихъ городахъ и селахъ, отъ Таго до Невы, отъ Балтики до Тарентскаго залива, въ Италіи, Россіи и даже въ Индіи. И война эта, которую онъ началъ для того, чтобъ принудить Англію къ нарушенію законовъ гостепріимства относительно изгнанниковъ, должна была продолжаться до тѣхъ поръ, пока самъ побѣжденный и изгнанный въ свою очередь, онъ сталъ добиваться, но безуспѣшно, столь оскорбляемаго гостепріимства!

Англія начала непріятельскія дѣйствія немедленно по выѣздѣ посланниковъ съ обѣихъ территорій и, по словамъ *Монитера*, овладѣла двумя кораблями, изъ которыхъ одинъ былъ нагруженъ лѣсомъ, а другой солью [232]). Пользуясь этимъ фактомъ, Бонапарте тотчасъ же выдалъ декретъ объ арестованіи и заключеніи всѣхъ англичанъ отъ осьмнадцати до шестидесятилѣтняго возраста, находившихся во Франціи, которые и были удержаны до конца войны. Предлогъ для оправданія этого неслыханнаго нарушенія народнаго права характеристиченъ не менѣе того, что имѣло совершиться.

---

[232]) *Монитеръ*, отъ 22-го мая 1801 г. *Прим. автора.*

Непріязненныя дѣйствія, на которыя жаловался Первый Консулъ, обвиняя англійскій Кабинетъ въ непрямодушіи, въ сущности слѣдовали за разрывомъ, а не предшествовали ему, ибо совершены были по поводу притязанія Тайнаго совѣта, отъ 16 мая, и послѣ выѣзда нашего посланника. Еще за три дня до этого числа, т. е. 13 мая 1813 г., Бонапарте писалъ Кларке:

„Англійскій посланникъ выѣхалъ изъ Парижа. *Война однакожъ еще не объявлена;* но поведеніе это требуетъ мѣръ предосторожности, о результатахъ которыхъ будетъ постановлено, сообразно съ рѣшеніемъ, какое приметъ англійское правительство. Вслѣдствіе этого Первый Консулъ полагаетъ наложить амбарго на всѣ порты, зависящіе отъ е. в. короля Тосканскаго [233]).“

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ТОМА.

[233]) Такой же приказъ получили—Семонвиль относительно Голландіи и Салигетти касательно Генуэзской республики. Бонапарте къ Кларке, 13-го мая 1803 г. *Прим. автора.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

II ТОМА.